Дневник
историка С.А. Пионтковского
(1927-1934)

*Записи о посещении Луганска в
1930 году с 395 страницы.

Казанский государственный университет
2009

УДК 930(092)
ББК 63.3(2)6-8Пионтковский
Д 54

Д 54 Дневник историка С.А. Пионтковского (1927-1934) /
Отв. ред. и вступ, статья A.J1. Литвина. — Казань: Казан, гос. ун-т, 2009. - 516 с.

ISBN 978-5-98180-720-6

Редакционная коллегия благодарит за финансовую поддержку издания «Дневник историка С.А. Пионтковского (1927-1934)» National Endowment for the Humanities (USA).

Дневник историка С.А. Пионтковского - уникальный исторический источник. Это записи очевидца и участника создания советской исторической науки в 1920 - начале 1930 годов.

Несомненно, книга привлечет внимание не только профессиональных историков, но и широкой читательской аудитории, заинтересованных в изучении понимания событий тех лет, взаимоотношений коллег, создававших первые советские учебники и труды по истории советского общества.

УДК 930(092)
ББК 63.3(2)6-8Пионтковский

ISBN 978-5-98180-720-6

Введение

Дневники как источник личного происхождения всегда привлекали к себе внимание исследователей и читателей. В них непосредственное восприятие современником окружающего его мира, отношения с людьми и властью, сама личность автора дневника, предстающего без прикрас в своих поступках и суждениях. В советское время дневники было вести опасно, но они были и это является одним из свидетельств того, что тоталитарный режим, претендовавший на всеобщий контроль над личностью, не мог осуществить его на практике.

В последние годы увидели свет, опубликованные полностью или частично дневники историков С.Б. Веселовского, Ю.В. Готье, С.С. Дмитриева, Н.М. Дружинина, И.И. Минца, М.В. Нечкиной[1] и др. В публикуемом дневнике Сергея Андреевича Пионтковского 410 машинописных страниц. В них его личные впечатления и переживания в 1927-1934 гг., т.е. времени, когда в стране шла жесткая внутрипартийная борьба за власть и методы социалистического строительства, когда часто «придуманная» властями оппозиция ликвидировалась при помощи судебных процессов над несуществующими партиями («Промпартия», «Союзное бюро ЦК меньшевиков» и др.), когда свирепствовали репрессии и обычным явлением становились «проработки» среди творческой и научной интеллигенции. Рукописи днев-

[1] См.: Дневник Н.М.Дружинина // Вопросы истории. 1995. № 9-12; *Готье Ю.В* Мои заметки. М., 1997; *Веселовский СБ.* Дневники 1915-1923, 1944 годов // Вопросы истории. 2000. № 2; Из дневников С.С.Дмитриева (1906-1991) // Отечественная история. 1999. № 3-6; Дневники академика М.В.Нечкиной // Вопросы истории. 2004. №10-12; *Минц И.И.* Дневниковые и путевые заметки, мемуары // «Из памяти выплыли воспоминания...». Дневниковые записи, путевые заметки, мемуары академика АН СССР И.И.Минца. М., 2007; и др.

ника, по-видимому, не сохранилось, неизвестно также, вел ли Пионтковский дневник до 1927 г. и после 1934 г.

Имя и труды Пионтковского - крупного советского историка были хорошо известны в 1920-х - первой половине 1930-х годов. В 1920 г. Пионтковский был в числе первых девяти членов Истпарта, утвержденных особым постановлением Совнаркома за подписью В.И.Ленина' ., которым поручалось создание истории большевистской партии и Октябрьской (1917 г.) революции. С мая 1921 г. он профессор кафедры истории Коммунистического университета им. Я.М.Свердлова и одновременно заместитель редактора журнала «Пролетарская революция»[3]. В 1922 г. Пионтковский — декан исторического отделения только что открытого в Петрограде Коммунистического научно-исследовательского института.

[2] Бюллетень Истпарта. Госиздат. 1921. № 1. С. 18. В состав Истпарта вошли В.В. Адоратский, Н.Н. Батурин, А.С. Бубнов, В.А. Быстрянский, Н.И. Невский, М.С. Ольминский, С.А. Пионтковский, М.Н. Покровский, Д.Б. Рязанов. Подробнее о создании и деятельности Истпарта см.: *Алексеева Г.Д.* Октябрьская революция и историческая наука в России (1917-1923 гг.). ЗVL, 1968; *она же.* Партийное руководство исторической наукой в переходный период. 1917-1936 гг. (Организация и планирование научных исследований): Автореф. дис. ... д -ра ист. наук. М., 1984; *Городецкий Е.Н.* Ленин основоположник советской исторической науки. М., 1970; *.Литвин А.Л., Циунчук А.Г.* Создание и деятельность Татарского Истпарта (1920-1939) // Историография федосеевских марксистских кружков в Поволжье. Казань, 1972; и др. 1 декабря 1921 г. Истпарт был переведен в ЦК РКП(б) на правах его отдела.

Первый номер журнала «Пролетарская революция» вышел в октябре 1921 г. Своим названием журнал обязан М.Н.Покровскому. Он же стал редактором первых номеров журнала, позже им стал М.С.Ольминский. Издание журнала прекратилось в 1941 г. *{Крылов В.В.* Из истории журнала «Пролетарская революция» (1921-1941) // Советские архивы. 1974. № 3. С.65-72).

Первая большая работа Пионтковского «Октябрьская революция. Её предпосылки и ход», вышедшая тремя изданиями в 1923-1926 гг., переведенная на французский язык, принесла ему известность и была приобретена библиотекой Ленина в Кремле[4]. В 1923-1926 гг. также тремя изданиями выходит составленная им «Хрестоматия по истории Октябрьской революции», в 1925 г. - хрестоматия по истории гражданской войны в России[3]. Одновременно и опять-таки в нескольких изданиях публикуются очерки Пионтковского о февральских днях 1917 г., истории рабочего движения в России[6]. В те годы не было, пожалуй, ни одного крупного исторического журнала в стране, в котором бы систематически не печатались статьи, рецензии и заметки Пионтковского, а также новые, извлеченные из различных архивохранилищ документы с его примечаниями. Только в журнале «Пролетарская революция» в 1921-1929 гг. было опубликовано более двадцати работ Пионтковского[7]. Под редакцией, с его предисловием и примечаниями выходят сборники документов и отдельные публикации[8], мемуары противников большевистской вла-

[4] См.: *Пионтковский С.А.* Октябрьская революция в России. Её предпосылки и ход: Популярно-исторический очерк. М.; Пг., 1923—1926; *Piontkovsky S.A.* Histoire populaire de la Revolution d'Octobre. Paris, 1927; Библиотека В.И.Ленина в Кремле. М., 1961. С.226.

[3] См.: *Пионтковский С.А.* Хрестоматия по истории Октябрьской революции. М., 1923—1926; *он же.* Гражданская война в России (1918-1921 гг.): Хрестоматия. М., 1925.

[0] См.: *Пионтковский С.А.* Февральские дни 1917 года. Л., 1924—1927; *он же.* Краткий очерк истории рабочего движения в России, (с 1870 по 1917 г.). Л, 1925.

' См.: Пролетарская революция: Систематический и алфавитный указатель 1921-1929 гг. М., 1931. С. 148-149.

[8] Советы в Октябре: Сб. документов. М., 1928; Пионтковский в разделе журнала «Материалы по истории контрреволюции» опубли-

сти[9], совместно с И.И.Минцем он редактировал серию «Гражданская война в очерках»[10], вместе с М.Мебелем и В.Невским «Библиотечку по истории народов СССР»[11].

В 1928 г. Пионтковский в качестве делегата с решающим голосом принял участие в работе Первой Всесоюзной конфе-

ковал письмо члена ЦК партии эсеров Н.Д.Авксентьева из Парижа 31 октября 1919 г. к эсерам юга России (Пролетарская революция. 1921. № 1. С.116-122). *Пионтковский С.А.* Предисловие к документу: «Письмо атаману Богаевскому от донского представителя в Крыму полковника Власова» // Пути революции. Казань, 1922. № 1. С. 168-171; *он же.* Предисловие к документу: «Записка директора департамента полиции Лопухина о стачках в июле 1903 г. в Одессе, Киеве, Николаеве» // Красная летопись. 1922. № 4. С.285-395; *он же.* Предисловие к записке С.В.Зубатова «Профессиональное движение в Минске», посланное им в департамент полиции 28 ноября 1901 г. // Красный архив. 1922. Т.1. С. 292-314; *он же.* Предисловие к подборке документов: Уфимское совещание и Временное сибирское правительство // Красный архив. 1933. Т.61. С.58-81; *он же.* Предисловие к документу: «Допрос Е.Пугачева в Москве в 1774—1775 гг.» // Красный архив. 1935. № 69/70. С. 159-237; и др.

[9] См.: Предисловия и примечания Пионтковского к книгам: *Родзянко М.В.* Крушение империи. Л., 1929; *Краснов П.П.* На внутреннем фронте. Л., 1925; *Шульгин В.В.* 1920. Очерки. Л., 1926; и др.

[10] См.: *Корнатовский Н.* Северная контрреволюция. М., 1930; *Пухов А.* Кронштадский мятеж. М., 1931; и др.

[11] См.: *Зельцер В., Гайсинович А.* Дореформенная экономика. Формирование промышленного капитализма и подготовка реформ. Харьков, 1930; *Симонов С.* Пугачевщина. Харьков, 1931; и др. Пионтковский был постоянным рецензентом многих исторических журналов, в основном книг и сборников документов, посвященных революции и гражданской войне в России. В фонде Истпарта и редакции журнала «Пролетарская революция» до сих пор хранятся рукописи нескольких неопубликованных и опубликованных рецензий Пионтковского о вышедшей в Париже книге эсера Ракова, побывавшего в застенках колчаковского режима, воспоминаниях эсера В.Зензинова «Из жизни революционера» (Париж, 1919) и др. // РГАСПИ. Ф.70. Оп.З. Д.941. Л. 3-6; Ф.72. Оп. 3. Д. 984. Л. 1-3; и др. Рукописи написаны красными чернилами.

ренции историков-марксистов, где выступил в прениях по докладу А.М.Панкратовой «Проблемы изучения истории рабочего класса в России». Он предлагал считать рабочими всех, кто выносит на рынок труда свою рабочую силу[12]. Тогда же он был избран членом-корреспондентом Коммунистической академии общественных наук.

В то время труды Пионтковского положительно оценивались в печати[1^]. Г.Лелевич, в ту пору секретарь редакции «Пролетарской революции», писал о первом издании хрестоматии по истории Октябрьской революции: «Книга содержит в себе чрезвычайно большое количество разнообразного и умело подобранного материала, освещающего и классовые группировки, и деятельность правительства, и работу массовых организаций, и борьбу партий, и внешний ход событий». По мнению рецензента, книга была «весьма удачной, если принять во внимание, что это - первый опыт»[14]. Н.Н.Авдеев - в то время один из видных историков большевизма, рецензируя книгу Пионтковского о Февральских днях 1917 г. в стране, отмечал: «... товарищ Пионтковский на немногих страницах сумел дать вполне марксистское систематическое и в то же время популярное описание как причин Февральской революции, так и событий первых её дней»[15].

В 1928-1936 гг. тремя изданиями выходят «Очерки истории СССР XIX и XX веков» - переработанный курс лекций,

[12] См.: Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. 28 декабря 1928 г. -4 января 1929 г. М., 1930. Т.1. С.417-418; Т.2. С.616.

[1J] См. рецензии на книги Пионтковского: *Маевич А.* С.А. Пионтковский. Гражданская война в России: Хрестоматия. М., 1925 // Военный вестник. 1925. № 35. С.62: *Игнатов Е.* Советы в Октябре // Пролетарская революция. 1928. № 10. С.200-202; и др.

[14] Пролетарская революция. 1923. № 8. С. 252.

[15] Пролетарская революция. 1924. № 5. С.236.

прочитанных Пионтковским в Московском университете, Институте красной профессуры, Московском институте истории, философии и литературы им. Н.Г.Чернышевского (МИФЛИ). Тогда же он выступает с обобщающей историографической работой, посвященной критике буржуазных концепций истории России и в качестве одного из авторов участвует в написании четвертого тома истории ВКП(б), изданной под общей редакцией Е.М.Ярославского[16]. В 1934 г. решением ЦК ВКП(б) и правительства СССР Пионтковский вошел в группу историков, которым было поручено составить проспект и стать авторами школьного учебника по истории страны[17].

В конце 1920-х - начале 1930-х годов в связи с разными обстоятельствами стало меняться отношение властей к исторической науке. Теперь руководство страны отказалось от ожидания мировой революции и стало говорить об укреплении социализма в одной, отдельно взятой стране. Если в начале 1931 г. Сталин говорил о том, что Россию непрерывно били за отсталость, то майское 1934 г. постановление ЦК и правительства «О преподавании гражданской истории в школах СССР» указывало на сме-

[1,1] См.: *Пионтковский С.А.* Очерки истории России в XIX-XX веках. Харьков, 1928, 1930; М.; Л., 1935; *он же.* Буржуазная историческая наука в России. М., 1931; История ВКП(б) / Составили Д.Кин, И.Минц, С.Пионтковский, Ем.Ярославский и др.; Под общей ред. Ем.Ярославского. М.;Л., 1930. Т.4.

[1'] Подробнее об этом см.: Историю — в школу: создание первых советских учебников. М, 2008. В состав группы историков по созданию учебника вошли: Н.Н.Ванаг (руководитель), Б.Д.Греков, А.М.Панкратова, С.А.Пионтковский. См. также: Как Сталин критиковал и редактировал конспекты школьных учебников по истории (1934-1936 годы) // Вопросы истории. 2004. № 6. С.3-30; *Дубровский А.М.* Историк и власть. Брянск, 2005. С. 170-304; *Кудряиіов С В.* «Никаких произвольных толкований». Как создавались первые советские учебники по истории // Родина. 2008. №11. С.16-21; и др.

ну курса. Теперь нужно было воспитывать патриотизм и гордость за державу, утверждая: Россия всех била и побеждала.

Замечания Сталина, Кирова и Жданова на проспекты учебников по истории СССР и новой истории означали огосударствление исторической науки. Марксистско-ленинская история в сталинском понимании объявлялась единственной научной правдой о прошлом, а одной из её важнейших функций провозглашалась легитимизация власти Сталина и воспитание в этом духе советских людей. Этому новому курсу предшествовали организационные, идеологические и репрессивные обоснования. В мае 1928 г. Институт Ленина был соединен с Истпартом, в марте 1929 г. был создан Институт истории Коммунистической академии, куда был «влит» Институт истории РАНИОН, в 1931 г. Институты Маркса и Энгельса, Ленина и Истпарт были объединены в Институт Маркса, Энгельса, Ленина (ИМЭЛ) во главе с В.В.Адоратским. С 1925 г. партийные документы хранились в отдельном архивохранилище, что позже привело к созданию партийных архивов, доступ в которые для исследователей был затруднен. Постепенно усиливался партийный контроль за изданием сочинений Ленина и литературы о нем[18]. Менялась направленность создаваемых учреждений. Так, в марте 1930 г. создается историко-партийный институт из реорганизованного Института красной профессуры, для поступления в который требовалось не менее 10 лет пребывания в ВКП(б) и 5 лет стажа практической партийной работы[14]. Во время выборов в Академию наук в 1929 г. большевистское руководство всячески способствовало проведению в состав действительных членов Академии наук пред-

[18] См.: Партийный контроль за изданием сочинений Ленина и литературы о нем в 1924—1937 годах / Публ. док. подготовлена М.В.Зеленовым // Вопросы истории. 2004. №11. С.3-28.

[19] РГАСПИ. Ф.347. On. 1. Д. 6. Л. 1, 57.

ставителей правящей в стране партии[2 ']. Наиболее крупной репрессивной акцией против историков стало тогда '«Академическое дело» 1929-1931 гг., в результате которого были арестованы академики С.Ф.Платонов, Е.В.Тарле и еще более сотни сотрудников академических институтов[21].

В идеологическом плане наибольшее давление на историков оказало письмо Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция»» «О некоторых вопросах истории большевизма», написанное 26 октября 1931 г. и опубликованное тогда во многих исторических журналах. История написания самого «Письма» изучена недостаточно, зато известны результаты его публикации[22]. В нем Сталин, по сути, заявил о себе как единственном интерпретаторе марксизма-ленинизма, продемонстрировал образец того, как возвести политическое обвинение в ранг научных аргументов. Его письмо было воспринято как директива к выявлению «троцкистских контрабандистов» и «фальсификаторов». Положения этого письма о том, что нужно верить не архивным документам, а «делам» партий и их лидеров, вкупе с проводившимися в то время политическими кампаниями «разоблачения буржуазной историографии» и арестами историков,

[20] «Наше положение хуже каторжного». Первые выборы в Академию наук СССР // Источник. 1996. № 3. С. 109-140; и др.

[2']См.: Академическое дело. 1929-1931 гг. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф.Платонова. СПб., 1993; Вып. 2. 4.1-2. Дело по обвинению академика Е.В.Тарле. СПб., 1998.

[22] Пролетарская революция. 1931. № 6; Большевик. 1931. № 19-20; Борьба классов. 1931. № 8-9; и др. Неизвестно, сам ли Сталин писал это послание, рукопись не найдена. Почему объектом его критики стали статьи А.Г.Слуцкого и В.О.Волосевича, опубликованные в журнале «Пролетарская революция»? В архиве Сталина есть правленная им машинопись «Письма». В ней его рукой вписано усиление формулировок. Так, им исправлена фраза: «Обратимся к некоторым фактам из истории» на «Обратимся к наиболее известным фактам из истории» // РГАСПИ. Ф.558. Оn. 1. Д. 2983. Л. 5.

означали решительный отход от научных традиций дореволюционных исторических исследований, полного подчинения трактовки тех или иных исторических событий интересам правящего режима. Прославлению этого «Письма» в самом верноподданическом тоне посвятили свои редакционные статьи все советские исторические журналы. «Гнилой либерализм» и «примиренчество» некоторых историков были осуждены на собрании Институтов Комакадемии, Общества историков-марксистов и в других организациях[23].

В связи с критическими замечаниями вождя в адрес многотомника по истории ВКП(б) были подвергнуты проработке его авторы, в том числе и Пионтковский. В 1928 г. В.Н.Рахметов, сотрудник Института Ленина, упрекал Пионтковского за расхождение с общепринятой схемой исторического развития России, предложенной Покровским и Лениным[24]. К подобной критике, судя по дневниковым записям,

[23] См.: Вестник Коммунистической академии. 1932. № 12. С.40-66; Архив РАН. Ф. 377. Оп. 1. Л. 1-11; и др. Ныне можно говорить, что содержание «Письма» Сталина стало известно историкам до его публикации и само обсуждение часто происходило в атмосфере нетерпимости, критиканства и безнравственности. Сейчас, читая в архивах эти материалы, думаешь о каком-то массовом безумии, охватившем людей в борьбе с мнимым инакомыслием, со стремлением показать свою преданность вождю. Перед журналами ставилась задача превращения в боевые органы «воинствующего большевизма на историческом фронте». Журнал «Борьба классов» обвинялся в публикации немарксистских материалов, а его редактор И.А.Теодорович в «правом уклоне». Журнал «Каторга и ссылка» был закрыт потому, что своей тематикой не вписывался в сталинскую перестройку исторической науки. Эти обсуждения показали, что историки выступали тогда не только как жертвы произвола, но значительная их часть способствовала проведению такового.

[24] *Рахметов В.* Об одном неудачном учебнике по истории СССР. С.Пионтковский. Очерки по истории России в XIX-XX вв. М.. 1928 // Историк-марксист. 1928. № 7. С.223-228. Покровский в декабре 1930 г.

Пионтковский отнесся довольно спокойно: «День за днем, как всегда, почти ничего и нет, о чем вспомнить бы следовало бы, все обыденная работа - лекции, семинары, враги, кто-то ругал мою книгу, я отругивался, кто-то ругает другую, опять буду отругиваться, - все как всегда, и все как обычно». На одну из рецензий отозвался так: «Трудно представить себе что-нибудь более безграмотное. Переврали факты, переврали мысли, приписали то, что я не думал и не писал, и облаяли самым отчаянным образом». Но уже к 1930 г. записи становятся все безнадежнее: «10 лет, как я уже в Москве, пишу книги, а итоги - за 10 лет не выбирают меня ни в одну из академий. Значит, идеологически я еще не превратился в идеолога, не переварился до конца. Историю мою сейчас ругают, говорят, она не ленинская и вообще. А честное слово, вот сейчас я все время перечитывал Покровского, не хваля себя, должен сказать, что все же по сравнению с ним я и в смысле фактов, и в смысле их ос-

писал директору Института Ленина М.А.Савельеву, что положение на «историческом фронте отражает собою положение на политическом фронте». Он подчеркивал, что среди историков есть правые и левые уклоны, а кроме этого индивидуальные сочинения Пионтковского (Исторический архив. 1993. № 4. С.202). Кстати заметим, что в 1928 г. М.В.Нечкина делилась на страницах журнала своими впечатлениями о зачетной сессии студентов-историков 2-го МГУ. Она рассказала, что вывесила на доске объявлений список необходимых работ для сдачи зачета по истории России XIX-XX вв. В нем были указаны и произведения Ленина. Утром её разбудил телефонный звонок студента, сдающего ей зачет: «Там на доске Ваш список вывешен. Нельзя ли Ленина заменить Пионтковским? - Пионтковским? - Да. - Категорически возражаю. Студент недоволен: Но почему нельзя? Ведь Пионтковский в своем курсе про то же пишет» (*Нгчкина М.* Как студенты изучают Ленина // Революция и культура. 1928. № 17. С. 63). В 1934 г. Пионтковский анкетировал студентов-историков 2-го курса и выяснил, что они недостаточно подготовлены в знании произведений Ленина и Сталина, а также специальной литературы. (*Пионтковский С.* Итоги одной анкеты // Коммунистическая революция. 1934. № 4. С.48-54).

вещения, и в теоретическом смысле, конечно, сделал своей книгой шаг вперед в области истории… А что же мне дальше делать? Делать-то, главное, я ничего не умею. Могу читать лекции, писать книги, ходить в кино, а ведь на хозяйственную работу меня не возьмут, на мелкой партийной я не смогу работать, а больше не дадут. Положение трагическое».

Ощущение, что, несмотря на все усилия - искренние и неискренние, на наличие целого массива текстов, подтверждающих не просто его лояльность, но и готовность меняться в соответствии с установками свыше, его не принимают как своего, пронизывает дневниковые записи с 1930 г. Подобная ситуация позволяет вновь задать многократно поднимающийся в историографии вопрос о роли идеологии и дискурса в процессе функционирования советского режима и о предрасположенности режима вступать с собственными гражданами в диалог на языке официальных идеологем. С одной стороны, современные исследования в области советской культуры и политики показывают несомненную заинтересованность советского режима в политике «нового типа», которая была направлена на просвещение масс и формирование сознательного отношения советских субъектов к общественным и политическим процессам.

С другой стороны, в случае Пионтковского мы обнаруживаем попытку «советского интеллигента» интериоризировать язык и культурные установки нового режима, «говорить» с режимом на его языке - и отказ режима вступить в диалог. Таким образом, случай Пионтковского рождает серию вопросов: насколько однородными были политический язык и представления о социализме раннего советского периода; как складывались отношения между предлагаемой властями ортодоксальной интерпретацией социализма и революции 1917 г. и той массой левых интеллигентов, которые, как Пионтковский, пришли к

поддержке большевистского режима, разделяя с ним общий язык социальной революции и справедливости; какова роль внеидеологических инструментов в процессе определения лояльности советскому режиму и, соответственно, включения или исключения отдельных граждан или социальных групп из понятия «советское общество»[25].

В 1928-1930 гг. было разгромлено историческое отделение Академии наук. Идеологическое обеспечение различных «фабрикаций» взяла на себя Коммунистическая академия. Один из первых ударов по старой профессуре нанес Покровский своими историографическими работами и публичными выступлениями[26]. В продолжение кампании по дискредитации историков старшего поколения, которую вели ученики и сторонники Покровского, 19 октября 1930 г. на объединенном заседании секции промышленного капитализма Института истории Коммунистической академии и Общества историков-марксистов выступил Пионтковский с докладом «Великорусская буржуазная историография последнего десятилетия».

[25] Подобные вопросы рассматриваются в кн.: *Вайскопф М.* Писатель Сталин. М., 2001. С.75-79; *Фельдман Д.М.* Терминология власти. Советские политические термины в историко-культурном контексте. М., 2006. С. 35-37; и др.

[20] См.: *Соколов О.Д.* М.Н.Покровский и советская историческая наука. М., 1970. С.219-253; *Черепнин Л.В.* М.Н.Покровский и его роль в развитии советской исторической науки // Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1966. Т. IV. С. 180-198; и др. Особо Покровский нападал на своего учителя В.О.Ключевского. Он считал его устаревшим ученым и полагал анахронизмом его взгляд на восстание декабристов. «Представьте себе историка, - писал Покровский, - который позволил бы себе аттестовать Пушкина как "титулярного советника и камер-юнкера", "позабыв" отметить, что этот человек написал "Евгения Онегина". Какой бы гвалт поднялся во всей русской литературе! А вот Ключевский охарактеризовал приблизительно так Рылеева» (Цит. по: *Соколов ОД.* Указ. соч. С.225).

В то время Пионтковский сам подвергался жесточайшей критике, поэтому использовал любую возможность для демонстрации лояльности властям. Он безжалостно добивал С.В.Бахрушина, Р.Ю.Виппера, Ю.В.Готье, А.А.Кизеветтера, С.Ф.Платонова, М.К.Любавского и других ученых, которые «на всем протяжении революции... защищали интересы собственников». В их работах, которые Пионтковский расценивал «как последнее сопротивление буржуазии, последние судороги мертвеца», он обнаружил «зоологический национализм московских лабазников». «Наша задача, - утверждал Пионтковский, - заключается в том, чтобы помочь им поскорее умереть, умереть без следа и остатка». Доклад Пионтковского одобрили И.Л.Татаров и А.В.Шестаков, отметившие разложение буржуазной исторической науки[27]. Подчеркну еще раз, что призыв «помочь умереть» был направлен против историков, к тому времени уже арестованных по так называемому «Академическому делу» или находившихся в эмиграции. По сути, Пионтковский добивал уже к тому времени поверженных.

1 ноября 1930 г. он записал в дневнике, что вскоре после своего погромного доклада был уволен из Института истории и отправлен на работу в Харьков, повсюду выявлены антисоветские заговоры историков, экономистов и инженеров и ему тяжело...

Гонения на историков усилились после публикации известного письма Сталина в журнале «Пролетарская революция», в котором, помимо непосредственных идеологических и политических задач, формулировалась новая программа исто-

[27] *Пионтковский С.А.* Великорусская буржуазная историография последнего десятилетия // Историк-марксист. 1930. Т. 18/19. С.157-176. Шестаков призывал дополнить галерею портретов академиком Бартольдом - «типичным образчиком великорусского великодержавного шовинизма» // Там же. С. 171.

рических исследований новейшей истории России, ставящая целью переориентацию историков от исследования социально-экономических процессов к политической истории и идеологическим обоснованиям легитимности правящего режима. После этого письма усилились и активизировались чистки кадров историков и политизация исторической науки.

В духе этого «Письма» критика историков приобрела характер политических обвинений, а не научных дискуссий. Характерным в этом плане стала статья о работах Пионтковского, связанная с обвинениями «во всех грехах» авторов IV тома истории ВКП(б) под редакцией Ярославского. Статья начиналась с напоминания, что Пионтковский является одним из авторов этого тома, а завершалась выражением удивления в связи с тем, что он нигде не выступил с развернутой критикой «своих ошибок». О его работах говорилось, что они содержат «систему политических и принципиально исторических ошибок». Он обзывался «троцкистом» и «извратителем ленинской теории перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую в 1905-1917 гг.» и т.д. Вывод авторов статьи: произведения Пионтковского нельзя рекомендовать ни студентам, ни в целом читателям[28].

12 ноября 1931 г. Пионтковский сообщил в дневнике о совещании у Ярославского, на котором обсуждались замеча-

[28] *Толстихина, Миллер.* Бригада ИКП истории. О работах т.Пионтковского // Историк-марксист. 1932. Т.1/2. С.192—200. Авторы выступали от имени Института красной профессуры, их работ по истории обнаружить не удалось. Видимо, такие выпускники ИКП характеризовались, как малокомпетентные в профессиональном отношении люди, оказавшие негативное воздействие на развитие советской исторической науки, внеся в неё воинствующий догматизм и интеллектуальную нетерпимость. *{Соловей В.Д.* Институт красной профессуры: подготовка кадров историков партии в 20-30-е годы //Вопросы истории КПСС. 1990. № 12. С. 98).

ния Сталина и ответ ему Ярославского. «Ярославский рассказал, что с ним об этом беседовал и Каганович, и Сталин. Оба они указали ему, что им всем хорошо известно отношение Ярославского к партии и его личное отношение к Сталину, и все удивлялись, как он мог допустить такие ошибки и указание о том, что Сталин в марте месяце (1917 г.) занимал позиции, аналогичные с Каменевым. Между прочим, из неизданных материалов мартовской конференции известно, что Сталин действительно занимал ошибочные позиции, да и сам он об этом пишет. Ярославский рассказывал, что он признал эти свои ошибки и назвал автором статьи Кина».

Из дневниковой записи Пионтковского 3 февраля 1932 г. видно, в каком отчаянном положении находились в то время он и его коллеги по тому. «До выступления Кагановича на оргбюро и до речи Сталина 5 января на политбюро проработка письма Сталина на практике сводилась к тому, что десятки преподавателей из вузов были сняты и исключены из партии; людей за какие-то ошибочки, сделанные пять лет тому назад, выбрасывали, выгоняли, доводили чуть ли до самоубийства и умопомешательства. Сам Ярославский был доведен до такого состояния, что производил впечатление человека, получившего огромную психическую травму, почти что помешанного. В самом деле, нелепо и дико, - человека, проведшего основную борьбу с Троцким, вдруг провозгласили перед всей партией... троцкистским контрабандистом[29]. Когда я был у него, он сидел в пустой комнате в кабинете ЦКК, подперши голову рукой, и с диким видом смотрел в окно. Более всего меня поразило то, что он не сумел подвести теоретическую базу под всю происходившую

[29] Л.Д.Троцкий считал Ярославского клеветником и фальсификатором истории Октябрьской революции и его собственной деятельности в 1917 г. (См.: *Троцкий Л.Д.* Сталинская школа фальсификаций. М,, 1990. С.33-35 и др.).

проработку и все это объяснял лишь тем, что Сталин недоволен тем, что в четырехтомнике не отведено ему основной* роли, личными мотивами, а не принципиальными»[40].

Пионтковский сообщал, что его, Минца и Эльвова «прорабатывают из номера в номер в "Большевике", дали несколько статей в "Правду"». «Наконец, два дня подряд все мои книжки, статьи, заметки, библиографии прорабатывали в ИКП, нашли тьму ошибок, превратили всю мою десятилетнюю деятельность в одну чернильную кляксу и доказали как дважды два, что я правый оппортунист с меньневистско-троцкистскими загибами. А на Украине дня три тому назад 29 января меня тоже проработали вдрызг. Доказали, что я националист типа Шульгина, антисемит и еще что-то дикое и нелепое». Тогда покаянные письма на имя Сталина написали Ярославский, Баевский, Кин, Минц, Эльвов. Пионтковский не исключал такой необходимости и для себя, но считал «признание мнимых ошибок» крайней неприятностью. Тогда, вероятно, он покаянного письма не написал, во всяком случае, мне об этом неизвестно.

В феврале 1932 г. Пионтковский признавал, что после многочисленных проработок у него появился страх перед аудитори-

[30] П.В.Волобуев в предисловии к кн.: «История и сталинизм» (М., 1991. С.62) опубликовал текст письма академика-философа А.М.Деборина (1881-1963) Н.С.Хрущеву: «В июне 1930 г. тогдашний зав. отделом пропаганды и агитации ЦК (им был А.И.Стецкий. *-А.Л.)* объявил мне, что отныне требуется утвердить один авторитет во всех областях, в т.ч. и в области философии. Этот авторитет - наш вождь Сталин. В связи с этим меня скоро посетили на квартире Митин, Юдин и Ральцевич, которые предъявили мне ультиматум: на публичном собрании я должен разгромить моих учеников, объявив их врагами народа. Самого же Сталина провозгласить великим философом». Деборин отказался и вскоре его ученики Я.Э.Стэн, Н.А.Карев и другие были арестованы.

ей. Он стал бояться выступать перед студентами, полагая, что они начнут искать в его словах различные «уклоны». «При такой проработке, - записывал он в дневнике, - ужасно трудно вести преподавательскую работу. На каждом шагу тебя ловят. У меня сначала было такое чувство, что, когда я открывал рот, из него так и сыпались уклоны, я терял уверенность, а потеря уверенности - это потеря тона в преподавании. Потеряв тон, я уже не преподаватель. Сидеть на кафедре и бояться аудитории, лучше в неё не входить. Аудитория, наоборот, потеряла тон в том смысле, что она потеряла доверие в мой авторитет, и она начинает меня ловить и искать во мне уклоны. Положение дикое и крайне нелепое. Хотя ей сейчас и дан приказ не исключать из партии, а лишь беспощадным образом разоблачать ошибки. Но если из номера в номер будут поминать наши фамилии, если из номера в номер нас будут разоблачать как контрабандистов по всей республике, то здесь количество перейдет в качество и это разоблачение приведет к уничтожению. Надо как-то приостановить поток разоблачений. Письмо в редакцию может помочь в том смысле выведения себя из боя, т.е. в смысле физического сохранения, но не в смысле прекращения разоблачений. Говорят, что я поседел за этот месяц. Черт его знает, уж очень трудно, пробывши 13 лет в партии, согласится с тем, что ты все 13 лет был в партии лишь рупором враждебных классов. Согласится с такой формулировкой — это все равно, что признать себя закоренелым вредителем, социал-фашистом и контрреволюционером. Нет, с этим я никогда не соглашусь».

Совершенно издерганный и измученный беспардонной критикой и проработками, Пионтковский 24 октября 1932 г. записал в дневнике, что все его книги изруганы и заплеваны, его перестали печатать и ему начинает казаться, что вся его жизнь — сплошная ошибка. «Не надо было заниматься историей, не надо было заниматься наукой, не надо было брать как неоспоримое

наследство интеллектуальную работу в области идеологии». И далее следовал образный вывод: «В результате проработок я очутился, как рыба, выброшенная на мель. Превратиться в сухопутное животное я не моïу, а в воду тоже уже не пускают».

Пионтковский продолжал работать, но, видимо, уже без прежней энергии. Во всяком случае, протокол заседания дирекции Института истории 25 февраля 1933 г. зафиксировал, что сборник статей и документов «Октябрь в национальных районах», готовящийся под его руководством, не был представлен. Он подготовил программу для семинарских занятий по историографии, где главной задачей ставил «показать и доказать участнику семинара, привить ему как неотъемлемый взгляд на вещи понятие о том, что история есть определенный вид классовой идеологии, что в исторической форме сформулирована современная политическая программа»[31].

Пионтковский почувствовал себя лучше, когда в 1934 г. побывал на приеме у Сталина в связи с работой над новым школьным учебником по истории СССР. Он вошел вместе с Б.Д.Грековым и А.М.Панкратовой в группу Н.Н.Ванага, которым была поручена разработка проспекта этого учебника (март 1934 г.)[32]. Последняя запись в дневнике датирована 23 марта 1934 г. В ней говорится о вызове на заседание Политбюро ЦК ВЬСП(б) вместе с другими авторами учебников для средней школы; о том, что на заседании председательствовал Молотов, с «отвратительнейшим докладом» выступил А.С.Бубнов и в

[31] Архив РАН. Ф.350. Оп.1. Д.882. Л. 6, 35.

[3i] В архиве Академии наук СССР сохранилась стенограмма заседания Президиума Коммунистической академии 13 марта 1934 г., на котором обсуждалась работа над изданием учебника по истории СССР. А.И.Стецкий, зав. отделом культуры и пропаганды ЦК (1934 г.) говорил о том, что история «совершенно изгнана из нашей средней школы». На вопрос: «Кем изгнана? — ответил, — так случилось само собой в ведомстве Наркомпроса» (Архив РАН. Ф. 350. Оп.1. Д. 906. Л.1).

«благоговейной тишине» прозвучал приговор Сталина: «Учебники никуда не годятся». После этого их вызвал Бубнов, тогда нарком просвещения, и «кричал», кто и какие учебники будет писать../[3] Однако составленный группой конспект учебника вызвал замечания И.В. Сталина, С.М.Кирова и А.А.Жданова, не был утвержден и работы Пионтковского были подвергнуты очередной, еще более разносной критике с прославлениями замечаний партийного руководства.

19 марта 1936 г. Пионтковский прочел, как оказалось, последнюю публичную лекцию в Высшей школе пропагандистов им. Я.М.Свердлова при ЦК ВКП(б). Тогда же она была издана под названием «Крепостническая Россия в борьбе с революцией в Европе».

В 1936 г. нападки на Пионтковского усилились. И.Фролов назвал третье издание «Очерков истории СССР в XIX-XX вв.» (М., 1935) Пионтковского «идеологическим браком», «безответственной», «антинаучной, антиленинской книгой» и «посоветовал» сдать её в архив. Ведь в ней не были учтены руководящие партийные указания историкам, а сам автор входил в группу Н.Н.Ванага, чей проспект учебника так не понравился Сталину. А.Клинов подчеркивал анти-

[33] Об этом совещании см.: *Гуковский А.И.* Как я стал историком // История СССР. 1965. № 6. С.97-98*, Дубровский А.М.* Историк и власть. Брянск, 2005. С. 193—196. П.Н.Милюков бывший лидер кадетской партии и министр Временного правительства, историк, ученик Ключевского, в 1937 г. в журнале «Современные записки» (Париж. № 65) писал: «Для недоучившегося семинариста Сталина теоретические споры и высшие достижения русской историографии были недоступны. Но политическое значение преподавания русской истории он понимал прекрасно». (Цит. по: *Шарапов Ю.П.* Лицей в Сокольниках. Очерк истории ИФЛИ — Московского института истории, философии и литературы имени Н.Г.Чернышевского (1931—1941). М., 1995. С.96).

историзм «Очерков», видел в них иллюстрацию того, что бывает, если не учитывать указания Сталина «в деле поднятия преподавания истории на должную высоту»[34]. Нужно ли говорить, что подобная негативная, оголтелая критика не способствовала исследованиям, а играла свою роль в подготовке физической расправы над многими историками. Наверное, после этих зубодробительных отзывов Пионтковского не покидала мысль о скорой развязке.

В 1936 г. сотрудники вновь образованного Института истории получили задание создать многотомную историю СССР. На эту работу отводилось два-три года. Коллектив историков для создания проспекта многотомника возглавил П.С.Дроздов. В него вошли Е.П.Кривошеина, Д.Я.Кин, С.А.Пионтковский, С.В.Бахрушин. Проспект планировалось представить к 10 сентября 1936 г., составление первых трех

[34] См.: *Вегер В.* Книга, искажающая историю СССР // Большевик. 1936. №7. С. 90-96; *Фролов И.* Безответственная книга // Историк-марксист. 1936. №3. С. 119-137; *Клипов А.* Антиисторический очерк истории СССР // Борьба классов. 1936. № 5. С.117-120; и др. Заметим, что в 1936 г. началась и беспрецедентная критика работ М.Н.Покровского статьями Н.И.Бухарина «Нужна ли нам марксистская историческая наука? (О некоторых существенно важных, но несостоятельных трудах М.Н.Покровского // Борьба классов. 1936. № 2. С.10—19) и К.Б.Радека «Недостатки исторического фронта и ошибки школы Покровского» (Большевик. 1936. № 5. С.53-68; и др.). Подробнее об этом см.: Бранденбергер Д.Л Посмертное убийство Покровского (Прелюдия к публичному "разоблачению" отца советской марксистской историографии, январь 1936 г.) // Отечественная культура и историческая мысль XVIII—XX веков. Сб. ст. и материалов. Брянск, 1999. С. 61—71. Позже были изданы сборники статей: «Против исторической концепции М.Н.Покровского» (М.; Л., 1939) и «Против антимарксистской концепции М.Н.Покровского» (М.; Л., 1940). Бухарин и Радек ко времени издания этих сборников были репрессированы и их статьи не вспоминались.

томов завершить в 1938 г., остальных двух - в 1939 г.[35] Весь этот состав авторов, за исключением Бахрушина, не смог продолжить намеченную работу из-за начавшихся репрессий.

В то время Пионтковский работал и в МИФЛИ, о котором выпускники говорили, как «об островке свободомыслия среди моря догматизма». Приказом по институту Пионтковский был освобожден от работы 10 октября 1936 г., сразу после ареста. Позже ректор института А.С.Карпова каялась: «Я также просмотрела Пионтковского, книгу которого мы не осудили» [36]. Пионтковский был арестован 7 октября 1936 г., расстрелян 8 марта 1937 г. Одновременно с ним и чуть позже такая же участь постигла многих его коллег"[37]. Ему не помогло признание своих ошибок в написании проспекта учебника в январе 1936 г. на собрании Института истории Коммунистической академии, как не помогло оно Ванагу^[8], а Панкратову и Нечкину, выступивших с такими же

JV! См.: *Дубровский А.М.* Историк и власть. С.635-636. П.С.Дроздов (1900-1937) - историк, заместитель редактора журнала «Историк-марксист», заведующий кафедрой истории народов СССР Института красной профессуры. Репрессирован. Реабилитирован.

[36] См.: *Шарапов Ю.П.* Лицей в Сокольниках. С. 6, 140, 141.

[37] См.: *Артизов А.Н.* Критика М.Н.Покровского и его школы. (К истории вопроса) // История СССР. 1991. № 1. С. 102-120; *он же.* Судьбы историков школы М.Н.Покровского (середина 1930-х годов)// Вопросы истории. 1994. №7. С.34-48; *он же.* М.Н.Покровский: финал карьеры - успех или поражение? // Отечественная история. 1998. № 2. С. 124—143; *Хаустов В., Самуэльсон Л.* Сталин, НКВД и репрессии 1936-1938 гг. М, 2009; и др.

[38] Историк-марксист. 1936. Кн. 1. С. 210. А.Г.Авторханов, в середине 1930-х годов учившийся в ИКП, вспоминал, как они встречали новый 1937 г., как он сидел между Ванагом и Фридляндом и произнес тост за своих учителей. «Едва я кончил свой тост, а аплодисменты еще продолжались, как в зал ворвалась группа штатских лиц, набросилась сперва на Фридлянда, а потом и на других партийных профессоров. Надели на них медные наручники и вывели... Через не-

покаяниями, не арестовали, но и им пришлось поволноваться: Панкратовой пришлось выступить с резкой критикой взглядов своего учителя Покровского и отправиться в ссылку, в Саратовский университет[39].

сколько недель мы читали, что Фридлянд и Ванаг хотели "убить" Сталина, а Пионтковский и другие оказались шпионами» (*Авторханов А.* Мемуары // Октябрь. 1992. № 8. С. 143). Авторханов путает даты: Фридлянд был арестован 31 мая 1936 г., Ванаг - 1 июня 1936 г. и потому никак не могли вместе с ним встречать новый, 1937 год. В личном деле слушателя ИКП А.Г.Авторханова говорится, что он поступил учиться в ИКП в 1934 г., рецензию на его вступительные работы написал Ванаг, отметивший: «Авторханов, получив систематическую научную подготовку в ИКП, мог бы стать подлинным научным работником в области истории». В марте 1935 г. Авторханов под научным руководством Пионтковского написал доклад о предпосылках городских восстаний XVIII в. Пионтковский так характеризовал его: «Живой и активный. Может и хочет работать. К работе относится добросовестно. Несомненно растет». Авторханов окончил ИПК в 1937 г. (ГА РФ. Ф. 5143. On. 1. Д. 255. Л. 12-16).

[39] См.: *Сидорова JJ.A.* Анна Михайловна Панкратова // Историческая наука России в XX веке. М., 1997. С.427. В марте 1937 г. в «Правде» под заголовками типа «Об идиотской болезни — беспечности в журнале "Историк-марксист"», «Политическая слепота и беспечность» вышел ряд статей, в которых о многих историках (Ванаге, Фридлянде и др.) писали как о «врагах народа», а их работы именовались «всевозможной белибердой явно контрреволюционного пошиба». 31 октября 1937 г. среди слушателей и преподавателей отделения истории Института красной профессуры, где до этого долгие годы проработали многие из арестованных, с докладом «Методы и приемы вредительской работы на историческом фронте» выступил ученик Покровского и профессор этого института А.В.Шестаков. Смысл его доклада состоял в тезисе: Покровского следует критиковать, а арестованных Ванага, Пионтковского, С.М. Дубровского, С.Г. Томсинского, «обвиненных в терроризме и бандитизме», следует уничтожить как «врагов народа». Шестакова поддержали Нечкина и особенно член партбюро института Пуговкин, заявивший, что все осужденные «выполняли определенный заказ фашизма — вредить в нашей исторической науке». Пуговкин, слушав-

После ареста Пионтковского его книги оказались в спецхранах библиотек, а имя на два десятилетия исчезло со страниц исторических сочинений. Пионтковский был реабилитирован 6 июля 1956 г. После этого произошло возвращение его фамилии на страницы советской историографии, но часть его произведений продолжала оставаться в спецхранах, пока не были реабилитированы Каменев, Зиновьев, Бухарин (1988 г.), и не стало возможным свободно цитировать Троцкого, на произведения которых он ссылался в своих работах начала 1920-х годов. Ученики Пионтковского начали вспоминать своего учителя и посвящать ему свои работы[40].

ший лекции Пионтковского, вспомнил, как на вопрос: где жили славяне? - Пионтковский ответил, по этому поводу существуют разные точки зрения и не важно, кто и где жил. Из этого Пуговкин делал заключение: «Фашисты претендуют на наши территории, а ему все равно, кто где жил». Единственным, кто в выступлении сумел ограничиться собственным покаянием и никак не упомянул имен своих коллег был Б.Д.Греков (ГАРФ. Ф. 5143. Оп. 1. Д. 613. Л. 1-7, 27-43). 5 мая 1937 г. на открытом партийном собрании историков ИКП и руководства исторических журналов обсуждалась сложившаяся ситуация в исторической науке. Руководство журналов каялось в публикации статей «врагов народа». Заместитель редактора журнала «Красный архив» В.В.Максаков (1886-1964) говорил, что в журнале были опубликованы предисловия Пионтковского к подборке документов о 9 января 1905 г. и допросу Е.Пугачева. Максаков признавал, что была допущена «политическая беспечность», так как была издана «вещь, которая имела определенную политическую установку, враждебную нам». (1937 год. Институт красной профессуры. Выступления НМ.Лукина, В.В.Максакова, О.С.Вейланд, Л.ИРыклина. Публикации // Отечественная история. 1992. № 2. С. 135). Так на глазах историков разворачивалась трагедия их коллег.

[40] См.: *Ахалая И.Д.* Революционные комитеты Грузии. Сухуми, 1963. Автор посвятил книгу Пионтковскому. Известный советский историк Е.Н.Городецкий (1907—1993) называл Пионтковского своим учителем, который на своих семинарах сформировал его интерес к истории

Теперь о нем писали как о составителе первого научно-исторического сборника документов об Октябре" 1917 г. (Е.А.Луцкий), исследователе, который дал правильную характеристику «огромной роли руководителя большевистской партии и главы рабочего и крестьянского правительства В.И.Ленина в обеспечении успеха Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде и создания советского государства (М.П. Ирошников). Т.Д. Алексеева, В.М. Водолагин, Е.Н. Городецкий, А.Г. Черных назвали книгу Пионтковского «Октябрьская революция в России. Её предпосылки и ход» первой обобщающей работой в советской историографии начала 1920-х годов на эту тему. Л.В.Черепнин считал верным положение работы Пионтковского «Буржуазная историческая наука в России» (она, увы, изобиловала резкими суждениями и категорическими высказываниями в адрес видных русских историков. - *А.Л.)* о том, что дореволюционная историография в стране к концу 1920-х годов была «загнана в тупик» и умирает, как тот «класс, который она представляет и выражает». Как написанную с марксистских позиций рассматривал книгу историка «Краткий очерк рабочего движения в России» В.Н. Лаверычев. В.В. Мавродин высоко оценивал публикации Пионтковского, посвященные Е.Пугачеву, и называл первой его статьей по историографии крестьянских войн в России, где проводилась мысль о том, что пугачевское восстание отличалось от предшествующих крестьянских выступлений большей организованностью, идеей «буржуазной демократии», сложной идеологией[41].

революции и гражданской войны в России. (Интервью с Е.Н.Городецким // Вопросы истории КПСС. 1987. № 10. С. 108).

[41] *Луцкий Е.А.* Воспроизведение текста декрета «О земле» в советских публикациях // Проблемы источниковедения. М., 1963. T.XI. С.27; *Ирошников М.П.* Создание советского центрального государст-

В современной историографии труды Пионтковского упоминаются наряду с произведениями советских историков 1920-х- начала 1930-х годов, ему посвящено диссертационное исследование, статьи[42]. Разумеется, оценка творческой деятельности Пионтковского ныне рассматривается неоднозначно. Особому критическому рассмотрению подверглись работы Пионтковского, направленные против так называемой буржуазной историографии[4"1]. Ко-

венного аппарата. М., 1967. С.11; *Ачексеева Г.Д.* Октябрьская революция и историческая наука в России (1917-1923). М., 1968. С.165; *Водолагин В.М.* Октябрьское вооруженное восстание в советской исторической литературе. М., 1967. С.29; *Городецкий Е.Н.* Советская историография Великого Октября. 1917 - середина 30-х годов. М., 1981. С. 174; *Черных А.Г.* В.И.Ленин - историк пролетарской революции в России. М., 1969. С.308-309; *Черепнин Л.В.* Утверждение марксистско-ленинских теоретических и методологических основ в советской исторической науке. Крах буржуазной историографии // Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1966. T.IV. С. 164; *Мавродин В.В.* Крестьянская война в России в 1773-1975 гг. ЛГУ, 1961. Т. 1. С. 149; *он же.* Советская историческая литература о крестьянских войнах в России XVII-XVIII веков // Вопросы истории. 1961. № 5. С.31; *Бухараев В.М.* Некоторые вопросы соотношения социалистической и демократической борьбы масс в Октябре в работах С.А.Пионтковского начала 20-х годов // Сб. аспирантских работ. Общественные науки. Казань: КГУ, 1973. С.115-123; и др.

[42] См.: Советская историография. М., 1996. С.169, 187; *Балашов В.А., Юрченков В.А.* Историография отечественной истории (1917 - начало 90-х гг.). Саранск: Изд-во Мордовск. ун-та, 1994. С. 30, 33; *Дубровин В.Ю.* Историк С.А.Пионтковский. Исследование жизни и творчества: Автреф. дис. ... канд. ист. наук. Казань: КГУ, 2002; *Литвин А.Л.* В ряду первых советских историков. С.А.Пионтковский // Вопросы истории КПСС. 1990. № 1. С.119-130; *он же.* Выбор судьбы и судьба выбора // Без права на мысль. Казань, 1994. С.95-121; и др.

[4j] См.: *Кривошеее Ю.В., Дворниченко А.Ю.* Изгнание науки: российская историография в 20-х — начале 30-х годов XX века // Отечественная история. 1994. № 3. С. 149—151; и др.

нечно, с современной точки зрения эти сочинения Пионтковского[44] не делают ему чести.

Пионтковский учился в дореволюционной школе и университете у профессоров, начавших свою научную деятельность в конце XIX в. Но в его дневниковых записях конца 1920-х годов сквозит ненависть к «буржуазным историкам» С.В. Бахрушину, М.М. Богословскому. Исключением для него был его учитель, профессор Казанского университета Н.Н.Фирсов, «изумительный старик», но не марксист... Для Пионтковского историография подразделялась на буржуазную, реакционную и пролетарскую, марксистскую и революционную. По его мнению последние получили от дореволюционной лишь печатный материал да техническое умение оперировать историческими документами. Он полагал, что после октября 1917 г. история стала «боевым орудием пролетариата».

В работах Пионтковского той поры, особенно из текста дневника, видна двойственность поведения историка, его стремление выжить в тех непростых условиях, степень борьбы в нем конформизма и профессионализма, знающего цену себе и окружающим. Он достаточно презрительно относился к нарождавшейся партийной номенклатуре, с ее иерархией и привилегиями. После отдыха в Кисловодске летом 1928 г., где он встречался с её представителями, Пионтковский записал в дневнике: «Партийные сановники не мешаются даже во время отдыха с рядовой партийной шпаной. Ни в одной, пожалуй, стране ари-

[44] *Пионтковский С.А.* Великодержавные тенденции в историографии России// Историк-марксист. 1930. Т.17. С.21-26; *он же.* Великорусская буржуазная историография последнего десятилетия // Историк-марксист. 1930. Т. 18/19. С. 157-170; *он же.* Буржуазная историческая наука в России. М., 1931; *он же.* Борьба М.Н.Покровского с российской буржуазной историографией // Историк-марксист. 1932. №6. С. 85-99.

стократия не поставлена так крепко и в высоко привилегированные условия, как у нас в стране». Его отвращали жестокость и карательная всемогущность часто ничтожных людей, оказавшихся у власти. Там же, в Кисловодске, он случайно оказался свидетелем беседы двух чекистов. Один из них рассказывал с вожделением, как расстреливал в подвале бывших офицеров и ходил, хлюпая, по крови. «Мне стало страшно, - записал историк, - а вдруг он опять начнет кого-нибудь расстреливать...». И описал этого чекиста: «совсем щуплый, жидкий, только в глазах какая-то кровожадная чертовщина».

В своих работах Пионтковский был категоричным, догматичным и конформистским. Он был среди тех, кто создавал тогда историко-партийную науку, кто хотел выжить, но иногда не успевал за быстро меняющейся политической конъюнктурой в стране, иногда же, наоборот, позволял себе излишне категоричные суждения. Таковые очевидны в его рассуждениях и кажущейся классовой ненависти к «буржуазным историкам». Пионтковский в дневниковых записях неоднократно писал об их профессионализме и знаниях, чего не хватает многим коммунистам-историкам. В статье о Покровском, он подчеркивал понимание им того факта, что «марксистская историческая наука не может обойтись без буржуазного наследства, вопрос стоял лишь в том, как использовать это наследство». Он считал огромной заслугой Покровского его борьбу с буржуазной историографией[4^]. Пионтковский резко нападал на тех, кто продолжил традиции Ключевского в создании истории русского народа, а не истории народов СССР[46].

Осудить Пионтковского за подобную историографическую вульгаризацию сейчас нетрудно, также как и за положи-

[45] Историк-марксист. 1932. № 6. С.86; *Пионтковский С.А.* Памяти ученого-революционера // Фронт науки и техники. 1935. № 4. С.7—9.

[4,1] Историк-марксист. 1930. Т. 17. С.26.

тельное отношение к проходящим политическим процессам, в том числе и «Академического дела». Об этом свидетельствуют и его дневниковые записи. Но 7 марта 1931 г., побывав на суде над меньшевиками, он отметил: «слишком большой срепетированности процесс»[47]. Можно, в другие времена, будучи вдалеке от советской действительности, презрительно назвать Пионтковского за публичное отсутствие критики политических процессов «гнусной личностью»[48]. Важнее не судить, а понять, с какой целью и что заставляло Пионтковского это делать в конце 1920-х - начале 1930-х годов. Сразу заметим, что это было время страха перед жестокой государственной машиной, подавляющей любое инакомыслие[49].

Трудно предположить, что Пионтковский, будучи в годы гражданской войны в Поволжье и Сибири, не представлял воочию, что на практике значил красный и белый террор. Но им руководил не только страх. Он хотел сделать научную карьеру

[47] С.А.Пионтковский был недалек от истины. По замечаниям осужденных на процессе Н.Н.Суханова и М.П.Якубовича их роли во время суда были заранее оговорены со следователями ОГПУ. обещавшими им за эти «признания» снисхождение и обманувшими их // *Литвин АЛ.* Судебный процесс над несуществующей партией // Меньшевистский процесс 1931 года: Сб. документов: В 2 кн. М., 1999. Кн. 1. С. 8, 26.

[48] Так назвал его в своих воспоминаниях Н.И.Ульянов *(Дубровский А.М.* Историк и власть. С.129.). Н.И.Ульянов (1904-1985) был учеником Платонова, в 1927 г. аспирант РАНИОН и Института истории Комакадемии. В 1936 г. был арестован и осужден на 5 лет заключения в ИТЛ, с началом Великой Отечественной войны был под Вязьмой, попал в плен, работал в Германии рабочим, по окончании войны жил в Канаде и США, автор ряда работ по истории русского Севера, историографии (Историки России. Биографии. М., 2001. С.758-763).

[49] В 1931 г. драматург А.Н.Афиногенов (1904-1941) написал пьесу «Страх», в которой говорил, что если подвергнуть психологическому обследованию 100 советских граждан, то окажется, что 80 из них действуют под влиянием страха.

и считал, вероятно, что подобными работами доказывает свою не только лояльность, но и преданность властям. Это его не спасло, хотя главным критическим замечанием Сталина, Кирова и Жданова на составленный группой Ванага учебник, одним из авторов которого был и Пионтковский, стало указание на то, что составлен конспект русской истории, а не истории СССР, «т.е. истории Руси, но без истории народов, которые вошли в состав СССР»[50] На него, безусловно, давила склочная обстановка окружающей его среды, подозрительность и доносительство коллег. 4 июля 1931 г. он писал в дневнике: «Упадочное у меня настроение. Никак не могу приспособиться... То начну за правду бороться, то кричать зря, не хватает выдержки, не хватает нервов... Нас ведь историков немного и между нами идет такая борьба, на каждом шагу топим друг друга, обнимаемся в прихожей и наговариваем друг на друга, когда входим в приемную. Атмосфера - дышать нечем». Он часто каялся в том, что выбрал профессию историка.

В такой обстановке раздражение автора любой книги отражается на её содержании. Советские историки в 1920-е - начале 1930-х годов основной задачей считали борьбу с буржуазной и мелкобуржуазной историографией, они полагали себя участниками идеологической борьбы РКП(б) - ВКП(б) за победу марксистско-ленинских, а затем и сталинских идей. Во главе этой борьбы тогда стоял Покровский и его ученики[3'], затем сторонники Ярославского. С 1931 г. руководство исторической наукой перешло к Сталину. Эту тенденцию в

[30] Историю-в школу: создание первых советских учебников. С.121.

[51] Подробнее об этом см.: *Алексеева Г.Д.* Октябрьская революция и историческая наука в России (1917-1923 гг.). С.202-281.

самой одиозной форме и отразил тогда в своих статьях и книге о буржуазной историографии Пионтковский[5-2].

В исторической науке, как и в других научных направлениях, многое решает творческая личность ученого. Его мысль часто звучит диссонансом общему хору, иногда она становится солирующей в этом хоре. Именно отдельные ученые все советские годы решали быть или не быть исторической науке в стране. Пионтковский был сложным и противоречивым человеком, любящим театр, коллекционирующим революционные плакаты и изображения меняющихся советских лидеров. У него были всякие по качеству и содержанию произведения и их невозможно понять без условий, в которых он работал, без его биографической характеристики.

Штрихи к научной биографии Пионтковского

Сергей Андреевич Пионтковский родился 8 октября 1891 г. Его отец, Андрей Антонович Пионтковский, был профессором, известным в свое время юристом[53]. Местом рождения

[52] М.В.Нечкина в книге о Ключевском тоже относит его к буржуазным ученым, а сочинения историка - к кризису буржуазной исторической науки. Она резко критикует позицию Пионтковского, называя её «пролеткультовской» по отношению к Ключевскому (*Нечкина М.В.* В.О.Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974. С.7, 40). В дневнике Нечкина сообщала, что читала в журнале «Историк-марксист» (1930. Т. 17) обсуждение доклада Пионтковского «Великорусская буржуазная историография последнего десятилетия», но своего мнения не высказала (Вопросы истории. 2005. № 5. С.124).

[5j] См.: *Миролюбов Н.И.* Памяти Андрея Антоновича Пионтковского, профессора Императорского Казанского университета. Казань, 1916; *Ажгшов Р.. Бажанов А.* Пионтковский А.А. (1862-1915) // Учен, записки Казан, ун-та. 1961. Т. 121. Кн.7. С.202-207. Семья Андрея Антоновича и Елены Владимировны Пионтковских имела пяте-

С.А.Пионтковского была Одесса, но его детство и юность прошли в Казани, где с 1899 г. кафедру уголовного права в университете занимал его отец. В 1910 г. Сергей Андреевич получил аттестат зрелости за полный восьмилетний курс в 3-й Казанской гимназии, а в 1914 г. окончил историко-филологический факультет Казанского университета с дипломом первой степени и оставлен для приготовления к профессорскому званию по кафедре русской истории[54]. Из его семестровых заявлений видно, что он постоянно посещал лекции видного античника профессора М.М.Хвостова и профессора русской истории Н.Н.Фирсова. Под руководством Фирсова студент 2-го курса Пионтковский пишет свою первую научную работу «Главнейшие общественные течения в России за 1811-1812 гг. и выражение этих течений в публицистических и литературных произведениях того времени» и получает золотую медаль. Позже, рекомендуя своего питомца к оставлению на кафедре, Фирсов напишет: «Личные собеседования С.А.Пионтковского по научным вопросам со мной всегда обнаруживали в нём истинную преданность его своему призванию, как готовящемуся специалисту по русской истории, которой он занимался и занимается с искренним увлечением»[55]. В гимназические и студенческие годы

рых детей: Сергея (1891), Антона (1894), Андрея (1898), Игоря (1902), дочь Евгению (1896).

[54] Национальный архив Республики Татарстан (далее - НАРТ). Ф.1683. Д. 39552. Личное дело С.А.Пионтковского на 27 страницах.

[55] НАРТ. Ф. 977. Д.2364. Л.24. Весной 1914 г. Фирсова вынудили подать в отставку и в университет он вернулся лишь через два года, весной 1916 г. Пионтковский в это время занимался под руководством профессора Д.А.Корсакова, который в отчете за 1915 г. отмечал усердие аспиранта, но находил, что его источниковедческая подготовка оставляет желать лучшего, а также, что «Пионтковский находится под влиянием случайных современных воззрений». (НАРТ. Ф. 977. Оп. 1. Д.2364. Л. 17). Лекции Фирсова слушала и М.В.Нечкина, учившаяся в

С.А.Пионтковский участвовал в различных кружках и был причастен к молодежному движению[56].

1917-1921 гг. на историко-филологическом факультете (потом факультете общественных наук) Казанского университета.

[56] А.Я.Аросев вспоминал: «Мы прослышали, например, что есть еще какая-то организация среди гимназистов. Мы отправились к одному из членов её, С.Пионтковскому. С ним беседовал В.Скрябин (позже В.М.Молотов. *-А.Л.)* и я в какой-то темноватой комнате около кухни в сумеречное время. Пионтковский сидел на сундуке, смотрел на нас сквозь пенсне живыми, острыми глазами... и подробно расспрашивал нас о программе наших занятий. Из разговора этого ничего не вышло, так как оказалось, что и его, Пионтковского, как-то тревожит то положение, что наша организация не отказывалась от революционных практических действий, но вместе с тем составлялась из разнообразных революционно-социалистических элементов». (*Аросев А.Я.* Как мы вступали в революционную работу. М.; Л., 1926. С.66). В 1902-1909 гг. Аросев и Молотов учились в Казанском реальном училище. В 1905 г. они были членами «Соединенной группе учащихся средних школ г.Казани». Казанский полицмейстер 11 марта 1912 г. докладывал в канцелярию губернатора, что студенты Н.Н.Столов и С.А.Пионтковский были организаторами сходки, которая собралась в университете и трижды пропела «Марсельезу». Осенью 1913 г. из канцелярии казанского губернатора секретно сообщали в жандармское управление, что после того, как С.А. Пионтковского выбрали председателем литературного кружка, число его членов стало быстро увеличиваться. В ответ губернатору сообщалось, что студент С.А.Пионтковский принадлежит к левой партии, «почему с выбором его в председатели литературного студенческого кружка студенты университета, принадлежащие к этой партии, надеялись, что, состоя членами этого кружка под председательством Пионтковского, они будут иметь возможность объединяться и обсуждать вопросы своей партии, почему и стали массами вступать в число членов означенного выше кружка». 30 октября 1913 г. полицмейстер докладывал в канцелярию губернатора, что студент Пионтковский отказался от должности председателя литературного кружка. Этого потребовал от него отец, профессор А.А.Пионтковский, который в то время избирался в деканы юридического факультета и не хотел, чтобы сын как-то его скомпрометировал. (НАРТ. Ф.1. Оп. 1. Д.2245. Л. 130; Оп.4. Д. 5481. Л. 41,50).

Пионтковский не сразу стал членом большевистской партии. С марта 1917 г. до конца 1918 г. он считал себя меньшевиком-интернационалистом, или, как писал в своей биографии, меныневиком-объединенцем. В автобиографии, написанной в 1921 г., Пионтковский сообщал об этом времени: «С момента революции занимался общественной деятельностью. Был членом исполкома Совета рабочих депутатов Казани, ... писал в газете "Рабочее дело", был членом редколлегии "Казанской рабочей газеты", "Знамя революции"[57].

Общественную деятельность Пионтковский сочетал с научной. 1 декабря 1917 г. он сдал магистерский экзамен по русской истории, 15 марта 1918 г. - по политэкономии. В июне 1918 г. Пионтковский редактировал в Казани меньшевистскую газету «Рабочая воля», на страницах которой доказывал, что для рабочих борьба за власть в то время «бесплодная и вредная задача»[58]. Однако болезнь легких, а также семейные обстоятельства (развод с женой Надеждой Викторовной Пионтковской), вынудили его прервать занятия и уехать на кумысное лечение в Башкирию. Произошло это в июле 1918 г.

Развернувшаяся гражданская война в Поволжье и на Урале не позволили ему вернуться домой. Около года он провел в Томске и Владивостоке. В автобиографии Пионтковский писал об этом времени: «С сентября 1918 г. до осени 1919 г. был членом исполнительного комитета Совета профсоюзов в Сибири, а с апреля до июля 1919 г., кроме того, был товарищем председателя Владивостокского губернского совета профсоюзов... В Сибири в 1918-1919 гг. издавал рабочие журналы и сотрудничал в них. Редактировал "Рабочий

[57] НАРТ. Ф. 271. Оп. 2. Д. 153. Л. 35.
[58] Рабочая воля. Казань. 1918 г. 12 июня

путь" в Томске (вышел № 1) и "Приморский рабочий" во Владивостоке (вышел № 1-2). Писал в "Сибирском рабочем", выходившем в 1918-1919 гг. в Иркутске»[59]. В Сибири происходит сближение Пионтковского с большевиками и, вернувшись в Казань осенью 1919 г., он вступил в РКП(б).

Первая работа Пионтковского, вышедшая в Казани в 1919 г., была посвящена гражданской войне в Сибири, где он провел более года. Его личные впечатления, выписки из сибирских газет и журналов позволили ему рассказать о легальной деятельности профсоюзов, больничных касс, бирж труда, рабочей кооперации в условиях колчаковского режима[60]. Вторая книга Пионтковского «Наш Дальний Восток: японская интервенция в Сибири» вышла в Казани в 1920 г. Она носила научно-пропагандистский характер и показывала бесперспективность самой идеи интервенции[61]. Тогда же он начал заниматься преподавательской и партийной работой. В 1919/1920 учебном году он читает лекции по русской истории, ведет семинарские занятия в Высшем институте народного образования и на курсах рабфака при Казанском университете. В казанском губкоме РКП(б) Пионтковский заведовал агитационно-пропагандистским отделом.

С осени 1920 г. он в Москве, сотрудник Истпарта, работает в подкомиссии по истории Октябрьской революции (ру-

[59] НАРТ. Ф.3628. Оп. 2. Д.405. Л. 158. Все названные издания, за исключением казанской газеты «Знамя революции», были меньшевистского направления.

[60] *Эспе.* Год в царстве Колчака: Материалы по истории рабочего движения в Сибири с июля 1918 г. — до июля 1919 г. Издание внешкольного подотдела Казанского губернского отдела по просвещению. Казань, 1919. 47 с. Эспе - начальные буквы имени и фамилии С.Пионтковского, позже он также подписывал некоторые рецензии.

[61] *Эспе.* Наш Дальний Восток: японская интервенция в Сибири. Казань, 1920.

ководитель - Покровский). Связано это было, по-видимому, с тем, что, как вспоминал В.В.Адоратский, в июне 1920 г. он получил письмо от Покровского с приглашением переехать из Казани в Москву для участия в составлении хроники Октябрьской революции и разборки архивов антибольшевистского движения. В этой работе принял участие и Пионтковский, наверное, по рекомендации Адоратского, хорошо его знавшего по совместной работе в Казани. Покровский, принимавший участие в подборе кадров для Истпарта, позже рассказывал, что он исходил из того, что в разработке истории Октябрьской революции должны были участвовать обязательно историки-профессионалы, тогда как для изучения подпольного периода деятельности партии важны воспоминания непосредственных участников"[2].

Подкомиссия по истории Октябрьской революции собирала и обрабатывала архивные фонды, готовила очерк по истории революции. Адоратский, тогда член этой подкомиссии, писал: «Помнится, совместно с С.А.Пионтковским, мы из здания на Лубянке таскали вдвоем на грузовик тяжелые мешки архива Колчака, полученные нами из ВЧК»[63]. Пионтковский принимал деятельное участие в обработке и публикации документов, прежде всего из архивов противников

[62] *Покровский М.Н.* О возникновении Истпарта // Пролетарская революция. 1930. № 7/8. С. 139.

' *Адоратский В.В.* Воспоминания о возникновении Истпарта // Пролетарская революция. 1930. № 5. С. 164. В короткий срок были собраны архивы первого ВЦИК, Донского правительства, стенографические отчеты съездов Советов и ЦИК, часть архива Колчака. Все это положило начало созданию архива Октябрьской революции (ЦГАОР, ныне вошел в состав ГАРФ). Пионтковский тогда не терял связи с казанскими коллегами, помогал им в формировании и издании сборника «Борьба за Казань» (Казань, 1924), делился воспоминаниями о жизни города в 1917 г.

большевизма. Работа в Истиарте определила круг научных интересов Пионтковского: история Октябрьской революции и гражданской войны, история российских рабочих, история классовой борьбы и революционного движения, историография и источниковедение.

Пионтковскому было 29 лет, он был полон энергии, сил и необычайно работоспособен. Первые годы его пребывания в Москве были весьма плодотворны: он публиковал различные архивные материалы, писал многочисленные рецензии на издания современников, вел занятия по истории России с лекторской группой Коммунистического университета им. Я.М.Свердлова, вместе с Покровским редактировал первые номера журнала «Пролетарская революция». Тогда Покровский и Адоратский привлекли его к созданию в короткий срок работ по истории Октябрьской революции.

Над своими первыми книгами по истории революции Пионтковский начал трудиться с конца 1920 г. В автобиографии, написанной 29 апреля 1921 г., он сообщал: «По поручению Комиссии истории партии (имеется в виду Испарт. - А,Л.) пишу книгу размером 12-15 печатных листов под названием "Пролетарская революция". Книга будет закончена в июне-июле месяце»[64]. Параллельно велась работа по составлению хрестоматии по истории Октябрьской революции (редактировал её Покровский)[6]\ Выходу в свет монографии и хрестоматии Пионтков-

[64] НАРТ. Ф. 3682. Оп.2. Д. 405. Л. 158.

[65] Российский государственный архив социально-политической истории (далее - РГАСПИ). Ф.17. Оп.бО. Д. 88. Л.27. 16 ноября 1922 г. Покровский сообщал в Агитпропотдел ЦК РКП(б): «Просмотрев рукопись хрестоматии по истории Октябрьской революции, составленной тов. Пионтковским С.А., я нахожу, что она по плану и содержанию соответствует тем задачам, которые были ей поставлены. Поэтому её можно сдать в печать с тем, чтобы гранки, по мере отпечатания, присылались мне для окончательной редакции» // Там же. Л. 4.

ского об Октябрьской революции предшествовала публикация источников, многих статей и рецензий[06].

В советской историографии наибольшей критике подверглась формула о «двуликости» Октябрьской революции (с одной стороны, революция социалистическая, с другой - буржуазная), содержащаяся в произведениях Пионтковского[67]. Он писал об этом так: «В Октябрьской революции принимали участие две силы: пролетариат и мелкая буржуазия - крестьянство. Это наложило на Октябрьскую революцию свою неизгладимую печать. Она была сразу и пролетарской и буржуазной. Октябрьская революция была двулика, но эти две стороны её лица, как двуликий Янус, были тесно связаны друг с другом и немыслимы одна без другой»' ". В те годы эту точку зрения разделяли Л.Н. Крицман, М.Н. Покровский, А.В. Шестаков, Я.А. Яковлев[69], об этом же писала в своих

[66] *Пионтковский С.* 3-5 июля // Современник. 1922. № 1. С. 1—16; *он же.* Буржуазия в февральские дни 1917 года // Современник. 1923. № 2. С. 1—17; *он же.* Обзор литературы по истории пролетарской революции в России // Печать и революция. 1923. № 2. С. 99-110; *он же.* Ленин в октябрьские дни 1917 г. // Молодая гвардия. 1923. №9/10. С. 84—94. В обзоре литературы о революции 1917 г. Пионтковский отмечал: «Большинство работ, посвященных современной революции, по крайней мере, крупнейшие, писаны непосредственными участниками и могут служить примером, как понимался ход её представителями общественных классов, как понимался ход событий в том или ином лагере» (Печать и революция. 1923. № 2. С.99).

См.: *Городецкий Е.Н.* Советская историография Великого Октября. М., 1981. С.174-175; и др.

Пионтковский С.А. Хрестоматия по истории Октябрьской революции. М., 1923. С. 183.

69

Крицман Л.Н. Героический период великой русской революции (опыт анализа т.н. «военного коммунизма»). М., 1925. С.30—34; *Покровский М.Н.* Контрреволюция за 4 года. М., 1922. С.11; *Шестаков А.В.* Очерки по сельскому хозяйству и крестьянскому движению в годы

первых работах об Октябре Клара Цеткин[70]. Покровский и в 1927 г. полагал, что Октябрьская революция представляла собой «переплет революции социалистической,., и революции национальной и буржуазной. И что не подлежит никакому сомнению, что против Деникина и Колчака нам помогали отбиваться буржуазные демократы»[71].

Из анализа работ Пионтковского начала 1920-х годов явствует, что формула о «двуликости» Октября взята им как нечто данное, известное в исторической литературе. Однако эта данность имела свойства менять свой облик и очертания. Через четыре года в изданном к 10-летию Октября очерке Пионтковский утверждал: «Пролетариат доводил до конца буржуазную революцию, одновременно осуществляя на практике свою основную революцию, революцию социалистическую». И, наконец, в 1935 г. он написал: «Октябрьская революция была пролетарской по движущей силе, социалистической - по целям. Пролетариат, беднейшее крестьянство творили Октябрьскую революцию. Пролетариат, совершая свою основную революцию против буржуазии и эксплуататоров, тем самым, походя уничтожил остатки феодализма. Основным, решающим в Октябре был переход власти из рук буржуазии в руки пролетариата»[72].

Эволюция взглядов Пионтковского происходила по мере утверждения в советской исторической и политической литера-

войны и перед Октябрем 1917 г. Л., 1927. С. 120, 162; *Яковлев А.Я.* Об историческом смысле Октября. М., 1922. С. 15; и др.

[70] К.Цеткин писала: «По существу дела революция должна была нести пролетарско-социалистическое зерно» (*Цеткин К.* За большевизм // Коммунисты Запада и Советской России. М., 1918. С. 10).

[71] ГАРФ. Ф. 4655. On. 1. Д. 53. Л.10, 20.

[72] *Пионтковский С.А.* Хрестоматия по истории Октябрьской революции. С.183; *он же.* Октябрь 1917 г. М.; Л., 1927. С.97; *он же.* Очерки истории СССР XIX и XX вв. М.П., 1935. С.518-519.

туре доминирующей тогда концепции об Октябрьской революции как великой и социалистической. Хотя ныне ясно, что непредвзятое, деиделогизированное исследование того, что произошло в России в октябре 1917 г., еще предстоит. В настоящее время наметилась тенденция рассматривать Февральскую и Октябрьскую революции, гражданскую войну (1917-1922 гг.) как единое целое, потрясшее страну в те годы. Революции 1917 г. представляются «широкомасштабным демократическим пацифистским рабоче-солдатско-крестьянским движением с ярко выраженной национально-региональной окраской и явными социалистическими потенциями, определявшимися вековыми общинными традициями крестьян, пролетарским коллективизмом, всеобщими антибуржуазными настроениями и доктринальными установками леворадикальных партий»[73].

Четыре издания очерка Пионтковского о Февральской революции в 1924—1927 гг. были написаны в рамках существовавшей тогда догмы о руководящей роли большевиков в свержении самодержавия, критике позиций меньшевиков и эсеров в те дни[м]. Заметим, что современная историография отрицает эти положения, показывая стихийность тех событий и роль прежде всего меньшевиков в создании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов[75].

В работах тех лет Пионтковский выступал апологетом большевистской политики. Вместе с Покровским и другими историками он включился в критику работ Троцкого по истории Октября, а затем - Зиновьева и Каменева. Его замечания были традиционны для той поры: Троцкий преувеличи-

[73] *Тютюкин С.В.* Вместо предисловия // Октябрьская революция. От новых источников к новому осмыслению: Сб. ст. М., 1998. С. 6.

[/4] *Пионтковский С.А.* Февральские дни 1917 г. Л., 1924. С.ЗО.

[75] См.: Февральская революция. От новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 101 и др.

вал свою роль, петроградского гарнизона, лозунгов в октябрьские дни 1917 г. и т.д. Так же, как и Покровский, он участвовал в восхвалении деятельности Ленина и большевистской партии в 1917 г. В статье «Ленин в Совнаркоме» (Пионтковский первым начал писать о Ленине как председателе СНК, его роли в создании Петроградского ВРК) он подчеркивал, что «Ленин не только был инициатором создания Совнаркома, но он входил во все детали его внутренней структуры и практической деятельности. Он налаживал работу Совнаркома, его аппарат, технику и организацию»[76]. Важнейшей задачей Пионтковский считал создание истории большевистской партии как основной силы, руководившей пролетарской революцией, борьбой со всеми попытками реставрации дооктябрьских отношений в годы гражданской войны, строительством социализма в период новой экономической политики. Труды и публикации Пионтковского отражали его стремление приспособиться к условиям тогдашнего бытия. В своих работах он защищал и оправдывал приход к власти большевиков, славил Ленина и не возражал против появления нового вождя - Сталина.

Из когорты официальных советских историков он выделялся, пожалуй, одним — профессиональным пониманием значения документов и активной публикаторской работой. Собственно, с издания документов началась его научная деятельность в Москве. Он печатал документы из архивов антибольшевистских правительств, департамента полиции, одним из первых обратился к изучению фонда Совнаркома. Пионтковский ввел в хрестоматийный оборот резолюции большевистских съездов и статьи Ленина, первые декреты Советской вла-

[76] *Пионтковский С.* Ленин в Совнаркоме (от II до III съезда Советов) // Борьба классов. 1934. № 1. С. 107-108.

сти, текст крестьянского наказа эсерам в 1917 г., мемуары многих участников октябрьских событий в Петрограде. Подготовленная им хрестоматия по истории гражданской войны в России длительное время являлась единственным сборником, где советские документы можно видеть в сравнении с документами враждебных им режимов, функционировавших на территории страны в 1918-1921 гг. Многие из них Пионтковский цитировал в разделе о гражданской войне четвертого тома «Истории ВКП(б)». Пионтковский в «разоблачительных» отзывах о томе обвинялся в том, что не «показал роли партии» в гражданской войне, её вождей Ленина и Сталина, не использовал статью К.Е.Ворошилова «Красная Армия и Сталин», опубликованную в декабре 1929 г. к юбилею вождя и показывающую «решающую роль» Сталина в победоносном завершении войны для большевиков. По мнению рецензентов, Пионтковский излишне использовал различные документы для характеристики противников большевиков, не подверг необходимому «разоблачению» роли Троцкого в то время и кулачества[77].

В дальнейшем Пионтковский намечал издание серии документальных сборников, посвященных деятельности РКП(б), партийному и советскому строительству, профсоюзам, экономике страны, а также истории антибольшевист-

Бригада историко-партийного ИКП Абрамов А., Шмидт И. Против фальсификации истории Октября под флагом «объективности» (о IV томе «Истории ВКП(б)» под ред. Ем. Ярославского) // Большевик. 1931. № 22. С.71, 78; Бригада историко-партийного ИКП Антропов А., Радков М., Соловейко А., Федин И., Фокин Е. Против фальсификации истории большевизма, против троцкистской контрабанды, против гнилого либерализма! (по поводу 4-томника «История ВКП(б)» под ред. Ем.Ярославского) // Большевик. 1932. № 1/2. С.123; *Гребенкин К., Добротвор Н., Кузовенко В., Миллер Ф., Мильштейн Е., Чугайло Н.* За большевистскую историю нашей партии // Борьба классов. 1932. № 2/3. С. 116-117.

ских режимов и движений. Особое значение он придавал сбору с последующей публикацией документов первичных партийных организаций, которые обрисовали бы «ход Октября на фабриках и заводах, в казармах, полках, деревне». В 1928 г. под редакцией Пионтковского и с его предисловием вышел сборник документов «Советы в Октябре», в последующие годы - мемуарные и документальные сборники по истории гражданской войны и истории народов СССР.

В особый вид историографической литературы Пионтковский выделял мемуары. Он высоко оценивал воспоминания Н.К.Крупской, Д.Рида, В.Вильямса, В.А.Антонова-Овсеенко, Ф.Ф.Раскольникова о революции и весьма критично относился к мемуарам лидеров небольшевистской партии и противников Советской власти[78].

В 1920-е годы создавалось советское историко-партийное источниковедение. У его истоков стояли Н.Н.Авдеев, В.В.Адоратский, С.Н.Валк, М.Н.Покровский. К ним с полным правом следует отнести и Пионтковского. В то время советское теоретическое источниковедение исходило из оценки источников прежде всего с учетом их классового происхождения. Разделяя эту точку зрения, Пионтковский, более чем кто-либо из современных ему историков, придавал данному аспекту первостепенное значение.

В 1926 г. под редакцией и с предисловием Пионтковского была выпущена одна из первых библиографий по истории Октябрьской революции. В литературе, посвященной этой теме, он особо выделял труды Ленина, считал его первым историком Октября. Пионтковский высоко ценил также работы соратников Ленина, ибо эти «вожди и руководители политических боев

[78] См.: *Пионтковский С.А.* Мемуары Октябрьской революции // История заводов. М., 1934. Вып. 8. С.55-62.

пролетариата за власть, руководители боев за удержание власти и за строительство социализма» являлись историками нового мира[79]. Нельзя не заметить при этом, что официальное отношение ко многим соратникам Ленина, начавшее меняться с середины 1920-х годов, тут же конъюнктурно сказывалось на трудах историков. Работы Пионтковского не были исключением. Если в 1923 г., обозревая литературу об Октябрьской революции, он, например, высоко оценивал отдельно работы Н.И.Бухарина и Л.Д.Троцкого, то из подобного же обзора, помеченного 1926 г., они просто выпали[80].

Труды Пионтковского, в том числе по истории рабочего движения в России, отражали современный ему уровень развития советской исторической науки[81]. А она, особенно по истории советского общества и революционного движения в стране, находилась на стадии перехода во власть узкоутилитарного классового подхода, догматизма, априорных истин. Быстро сформировалось сакральное отношение к ленинским текстам, научные аргументы стали вытесняться партийными установками, политическими ярлыками. Обозревая как-то историческую литературу, Пионтковский заметил, что историки берут схему, данную в работах Ленина, его выводы о значении Октября и иллюстрируют эти положения конкретным материалом. Однако и сам он делал также. Как историк он полагал, что диктатура пролетариата без пришествия диктатора немыслима. Пионтковский своими работами оправдывал и

[79] *Пионтковский С.А.* Предисловие // *Данишевский С.Л.* Опыт библиографии Октябрьской революции. М.;Л., 1926. С. 9-13.

[80] См.: *Пионтковский С.А.* Оозор литературы по истории пролетарской революции в России // Печать и революция. 1923. № 2. С.99-110; *он же.* К вопросу об изучении материалов по истории Октябрьской революции // Пролетарская революция. 1926. № 2. С.234—243.

[81] См.: *Пионтковский С.А.* Краткий очерк истории рабочего движения в России (с 1870 г. по 1917 г.). Л., 1925. 259 с.

защищал свершившееся в октябре 1917 г., славил Ленина и остановился перед апологией Сталина.

Но было бы неправильным считать, что Пионтковский только плыл по течению, всецело находясь в плену политической конъюнктуры. Он был образован, владел немецким и французским языками, бывал в научных командировках в Италии и Австрии, его профессионализм вынуждал его иногда писать о том, что выдавало в нем историка, не всегда подстраивающегося под общие веяния. Видимо, отдохновение он находил в публикации документов, особенно когда обратился к истории крестьянских движений в России XYII — XVIII вв.

Пионтковский, бывший сторонником классовых воззрений Покровского, когда начались нападки на него, пытался его публично защитить. «Ошибки в книгах Покровского, — утверждал он, — не умаляют роли, сыгранной им в истории развития марксистской исторической науки в нашей стране. Книги Покровского являются этапом в развитии марксистской исторической мысли»[82]. При чтении дневника можно встретить и иные суждения Пионтковского о Покровском. В записи 4 мая 1932 г. он подробно рассказал о похоронах Покровского и дал ему нелицеприятную характеристику. «В личной жизни, — писал Пионтковский, - я знал его уже после революции, начиная с 1920 г., это был самодур и рабовладелец. Он не уважал людей и страшно ценил то политическое положение, которое имел... Лично, как человек, я не думаю, чтобы он в ком-нибудь оставил хорошие воспоминания. По крайней мере у меня, знавшего его более 12 лет, ни одной хорошей черты о нем как о человеке не сохранилось... Покровский помер, решили поста-

[82] *Пионтковский С.А.* Памяти ученого-революционера // Фронт науки и техники. 1935. № 4. С. 9.

вить ему памятник на Крымской площади, а об нем сейчас уже позабывают, а через полгода совсем забудут и на будущий год, если будет время, вдрызг проработают. Фактически все его основные положения об историческом процессе России сейчас нами отвергаются и, если мы сейчас исходим из Покровского, то мы ни в коем случае в исторической схеме и в объяснениях исторических вопросов не повторяем объяснений Покровского».

Критические замечания Пионтковского о Покровском не спасли его от многих огульных обвинений. Во всяком случае, современные российские и зарубежные историки связывают репрессии против историков в середине 1930-х годов с разгромом школы Покровского[83].

Следственное дело

Следственное дело Сергея Андреевича Пионтковского занимает три тома и хранится в Центральном архиве ФСБ РФ в деле под № 3257. Собственно, вся его жизнь разместилась в протоколах первого тома. Два других - это идентичные тексты дневника историка за 1927-1934 гг.

Первый том открывается ордером № 8636 от 7 октября 1936 г. на обыск и арест Пионтковского, проживавшего в Москве по адресу: площадь Свердлова, д.2/4, кв.313. Ко времени ареста Пионтковскому было 45 лет. С ним проживали его мать-пенсионерка Елена Григорьевна и жена - Елизавета Михайловна Черменская. При обыске изъяли: партийный и профсоюзный билеты, паспорт, две папки дневника, записные книжки, книги, копии документов. В постановлении об аре-

[83] См.: *Конквест Р.* Большой террор. Рига, 1991. Т.2. С.56—57; *Чернобаев А.А.* «Профессор с пикой», или три жизни историка М.Н.Покровского. М., 1992. С. 207.

сте, подписанном начальником 5-го отделения секретно-политического отдела капитаном М.Л.Гатовым[84] 3 ноября 1936 г., Пионтковский обвинялся в том, что он, «являясь членом контрреволюционной троцкистско-зиновьевской террористической организации», вел «подготовку по совершению теракта над тов. Сталиным». Из того же документа следовало, что очередного «контрреволюционера», «врага народа» изобличили в своих показаниях другие уже арестованные активные участники названной организации - директор МИФЛИ А.Г.Пригожин (1896-1937), профессор и декан исторического факультета МГУ Г.С.Фридлянд (1897-1937), зам. директора института истории Коммунистической академии профессор Н.Н.Ванаг (1899-1937), зав. кафедрой истории Ленинградского отделения Коммунистической академии профессор С.Г.Томсинский (1894—1938). Стоит ли говорить, что из историков выбивали нелепые, но нужные следствию признания-оговоры, чтобы создать видимость «раскрытия» еще одной «террористической организации»[85].

[84] М.Л.Гатов (1902-1939), чекист с 1921 г. Образование - 3 класса Ростовского приходского училища. Арестован 18 декабря 1938 г. 22 февраля 1939 г. предстал перед военной коллегией Верховного суда страны за нарушение социалистической законности при ведении следствия и приговорен к расстрелу. Попытка его родственников в 1956 г. добиться его реабилитации была отклонена. (*.Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД. 1934-1941: Справочник. М., 1999. С. 142).

[85] А.Орлов, бывший сотрудник НКВД, ставший эмигрантом, вспоминал, как следователь Кедров обвинял во время допроса Фридлянда в попытке проглотить чернильницу, стоявшую у него на столе. Чернильница была массивной, из граненого стекла, размером в два мужских кулака. Фридлянд был очень напуган. (*Орлов А.* Тайная история сталинских преступлений. М., 1991. С. 91). Следователь Кедров был сыном М.С.Кедрова (1878-1941), большевика, работавшего с 1919 г. в органах ВЧК.

Пионтковскому предстояли сцены в театре абсурда, с подмостков которого веяло замогильным жутким холодом. Сценарий был написан заранее, роли распределены, актеры подготовлены, трагический финал предрешен. Ведь врагов должно быть все больше и больше: классовая борьба по мере продвижению к социализму обостряется. Так учил Сталин, а вождь, как известно, не ошибается.

К Пионтковскому были применены меры воздействия и через месяц находившийся во внутренней тюрьме НКВД историк «признался», что он «двурушник», «вел организационную троцкистскую контрреволюционную работу, будучи участником контрреволюционной нелегальной троцкистской группы на историческом фронте, возглавляемом Минцем, Эльвовым и др.».

Минуло несколько дней, Пионтковский немного пришел в себя и отказался от выбитых «признаний». Из протокола допроса 16 ноября 1936 г.:

«Гатов: Следствие располагает данными о том, что вы являетесь активным членом контрреволюционной троцкистско-зиновьевской организации. Признаете ли вы это?

Пионтковский: Это чудовищное обвинение я признать ни в коем случае не могу, ибо я не только не являюсь членом троцкистской контрреволюционной организации, но я не участвовал ни в каких антипартийных группировках в прошлом и всегда активно выступал за генеральную линию ВКП(б)».

Татова подобный поворот дела не смутил: старшие товарищи постоянно наставляли чекистов, что враг хитер, коварен, изворотлив, поэтому он подготовил план дальнейшей обработки арестованного, опираясь на вынужденные оговоры других историков - «членов организации».

Доказательства контрреволюционных намерений и деяний, приверженности историка троцкизму следователь ис-

кал и в его дневнике. Вот он нашел вроде бы то, что искал - дневниковая запись за 23-29 октября 1927 г. «Вечером читал в ГМТУ лекцию об Октябрьской революции, - записал Пионтковский, - читал эпоху войны и Февраля, разбирал и сопоставлял прогноз революции, данный Лениным и Троцким во время войны и их оценку Февральской революции. Во время лекции группа ребят начала шептаться и пересмеиваться. Я предложил им остаться после лекции и объяснить в чем дело, а не перешептываться и не нервировать тем самым меня. После лекции они с азартом заявили мне, что я читал тенденциозно и совсем не так, как следует, что я тенденциозен в двух положениях: я слишком много уделял внимания ошибкам Троцкого в период войны и в момент Февральской революции. Троцкий, как сказал мне один из них с величайшей яростью, не представлял в то время отдельного течения. Поэтому рассказывать о его ошибках в период войны и в момент Февральской революции — совершенно излишне. Я сказал, что Троцкого ставлю выше, чем они, и считаю, конечно, что Троцкий представляет, несомненно, резко выраженное и очерченное течение социал-демократической мысли».

Последнее предложение следователь подчеркнул, а, зачитав, испытующе взглянул на Пионтковского.

— Да, - сказал историк. - Формулировки в дневнике разные, но никакой связи с троцкистской организацией у меня не было и нет.

Гатов выложил новые карты: показания историков Н.Эльвова и его жены М.Бычковой, Г.Фридлянда, С.Томсинского, А.Пригожина, провокатора Я.Ельковича[86].

[86] Я.Р.Елькович (1896—?) - ответственный редактор «Уральской советской энциклопедии» и свердловской областной газеты «Колхоз-

Собранный Гатовым компромат тянул на расстрельную статью. Так, Эльвов назвал высказывания Пионтковского о партии «клеветническими»; Фридлянд включил его в состав «троцкистской террористической группы Пригожина»; последний «сознался» в том, что при встрече с Пионтковским в начале января 1935 г. тот дал согласие принять участие в работе террористической группы. Но тут же сделал оговорку: «Имей в виду, Пригожин, сам я стрелять не буду». Елькович уверял, что Пионтковский уже в 1919 г. был по своим политическим убеждениям «зиновьевцем», собирал документы оппозиции и потому в нем видели специалиста, могущего в будущем «осветить в надлежащем духе всю историю борьбы троцкистско-зиновьевской организации против ВКП(б)».

Следователь резонам Пионтковского не внимал, а тот уже ясно видел, какая перед ним разверзлась пропасть, и то, что дело шито белыми нитками. Да, в 1931-1932 гг. в

ный путь». Был арестован в 1936 г., обвинен в принадлежности к «контрреволюционной троцкистской организации, по заданию которой проводил антисоветскую деятельность». Приговорен к 15 годам ИТЛ. Во время реабилитационной проверки в 1956-1957 гг. выяснилось, что хотя Елькович «троцкистом» не был, но была доказана его виновность «в провокаторской деятельности, как секретного агента органов НКВД, в фальсификации протоколов допросов арестованных, в даче ложных показаний на целый ряд партийно-советских работников, необоснованно репрессированных органами НКВД». Елькович был единственным из свердловских знакомых Эльвова, кто назвал его «участником антипартийной группы». Елькович был камерным агентом НКВД и совместно с сотрудником органов Строминым составлял «фальсифицированные протоколы допросов и давал вымышленные показания» на 140 человек, в том числе на В.К.Блюхера, Б.Куна, И.Б.Лапидуса и др., за что получил более 16 тыс. руб. (ЦА ФСБ РФ. Д. 3257. Л. 128). А.Р.Стромин (1902-1939), в ВЧК с 1920 г. В 1935—1937 гг. один из руководителей управления НКВД Свердловской области. Расстрелян в феврале 1939 г. Не реабилитирован. (См.: *Петров Н.В.,Скоркин КВ.* Кто руководил НКВД. 1934-1941. С. 397).

разговорах с Минцем, Эльвовым, С.М.Дубровским, Б.Б.Граве они «исходили из того, что на историческом фронте созданы такие условия, при которых невозможно работать, что эти условия тормозят развитие теоретической мысли, что творческая работа заменяется казенщиной». Но где же тут клевета, контрреволюция?[8]

Бычкова утверждала, что при встречах названные историки, в том числе и он, вели «антипартийные разговоры» и между ними существовала «организационная связь». Однако о содержании их бесед она в июне 1935 г. ничего не могла вспомнить. И немудрено. Вернувшись после длительного пребывания в лагерях, Бычкова в 1958 г. говорила, что во время допросов ответы за неё сочинял следователь, «писал неправильно», содержание этих протоколов попросту фабриковалось. Она признала, что лишь несколько раз была с мужем в гостях у Пионтковского, а следователь ставил перед ней «непосильные задачи», требуя охарактеризовать историков, которых она почти не знала.

Что оставалось делать Пионтковскому? Потрясенный ложью и почти отчаявшийся, он пишет заявление на имя заместителя наркома внутренних дел, комиссара госбезопасности Я.С.Агранова[88]: «Прошу Вас, т.комиссар. вызвать меня и лично допросить. Я обвиняюсь в тягчайших для гражданина Союза преступлениях. В принадлежности к троцкистской

[87] Н.Н.Эльвов на допросе 22 июня 1935 г. сообщил следователю, что группа историков (Эльвов, Минц, Дубровский, Пионтковский, Граве) оформилась к 1929 г., что они встречались на квартирах друг друга. В январе 1935 г. Эльвов посетил Пионтковского, который сообщил ему о расправе над Г.Е.Зиновьевым (Архив ФСБ по Республике Татарстан. Д. 514. Л.574, 582).

[88] Я.С.Агранов (1893-1938) - чекист с 1920 г., в 1934-1937 гг. зам. наркома внутренних дел СССР. Имел звание: комиссар ГБ 1 ранга. Расстрелян в 1938 г. Не реабилитирован. (См.: *Петров Н.В., Скоркин КВ.* Указ. соч. С.82-83).

террористической организации. Я отрицаю это обвинение и прошу Вас и в Вашем лице Советскую власть произвести еще расследование по этому делу». На заявлении резолюция Агранова: «Молчанову»[89]. Затем Молчанов - Гатову: «В дело». И всё. Глас вопиющего в пустыне «социалистической законности». Некому и незачем было прислушиваться к нему.

Обвинительное заключение по делу Пионтковского было подготовлено менее чем за два месяца. 3 декабря 1936 г. его подписал прокурор СССР А.Я.Вышинский. Капитан ГБ Гатов довел следствие до конца. Что нужно было «доказать», то и «доказал». Характерная деталь: обвинительное заключение почти дословно совпало с постановлением об аресте. Пионтковский обвинялся в том, что «являлся участником контрреволюционной троцкистско-зиновьевской организации, осуществившей 1 декабря 1934 года убийство Кирова и подготовлявшей в последние годы (1934—1936 гг.) теракты против руководителей ВКП(б) и советского правительства; входил в состав боевой террористической группы т.н. "активного действия", возглавляемой террористом Пригожиным; дал согласие Пригожину на участие в террористической деятельности и принял от него задание завербовать из числа студентов нескольких лиц, способных быть исполнителями теракта над т. Сталиным». Резюме гласило: «Вследствие изложенного, Пионтковский С.А. подлежит суду Военной коллегии Верховного суда Союза ССР с применением закона от 1 декабря 1934 года»[90].

[89] Г.А.Молчанов (1897-1937) - чекист с 1921 г. В 1934-1936 гг. - начальник секретно-политического отдела главного управления госбезопасности НКВД СССР. Расстрелян в 1937 г. Не реабилитирован. (См.: *Петров Н.В., Скоркин КВ.* Указ. соч. С.307).

[90] Согласно постановлению Президиума ЦИК СССР от 1 декабря 1934 г. «О порядке ведения дел по подготовке или совершению террористических актов» срок следствия сокращался до 10 дней, обвинительное

После утверждения Военной коллегией Верховного суда СССР обвинительного заключения (это произошло 5 марта 1937 г.) оно было вручено Пионтковскому. Через два дня началось слушание дела, процесс был закрытым. На вопрос председательствующего, признает ли Пионтковский себя виновным, историк ответил: «Нет, не признаю». Он заявил, что участником террористической организации не был, двурушником не являлся, содержание своих показаний считает неправильным. В протоколе переданы слова Пионтковского о том, что на всем протяжении предварительного следствия его состояние было таково, что он подписывал показания, с которыми не соглашался. Пионтковский отрицал то, что о нем «наговорили» Пригожин, Фридлянд, Томсинский, Эльвов. В протоколе заседания суда передавались слова подсудного историка: «Со всеми перечисленными лицами у него никогда никаких личных счетов не было. Объяснить, почему они дают уличающие его показания, не может». Единственно, с чем согласился Пионтковский, — это с неточными формулировками в дневнике.

В последнем слове Пионтковский еще раз подчеркнул, что он не троцкист, а автор нескольких статей против троцкизма, что никаких террористических намерений у него не было. «Я еще могу много принести пользы Советской власти и прошу суд дать мне возможность честно работать на благо партии и социалистической родины».

заключение обвиняемому положено было вручать за сутки до суда, в котором дела рассматривались без участия сторон (т.е. без адвоката и прокурора). Обжалование приговора и подача ходатайства о помиловании не допускались, приговор к высшей мере наказания должен был приводиться в исполнение немедленно. Тогда же стал широко применяться принцип: «признание вины — царица доказательств». Об усилении репрессивных акций в СССР после 1 декабря 1934 г. см.: *Хаустов В., Самуэльсон Л.* Сталин, НКВД и репрессии 1936-1938 гг. М., 2009.

Суд такой возможности не нашел, впрочем, и не искал. Совсем с другой целью собралась на заседание Военная коллегия Верховного суда в составе армвоенюриста В.Ульриха, диввоенюристов И.Никитченко и Н. Рычкова. За час и 5 минут (заседание суда началось в 20. 45, завершилось в 21.50) можно было только проштамповать заранее принятое решение. Приговор гласил: «Пионтковского Сергея Андреевича к высшей мере уголовного наказания - расстрелу с конфискацией лично ему принадлежащего имущества. Приговор окончательный, обжалованию не подлежит и на основании постановления ЦИК СССР от 1 декабря 1934 года подлежит немедленному исполнению». В ночь с 7 на 8 марта 1937 г. Пионтковского не стало. Одновременно были расстреляны Пригожин, Фридлянд и другие историки, объединенные следователями в одну «террористическую организацию»...

10 мая 1956 г. Андрей Андреевич Пионтковский, юрист, член-корреспондент АН СССР, брат погибшего историка, обратился с заявлением к главному военному прокурору страны с просьбой пересмотреть дело. Он указал, что сведения о С.А.Пионтковском могут дать историки А.М. Панкратова, И.И. Минц, Э.Н. Бурджалов, Е.Н. Городецкий, Г.Н. Анпилогов, знавшие его.

В реабилитационном деле сохранились отзывы. Воспроизведем некоторые из них. Тогда заместитель главного редактора журнала «Вопросы истории» Э.НБурджалов (1906-1985), учившийся в 1929-1933 гг. у Пионтковского, писал: «Мы все, коммунисты-студенты, знали С.А.Пионтковского как образованного марксиста, глубокого исследователя и хорошего преподавателя... В лице С.А.Пионтковского мы видели пример историка-большевика, борца за ленинизм в политике и науке». По мнению доцента Московского университета Г.Н.Анпилогова «он был хорошим ученым - смелым и резким в суждениях, внешне казался

грубоватым, а по существу - простым, внимательным и чутким ученым-коммунистом». Академик А.М.Панкратова (1897-1957): «Профессора Пионтковского я знала как одного из самых крупных специалистов по истории СССР... Среди историков профессор Пионтковский считался одним из наиболее ортодоксальных историков, и его арест в свое время вызвал недоумение, так как никаких сведений о том, чтобы он был связан с троцкистскими элементами, у нас не было».

Другие отзывы об историке были также самые положительные. Но это спустя 20 лет после трагедии. А в то драматическое время пишущие теперь об историке и коллеге либо отмалчивались, либо употребляли его фамилию в штампованном наборе преданных остракизму людей. Запоздавшее раскаяние, хотя иным даже оно не было ведомо...

7 июня 1956 г. Военная коллегия Верховного суда вынесла оправдательное заключение в связи с пересмотром «дела» Пионтковского. Непредвзятое следствие быстро установило несуразицу в обвинительном заключении и показаниях осужденных. «Пригожин показал на предварительном следствии, что об участии Пионтковского в антисоветской организации он узнал от Фридлянда, однако Фридлянд о Пионтковском в этом плане не высказывался... Осужденный по другому делу Эльвов, кроме Пионтковского, участниками антисоветской организации назвал Минца, Сидорова, Рубинштейна и Дубровского, однако эти лица в настоящее время являются известными деятелями советской исторической науки... Томсинский реабилитирован, Елькович осужден за фальсификацию, Гатов расстрелян за преступления».

Тогда же та же инстанция приговор 7 марта 1937 г. в отношении Пионтковского отменила и дело прекратила за отсутствием состава преступления. Копия документа была направлена жене историка — Елизавете Михайловне Чермен-

ской, которой вместе с тем сообщили и очередную ложь: дескать, С.А.Пионтковский умер в ИТЛ 14 апреля 1940 г. Этого требовала существовавшая инструкция, согласно которой родственники извещались о разных датах кончины их родных и близких, дабы не указывать 1937-1938 гг. как время массовых репрессий и расстрелов.

Это все, что сообщало следственное дело. И совершенно неясно было после его чтения, кем был Пионтковский, за что «удостоился» столь пристального внимания со стороны НКВД? Почему столь трагично завершилась его жизнь, как и жизнь миллионов граждан СССР? Тогда, да и теперь эти вопросы продолжают оставаться предметом изучения и дискуссий.

Дневник

В 1963 г. А.А.Пионтковский вновь обратился в военную коллегию Верховного суда с просьбой передать ему личные дневники расстрелянного историка. Военный прокурор Б.Репин 4 марта 1963 г. решил, что «по своему содержанию дневник С.А.Пионтковского непосредственного отношения к делу не имеет и ничего антисоветского в себе не содержит». Так, машинописная копия дневника оказалась в семье А.А.Пионтковского. *Я* читал отрывки из дневника, будучи у А.А.Пионтковского в 1964 г., когда собирал материалы для статьи о судьбе историка.

Впервые предложение написать о Пионтковском я получил в начале 1960-х годов. Тогда в Институте истории АН СССР Г.Д.Алексеева собирала к изданию сборник об историках-большевиках. У меня до сих пор хранится неопубликованная в то время статья об историке с краткой рекомендацией знавшего его С.М.Дубровского: «Статья т. А.Л.Литвина о С.А.ГІионтковском безусловно может быть напечатана. Самые необходимые по-

правки внес. 17.V. 1965 г.»[91]. Статья тогда не была опубликована, в середине 1960-х годов политическая конъюнктура в стране изменилась. Сборник выкинули из всех планов, ведь судьба многих историков-большевиков была трагична, писать об этом стало немодно и слово «репрессирован» стало исчезать из биографических очерков. Надо ли говорить, что все мои попытки где-то «пристроить» этот материал были неудачны.

В 1975 г. кафедра истории СССР Казанского государственного педагогического института, где я тогда работал, готовила сборник статей по отечественной историографии. Моя статья о Пионтковском была набрана, прочитана корректура... и последовал вызов в местную цензуру (обллит). Там мне сообщили, что статья не будет опубликована, более того, мне не позволят пропагандировать взгляды «еврея и меньшевика с 1905 года» и что об этом уже сообщено в отдел пропаганды и агитации Татарского обкома КПСС. Я пытался оправдаться: принес выписки из свидетельства о крещении Пионтковского в православной церкви, говорил, что в 1905 г. ему было 14 лет и он не мог тогда быть активным меньшевиком, да и не состоял ни в какой партии... Однако вскоре стало известно, что готовится мое персональное дело и меня хотят осудить в партийном порядке за распространение и пропаганду меньшевизма...

Пришлось статью отдать на рецензию в самую авторитетную для партийных органов идеологическую инстанцию - Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Его сотруд-

[91] С.М.Дубровский (1900-1970), профессор, декан исторического факультета Ленинградского университета. 25 декабря 1936 г. осужден на 10 лет тюремного заключения и 5 лет поражения в политических правах. В 1948-1949 гг. жил в Казани, работал в Госмузее ТАССР. В 1949 г. вновь арестован. Реабилитирован в феврале 1954 г. Работал в Институте истории АН СССР.

ники, доктора исторических наук П.А. Голуб и Л.М.Спирин, дали положительный отзыв с важным в то время для меня выводом: «Статья методологически выдержана и с позиций современной советской историографии правильно оценивает роль и значение трудов одного из первых советских историков-марксистов». Экземпляр этой «охранной грамоты» от 19 января 1976 г., подкрепленной подписью зам.директора ИМЛ и заведующего отделом истории КПСС А.Д.Педосовым, имэловскими печатями я отдал в отдел науки Татарского обкома партии[92]. Персональное дело не состоялось, но и статья не была опубликована.

Прошло еще 10 лет. В Институте истории СССР АН СССР готовился сборник статей к 90-летию академика И.И.Минца. Составитель и редактор сборника В.Д.Поликарпов предложил мне участвовать в нем статьей о Пионтковском. Помню, я сообщил о своем намерении Минцу. Он как-то поморщился, но против такой публикации не возражал. Материал под названием «В ряду первых историков Октября» был отредактирован, подготовлен к набору. И вдруг я получаю письмо Поликарпова с просьбой срочно ответить на замечания «черного рецензента», рекомендовавшего не публиковать статью. Оказывается этого рецензента (это был В.П.Наумов), по словам моего коллеги и друга В.И.Миллера (1930-1995), смутили ссылки на работы Пионтковского начала 1920-х годов, в которых положительно оценивались книги Л.Д.Троцкого, НИ.Бухарина и других, тогда еще неребиалитированных политических деятелей. Я, не мешкая, взялся за перо и написал, что в моем материале цитировались иные положения историка. В итоге сборник «Исторический опыт Великого Октября» (М., 1986) вышел без статьи о Пионтковском. Её удалось опубликовать лишь в 1990 г. в

[92] Копия отзыва хранится в моем личном архиве

первом номере журнала «Вопросы истории КПСС». Статья была написана с осторожными формулировками, многими умолчаниями: еще раз испытывать судьбу не хотелось. Более полный текст о жизненном и творческом пути Пионтковского был мною представлен в книге «Без права на мысль. Историки в эпоху Большого террора. Очерки судеб». (Казань, 1994. С. 95-121). В 2002 г. журнал «АЬ Ітрегіо» № 3, выходящий в Казани, опубликовал отрывок из дневника Пионтковского с моим предисловием и примечаниями И.Герасимова и С.Глебова[93], которые используются и в данном издании.

Почему возвращение Пионтковского из небытия было столь долгим? Ведь формальных препятствий для этого не было: Пионтковского реабилитировали в 1956 г., но его книги оставались в спецхране и понадобились десятилетия для публикации статьи о его творческом пути. Трудно объяснить, почему в середине 1930-х годов его и Эльвова расстреляли, Дубровскому дали 10-летний гулаговский срок, оставили в живых, Минца не тронули... Игра случая? Ошибка следствия? Или судьба в образе тоталитарного режима, который подобно мифологическому существу пожирал своих детей?

В следственном деле Дневник упоминается несколько раз. При обыске в квартире Пионтковского 7 октября 1936 г. среди изъятых вещей значатся рукописи дневника[94]. Но в деле хранились машинописные копии дневника, а не рукописи, нет ни записных книжек, ни описи конфискованных книг, ни личных документов. Видимо, они были уничтожены, а дневник перепечатан. Возможно, машинопись дневника была названа следователем рукописью. Насколько его

[9j] *Литвин А.* Дневник историка: Предисловие к публикации. Из дневника С.А.Пионтковского // Ab Imperio. Казань. 2002. № 3. С.419-489.

[94] ЦА ФСБ РФ. Д.3257. Л.2.

машинописная копия идентична рукописи сказать невозможно, копий же в этом деле было две (одна, из них, находящаяся в третьем томе, была передана А.А.Пионтковскому. В моем архиве хранится копия дневника. Я проверял текст, знакомясь со следственным делом. Она идентична хранящемуся в деле). Таким образом, в настоящее время в следственном деле Пионтковского два тома.

Подлинность сохранившегося машинописного текста дневника Пионтковского не вызывает сомнения. Оно касается лишь сомнения в том, полностью ли были перепечатаны его рукописи (объем машинописной версии и внутренняя логика текста позволяет предположить, что Дневник перепечатан полностью). Что касается содержательной части Дневника, то, разумеется, оценки событий и персоналий в нем весьма конъюнктурны и субъективны. По мере изменения политической обстановки в стране записи Пионтковского становятся все более осторожными (вдруг они станут свидетельством против его политической благонадежности, ведь в конце концов так и произошло). В них сквозит обреченность и желание любым способом сохранить себе жизнь и общественное положение. В этих записях, как и в его последних книгах, боролись стремление угодить власть имущим и в какой-то мере сохранить свое профессиональное лицо историка. Судя по тексту Дневника, Пионтковский жил тогда идеями скорой мировой революции, в ожидании войны, которая должна эту революцию приблизить. В те годы уверенность в высокой вероятности войны разделялась подавляющим большинством населения страны[95]. Но у Пионт-

[95] См.: *Голубев А.В.* Советское общество и «военные тревоги» 1920-х годов // Отечественная история. 2008. № 1. С. 36-58.

ковского были на неё свои надежды. В дневнике не ежедневные записи, а случайные, записывал, когда хотелось. Сам он назвал свой Дневник записками «коммуниста и революционера» (31 марта 1931 г.), который хочет, чтобы позже, когда их будут читать, думали о том, «как мы строили социализм». Дневник Пионтковского можно считать характерным для эпохи начала сталинизма.

Ко мне текст Дневника попал по воле случая. Летом 1978 г. я получил письмо от Антонины Павловны Окаемовой, датированное 16 июня, которая от Г.Д.Алексеевой узнала о моем интересе к жизни и творчеству Пионтковского. Она сообщила, что рядом с ней (Москва, ул. Киевская, д.24) проживает Елизавета Михайловна Черменская (жена С.А.Пионтковского), у которой не сохранилось ни одной фотографии мужа, памятью о котором она очень дорожит. Я немедленно послал ей письмо с рассказом, где можно почитать о Пионтковском и его студенческую фотографию. Вскоре я получил следующее письмо от Окаемовой, датированное 19 июля 1978 г.: «Уважаемый Алексей Львович! Письмо и фото Сергея Андреевича Пионтковского получила, за что приношу Вам глубокую благодарность от себя и, особенно от Елизаветы Михайловны Черменской. Представьте себе, какая радость! Человек, у которого не осталось никого из близких, получает от чуткого человека письмо и фотографию своего мужа... Спасибо Вам.

Авторы, которых Вы указываете, известны (Е.Н. Городецкий, по словам Елизаветы Михайловны бывал у них). И мы постараемся прочитать их. Почему я говорю «мы», потому что Елизавета Михайловна почти ничего не видит. Читала она в свое время очень много, а вот несколько месяцев читать не может. Да и память у неё пропадает катастрофически. У неё сильный склероз, она часто падает и разбивается (Е.М. 79-й год). События путает, но иногда что-то вспоминает в строгой

последовательности. Очень хотелось бы, чтобы опубликовали Ваши статьи... Большой Вам привет и огромная благодарность от Елизаветы Михайловны. Вы очень растрогали её. С глубоким уважением А.Окаемова»[96].

Вскоре я получил известие, что А.П.Окаемова от имени Е.М.Черменской готова передать мне Дневник Пионтковского. Андрей Андреевич Пионтковский умер в Москве в 1973 г.[97] Видимо, он успел передать имеющийся у него экземпляр Дневника жене историка, а она передала его мне. К сожалению, я лично его не получал, мне его привез мой знакомый, который, будучи в Москве, зашел по указанному мне адресу и получил текст Дневника.

В настоящем издании Дневник Пионтковского публикуется полностью, единственное, что позволил себе составитель, - это проставил в ряде мест абзацы, так как в оригинале дан сплошной текст. Авторы примечаний А.А. и А.Л.Литвины.

А.Л.Литвин

4(1 Письма А.П.Окаемовой хранятся в моем личном архиве.

° Профессор А.А. Пионтковский, выпускник юридического факультета Казанского университета (1916) не терял связи с Казанью. Среди его учеников были профессора-юристы Казанского университета А.Т.Бажанов (1898-1983), Д.И.Фельдман (1922-1994) и др. В 1971 г. А.А.Пионтковский приезжал в Казань, был в университете, встречался со студентами-юристами, подарил факультету свою личную библиотеку.

С.А. Пионтковский

Дневник
1927-1934 гг.

1927 год

Лето 27 года было тяжелое. Я только и делал, что писал, да писал. Писал для Коминтерна, писал для российских газет, писал для Истпарта, никогда в жизни я еще так много не писал, как в это лето. Я уже давно задумал написать большую работу, посвященную специально Октябрю, ограниченную хронологическими рамками Октября. Хотелось выпустить эту работу к десятилетию. Ряд глав этой работы я написал и рассовал в журналы, но большую работу листов в 12 размером ни одно издательство не хотело брать и пришлось ухватиться за предложение Истпарта и написать для них небольшую брошюрку об Октябре. Так как часть глав уже у меня была написана, и я быстро сделал брошюру в шесть листов. Весною же ко мне явился до тех пор мне неизвестный Эльвов[98] и предложил мне написать ряд глав для истории партии под редакцией Ярославского[99]. Эльвов был занятный парень, большой, здоровый, рыжий, в очках, очень неглупый, а больше хитрый, - он производил довольно приятное впечатление, умел вовремя молчать, вовремя стушеваться, был в достаточной степени двуличным. Для написания Истории партии Ярославского он собирал со всех концов людей. За меня сначала схватился зубами и руками, навью-

[98] Н.Н.Эльвов (1901—1937) - историк, большевик с 1918 г., комиссар полка в годы гражданской войны. Выпускник Института красной профессуры. С 1932 г. в Казани, зав. кафедрой истории СССР в педагогическом институте, профессор университета. Один из авторов многотомной истории ВКП(б) (М., 1926-1930). Арестован в Казани 10 февраля 1935 г. Расстрелян в ночь с 15 на 16 сентября 1937 г. Реабилитирован 18 марта 1958 г. за отсутствием состава преступления.

[99] Е.М.Ярославский (М.И.Губельман. 1878-1943) - политический деятель, академик АН СССР (1939), член ЦК ВКП(б) в 1921-1923 гг., историк и публицист.

чил на меня целую гору статей. Писание подвигалось очень медленно, да и до сих пор еще я написал всего-навсего полторы главы, а уже с того времени прошло около года. Я должен был представить свои главы осенью 27 г.

По вопросам написания истории партии происходило несколько собраний у Ярославского. До того времени я только слышал о Ярославском, да видел его на трибунах. Он производил занятное впечатление. Несомненно, историю партии Ярославский знал как никто, в особенности историю партии во время нашей революции знал он хорошо. Это было видно в каждой его фразе и в каждом его слове. Но, зная хорошо материалы по истории, в особенности под углом зрения ЦКК, т.е. зная те моменты истории партии, с которыми приходилось вести борьбу, Ярославский недостаточно широко схватывал отдельные эпизоды и не давал координирующих мыслей. На этих собраниях, кроме вопросов написания истории, распределения глав, заслушивания отдельных планов по отдельным главам, Ярославский рассказывал нам о партийных делах. Как раз в это время происходил летний Пленум, и он рассказывал нам о борьбе вокруг китайского вопроса, о позиции Троцкого[100] с требованием выбросить в Китае лозунг Советов, словом давал некоторую информацию о том, что происходило на партийных верхах.

После этих собраний, пробуя подогнать нас в писании истории, Ярославский вызывал нас по очереди к себе. Вызвал он и меня к себе летом на дачу. Жил он в Серебряном Бору, занимал огромную дачу. Когда я пришел, он с целым выводком ребят вокруг него и Клавдией Кирсановной, его женой, очень интересной и милой женщиной, занимался в саду по-

[100] Л.Д.Троцкий (Бронштейн. 1879-1940) - политический деятель, член Политбюро ЦК ВКП(б) в 1921 - 1926 гг., в 1927 г. исключен из ВКП(б), в 1929 г. выслан за границу. Автор многих работ по истории революции в России.

ливкой цветов. Прямо картина из истории Рима - Цинциннат на покое. Расспрашивал меня подробно о положении моих глав. В это время я писал как раз брошюру об Октябре[101] и таким образом довольно смело заявлял, что, по крайней мере, одна глава у меня почти что сделана, так как я дописываю брошюрку, и можно будет ее переделать в качестве статей. Он стал рассказывать мне о том, как он пишет историю партии, показал мне корректуры, похвастался тем, что его историю партии переводят на какие-то туземные языки, т.е. на языки нацменьшинств, и предложил мне написать в его историю партии главу о гражданской войне. Я обещал, но потом так замотался и так устал, что главы этой не написал. Ярославский вообще умел держать язык за зубами и во все те встречи, которые у нас с ним были, несмотря на все наши старания выжать из него побольше, он говорил довольно мало, кроме колкостей насчет Троцкого. Троцкого он определенно не любил. Вообще из его слов создавалось впечатление, что он занимает довольно - таки правую позицию. Об идее советов в Китае он сказал так: Опять, говорит, Троцкий со своими перманентными советами выступил.

Историю партии к осени мы никто не написали и приблизительно в сентябре-октябре Ярославский опять вызвал нас всех к себе и страшным образом изругал. Вся эта история приближается к концу, и опять предстоят длинные разговоры и с Ярославским и с Поповым[102], который негласно редактирует всю Историю, и с рядом других лиц о характере отдельных глав и статей. Летом и осенью ко мне раза два приходил Виль-

[101] См.: *Пионтковский С.А.* Октябрь 1917 г. М.; Л., 1927.

[102] Н.Н.Попов (1891—1938) - историк и публицист, в 1920-е годы один из руководителей сектора печати ЦК ВКП(б), в 1929-1932 гг. — член редколлегии «Правды», в 1933—1937 гг. — секретарь ЦК КП(б) Украины. Арестован в 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

ям Райс[кь], огромный детина. *Я* ему еле по плечам хватаю головой, широченный в плечах американец. Он уже несколько лет торчит в России. Вместе с Джоном Ридом[104] он был в октябре 17 года в Ленинграде, вместе с ним издал в Америке книгу об Октябрьской революции. Джон Рид написал «Десять дней, которые потрясли мир», Вильям Райе написал «Массы в русской революции». Книга эта переведена на русский язык.

В Америке Вильям Райе выступал защитником русской революции, выпустил в миллионном тираже брошюрку о большевиках и потом крепко впился в Советскую Россию. Он главным образом странствует по российской деревне. Как он мне рассказывал, он пишет новую книгу о России, о крестьянской России. Он принес с собой целую коллекцию английских журналов, где были напечатаны его новые статьи о советской деревне. Его, по-видимому, интересуют более всего бытовые материалы. Он написал статью о советском суде в деревне, статьи по религиозным вопросам. Статьи эти снабжены рядом снимков. Так как я по-английски не понимаю, то, что в них написано, я прочитать не мог. Ряд статей он написал и в русских газетах, в «Известиях» главным образом. Пришел он ко мне как практичный американец с практической целью, ему хотелось переиздать второй или третий раз в России свою книгу «Массы в русской револю-

[1Сь] Райе Вильям. Видимо, имеется в виду Альберт Рис Вильяме (1883-1962) - американский журналист, участник октябрьских событий 1917 г. в Петрограде. Автор книги «Путешествие в революцию» и др. Неоднократно бывал в России, в том числе и в 1923-1927 гг. Борис Полевой, встречавшийся с ним, увидел «огромного, могучего сложения человека» *(Вильяме А.Р.* Путешествие в революцию. С.З).

[104] Джон Рид (1887-1920) - американский писатель и публицист, участник революционных событий 1917 г. в России, автор книги «10 дней, которые потрясли мир» (М., 1959). Книга впервые была издана в США в 1919 г., на русском языке с 1923 г. выдержала более 10 изданий.

ции». Так как об одном из первых изданий этой книги я написал очень хвалебный отзыв, а отзыв этот Вильям Райе прочитал, вырезал и принес мне и показал, то он решил, что я человек влиятельный и могу помочь ему продвинуть его книгу в Госиздате. Поэтому он пришел и просил меня повлиять на Госиздат, поговорить с Литвиновым, заведующим в этот момент социально-экономическим сектором Госиздата и помочь напечатать новое издание его книги. Он предлагал даже снабдить ее предисловием моим, только бы ее напечатали.

Дело в том, что книга, вышедшая вторым или третьим изданием, не разошлась и Госиздат не хотел, поэтому, ее издавать. *Я* пообещал ему поговорить с Литвиновым, но указал, что Госиздат, конечно, подходит с экономической стороны к делу и если книга разошлась в небольшом количестве, а большая часть лежит на складах, то нет никакой возможности заставить Госиздат напечатать убыточное с его точки зрения издание. Кроме вопросов о книге мы вообще поболтали. Он предлагал мне довольно забавные вопросы. Он интересовался моею национальностью, не знаю, вид, что ли мой навел его на такой вопрос, осмотрел подробно мою комнату, спросил, как я живу, пью ли, курю ли, что ем, есть ли у меня жена, давно ли я стал заниматься наукой, какое мое происхождение, одним словом повторил почти что полностью те анкеты, которые обычно в советских учреждениях предлагаются заполнить тем, кто поступает на службу. Осмотрел подробно мою комнату, осмотрел книги, сообщил, что он читал мои книжки по истории Октябрьской революции, поинтересовался, что я теперь делаю и что намерен писать.

Потом через месяц он явился ко мне опять с какой-то женщиной, рассказывал мне о своем путешествии по российским деревням, об Архангельской губернии, где он был, о Владимирской губернии, где он интересовался владимир-

скими иконописцами, о Поволжье. Изъездил Россию основательно. По его словам он собрал уже большой материал для большой книги, которую он намерен опубликовать в Америке, куда он собирался ехать и предлагал мне прислать из Америки какой-нибудь подарок - духи, чулки, пишущую машинку, одним словом, пробовал провести со мной вполне советский разговор. Но я ему сказал, что духов я не употребляю, чулок не ношу, а за границей я был уже сам два раза, буду и еще и, если мне понадобится, привезу машинку из Европы и ему совершенно нечего трудиться и посылать мне ее из Америки. Я показал ему свою коллекцию денег периода гражданской войны и коллекцию плакатов. Хотя во всех наших музеях и в Музее Красной Армии и в Музее Революции в Москве и в Музее Революции в Ленинграде имеются огромные коллекции плакатов, но этот американский журналист, излазивший все закоулки нашей страны, в Музеи как-то не попал и поэтому он с большим удовольствием смотрел плакаты, которые ему даже очень понравились. Особенно на него произвел большое впечатление плакат, изданный во время голода. Плакат этот на черном фоне изображает какого-то изможденного старика с распростертыми руками и над ними написано «Помоги». Плакат производит действительно сильное впечатление. Так как у меня этот плакат был в двух экземплярах, то я один из них подарил Райсу, заметив, что ему этот плакат понравился.

Он мне дал номер своего почтового ящика, наговорил мне всяких любезностей, пожалел, что я не знаю английского языка и не могу поехать в Америку и благополучно скрылся вместе с моим плакатом и своей не то немкой, не то американской. Кроме писания, скуления, хождения по мукам и тоски я целое лето читал стихи тем товарищам, главным образом женского пола, которые хотели меня слушать и слушали.

Оказывается, я не совсем еще забыл стихи, хотя, порою, они и звучат уже для меня как старинные заклинания и я читаю их как жрец читает хорошо знакомую ему формулу, в сущность и святость которой он сам не верит, но требует верить от тех, по требованию которых идет богослужение. В общем, лето 27 года прошло в работе, в писании и никакие пертурбации и неудачи личные не смогли перевернуть меня на спину. Я, можно сказать, дерусь с жизнью, весь закованный в броню, или, говоря простым языком и словами Некрасова, моя шкура так выдублена, что ее уже ничем не проймешь.

В пятницу я ходил в гости к Самуилу Марковичу. Там хоть были два интересных человека, с которыми можно было разговаривать: писатель Алексеев и Левидов. Алексеев написал уже три больших романа на историческую тему из истории нашей революции: «Большевики», «Зеленая Радуга» и «17-й год». Он очень забавный парень, большой, худой, выше меня ростом, с черной окладистой бородой, довольно добродушный и, по-видимому, вообще мало образованный и малограмотный. В разговоре он мне сказал: я тоже образованный человек, я трехгодичный курс в Свердловске кончил. Недавно он выпустил роман «17-й год», вокруг которого и вертелся разговор. В этом романе Алексеев изображает всю революцию только как солдатский бунт, как солдатское восстание: ни массы, ни рабочих, ни партии в романе почти что нет. А назвал свой роман «17-й год» - огромная претензия. Я ему сказал это, он очень огорчился и расстроился, стал доказывать, что он изучал эпоху в архивах Октябрьской революции, на выставки ходил и что его роман должен служить художественным учебником по истории 17-го года. Такие бывают претензии у людей. Госиздат хочет издать этот роман в 200 тысяч тиража. Как, говорит, мне быть. А я говорю: если издают — берите деньги, ваша какая забота.

Другой - Левидов гораздо интереснее. Типичный литератор. Основная мысль, которую он все время развивал, это то, что нельзя глушить мысль, а мысль глушится в эпоху диктатуры. Совершенно, говорит он, невозможно мыслить, - все должны мыслить по Марецкому[103], нельзя глушить мысль, невозможно. Забавный человек. Он написал драму, которую принял, было, к постановке Камерный театр - «Заговор равных». Драму эту накануне постановки сняли с репертуара. Пишет он сейчас опять какую-то драму из французской революции. Знает языки, очень образованный человек. Заговорили с ним о выставке самоучек. Я был на ней. Занятная выставка во многих отношениях. Техника живописи на ней очень неважная, но не в технике дело, интересно содержание и социальный состав участников. Здесь резко бросаются в глаза три слоя. Небольшая группа пролетарских художников. Она представляет огромный интерес. При слабой технике эти художники дают огромную динамику в своих картинах, берут такие сюжеты, которые или не брались художниками, или если брались, то портились. Например, один выставил «Литье асфальта». Небольшая картинка. Льют асфальт, наполняют в бадью и выливают на дорогу. Все производство асфальтного тротуара. Картинка полна динамики и даже со стороны красочной гаммы она интересна сочетанием контрастов тонов красного и черного. Другой выставил постройку дома. Я припомнил, как на выставке АХХР была выставлена производственная картина. Там впечатление производилось определенного позерства, рабочий строит и позирует

[103] М.Ю. Левидов (1891-1942) - журналист, заведующий иностранным отделом ТАСС, автор пьесы о французском утописте Г. Бабёфе «Заговор равных». Д.П.Марецкий (1901-1937) - представитель бухаринской школы теоретиков, ученый секретарь АН СССР. Арестован 5 ноября 1936 г., расстрелян 26 мая 1937 г. Реабилитирован в 1958 г.

художнику. Здесь же чрезвычайная насыщенность динамикой в каждой картине. Крестьянский слой самый большой на выставке. Крестьяне выставили ряд пейзажей. Недурные картинки. Большую группу представляет мелкая буржуазия: конторщики, бухгалтера, счетоводы. В их живописи заметно их производство, большое стремление к буржуазной культуре, влияние Монне, Серова. Мало самостоятельности, мало мысли, но зато попытка овладеть техникой.

Интересна широкая тематика этой выставки. Она свидетельствует о том, чем живет масса, насколько мы охватили ее новой своей идеологией, дали ей жизнь. Какой-то художник из Уфы представил большую картину «Казнь Сакко и Ванцетти». Откуда в Уфе, от которой три года скачешь и ни до какого государства не доскачешь, такая тема? Ясно, она навеяна текущей агитационной кампанией. Левидов ныл по поводу этой выставки. «Ужас, - говорит он, - квалифицированным интеллигентам приходится снижать культуру». Выставка самоучек для него не сигнал, не свидетельство о подъеме масс, а свидетельство о снижении культуры. Все постановки его блещут полным отсутствием классовой позиции. Рафинированный интеллигент, интеллигент, стоящий на советской платформе, чувствует себя совершенно лишним человеком в культурных условиях нашей страны. У Самуила Марковича все же было интересно, поскольку были и люди, и разговоры, и заставляли думать.

За несколько дней до этого был я на большом вечере у одного из крупных хозяйственников, председателя шелкового синдиката. Сам бывший эмигрант, много лет проживший во Франции, интеллигент, говорит на всех языках. Жена одна из немногих наших женщин - ученых, имеет ряд книг тяжелых и толстых. Публика - несколько профессоров, ректор вуза, хозяйственники. А за целый вечер и никто слова не промолвил о

политике, и вообще не вели никаких разговоров. Усиленно пили за хозяйку и за хозяина и за всех присутствующих и вообще без всякого повода. Нализались почти что до положения риз, а потом часов до двух ночи пели старые студенческие песни: «Славное море, священный Байкал», «Марш Буденного», еще какие-то. Пели те, конечно, кто имел голос, а остальная публика усиленно орала, кто мяукал, кто просто визжал. Интеллигентное препровождение времени. Потом пили чай, зубоскалили насчет заграницы. Среди присутствующих половина успела уже побывать после Октябрьской революции по нескольку раз за границей, одним словом партийная интеллигенция, довольно типичная по своему времяпрепровождению. Как-то до Рождества я тоже попал на такую вечеринку к Кривцову. Прихожу, сидит мой профессор Кривцов и дуется в картишки со старым партийцем и литератором Флеровским[106]. Потом тоже, как и тут, все перепились, занялись тем, что поили какой-то смесью из разных вин одну глупую девочку, вперемежку говорили о том, что оппозицию нужно раздавить до корня, а оптом опять выливали из бутылок, подсмеивались друг над другом и вели безразличные разговоры. Разошлись, как и тут, уже в середине ночи и тоже весьма навеселе и тоже коммунистическая партийная интеллигенция, четыре профессора и их жены, одним словом, цвет науки и цивилизации. Черт знает, что.

До 4-х социализм строят, а после четырех - разлагаются, отдыхая от трудов праведных. Ужас скучно жить на свете. Жизнь совсем не действенная, а какая-то кинематографическая, прямо вспомнишь Осипа из «Ревизора». В театр ходишь, собаки тебе танцуют. Тут почти что то же. Скоро сам запляшешь,

[106] И.П.Флеровский (1888-1959) - большевик с 1905 г., участник революционных событий в Петрограде в 1917 г. и гражданской войны.

как собака. В театр действительно ходишь. Это тоже проявление культуры. Нужно же как-нибудь сублимировать энергию. Книги да театр, да разговоры - ужасно активная жизнь. Был и я конечно в театре, даже два раза: и в оперу попал и в драму. В опере смотрел «Саломею». Ничего не понял, поют, как поют, декорация, как декорация, одно только отчетливо заметил: уж очень красиво пляшет Саломея (Абрамова) и тело у нее прямо как у Венеры. А в драме «Ревизора» видел. Трудно более испакостить гоголевского «Ревизора», чем это сделал Мейерхольд[10]Играют артисты исключительно, очень хорошо и сравнительно вещь неплохая, да целое впечатление, но какой-то мистический «Ревизор», не по Гоголю, а по Мережковскому'[08]. Народу довольно много и что меня поразило, должно быть такая же тяга к культурной жизни и сублимированию энергии не только у меня. В театре был Стэн[109], член ЦКК, в театре был только что исключенный из партии Куницкий — западник. Значит и этих людей давит энергия, некуда ее деть и идут в своеобразный кинематограф, названный театром, да и вся жизнь кинематографом стала. Только вот иногда побрюзжишь, подумаешь, подиктуешь воспоминания, а активно все

[107] В.Э.Мейерхольд (1874—1940) - режиссер, актер и педагог. В 1920-1938 гг. руководил театром в Москве. Репрессирован. Реабилитирован посмертно.

[108] Д.С.Мережковский (1866-1941) - русский писатель и философ, с 1920 г. в эмиграции.

[109] Я.Э.Стэн (Стиенс. 1899-1937) - философ и партийный деятель. В 1928-1930 гг. — заместитель директора Института Маркса-Энгельса, позже работал в БСЭ. Есть версия, что это он написал главу о диалектическом и историческом материализме, которую потом переработал Сталин и включил в краткий курс «Истории ВКП(б)» (Историческая идеология в СССР в 1920-1950-е годы: Переписка с историками, статьи и заметки по истории, стенограммы выступлений: Сб. док. и материалов. 4.1. 1920-1930-е годы. СПб., 2006. С.156).

равно ничего не делаешь, и начинается на другой день та же самая волынка. Сначала книги читать, умное лицо делать,'в театр да кино ходить, словом высококультурная и активная жизнь. На фоне такой активной культуры каждая мелочь встряхнет, становится значительной и большой. Должно быть, поэтому так и впился, было, в неуспевший родиться журнал, потом так старательно терся по передним ЦКК, стараясь добиться толка. Кто-то что-то насплетничал, журнал прикрыли, меня отставили, ну я подал жалобу. Ходил и к секретарям и к членам Президиума ЦКК, жаловался, скулил, ругался и разговаривал, а толку не добился никакого.

За неделю

23-29 октября 27г.

Вся неделя прошла. То лекции, то разговоры об оппозиции, то чтение каких-то документов и газет. В понедельник утром была лекция. К лекции навалила масса народу. Читал им о Пугачевщине, цитировал новые документы. Слушали с большим интересом. Вечером читал в ГМТУ лекцию об Октябрьской революции. Читал эпоху войны и Февраля, разбирал и сопоставлял прогноз революции, данный Лениным и Троцким во время войны, и их оценку Февральской революции. Во время лекции группа ребят начала шептаться и пересмеиваться. Я предложил им остаться после лекции и объясниться в чем дело, а не перешептываться и не нервировать тем самым меня. После лекции они с азартом заявили мне, что я читал тенденциозно и совсем не так, как следует, что я тенденциозен в двух положениях: я слишком много уделял внимания ошибкам Троцкого в период войны и в момент Февральской революции. Троцкий, как сказал мне один из них с величайшей яростью, не представлял в то время отдельного течения.

За ним не было ни организации, ни аппарата. Поэтому рассказывать об его ошибках в период войны и в момент Февральской революции - совершенно излишне. Я сказал, что Троцкого ставлю выше, чем они, и считаю, конечно, что Троцкий представляет, несомненно, резко выраженное и очерченное течение социал-демократической мысли.

Другое их возражение касалось Апрельской конференции[110]. Они заявили, что Апрельскую конференцию нужно изображать не как борьбу между Лениным и Каменевым, а как борьбу между Лениным и Рыковым. Сославшись при этом на оценку, данную Лениным рыковской позиции в апреле, я ответил, что читал не биографический очерк, а историю вообще и давал очерки истории партийных течений в тот или другой момент. Поэтому мне приходится брать именно Каменева как центральную фигуру того времени, которое занимало антиленинскую позицию и которое встретило на Апрельской конференции жестокий отпор. Вокруг этих ребят - их было трое или четверо - собралось сейчас же несколько сочувствующих. Внимательно слушала спор и вся остальная аудитория. Сочувствующая какая-то черноглазая маленькая девчонка мне с азартом заявила, что каждый год их заставляют изучать историю партии по-новому и это им надоело. Совершенно случайно в дальнейшем разговоре я узнал — эта девочка не член партии, как она мне сказала, но очень интересующаяся всеми партийными вопросами, как и вопросами внешней и внутренней политики.

[110] Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция большевиков состоялась 24-29 апреля 1917 г. На конференции призывам Ленина к свершению социалистической революции противостояла группа умеренных большевиков во главе с Каменевым, тогда полагавшая, что страна к таковой не готова ни экономически, ни политически.

Такое настроение в аудитории, группы, занимающей резко оппозиционную политику, общий повышенный тон начинают придавать лекциям по Октябрьской революции особую политическую остроту. Это в особенности сказалось на тех лекциях, где присутствовали большие массы народа. Во вторник на лекции по Октябрьской революции во 2-м Университете и в субботу в Промышленно-экономическом институте, где на лекции присутствовало от 600 до 700 человек, настроение аудитории чрезвычайно наладилось. Слушали лекцию с необычайным неослабеваемым ни на минуту вниманием. В то же самое время в этом внимании не чувствовалось родственной теплоты, не чувствовалось настроения, родственного лектору. Все время чувствовалась огромная настороженность, огромная требовательность, огромное напряжение и внимание, особенно обостряющееся при произнесении тех или других политических имен, хорошо известных аудитории. Каждое свое положение я старался аргументировать подлинными цитатами. Читая при разборе мнений Ленина и Троцкого цитаты из их сочинений, я указывал точно каждый раз, где напечатана та или другая статья, из какого тома, с какой страницы я привожу им цитаты.

Кроме лекции во вторник утром мне пришлось быть у Ярославского. Здесь разыгралась довольно пикантная история, вернее просто голая склока. Дело в том, что я обещал написать для «Истории партии» Ярославского 5 глав. До сих пор их не написал и, конечно, не напишу. В мое отсутствие группа шустрых ребят распределила между собой три главы из моих пяти и начала их писать. Дня за три до этого они предупредили меня, что, ввиду того, что я не написал этих глав, они произвели их распределение между собой. Я, конечно, впал в амбицию. Тогда они решили собраться у Ярославского с тем, чтобы закрепить за собой захваченные у меня главы. Дело сводилось

к простой комбинации. Мальчики настаивали на скорейшем написании истории партии, учитывая стремление Ярославского прославиться, как историка. Мальчики, захватив в свои руки главы, старались поскорее их написать, чтобы тем самым показать, что они готовы в трудную минуту, в какой угодно срок помочь партии, а в то же время, мазнуть меня, как захватившего в свои руки материал и не выполнившего обещания.

При такой комбинации мне не очень хотелось идти к Ярославскому. Я попробовал не придти в назначенный час, но они вызвали меня к телефону и мне пришлось экстренно явиться. Здесь в кабинете Ярославского на его квартире мы довольно сильно начали ругаться. Мальчишки наскакивали на меня за просроченное время, за то, что я не выполнил взятой на себя работы и тем самым затормозил время. Я огрызался тем, что нечестно не написать, а нечестно захватить мои главы. Как выход из создавшегося положения я предлагал подойти к вопросу по-большевистски, практически и точно учесть сроки и возможности, чтобы таким образом создать обстановку для скорейшего выхода «Истории партии». Ярославский попробовал что-то буркнуть против меня, но, в конце концов, ни у кого не осталось другого выхода, как принять мое предложение. Оно было зафиксировано, причем был произведен новый дележ глав. Я отказался от трех глав, захваченных у меня, и оставил за собой условно две главы. После этого мы все гурьбою вышли на улицу, и здесь началась отчаянная перебранка с употреблением самых энергичных слов и выражений.

Ребята доказывали, что я, не выполнив своей работы, навалил на них лишнюю работу. Я говорил, что они жулики и ведут себя не по-товарищески и не партийно, что для них интерес заключается в написании каких-то двух листов, когда для меня, написавшего ряд книг, эти листы не представляют никакого интереса. И мои и их исторические звания и досто-

инства были рассмотрены подробно. Одним словом, помянув родителей своих и других, в конце концов, после большой ругани мы расстались. Я усиленно при этом подчеркивал, что борьба идет из-за метода действия, что я считаю их метод действия, не сообщивши предварительно мне и не поговоривши со мной, за моей спиной захватить главы - не товарищескими, не коммунистическими и не партийными. Вечером Минц[111], яростно ругавшийся со мной утром, позвонил мне по телефону и попросил у меня извинения. А при встрече в четверг в Ленинградском университете сознался, что он поступил неправильно и неверно и что, конечно, нужно было предварительно снестись со мной. Я сказал, что если он понял всю некультурность своего поведения, то этот вопрос исчерпан.

После лекции во вторник я немножко развлекался тем, что дразнил Елену. Вечером в этот день у меня был доклад в МК о международном значении Октябрьской революции. Доклад происходил в так называемом методическом кабинете. Сюда собиралось человек 12-15 рабочих, агитаторов с фабрик и заводов. Мы долго препирались, кто начнет. Я ли буду делать вступительное слово или они будут предлагать мне вопросы. На беседе присутствовала какая-то баба в качестве комиссара, которая чрезвычайно внимательно следила за всей беседой, подавала свои реплики, указывала на каком съезде и в каком протоколе имеется та или другая резолюция, блеща знанием всех партийных постановлений и отсутствием всякой партийной мысли. Ребята предлагали очень интересные вопросы. Вопросы вертелись вокруг сущности Октябрьской революции. Их это интересовало не с исторической, а с практи-

[111] И.И.Мннц (1896-1991) - историк, академик АН СССР, выпускник Института красной профессуры, автор многих работ, в том числе по истории революции и гражданской войны в России.

ческой стороны. Ребята спросили, выполнили ли мы на практике те задачи, которые стояли перед Октябрем. Поставила ли Октябрьская революция в порядок дня всего мирового пролетарского движения вопрос о социалистической революции. Каково отношение к Октябрьской революции оппозиции. Каково отношение между русской Октябрьской революцией, периодом диктатуры пролетариата и пролетарскими революциями Запада и Востока, развернувшимися в это десятилетие. Один выражал сомнение, что национальная политика привела к созданию буржуазно-национальных государств на окраинах в виде Финляндии и Польши, а другой резко и ребром поставил вопрос, будут ли и после десятилетия Октябрьской революции нехватки и недостатки в промышленных продуктах и в продуктах питания. Вся беседа стенографировалась.

В среду в РАНИОНе была ячейка. На ней выступала какая-то девушка и очень спокойно и очень резко заявила о своей принадлежности к троцкизму. Рассказала обстановку высылки Троцкого и бросила всем нам в глаза заявление, что мы защищаем интересы, чуждые пролетарскому классу, защищаем и обслуживаем интересы нерабочего класса. А ячейка все это выслушала молча, очень спокойно, в страшной тишине, с огромным напряжением и никто не встал, никто не бросился на помощь Троцкому, никто не пожалел его в этот момент, хотя все, конечно, глубоко задумались над тем, что Льва Давыдовича за ноги и за голову стащили по лестнице и отправили в ссылку. И очень спокойно, без излишних прений и больших разговоров, даже без речей, сейчас же исключили эту спокойную девушку из партии, и перешли к дальнейшим делам. Выстрел прозвучал в воздухе и заглох, не найдя ответа потому, что не было цели, если социалистические элементы нашей страны растут, то значит, тактика строительства социализма верна. Сигнализирует ли срыв хлебозаготовительной кампа-

нии о росте кулака или он говорит о сравнительной слабости нашей промышленности. Разве один кулак не дает хлеба, разве хлебные излишки в руках только одного кулака и разве середняк и беднота не придерживают тоже хлеба, не получая за него достаточного товарного эквивалента? И разве мы сейчас не трясем деревню так, как не трясли ее и в лучшие годы военного коммунизма? Не задевая, проходят эти события. Была ячейка в среду. Тоже фактически вертелись вокруг оппозиции, исключали из партии. Исключили человек восемь, все ребята стойкие, один краснознаменщик, очень умный парень. Произнес великолепную политическую речь, доказывая, что метод исключения - не метод политического действия, что с политической точки зрения исключение вредно, оно мертвит и убивает партию. Дружно голосовали за исключение. Только человек шесть воздержалось, а сидячий рядом со мной секретарь мне сказал: «те, кто воздерживаются тоже оппозиционеры, мы их возьмем в следующую очередь».

Здесь идет упорное столкновение двух миросозерцаний: с одной стороны, буржуазно-демократического демократизма, свободы мысли и, с другой стороны, старого большевизма. Партия - часовой механизм. Колеблющиеся, инакомыслящие находятся в осадном положении. Единство мысли и единство действия необходимы для политической борьбы. Мне долгое время казалось, что успех строительства социализма - это успех не только роста планового хозяйства, это непрерывное смягчение классовой борьбы и классовых противоречий, а следовательно, и смягчение форм самой диктатуры. Сейчас при относительном росте социалистических элементов нашей страны классовые противоречия не сглаживаются, а, наоборот, развертываются и растут. Борьба классовая становится все злее и упорнее, и формы диктатуры становятся все резче и резче.

Диктатура пролетариата быть может только сейчас начинает показывать свой истинный лик диктатуры и все резче растут формы внутрипартийной борьбы. На партию давят со всех сторон разношерстные классы и. стремясь сохранить чистоту пролетарских одежд, партия все более и более свертывается в единый компактный кулак. Рост форм советской диктатуры, жестокость этих форм, свидетельствующая о росте классовых противоречий в стране, говорит о росте социализма. Рост социализма на пути НЭПа есть рост обострения классовых противоречий и уходящие классы не растворяются совершенно в промежуточных звеньях всей социалистической цепи, а частью входят в орбиту планового хозяйства, а частью все резче и резче вырываются из нее, но у противоположных полюсов резко сталкиваются. Противоположные системы частного хозяйства, буржуазная идеология резко обособляются и выкристаллизовываются против растущего социализма. Обе системы: и пролетарская и социалистическая, и задачи строительства социализма будут жестоким ударом по своему антиподу - буржуазии и попытки втянуть в социалистическую орбиту все промежуточные цепи. При такой комбинации успех строительства социализма сопровождается усилением жестокости пролетарской диктатуры. Ее жестокость все больше и больше в этот момент должны чувствовать противники диктатуры, все уменьшающиеся в своем числе, и ее жестокости совсем не должны замечать ее сторонники, ее служители, ее борцы, непрерывно растущие в своем числе. Этот процесс совершается сейчас у нас перед глазами. Ряды оппозиции фактически сломлены. Дерется упорно и стойко лишь группа Троцкого. Зиновьев и Каменев вот-вот будут приняты в партию'[12]. Ряды их сторонников рас-

[112] Г.Е.Зиновьев (Радомысльский. 1883-1936) — большевик с 1903 г., в 1921-1926 гг. - член Политбюро ЦК ВКП(б), в 1919—1926 гг. - председатель Коминтерна. В ноябре 1927 г. исключен из ВКП(б), в 1928 г. восстановлен, в 1932 г. вновь исключен, а в 1933 г.

сеялись. Часть подает заявления, часть соображает, что нужно чего-то ждать и сохранять чистоту одежд. Зиновьево-Каменёвскую идеологию можно понять, жестокую последовательность Троцкого можно понять. Можно понять последовательность поступков Зиновьева и Каменева, но нельзя понять идиотского содержания позиции их бывших сторонников, которые, не примкнувши к Троцкому, не примьжают и к партии. Такой позиции понять невозможно. Эти люди политически убивают самих себя.

Уже несколько лет Ленинский институт[1 ь] вел работу по подготовке издания нового собрания сочинений Владимира Ильича. Эта работа велась над эпохой подъема и мной. Теперь ЦК требует во чтобы то ни стало, чтобы в течение года институт выпустил двенадцать томов нового собрания сочинений Ленина. На мою долю приходится три тома. И вот, и Институт и ЦК через Орграспред требует от меня, чтобы я как можно скорее выполнил и закончил свою работу, работа скучная. Вчера, напри-

вновь восстановлен в рядах ВКП(б). В 1936 г. арестован и расстрелян. Реабилитирован в 1988 г. Л.Б.Каменев (Розенфельд. 1883-1936) - большевик с 1903 г. В 1919-1926 гг. член ЦК ВКП(б). Позже несколько раз исключался и восстанавливался в партии. В 1936 г. арестован и расстрелян. Реабилитирован в 1988 г.

[1,3] В июле 1923 г. постановлением ЦК ВКП(б) в Москве был учрежден Институт имени В.И.Ленина. В феврале 1924 г. институт был признан единственным хранилищем всех рукописей Ленина и документов, связанных с его именем. Главной задачей Института была публикация 2-го и 3-го изданий сочинений Ленина в 30-ти томах. В 1923—1926 гг. дирекцию Института возглавлял Каменев, его заместителем был А.Я.Аросев. В предисловии к 1-му тому собрания сочинений Ленина Каменев писал, что его ближайшими помощниками являются С.С.Кривцов, В.Г.Сорин и И.П.Товстуха Среди тех, кому был поручено составление отдельных томов, назван и С.А.Пионтковский. Но, видимо, эту работу он не завершил. {*Ленин В.И.* Сочинения. Т.1. М., 1934. C.XVI). В 1928 г. Институт слился с Истпартом, в 1931 г. Институт вошел в состав Института Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б).

мер, я целый день проторчал в Институте, читая думские стенограммы. В одной из статей Ленин говорит о том, что Белоусов - депутат 3-ьей думы, где-то назвал эту работу богомольной, не указывая, где и когда. Статья напечатана была в январе 11 года. Мне пришлось просмотреть стенограммы думских заседаний за целые полгода, за вторую половину 10-го года и перечитать все речи Белоусова, пока я нашел эту фразу. Кропотливая, мало дающая, но зато требующая много труда работа.

Начал читать лекции. Во 2-м МГУ на первой лекции меня встретили и проводили аплодисментами. Лекционная страда войдет в колею с понедельника. Написал две паршивеньких статейки для «Красной Газеты», за что выколотил с них 50 рублей. Купил гору книг, словом жил, как живут, ходил в гости. Были у меня Радимов и Кацман'[14] - две квалифицированных проститутки — вожди и учителя революционного искусства. С Павлом Александровичем Радимовым мы старые приятели. Еще до революции когда-то он был очень искренним парнем, писал плохие картины и немного лучшие стихи. Теперь он стал метром и учителем, изображает из себя не то Сократа, не то Диогена, представителя крестьянского искусства. Рисует жирных свиней и тяжело сидящих баб, пишет похабные стихи и говорит пакости. Советским сановникам нравится эта простота от сохи, и они покровительствуют АХР и Радимову. Кацман - портретист средней руки, недурно пишет с точки зрения портретного сходства, хотя и не дает ничего с точки зрения психологической характеристики сюжета. Он примитивнее и глупее и его проституция ничем не прикрытая. Он, как уверяет, задался писать целую серию портретов новых людей и поэтому пишет исключительно только наркомов и их скучающих жен.

[1 |4]П.А.Радимов (1887—1967) — живописец, поэт, педагог. Преподавал в казанской художественной школе. Е.А.Кацман (1890-?) - живописец, портретист и график.

Забилась жизнь и в РАНИОНЕ. Ну, здесь работа является уже не выражением внутрипартийной борьбы, а отражением всей классовой борьбы, идущей во всей нашей республике. В РАНИОНЕ мне после упорной кампании прошлого учебного года теперь приходится вести секретарскую работу в секции Русской истории, и уже не за горами тот день, когда я стану секретарем всего Института истории, т.е. фактически возьму на себя руководство подготовкой аспирантов в области исторических дисциплин. В РАНИОНЕ подготовка аспирантов - это вопрос борьбы воспроизводства нашей и буржуазной идеологии, и вокруг подготовки аспирантов, вокруг организации работы всего РАНИОНА уже развертывается классовая борьба. Сейчас президиум секции Русской истории состоит из Покровского[115], Невского[116], Бахрушина[1'7], Пре-

[115] М.Н.Покровский (1868-1932) - историк, академик АН СССР, с 1918 г. — заместитель наркома просвещения. Одновременно с 1921 г. руководитель Коммунистической академии, Института красной профессуры, Института истории и других исторических учреждений, редактор журналов «Красный архив», «Историк-марксист», «Борьба классов» и др.

[Ilfi] В.И.Невский (Ф.ИКривобоков. 1876-1937) - большевик с 1903 г., партийно-советский работник, в 1925 - 1935 гг. — директор Государственной библиотеки им. В.И.Ленина, автор многих работ по истории революционного движения в России. Арестован в ночь на 20 февраля 1935 г. В мае 1937 г. расстрелян. Реабилитирован в 1955 г.

[11] С.В.Бахрушин (1882-1950) - историк, член-корреспондент АН СССР. Ученик В.О.Ключевского и М.К.Любавского, с 1909 г. приват-доцент Московского университета. Автор более 200 научных работ. Бахрушин известен своими исследованиями истории Киевской Руси и Московского государства, народов Сибири и Средней Азии. Среди его многочисленных учеников был и известный историк средневековой России А.А.Зимин.

Пионтковский крайне субъективно и неверно писал о Бахрушине и его родословной. Бахрушины, русские промышленники, выходцы из купцов г. Зарайска (ныне Московской области), в

снякова[118] и меня. Но Покровского нет в Москве и едва ли он теперь когда-нибудь сможет принять энергичное участие в работе. Пресняков предпочитает отсиживаться в Москве, а Невский, создав себе репутацию покровителя науки, старается не вмешиваться в драку с беспартийной профессурой и потому на первое заседание, которое было назначено 17 сентября утром, он не пришел.

Таким образом, я остался один на один с Бахрушиным. Надо знать, что это за тип. Бывший миллиардер, фабрикант и домовладелец, член Московской Городской Думы, биржевик и банкир, он теперь стал от безработицы профессором Русской истории. Огромный дядя с низеньким лбом, он как будто неплохо знает фактическую и документальную сторону русской истории, но ни черта не смыслит теоретически и лезет с остервенением в драку по всем вопросам, все время выступая как представитель какой-то организации, которая требует не то, что себе места под нашим солнцем, а требует, чтобы с нею вели переговоры и соглашались. На первом же заседании он устроил мне скандал и развернул все свои знамена. Он заявлял, что они будут биться за свои формальные

XVIII в. - скупщики скота. В 1834 г. Алексей Федорович Бахрушин основал в Москве кожевенную фабрику. Его сыновья и внуки стали крупными поставщиками кожи. В 1864 г. Бахрушины построили суконную фабрику в Москве. Они обогатились на казенных заказах во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. и особенно во время Первой мировой войны. Бахрушины много занимались благотворительностью (дома призрения, больницы и др.). Один из членов семьи, Алексей Александрович Бахрушин (1865-1929), основал в Москве в 1894 г. первый в России театральный музей. Именно к этой семье принадлежал историк С.В.Бахрушин.

[118] А.Е.Пресняков (1870-1929) - историк, член-корреспондент Российской АН (1920), известен многими работами по истории древней и средневековой Руси.

методы, что они требуют, чтобы в организации секции принимали участие и их представители. И когда он выставлял пришедшего на заседание аспиранта, которого я хотел привлечь в качестве технического работника, то устроил целый скандал, поставив вопрос или он остается на заседании или пришедший Зельцер[119]. А когда Зельцеру пришлось уйти, так как мне необходимо было провести заседание с Бахрушиным, то он мне сообщил, что этот Зельцер пишет про них стенгазету и ходит на заседания, чтобы ставить им шпильки и употребляет совсем не академические выражения в своих работах. Одним словом, молодой коммунист только за то, что ведет честно партийную линию, уже имеет заядлого врага в лице этого недоэкспроприированного буржуя.

По-моему, это заседание отражает с точностью то соотношение, какое существует у нас в республике, т.е. условия, в которых происходит строительство социализма. В данный момент буржуазия начинает поднимать голову, она пытается сопротивляться, она требует, чтобы с ней считались, используя для этого каждый шаг советского аппарата, каждое его положение и построение, при таких условиях говорить о расширении НЭПа, о приостановке классовой борьбы, о том, что нужно действовать не методами администрирования, а увещанием, это ставит перед партией тяжелейшую задачу. От этой работы, как будто самой мирной, писаний комментариев к Ленину или организации изучения торгового капитала времен XVI века невольно переходишь к политическим про-

[119] В.З.Зелыдер (1905-1937) - историк, автор ряда статей в журнале «История пролетариата СССР» (1930. С.1; 1933. С. 1-2), посвященных изучению истории промышленных предприятий. С 1932 г. — ведущий сотрудник Института истории Комакадемии и один из руководителей издательства «История фабрик и заводов». Зельцер был арестован в мае 1935 г, в октябре 1937 г. расстрелян. Реабилитирован.

блемам, и политической борьбе. На нее наталкиваешься в процессе чисто академической работы. А в политике сейчас в республике есть много интересного.

Шел Конгресс Коминтерна[120]. Я на нем был, правда, один лишь раз. Колонный зал Дома Союзов был залит красным, стояла зелень, а на трибуне пищал Бухарин, медленно выговаривал немецкие слова доклада о программе. Внизу сидели делегаты, на хорах публика. Было плохо слышно наверху и энтузиазма не было на лицах. А в перерыве внизу толпа молодежи, не старше, пожалуй, 30 лет, все депутаты. Среди них какие-то две негритянки, несколько негров, малайцев, японка или китаянка с ребенком. Кругом слышался немецкий, французский, польский говор. Я сел и с завистью смотрел на проходящих. Вот, думаю, живут люди. Жизнь у них, как сказка, полна приключений и взлетов, творят мировую революцию и двигают колонны рабочего класса. А около меня на диване присели несколько поляков и разговаривали между собой о том, как бы им достать протокол последнего пленума ЦК и разузнать, что там делается. Больше на Конгрессе я не бывал, не очень и следил за ним в газетах. Ну, возился целый месяц, а над чем возился. По газетам лишь общее представление из того, а внутри все законспирировано. Что-то делали, но из того, что сделали, составили одну лишь программу. Да и над той возились бездну лет. Пока заседал наш Конгресс в Брюсселе заседал Конгресс Второго Интернационала. У нас в газетах о нем писали очень мало, а я достал брюссельскую газету социал-демократов на французском языке и почитал отчет о Конгрессе.

[120] VI Конгресс Коммунистического Интернационала с выступлением Н.И.Бухарина, принявший программу этой организации, состоялся в Москве 17 июля - 1 сентября 1928 г.

Тоже торжественно с чувством, как у нас, приветствия и музыка, оркестр и депутация, одним словом честь честью. На первом заседании выступали Вандервельде, Гюисманс[121] и Аксельц. Занятные их речи. Два момента бросаются в глаза: первое, что очень много все говорили о том, что они противники войны. И Г (юисманс) ... и Вандервельде заявляли, что они убежденнейшие противники войны и борцы за мир. По их словам и миру грозит лишь диктатура на Востоке большевиков Литвы и Польши. С войной, по их словам, можно бороться лишь путем развития демократии, завоевания парламента. И Г (юисманс)... и Вандервельде, согласно указывали на то, что они растут, парламент все больше и больше переходит в их руки, а следовательно, они завоюют и возможность крепкого мира. Правда, Г (юисманс)... в то же самое время подчеркивал и заявлял, что если они борются за мир против войны, то экспедиция в Китай и подавление китайской революции, экспедиция Северной Америки в Мексику и Южную Америку - это не война, а наведение порядка в своем собственном доме. Второй интересный момент в этой речи, это отношение к Советской России. Симптоматично не то, что они говорят, Г (юисманс)... и Вандервельде, а то, что принуждены они это говорить. Они, правда, заявляют, что они всей душой с теми, кто ведет в Советской России борьбу за демократию, т.е. с российскими меньшевиками и эсерами. Но в то же самое время, по крайней мере, Вандервельде уверяет, что они будут бороться против вооруженной борьбы с Советской Россией, потому что это может восстановить диктатуру буржуазии. Насколько пролетарские массы, идущие за социал-демократами, жаждут мира и насколько даже в их глазах су-

[121] Э.Вандервельде (1866-1938), К.Гюисманс (1871-1968) - бельгийские социалисты, одни из руководителей II Интернационала.

ществование Советской России является необходимым - вот о чем говорят эти речи вождей Второго Интернационала. И в то же самое время эти речи свидетельствуют о том, что в их лице мы имеем злейшего и самого опаснейшего врага, врага опасного тем, что дурманит массы пролетариата и приучает его к грабежу и эксплуатации колониальных народов, и грабежу побежденной Германии.

Пока в нашей ячейке РАНИОНа жизнь только разгорается. Но и ее разгорание уже свидетельствует о том, что помимо ячейки и бюро работают какие-то силы группами, создавшимися на почве совместных семинарских занятий, совместной жизни в общежитиях или на чем-то другом. Сказать трудно много ли в РАНИОНе политических и глубоких мыслей. Молчат о том, каких они придерживаются настроений, и упорно не отвечают на задаваемые им вопросы или отвечают что-нибудь такое, что ясно свидетельствует о том, что отвечать они упорно не желают. Во всяком случае, какая-то инсценировка и подготовка уже идет и боюсь я очень, что эта инсценировка едва ли левых устремлений.

В понедельник 17/IX был актив, правда, никого кроме аспирантов не было. На нем выступал с докладом секретарь ячейки. Был доклад о самокритике.

Приехала из-за границы моя двоюродная сестра Юленька, забавная девчонка. *Я* ее помню еще подростком, а теперь приехала взрослая женщина, уже повидавшая всего на своем веку. Она года три сидела в тюрьме в Польше в Варшаве, судилась и удрала в Париж, на теперь прибилась в Россию. Рассказывала она главным образом о том, как она сидела с женой Махно, как передавали они письма, как, когда ее вели на суд и повели не по тротуару, что было нарушением привилегий политических, она легла среди улицы в грязь и отказалась идти и стражники принуждены были нести ее обратно в тюрьму,

а на улице собралась толпа и стала выражать ей свою поддержку и одобрение. Как один раз из-за угрозы обыска, после того как ее привели из суда, она разделась перед стражниками донага и тем самым привела их в немалое смущение, избежала обыска и пронесла в тюрьму письмо жене Махно. Как сидела она вдвоем в камере с какой-то работницей, просидевшей в тюрьме уже шесть лет и от одиночества занявшейся разведением и воспитанием пауков. Пауки шли к ней по зову, она знала всех пауков по именам и пауки окликались на свои имена, рассказывала мне Юленька. Работница без пауков жить не могла, а меня от пауков тошнило и вот, говорит, я, чтобы избежать пауков, тихонько, когда сожительница моя не видела, поджигала паукам живот горячей папиросой. Пауки дохли, а их воспитательница плакала. Рассказывала Юленька о нравах польского комсомола, об охоте за провокаторами, вообще рассказы типичные, таких рассказов много написано, напечатано нашими истпартовскими изданиями. Только люди такого склада начинают отходить в область преданий, а для Запада они еще конкретная действительность.

Да, Юленька — это действительность Запада. А наша сегодняшняя действительность это вот все то, что о чем я рассказывал. Нет забавных людей. Ходит ко мне, например, букинист. Когда-то у него был большой магазин на Моховой, торговал он антикварными изданиями, издавал каталоги и был известен. Во время революции у него конфисковали все магазины и все книжные запасы, и он вновь обрел себе пристанище в каком-то ларьке в Лубянском проезде. Книги он знает великолепно, дерет с меня за книги невероятно, правда, дает экземпляры хорошей сохранности. Мы как-то с ним разговорились, он мне рассказывал, что после революции он стал читать отцов Церкви, Златоуста, Василия Великого, Оригена и больше всего теперь интересуется религиозными

вопросами. Пробовал и меня тоже убедить почитать Оригена и вообще принять христианство, если не креститься, так как я все-таки сказал ему, что я крещен, то, во всяком случае, ходить в церковь и верить в бога и отнюдь не поощрять комсомола, который таскает по улицам гроб Второго Интернационала с переряженными попами и поет над ним отходную. Старикашку это возмущает. Уж, если говорит свобода агитировать против религии, то должна быть свобода агитировать и за религию. Да, это остаток сломанного бурей прошлого, а бытовое настоящее строится на окраинах Москвы многоэтажными корпусами.

Был я как-то на днях в новых рабочих квартирах. Не скажу, чтобы они были шикарными квартирами, правда, не плохие, жить в них можно. Но надо сказать по совести, что все же рабочие квартиры в коммунальных домах Вены гораздо лучше наших. Строим мы дома, строим огромные парки, одним словом, стараемся поднять культуру, а поднятие культуры усилит и стройку социализма в нашей стране. В городах это еще и удается, а вот деревня глухо молчит и участвует в строительстве социализма убийством селькоров, рабкоров, членов сельсовета и весьма сдержанной доставкой хлеба на ссыпные пункты. Это не только молчаливое участие, это определенная форма массовой классовой борьбы многомиллионных масс многомиллионного крестьянства. Видно за год НЭПа классовая конструкция деревни сильно изменилась и прежние понятия кулака, середняка и бедняка таят в себе новое социальное содержание, раскусить которое придется не одному пленуму и не одному собранию наших партийных ячеек. Только трудно уж очень его раскусить, когда заявление своего мнения, почему бы то ни было не совсем согласного и совпадающего с официальной точкой зрения, вызывают весьма косое отношение и самое активное участие в обсуждении

этих вопросов дает лишь сведение Информотделу о настроении партии, но не дает конкретных результатов. Это своеобразнейшая форма политической жизни периода диктатуры пролетариата. Она неизбежна и, следовательно, нужна, как неизбежно и нужно в условиях этой формы выявлять и защищать, несмотря ни на что, ту точку зрения, которая кажется правильной. Ну, о точках зрения придется поговорить уже тогда, когда заслушаем доклад Криницкого^2 на той неделе об итогах пленума и подытожим итоги из чтения и обсуждения вопросов о хлебозаготовках, крестьянской нашей политике и классовой конструкции деревни.

Друзья

У всякого человека есть друзья и у меня когда-то в молодости, когда я был мальчишкой, тоже, конечно, были друзья и приятели. Были товарищи, с которыми жилось душа в душу, что называется, водой не разольешь, были друзья, которым верилось, с которыми вместе думалось и надеялось, а потом куда-то все они исчезли. Иногда встретишь этих бывших друзей ранней юности и даже страшно станет, какие разные люди и как далеко они ушли друг от друга. Помню, в гимназии мы вместе учились и были большими друзьями, много лет сидели на одной парте с Борькой Остроумовым, а потом как-то наши пути разошлись, и мы уже увиделись и то отрывками в годы революции. Далеко ушли друг от друга, даже языка общего нет. И поговорить было не о чем. Прошлое вспоминали, а о

[122] А.И.Криницкий (1894-1937) - большевик с 1915 г., в 1927-1928 гг. зав. агитационно-политическим отделом ЦК. Член ЦК ВКП(б) в 1934-1937 гг. С 1930 г. - заместитель наркома РКИ СССР. В 1937 г. расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

настоящем говорили с осторожностью, намеками, а если напрямик говорили, то оказывалось, что совершенно по-разному смотрим. Он остался беспартийным спецом, стал врачом, думает только о том, как удачно взрезать кого-нибудь, да как добыть деньгу, и к общественным вопросам относится, как к печальной необходимости.

Был другой приятель у меня, тоже по гимназии. По внешности наша судьба как будто общая - оба стали профессорами, а в то же самое время теперь стали так далеки друг от друга, больше чем когда бы то ни было. В гимназии он был передовым парнем, сам из рабочих, для нас мальчишек из обеспеченных семей был почти что идеалом. А теперь это утонченный интеллигент, мистик, страшнейший пессимист и если он не решается выступать активно против советской власти, то только лишь потому, что боится, да не имеет в себе настолько общественного интереса и чутья, чтобы бороться за какую-нибудь политическую систему. Брюзжит, ненавидит студентов, систематически высаживающих его из одного вуза за другим, читает где-то в Москве высшую математику, гонит деньгу, да читает стихи и разговаривает о ложности марксизма и всего материального. Стал скучный и серый, как пустынный день, даже тишины и покоя нет у него и не мается, а так, как слизняк живет. Потом дни революции принесли новых друзей. Были яркие события и на их фоне иногда и люди делались ярче, дружнее и крепче держались друг за друга. Но прошли волны гражданской войны, прошла буря 17-х годов и от этих товарищей ничего не осталось, или разлетелись они прахом, погибли кто на фронте, кто-то от тифа, с голоду, кто просто так исчез где-то в бесконечности, а с теми, с кем случайно встречаешься, опять ничего не получается.

Была, например, в 17-м году у нас в Совете председательница культ отдела курсистка Ольга Игнатьевна, шумела, чуть ли

не всеми прапорщиками командовала, а теперь ходит в злой чахотке, живет с каким-то райкомщиком, стала серая-серая и даже канцелярскую работу секретарем, куда ее посадили старые товарищи, и то не может делать, как следует. А мужчина... Помню, в 17-м году нас всех пугал анархист Романовский. Ходил он со страшным лицом, с длинными волосами, на поясе висел у него маузер, в комнате держал он уворованный где-то пулемет, говорил страшные вещи и был прямо-таки грозой всех женщин. А вот в прошлом году на земляческом собрании я его встретил, - плюгавый старикашка, повылезали у него волосы и поседел, где-то служит, не то бухгалтером, не то конторщиком, слова - анархизм — боится, путает все, что рассказывает, - видно, что в голове не то, что каша, прямо-таки собаки в чехарду играют, серый стал, совсем облезлый. Страшно меняются люди. И сейчас, как посмотришь, куда все девались. Никого нет. Были друзья - исчезли, были женщины горячие, как огонь, - их нет, идут новые люди, люди, с которыми приходится вместе работать, вместе решать, бороться, холодные люди, чужие, с ними не пойдешь, душа нараспашку, ну встретишься, ну в гости сходишь, ну поцелуешься, а потом все равно опять еще более чужие, и смотрят молчаливо и напряженно, словно на стойке, за чтобы схватиться, чтобы содрать с тебя кусок шкуры побольнее.

Несколько человек есть старых товарищей, которых я знаю вот уже много лет. Брауде[123], например, я, знаю с 11-го или 12-го года. Вместе мы были в кружках студентами, потом, когда она ушла в ссылку, переписывались, снова встретились в 17-м году, все время встречались во время революции и все же с годами не выросла дружба, а наоборот, уменьшилась и ушла.

[12j] В.П.Брауде (1890-1961) - в 1917 г. - секретарь Казанской организации социалистов-интернационалистов и максималистов, в 1918 г. зам. председателя казанской губернской ЧК, в 1920—1938 гг. — сотрудник центрального аппарата ОГПУ-НКВД.

В 12-м году, я помню, мы все были преисполнены энтузиазма, светло верили во все слова. Я помню в 14-м году в момент объявления войны эта самая Брауде ревела в истерике из-за нарушения, из-за краха Интернационала, а теперь через нее прошла революция. Она оказалась одним из кровавых комиссаров, покрывших кровью Сибирь, при одном ее имени дрожала белогвардейская офицерня и во всех заграничных газетах писали об отталкивающей наружности Верки. А сейчас она стала просто чиновник - баба, честно делает свое дело до четырех, а в свободное время купает в ванне собаку и мучает покорного мужа. Любит поговорить о любовных похождениях и о своих возлюбленных, которых у нее нет и не было, посплетничать в большом количестве, почитать беллетристику, и чувствуешь себя честным партийцем и революционером, от былого только и осталось еще суровая воля эсерки-террористки. Быть может, когда-нибудь она и восстанет, а теперь все больше сквозит в ней салопница баба, большая сплетница, готовая из-за сплетни подложить свинью близкому другу.

Много лет уже знаю и другого товарища, Вегера Е.[124] были когда-то мы с ним тоже близки, плечом к плечу выступали на митингах в 17-м году. Исключительный парень, был оратором, рабочие его носили на руках, а прошли годы и ничего не вышло. Любил парень жизнь и держался за нее крепко и на всякие поправки склонялся, соглашался и вместо революционера вышел вральман, заврался, изоврался в конец. Где бы ни работал, везде врет, самолюбивый, маленький склочник, и тоже уже постарел, засеребрилась голова, опустился и впереди ничего не видится, и от старости стал злой,

[124] Е.И.Вегер (1899-1938) - в 1918 г. — председатель казанского губкома РКП(б), затем на партийной работе, в 1923-1930 гг. в аппарате Наркомата финансов РСФСР. Репрессирован в 1937 г. Реабилитирован.

довериться ему нельзя, ничего кроме себя не любит. Так и разошлись люди, нет друзей. А кругом много занятного, много интересного, бурлит кругом жизнь, как вулкан, ее не заглушишь и не завалишь камнями, нужно бурлить вместе с нею. А вот для личного ничего и не остается, разве только что тяга-то к личному - это страх индивидуалиста пред одиночеством. А теперь ведь строится жизнь совсем другая, ну а индивидуалисту-то куда деваться? Само мое производство питает индивидуализм, а другого я делать не умею. Вот и маешься. Десять лет прошло, было много всякой всячины, а в итоге все же остался только один, один одинешенек.

1928 год

Июнь. Что говорить о Кисловодске. В него приезжают люди для того, чтобы не думать о жизни. Их окружают люди, только и думавшие о жизни. Получаются какие-то два мира. С одной стороны те, кто лечится, всех рангов и калибров, направлений и партий смеются, улыбаются, не думают о жизни, а лишь заливаются веселым смехом среди гор, а с другой стороны обслуживающие, преисполненные, связанные с жизнью - рвачи, специалисты. Если по Кисловодску мерить силу социалистического строительства нашей страны, то будет какая-то сложная нескладица, неразбериха. Получается впечатление - большой курорт, санаторий, больница, ванны - все в наших руках. Это так сказать форпост социализма на минеральных водах. А кругом специалисты, НЭП, держащие в своих руках всю торговлю. Санатории пестрят кругом, а кооператив всего один. Сотни тысяч приезжающих на минеральные воды всецело попадают в руки к частнику, снабжающему их булками, фруктами, шашлыком, вином, одеждою, лошадьми - одним словом, всем, кроме нарзанных ванн и лечебной

помощи, которые находятся в руках государства. А отъедешь верст 15-20 от Кисловодска и совсем попадешь уже в первобытные дебри. По горам ползут стада баранов. В огромных бурках, мохнатых шапках, с кинжалами и ружьем среди пустынных гор иногда попадаются молчаливые, как сами горы, черкесы. Ну, так и кажется, что они выскочили с картин Лермонтова, и вот сейчас начнут резать и грабить, да они, собственно говоря, и грабят сейчас, старинные абреки. Нравы стариков и абреков крепко вкоренились. Карачаевцы воруют у кабардинцев баранов, те им, конечно, отплачивают тем же. В горах идет безостановочная война. А вдали абреки, недовольствуясь кражей баранов, выходят на большую дорогу и грабят прохожих. Уж тут ни о каком социализме и помину нет. Правда, помещиков нет, правда, земля распределена поровну, правда, о всех горных вершинах теперь рассказывают легенды из эпохи гражданской войны, когда на них бились красные и белые, когда эти вершины превратились в укрепления, крепости буйных ватаг. А, в общем, мирно, можно ехать далеко- далеко и на тебя, как на дойную корову, все смотрят с большим сочувствием - доят, но не режут.

В Кисловодске все читают Бахметьева[125]. По-моему, это самый популярный и яркий писатель в Кисловодске. В первый же день, как я приехал, мне стали читать Бахметьева о похождениях Михаила Кузьмича на курорте. В санатории и старый и малый, и ответработники и простые партийцы, в парке посторонняя публика - у всех в руках Михаил Кузьмич. *Я* думаю, что это, пожалуй, самая интересная или вернее самая ходовая вещь из того, что написал Бахметьев. И даже как-то странно становится, как мог такой безнадежный, серый, молчаливый, весь, как

[125] В.М.Бахметьев (1885—1963) - большевик с 1909 г., советский писатель. В 1919 г. - редактор казанской газеты «Знамя революции».

слизняк, человек написать такую великолепную по своеiму остроумию, легкую и забавную, метко охватывающую быт и нравы Кисловодска вещь. Ведь, как раз потому, что Бахметьев безнадежно туп и слаб, как тряпка, он и пишет все какие-то железные вещи - «Железная трава», еще что-то железное, а тут вдруг написал веселое, смешливое, ну, совсем на него не похожее, страшно забавную вещицу. За Бахметьевым и люди знакомятся.

В нашем санатории все партийцы, человек 120. Но какая здесь смесь одежды и лиц. Правда, публика все люди средней руки, губернский актив, ответработники. Партийные сановники не мешаются даже во время отдыха с рядовой партийной шпаной. Ни в одной, пожалуй, стране аристократия не поставлена так крепко и в высоко привилегированные условия, как у нас. Для ответственных работников имеются особые санатории. И если в них обычно люди помещаются по три человека в одной комнате, для особо ответственных работников дают целые дачи. Если здесь на 50 человек один врач, то для ответработников, наоборот, 50 врачей на одного и гуляют отдельно, как индюки в особой загородке, не смешиваясь с массой. Ну, а мы не заботимся о чистоте своей крови и живем как простые смертные в людской гуще. В санатории 120 человек, публика со всей России. О чем только здесь не услышишь. Типы, которые прямо не придумает богатейшая фантазия.

Как-то в сумерках, ночи черны в Кисловодске, лежал я на кресле в садике, а рядом со мной в темноте беседовали двое чекистов. Один рассказывал другому, как расстреливал он белых офицеров. Как сначала приказывали ему, отнимая ружье, выпускать арестованных на свободу, как, выпустив этих арестованных второй и третий раз на свободу, он уже переставал повиноваться приказам, и рассказывал какому-то невидимому собеседнику о том, как, собрав арестованных белогвардейцев в подвале, он начал их расстреливать, как шипела, струилась

кровь, и ходил он хлюпал по крови. И рассказывал он это с таким наслаждением, что мне стало страшно, а вдруг он опять насчет кого-нибудь расстреливать. А потом жаловался и ругал Центрисполком и губком, не поднимавших его и отовсюду снимавших за жестокость с работы. «Не дают работать, черти. Хорошо, - говорил, — что мы еще не слушались, а если бы слушались, совсем бы тогда и от революции ничего не осталось». А днем я посмотрел на него. Из себя совсем щуплый, жидкий, только в глазах какая-то кровожадность, чертовщина, а с детьми ласковый. Приехала к нему жена с ребенком, возится с ребенком, совсем на человека похож.

А другой, например, тип рабочий. *Я* много с ним беседовал, великолепнейший парень. Он мне объяснил, что у него семеро детей и что с женой живут лет 25, что он и жена считают, что одного или двух ребят иметь одно лишь мученье, как бы он не погиб и не пропал. А поэтому они завели семерых. Соки жизни так и бьют из человека. А в то же самое время он мне подробно объяснил, как можно отличить еврея от не еврея и в голом виде и рассказывал, что в санатории евреев слишком много и что он ведет особый учет. А потом мы с ним поговорили об оппозиции, и хотя он и не очень грамотен в политике, а все же весьма неделикатно назвал тех, кто в «Правде» напечатал о том, как Троцкий вместе с собакой и чемоданами приехал в ссылку. Занятнейший тип.

Большинство - губернская верхушка, о политике разговаривают с осторожностью, только с тем, кому доверяют, вообще отмалчиваются, больше любят разговаривать о женщинах. Женщин у нас действительно маловато было в санатории. Да и те, которые были, скорее, были номинальными женщинами, чем реальными. Все в возрасте, потрепанные жизнью, ну, есть экземпляры презабавные. Если о политике мало говорили или говорили только те, кто доверяли друг другу, то политикой инте-

ресовались все. Сильно в политике не разбирались и, безусловно, стояли все на позиции ЦК, плохо представляя себе как совершается на практике приготовление тех блюд, которые преподносит партцентр. Но все же все актуальные вопросы последних дней ставились и обсуждались. Говорили много о хлебозаготовках, ряд работников с мест считали, что мы еще слишком зло наступали на крестьянина. Один мой старый приятель, ученик еще по Зиновьевскому университету, рассказывал мне, что на Урале, где он работал в областкоме, в Курганском уезде 10 лет не происходило передела земли, и распределение земли еще и сейчас осталось таким же, каково оно было и до революции. Рассказывали о прокатившейся толпе разложения в партийных организациях. Факты, вроде Смоленского, наблюдались почти что по всем организациям. Чувашка, марийка, рассказывала мне о том, как они разогнали в Марийской области ряд верхушечных организаций и отправили сидеть в Соловки работников ГПУ. Бакинцы рассказывали о том, что у них ряд ответработников-партийцев оказались в то же самое время руководителями Мусовских партий'[26], а ряд проворовались вдрызг. О таких же фактах говорили и от уральских заводов.

О пленуме ЦК говорили мало, знали о нем еще меньше. Знали лишь понаслышке, передавая друг другу свеже собранные и подобранные слухи и сообщения. Достоверно никто ничего не знал, но старательно следили за газетами, пытаясь из газетной информации, из передовых статей выудить то, что происходит, уловить, как и каким образом создавались те резолюции, которые захватывали газетные столбцы. *Я* читал каждый день штук пять газет местных. С одной стороны, занят-

[126] Мусовские партии. Видимо, имеются в виду представители азербайджанской партии «Мусават» («Равенство»), в годы гражданской войны выступавшей за независимость республики и воевавшей с советскими частями Красной Армии.

но было просто подобрать материал по местным газетам. То, что дает чтение 5-6 газет, не могут заменить пять экземпляров «Правды». Огромная масса информации о местной жизни, о процессах, происходивших на местах. Особенно много дает отдел изобличений и критики. Быть может, они немножко сгущают факты, но факты сообщаются действительно чрезвычайно яркие, резкие, карикатурные. *Я* думаю, что большинство фактов объясняется тем, что брались эти факты из областей с национальным составом, группы Азербайджана, Северного Кавказа, где сильны еще были тенденции национально-буржуазной, буржуазно-демократической революции. Интересны были и газетные передовицы, не столько их содержанием, сколько как раз отсутствием их содержания. В момент пленума это особенно отразилось на газетных работниках. Июльский пленум[127] является, несомненно, крупнейшим событием в жизни нашей партии. После 15 съезда он, пожалуй, имеет, если не большое, то такое же значение, как и 15 съезд, по тем последствиям, которые влекут за собой его решения. Естественно, что местные работники не сразу могли ориентироваться и взять четкую линию. Нужно было отвечать на запросы, нужно было писать, а в то же самое время писать было боязно, не разобравшись еще в совершившихся событиях. И передовицы в момент пленума и сейчас же после пленума по принципиальным вопросам, в особенности по деревенским вопросам, поражали своей бессодержательностью и безыдей-

[127] Пленум ЦК ВКП(б), состоявшийся 4—12 июля 1928 г., дал отрицательную оценку выступлениям «правых» А.И.Рыкова (1881—1938), тогда председателя Совета народных комиссаров СССР; Н.И.Бухарина (1888-1938), главного редактора газеты «Правда» и члена Исполкома Коминтерна; Н.А.Угланова (1886-1937), первого секретаря Московского комитета ВКП(б), предлагавших отказаться от форсированных темпов коллективизации и индустриализации в стране.

ностью. Пленум заставил задуматься, хотя о пленуме и разговаривали с опаской, не доверяя друг другу, хотя о нем'знали лишь отрывками и сообщали друг другу отрывочные сведения, но все же разговоры о пленуме выявили сразу два противоположных настроения, как два противоположных настроения складывались и выявлялись на самом пленуме.

Кругом Кисловодска красиво и дико, как дико и красиво вообще везде, где нет людей. А тут уж очень непривычно для нас. Горы как горы и морщины тяжелыми лохмотьями висят кругом ущелий. И надо всеми горами, скалами, лугами горной травы, отовсюду, куда не поедешь с Машука и Железной горы, с гор Кисловодска, везде блестит вдали двумя головами Эльбрус. Природа, она нейтральна к социализму, она даже не на распутье между буржуазией и социализмом. Ей все равно. Блестит Эльбрус, светит солнце, в ущельях из-под гор бьют нарзанные ключи в нарзанной долине. А люди те совсем не нейтральны. Когда я ехал в вагоне, со мной ехали какие-то советские обыватели лечиться. *Я* узнал обо всем по дороге. И о цене на квартиры и о цене на женские платья, о том, как какой-то знакомый ездил на минеральные воды с девицей, и пришлось потом делать аборт, одним словом, обо всем. А занимали эти почтенные лица три лавочки. А в углу у окошка сидела какая-то женщина. Уже подъезжая к Кисловодску с ней разговорился. Оказалась уборщица из Нижегородской больницы, едет на время отпуска в Кисловодск и везет за собой двух ребятишек - мальчика и девочку. Обещала, как объяснила она мне, показать им Кавказ за успешное учение. Девочка кончает семилетку, а мальчик в средних классах. Оба бледные, худые. Всю зиму говорит, читали ей про Кавказ. И совсем неграмотная женщина начала рассказывать о Пятигорске, о Лермонтове, о его дуэли, одним словом, обо всем том, о чем слышала от ребят. Вот вам в одном купе два быта. Новый быт еще слабый,

пробивающийся и мещанство, заполняющее вагон. Так и повсюду частник дерет, а над зданиями красные флаги. Оперетка самого дореволюционного пошиба в Кисловодском курзале, а содержит ее союз железнодорожников Северокавказских железных дорог. Борьба буржуазных элементов с социалистическими не только еще не закончились, но еще нет, в особенности на окраинах, и полного преобладания социализма над капитализмом. А на этом фоне особую остроту принимает июльский пленум и его решения.

Перед июльским пленумом по стране прокатился хлебный кризис. Начались кое-где бунты, погромы лавок. Хлеб приходилось выколачивать как будто и на самом деле его не было. А не успел пленум закончиться, и выяснились перед крестьянской массой решения пленума и виды на урожай, и повсюду базары оказались заваленными хлебом. Цены на хлеб упали втрое, с 8 до 2 '/г рублей, почти что вчетверо. Такое падение ясно объясняется не благодетельными для страны решениями пленума, а тем, что товарная масса хлеба была задержана товарным производителем - сдержал кулак, держал и товарищ середняк, о союзе с которыми мы все время заботимся. Хлеб держал товарищ производитель, спрятав его в укромном месте, думая тем самым не столько о политической победе над социализмом, сколько об экономических выгодах, рыночной реализации. Хлебный кризис был вызван буржуазной стихией, стремящейся как можно выгоднее и полнее в своих собственных интересах и целях использовать рыночные отношения. А в ответ на это пленум не ударил по товарному производителю, а отступил перед ним, во имя союза с мелким товарным производителем, союза, которого всего более добиваемся мы от товаропроизводителя. Пленум не перешел в наступление на крестьянство, а наоборот, повысил хлебные цены. Можно было бы уменьшить цены на товарные продукты крестьянского

хозяйства и тем самым выровнять ножницы между хлебными ценами и другими продуктами крестьянского хозяйства. Можно бы вообще не повышать цен, а дождаться выяснения перспектив с урожаем. Цены сами бы пали к хлеб бы появился, как показывает это сегодняшний день. Повышение хлебных цен это была уступка товарным группам крестьянского хозяйства, уступка, от которой в первую очередь стали выигрывать те группы крестьянского хозяйства, которые являлись держателями товарных излишков. Урожай заставил выбросить на рынок товарные запасы, и хотя цены на них сравнительно с июлем месяцем пали почти что втрое, все же они держатся несколько выше того уровня, на котором они были бы, если бы не было повышений хлебных цен. Хлебные цены были повышены и цены на хлеб пали. Повышение хлебных цен вообще вызвало ликование среди держателей товарной массы хлеба и вызовет целый ряд последствий в стране. Они ставят вопрос о заработной плате, они ставят вопрос о ценах на продукты потребления, они ставят вопрос о емкости крестьянского рынка и, следовательно, подгоняют и тянут промышленность за растущим крестьянским рынком. При отсутствии повышения заработной платы это требует увеличения производительности труда, т.е. усиления выработки производства рабочих на фабриках. Повышение хлебных цен является, таким образом, перестраховкой и контрибуцией пролетарского государства крестьянской мелкой буржуазии за поддержку и союз.

Мера, заслуживающая всяческой поддержки, принятая пленумом, это строительство крупных совхозов. Строительство крупных совхозов не только может обеспечить диктатуре пролетариата хлебные массивы, не только может избавить пролетарское государство от зависимости от крестьянского хозяйства, но совхозы могут поставить крестьянское хозяйство в зависимость от пролетарского аппарата власти, они мо-

гут открыть новый фронт против мелкого товарного хозяйства, победить его на рынке и заставить идти и экономически, и политически по путям строительства социализма в деревне. Вопросы, выставленные пленумом, прошли на пленуме не без борьбы. Протоколов я еще не читал. Да и те, кто рассказывал мне о разных событиях пленума, тоже не видели протоколов, и рассказывают обо всем понаслышке. Партийный актив о крупнейших решениях, определяющих судьбы нашей страны и мировой революции, узнает после решения. Шепчутся по углам, передавая слухи о том, что было. На пленуме боролись две группы, с одной стороны выступали сторонники увеличения хлебных цен, видя в этом единственную меру сплочения страны и диктатуры от грядущего краха, от разрыва союза между пролетариатом и крестьянством. Советский аппарат во главе с Рыковым был за увеличение хлебных цен, против высказался Сталин. Но ему пришлось пойти на уступки и тем самым левое крыло партии потерпело поражение. Так как в таких вопросах даже маленькая уступка приводит к тому, что приходится выполнять принципиально иные решения.

На московском активе решения актива хотя и были встречены единогласно, но далеко не единодушно. Несколько смельчаков выступили с критикой положения о повышении хлебных цен. В общем, широкие круги партии вопрос о повышении хлебных цен далеко не встречают энтузиазмом, и кажущееся единогласие сейчас является лишь затишьем пред бурей. В партию приняли обратно оппозицию. Несомненно, что между Сталиным и Зиновьевым должны возникнуть бои. Должно произойти выступление партии против слишком выявившегося и торжествующего правого крыла. Процесс оформления внутрипартийных разногласий вопрос ближайшего времени. Сентябрь и октябрь должны показать, как и куда, с кем и за кем идет большинство. И уже намечающиеся перегруппировки в

редакции Центрального органа, в Агитпропе свидетельствуют о том, что левые группировки стремятся захватить в свой руки командные высоты, которые можно использовать как основное оружие борьбы, грозящей дискуссией.

Наряду с пленумом, вернее больше чем вопросами пленума, газеты июля занимались вопросами войны. И западные и восточные границы тонируют одинаково дружно. На Востоке Япония грозит захватить северную Манчжурию, т.е. выкристаллизовывается грозящий удар по Приморью, Приамурью и Забайкалью. На Западе поляки все время собирают войска для маневров на литовской границе. Маневры на литовской границе это аннексия Литвы, это приближенье Польши к нашей границе, это выполнение на практике тех переговоров и соглашений, которые велись в течение всего лета между румынским, польским, финляндским и другими штабами. Революционная ситуация в Европе слаба. И стремясь использовать ее, готовятся тучи на наших границах. Нападение на нас задерживается — лишь борьба империалистических клик между собой. Недаром в одно время готовились польские маневры и японская аннексия Манчжурии. И в одно время в газетах было напечатано извещение о том, что поляки перенесли свои маневры на сентябрь, а Япония не хочет брать Манчжурии. Китай заключил товарный договор с Америкой, и Америка не котирует внутреннего польского займа. Разногласия между империалистическими державами, Америкой и Англией, удерживают еще вассалов Англии от нападения на нас. Да и среди империалистов есть много недовольных вождями-гегемонами Америкой и Англией. Германия отнюдь несклонна создавать из Польши суррогата великой и неделимой. А пролетарские элементы Франции и Англии, Германии и Америки возросли и усилились. Возросли и усилились настолько, что за-

ставляют хвататься за голову вождей буржуазии. Во Франции пришлось отменить большие маневры, так как моряки и созванные на маневры войска демонстрировали лозунгами против войны и защиты СССР.

Тучи войны сгущаются, но ясно, что в этом году мы минуем войну. Быть может, она предстанет пред нами на будущий год, но сейчас и осень и зиму мы имеем еще в своем распоряжении. Война для нас большая опасность. Она опасна не тем, что нас может разбить Польша и Румыния. Ясно, конечно, что при нападении на нас от Польши и Румынии ничего не останется, что даже французская и английская интервенция не смогут спасти Румынию и Польшу. Война страшна своим затяжным характером. Страшна тем, что в ней мы можем остаться победителями без победоносной мировой революции. Победить в войне, отбившись от Польши и Румынии, для нас не победа, потому что такая победа приведет прежде всего к росту буржуазных элементов страны и к сильному ослаблению социалистического сектора нашего хозяйства. Победить Польшу без мировой революции, т.е. превратить Польшу в советскую Польшу, это значит получить затяжную войну на несколько лет. Это значит опять тормоз социалистического строительства. Это значит известная деградация нашего хозяйственного роста, известное равновесие буржуазных и социалистических элементов нашей страны. Отстоять свое существование в борьбе на западной границе мы можем без большого напряжения сил, но для нас это не победа. Победа для нас лишь в том, чтобы пожар революции прокатился через среднюю Европу к берегам Атлантического океана. Что из всего этого выйдет, покажет ближайшее будущее, быть может, ближайший год и быть может вместо этих размышлений партийного обывателя, каким благодаря богам стал я, полу-

чаются совершенно невероятнейшие комбинации, такие, каких ни в одном утопическом романе не разыщешь и не запишешь. Ясно лишь, во всяком случае, одно, что напасть на нас собираются, что готовятся к этому и на западных и восточных границах, что в этом году не нападут.

Не писал почти два месяца. Жизни много за это время прошло, а есть ли записать что-нибудь. Как всегда, читались лекции, с кем-то ссорился, с кем-то боролся, в общем, шла жизнь по своей уже установившейся и как будто определившейся колее. Никуда из нее не выскочишь, никуда не денешься. День за днем как всегда, почти ничего и нет о чем вспомнить следовало бы, все обыденная работа, лекции, семинары, враги, кто-то ругал мою книгу, я отругивался, кто-то ругает другую, опять буду отругиваться, - все, как всегда, и все, как обычно. Начал работать в РАНИОНе в Бюро ячейки, ребятня кругом. Но разве интересна интрижка, которая здесь завелась. Хотя по-прежнему вожди говорят об огне налево, но объективно все более и более огонь налево сменяется борьбой направо, ожесточенной борьбой направо на всех фронтах, на хозяйственном, на идеологическом, организационном, повсюду. Чуть было не сорвались хлебозаготовки. Как это делаются хлебозаготовки, я, конечно, знаю только теоретически. Никогда не видел и не делал сам ни заготовок хлеба, ни скупок, ничего. Вслед за разговорами о хлебозаготовках и пошли разговоры: сорвались хлебозаготовки. Не давали крестьяне и кулак и середняк хлеба, значит, получился скандал, вместо того, чтобы вывозить хлеб за границу, пришлось закупать заграничный хлеб для выполнения уже заключенных поставок. На крестьян пришлось нажать. Все члены ЦК разъехались по местам нажимать на крестьян. Аппарат двинул все свои силы в деревню. В деревне стали принимать против кулаков меры, привлекая их к суду за укрывательство хлебных излишков.

Одним словом, нажимать всем и всячески. Это был первый сдвиг, фактически это была борьба направо, борьба с растущей и кристаллизующейся буржуазией. А вслед за этим грандиозным ударом направо, который сейчас же в торжественной речи на заседании Моссовета Рыков поспешил объяснить случайной и временной мерой, мерой, вызванной чрезвычайными обстоятельствами, мерой, к которой прибегать в дальнейшем правительство не намерено.

Все же положили ряд мер. Фактически разогнали весь Комиссариат земледелия, заменив его прежнюю верхушку, занимающуюся политикой прикрывания кулацких и середняцких элементов, новой Коллегией, более радикально настроенной. На страницах «Правды» появились статьи, направленные против деревенской буржуазии, и сообщения, рассказывающие о содержании Земельного Кодекса союзных республик, где торжество кулацких уклонов было полное. Вслед за ударом на экономическом фронте о буржуазии заговорили и в области идеологии. Уже всякому давно было ясно, что на идеологическом фронте буржуазия начинает шевелиться. Буржуазные спецы захватили в свои руки ряд аппаратов, ученые сообщества, через которые они переправлялись к печатному станку и пробовали группировать вокруг себя силы и выступать с печатными работами. Идеология буржуазии занята была воспроизводством своих собственных сил, воспроизводством в расширенном масштабе и формулировкой своих идеологических требований. В области истории, особенно русской, буржуазные ученые более заняты были проблемой борьбы за кадры, организацией воспроизводства прежде всего носителей и глашатаев буржуазной идеологии. В других науках они не только занимались борьбой за кадры, но, захватив в свои руки, особенно экономисты, советский аппарат, пытались делать погоду, пытались толкнуть совет-

ский аппарат на буржуазные рельсы и в разных печатных изданиях. различных отрывках фактически сформировали полную буржуазную программу, основным требованием которой является - назад к капитализму, денационализация крупной промышленности, уничтожение монополии внешней торговли, уничтожение фактически всей диктатуры пролетариата. Это оживление идеологической борьбы и наступление буржуазии на идеологическом фронте вызвало интерес к буржуазии со стороны центральных органов партии, Агитпропа.

Центральный комитет собрал ряд совещаний коммунистов - ученых, на которых заслушивал отдельные доклады о положении в отдельных науках: об истории, об экономике, о философии, о праве. На этих докладах, на которых присутствовало человек 30, главным образом молодежи, главным образом, и почти исключительно за небольшими очень исключениями, окончивших Институт красной профессуры, делались доклады о положении в той или другой науке. Об истории делал доклад Покровский, заявивший совершенно ошибочно и совершенно неверно, что в области русской истории буржуазия повержена в прах. Верно только то, что буржуазные русские историки ничего не печатают, вернее, они много пишут, но им не печатают готовых работ. Это не мешает им, правда, вести энергичную борьбу за кадры, окопавшись в РАНИОНе и фактически захватив в свои руки секцию русской истории. В области всеобщей истории Покровский привел два факта - выход двух больших работ - работ Тарле[128] и Петрушевского[129], книг, пропитанных антимарксизмом, книг враждебных, книг, в особенности книга Тарле, пытающихся провести и обосновать идеологию оппор-

[128] Е.В.Тарле (1874-1955) - историк, академик АН СССР. Автор многих работ по истории Франции и России XIX века.

[129] Д.М.Петрушевский (1863-1942) - историк, академик АН СССР. Автор работ по истории средневековой Англии.

тунизма, доказать непригодность и невероятность марксизма. Вслед за большими выступлениями Петрушевского и Тарле идет ряд путаных выступлений, несомненно, сочувствующих, но еще более вредных в своем сочувствии, как Тан-Богораз[130], который написал ряд книг, где перемешано все и вся и от марксизма ничего не осталось. Говоря о положении в области истории, Покровский не смог закрыть вопроса о подготовке кадров и приукрасить то, что делается в РАНИОНе. На РАНИОН нападали все - и философы, и экономисты, и историки. Но, если все признавали, что в области буржуазного мышления начинается определенный процесс оживления, то старики, нападая на Петрушевского, все же брали его под свою защиту и Покровский и Рязанов[131] клялись всеми богами, что Петрушевский не контрреволюционер, не мракобес, не реакционер и его трогать нельзя и не следует, а молодежь готова была оторвать голову кому угодно и в том числе и Петрушевскому.

Гораздо ярче были доклады о положении в области экономических наук. Тут не столько интерес и оживление буржуазной мысли, сосредоточенной в области теоретической экономии, в которой коммунисты занимают уже давно твердые и устойчивые позиции, сколько в области практической экономики, в области прикладных экономических наук. Здесь коммунистов фактически нет и вся эта область прикладной экономики: финансов, налогов, хозяйственной экономики, торговой политики, внешней торговли — все это

[10] В.Г.Тан-Богораз (1865-1936) - этнограф и писатель, изучал народы севера России. Автор учебников и словарей.

[131] Д.Б.Рязанов (Гольдендах. 1870-1938) - политический деятель, ученый, академик АН СССР. В 1921-1931 гг. — директор Института К.Маркса и Ф.Энгельса. Арестован в ноябре 1937 г. Расстрелян в январе 1938 г. Реабилитирован в марте 1958 г.

всецело находится в руках буржуазных спецов старой буржуазной профессуры, старых экономистов, которые здесь в этих областях хозяйничают, как им вздумается, держа в своих руках всю печать и пытаясь направить по своим путям советский аппарат, поскольку некоторые из них занимают руководящие места в комиссариате финансов.

Буржуазной и эсеровской профессуре удалось сорганизоваться, они захватили в свои руки ряд аппарата, реорганизовав крупные коллективные работы, на выполнение которых советский аппарат, вроде Авиома, дал им с лишним 300 тысяч рублей и к выполнению которых они не привлекли ни одного коммуниста. Работы этих ученых над практическими и проблемами по заданию Госплана кончились полнейшим крахом, так как они пробовали строить социализм, исходя из своих народнических предпосылок. Дело дошло до того, что все огромные работы, которые были поручены группе буржуазной профессуры соответствующими органами ВСНХ и Госплана, пришлось частью свертывать вновь, частью сами эти буржуазные спецы в конце концов поняли бесполезность своих трудов и сами потребовали официально прислать им для руководства и оформления какого-нибудь марксиста. На руках буржуазных экономистов находится не только практика советского аппарата, но они занимают и твердые позиции в области идеологии, держа в своих руках ряд кафедр в высшей школе и упорно пытаются через печатный станок проводить свои идеи.

Бывший на совещании редактор «Экономической жизни» рассказывал о целом ряде попыток буржуазных экономистов заставить его напечатать желательные, по их мнению, статьи, а его отказ вызвал упорный напор со стороны соответствующих спецов. В экономической области, уверял докладчик, в разных органах часть сформулированной уже буржуазными спецами с исчерпывающей буржуазной программой, смысл

которой сводится к уничтожению всяких завоеваний диктатуры пролетариата, денационализация промышленности и вытекающих отсюда выводов. Это оживление в области идеологии, несомненно, является не только предсмертными судорогами кучки старых спецов, если бы это было так, то об этом не стоило бы и вообще разговаривать, это оживление, сопровождающееся ростом буржуазных кадров, свидетельствует вообще о том, что классовое соотношение сил в стране нарушено и классовые силы пришли в движение. Естественно, что борьба на идеологическом фронте должна была оживить и ячейку РАНИОНа. Здесь более чем где бы то ни было должны были чувствоваться и напор буржуазии и попытка дать отпор буржуазной идеологии. Ячейка РАНИОН, объединяющая ряд институтов, имела целый ряд заседаний как общего Бюро, так и цеховых бюро, посвященных вопросам о положении дел в том и другом институте.

Во всех институтах фактически дело обстояло плачевно. Всюду буржуазные спецы, держа в своих руках институты, подбирали кадры, воспроизводя носителей буржуазной идеологии. Об этом много толковали и в цеховой ячейке Института истории. Здесь за исключением новейшей русской истории, во главе которой стояли Невский и я, все остальные секции находились в руках буржуазных ученых, настроенных крайне враждебно к марксизму и коммунизму и переходящих определенно в наступление. Петрушевский, директор Института истории и представитель секции средних веков, выпустил книгу, о немарксистской сущности которой чирикают все воробьи на улицах. Богословский[1,2] - академик - русофил, вели-

[м2] М.М.Богословский (1867-1929) - историк, академик АН СССР. Ученик В.О.Ключевского. С 1911 г. профессор Московского университета. Работы в основном посвящены истории России XVIII века. Был секретарем Московского общества истории и древностей

кий русский шовинист, подал целую докладную записку с требованием уничтожить секцию новейшей русской истории и передать все в руки буржуазных историков.

В других Институтах марксистов и коммунистов в составе вообще не существует и буржуазные ученые блаженствуют. Такое положение явно было нетерпимо. В Бюро, а вслед за ним и партсовещание, должны были над этим призадуматься. Основным вопросом являлся вопрос борьбы за кадры, так как наблюдались случаи демарксизации аспирантов. Поступивши в РАНИОН марксистами, молодые товарищи в течение одного-двух лет переходили на платформу буржуазной профессуры и уходили от марксизма. Наряду с демарксизацией буржуазным ученым, в особенности русским историкам и Петрушевскому, удалось собрать вокруг себя группку молодежи, всецело стоящей на их позициях, защищающей буржуазную идеологию. Борьба за кадры выросла как проблема. Дико и нелепо было бы на 10-й год диктатуры пролетариата допустить на советские деньги, на деньги пролетариата и крестьянства воспроизводство в расширенном масштабе буржуазной идеологии и подготовлять в советских учреждениях глашатаев и носителей этой идеологии. Борьба за кадры требовала перехода в решительное наступление.

Часть проблемы, конечно, можно было бы разрешить простым хирургическим путем: срезать буржуазную поросль, исключив из РАНИОНа всех немарксистов. Но вопрос этим, конечно, не разрешался, поскольку оставались не только в РАНИОНе, но и у власти основные хиты буржуазной профессуры, под руководством которых и шло воспроизводство буржуазной идеологии. Нужно было вырвать из их рук аппа-

российских и председателем Русского исторического общества, а позже - секции русской истории Института истории РАНИОН.

рат руководства РАНИОНом. Этим вопросом и занялись Бюро ячейки и партсовещание Института истории. На Бюро ячейки были приглашены заместитель директора и член коллегии Института истории Волгин[133]. Ему пришлось выслушать много неприятных речей, так как во главе Института в течение ряда лет стоял он и он как раз и был виною того, что Институт истории всецело попал в руки буржуазии. Товарищи приводили ряд фактов, обосновывая и практически и теоретически свои позиции. Волгин сдался быстро и категорически. Он соглашался со всем, что ему говорили, согласился удовлетворить все требования Бюро. Бюро потребовало снять ученого секретаря, личного друга Волгина, беспартийного профессора. Он согласился. Бюро потребовало вывести из коллегии Института истории двух представителей буржуазной профессуры - Богословского и Бахрушина. Волгин обещал. Бюро потребовало ввести в коллегию Института меня. Волгин тоже принужден был согласиться на это. Наконец, Бюро решили слить секцию русской истории и новейшей русской истории с тем, чтобы при таком слиянии президиум секции русской истории был изменен. До сих пор председателем секции русской истории считался Богословский. При слиянии считали необходимым снять Богословского с этой работы, а сделать председателем Секции Покровского и при нем Бюро из трех или четырех товарищей - Невского, Ванага[134], Панкратовой[133] и меня. Таким образом думали за-

[133] В.П.Волгин (1879-1962) - историк, академик АН СССР. Автор работ по истории социалистических и коммунистических идей Домарксова периода.

[134] Н.Н.Ванаг (1899-1937) - историк, большевик с 1918 г., выпускник Института красной профессуры (1924), в 1926 г. — член Президиума РАНИОН, с 1932 г. - зам. директора Института истории Коммунистической академии. Известен работами по истории

хватить всецело Институт истории в руки коммунистов и повести в нем надлежащую работу. Все эти мероприятия проводились через ряд собраний с рядом речей, ругани, взаимных подсаживаний и проч. Для выработки решения, которое было принято заседанием Бюро вместе с Волгиным, было предварительно собрано нечто вроде конспиративной фракции, отдельного заседания членов Бюро с особо приглашенными товарищами из состава партсовещания, на котором была решена реформа и намечены соответствующие лица для несения выпадавших на них функций.

Эти заседания, обсуждения и решения еще не проведенные, а может быть, и вообще неосуществимые, потребовали много времени, много собраний, заседаний и нервов. Кроме тог, Бюро ячейки вело текущую работу, выделило отдельную комиссию для проработки отдельных вопросов. По постановлению Бюро мне пришлось, например, выработать в отдельной комиссии правила весеннего учета, научной пригодности, успеваемости и подготовленности аспирантов к научной работе. Пришлось в другой комиссии прорабатывать состав аспирантов, давая им оценку с идеологической точки зрения, подготовлен таким образом, с одной стороны, материал для весеннего учета, с другой стороны - создавая, вырабатывая картину действительного положения дел в Институте. Кажется, уже сейчас, что и демарксизация и создание буржуазной школы происходит все же в минимальных размерах, не так на

России начала XX в. Арестован в 1936 г. Расстрелян 8 марта 1937 г. Реабилитирован в 1956 г.

[135] А.М.Панкратова (1897-1957) - историк, академик АН СССР, выпускница Института красной профессуры (1926), с 1928 г. - в Институте истории Коммунистической академии, с 1929 г. - редактор журнала «История пролетариата СССР», автор многих работ по истории российского рабочего движения.

практике страшен черт, как его малюют издали. Ну, вот собственно и все интересное, о чем можно сказать за это время, а остальное — обычное житье.

Ну, ходил на выставки, ну, ходил в театры, одним словом, на практике вкушал культурную революцию. Выставок сейчас в Москве тьма. *Я* был на трех, причем на одной, на АХХРе был четыре раза и самая замечательная, конечно, выставка АХХР. Она интересна тем, что здесь мы имеем выступление нашего искусства, если не пролетарского, то выступление пролетариата в искусстве. Вся выставка АХХР посвящена истории гражданской войны. В ней много батального, малоинтересного, не имеющего никакой связи ни с Красной Армией, ни с гражданской войной. Есть ряд батальных картин, которые при изменении подписей под ними могут быть выставлены на любой буржуазной выставке. Но есть ряд картин, навеянных исключительно нашей эпохой, нашими днями. Художники АХХР не плохие мастера, совсем не плохие пейзажисты, есть даже наличность у некоторых на них ставить социальные проблемы в искусстве. Отсюда получился на выставке ряд напряженных, приковывающих к себе внимание не только своим содержанием, но и выполнением, мастерством, живописью гармоничных сильных картин. В этом отношении чрезвычайно интересно сравнивать выставку АХХР с выставкой ОХР. Там живопись, на ОХР, не плохая, мастера даже можно сказать хорошие живописцы, но при всем этом в пейзажах, лужках, закатах, коровках нет никакого содержания, отсутствие социального содержания. Они создают социально свои картины с содержанием контрреволюционным, враждебным нам. Некоторые из ОХРовцев дают в своих картинах определенно мистическое наполнение, враждебное нам не только отсутствием социального момента, но враждебное уже самим содержанием, самим присутствием этого момента. Быть может, жи-

вописцы ОХР, как живописцы, сильнее тех, кто принимает участие на выставке АХХР. Но художники АХХР пытаются идти в ногу с революцией и с большим трудом, но все же подошли к сознанию необходимости сочетания живописного мастерства с социальным содержанием картины. А ОХРовцы застыли на той позиции, которую занимали реалисты и передвижники перед революцией. Наличность этих двух выставок в замаскированной форме, но вновь подтверждает о продолжающейся борьбе двух укладов - старого, уходящего буржуазного, и нового пролетарского, социалистического.

В области идеологии оживилась сейчас борьба между марксистами идеологами, идеологами партии и буржуазными идеологами. Это сказывается в научной области, это сказывается и в искусстве. Две выставки, эти выставки две идеологии, идеология буржуазная и идеология пролетарская. И как в области научной мысли буржуазия сильна своей техникой и слаба отсутствием социального наполнения, так и в области прикладного искусства, в области живописи ОХР сильна техникой своего мастерства, АХХР сильна социальным содержанием своих картин.

Много ходил за это время я по театрам. И здесь, как и в живописи, как и в науке, как и повсюду, в идеологии два мира и две тенденции, вернее, даже больше, но резко очерченных две. С одной стороны, это мы, это наше недавнее прошлое, наше настоящее и наше будущее: труды, муки, новое строительство мира, эпизоды борьбы - это театр МГСПС и театр Революции. На противоположном полюсе театры с мистическим укладом, театр, отрицающий самую революцию в своей трактовке революционных сюжетов, театр, не видящий ни творчества масс, ни коллектива, театр индивидуальной трагедии - 2-й Художественный. Между ними располагаются все остальные театры — Мейерхольд со своими экзальтированны-

ми формами, 00 своим все более и более уклоняющимся к мистицизму содержанием, театр Вахтангова с «Разломом», театр запутавшегося запуганного директивами революции интеллигента, вошедшего, в конце концов, в общую струю пролетарской диктатуры. Художественный театр, увидевший в революции лишь крестьянскую стихию, не сумевший найти в революции ни пролетариата, ни его диктатуры, ни социализма, а указавший в своем «Бронепоезде» диктатуру и гражданскую войну лишь крестьянской стихией, борьбу состоятельного крестьянского мужичка за развитие производственных сил своего хозяйства.

Крупнейшие театры Москвы, за исключением МГСПС, не стоят на пролетарской позиции, хотя и трактуют новейшие темы, хотя и обслуживают, как могут, диктатуру пролетариата, Они или видят в революционной борьбе индивидуальные подвиги, не замечая в ней совершенно коллектива, воспринимая из всей сложной гаммы революции лишь индивидуальную трагедию и индивидуальную борьбу, пытаясь иногда, как это делает Малый театр в «Любви Яровой», поставить эту борьбу на общем фоне социальных сдвигов и толкований их где-то за сценой, или, если и видят массы, то не те массы, которые творят пролетарскую революцию, строят социализм и борются за диктатуру пролетариата, а крестьянскую стихию, поднявшуюся за своих кур и гусей, состоятельных крестьян, ведущих борьбу за торжество хозяйственных начал, за развертывание и рост своего хозяйства. Выше этого не смог подняться Художественный театр и отвечая на 10-ти летие Октябрьской революции постановкой «Бронепоезда», подчеркнул, что в революции он увидел и понял лишь ее буржуазно-демократическую сущность, не отобразив пролетарской, социалистической. Даже разбирая такие сложные и кульминационные моменты революции, как момент Октябрьского восстания, давая красочную

постановку, все же театр Вахтангова в «Разломе» не сумел заострить и не заострил, не поставил проблемы коллективного роста массы, ее могучего коллективного действия, не вскрыл темпа ее жизни, а всю тяжесть психологической трагедии перенес на индивидуальные переживания различных персонажей офицерской семьи, захваченной волнами революции. Революция являлась при таком подходе лишь фоном для трактовки вопроса об отношении к ней определенного разряда технической интеллигенции, и о чувствах и настроениях, о быте к моменту революции этого разряда, и хотя и этот разряд технической интеллигенции в момент революции принимает ее, идет с ней нога в ногу, все же центр тяжести не в революции и ее же железной поступи, а в личной трагедии.

Если театры и смогли отобразить и вывести на сцене крестьянскую стихию, то пролетарскую сущность, пролетарскую диктатуру, даже самые близкие театры не смогли изобразить. МГСПС ставит «Мятеж», «Константин Терехин», «Шторм» о близких по быту, близких по темам, но его постановки это фрагменты, отдельные куски большой картины, отдельные проблемы, отдельные вопросики, ответвления большой проблемы большой трагедии. Театры, наряду с ростом нового пролетарско-социалистического по-своему социальному содержанию искусства, остаются по-прежнему в руках разношерстных групп интеллигенции, колеблющихся от признания пролетарской диктатуры и попытки идти с ней нога в ногу до отрицания этой диктатуры и погружения в мистику. И все театры даже самые близкие, за исключением МГСПС и «Революции», пытаясь поставить вопросы революции, подменяют действия массы личной трагедией, личными страданиями и переживаниями. Театры, находящиеся в руках у интеллигенции, не могут воспринять действительности и отобразить ее как действие коллектива и, даже принимая революцию, изо-

бражают ее как личную трагедию отдельных героев. Это не только господство театральной формы над содержанием, но это господство содержания над театральной формой, это указание на то, какие социальные группы, какие классы.

Партсъезд постановил издать все сочинение Ленина, устроил особый Институт для издания и изучения ленинизма. Сначала Институт помещался на Дмитровке в каком-то буржуазном особнячке, потом для него выстроили огромное здание на Тверской. Денег ухлопали горы, нагнали массу людей, а кроме здания да большой библиотеки пока ничего не сделали. Научной работы в Институте фактически не ведется по изучению Ленина. Там делают все, что угодно, фотографируют все ленинские рукописи и старательно прячут, чтобы никто не прочитал, собирают действительно огромную библиотеку, много разговаривают, делают карьеру, немного печатают, по большей части уже известные сочинения Ленина и до сих пор не написали ни одной работки по ленинизму. Открывалась работа по изданию сочинений Ленина очень торжественно. Набрали людей целый ряд, открыл работу сам Каменев, сиявший тогда еще в славе своей. Всех рассадили вокруг большого стола, дали чай, бутерброды, говорило только одно начальство, все остальные почтительно молчали. На этом торжественном заседании, кроме торжества, конечно, ничего не решили. План издания вырабатывался потом. И вот случилась пренеприятнейшая вещь, что план издания пришлось после выпуска 4-х томов снова перерабатывать, перерабатывать тогда, когда в портфелях Института фактически был почти закончен весь Ленин. Первоначально план издания был составлен взявшимся за это дело очень ретиво и доставившим массу неприятностей всем Степаном Савичем Кривцовым.

План его сводился к тому, чтобы издать частью уже напечатанные сочинения Ленина, прибавить к ним небольшое

количество вновь найденных, вернее вновь обнародованных, так как найдены-то все рукописи, и снабдить все это критическим аппаратом. Гвоздь заключался как раз в критическом аппарате. Кривцову хотелось связать это издание с будущим академическим изданием, план которого был составлен с археографической стороны Валком[136], подготовить, таким образом, научное издание сочинений Ленина, ну, вроде того, как Академия Наук издавала Пушкина или Державина. Потому на разработку аппарата Кривцов посвятил много внимания и целый ряд измышлений было у него в этой области. Он решил, что критический аппарат должен состоять из примечаний, из биографического указателя, цитирующего работу, летописи событий, вех жизни, географического указателя и еще какого-то. Для составления всех этих указателей необходимо было установить, где у Ленина в какой работе, в каком месте имеется ссылка на лицо, на географическое место и так дальше. Нужно было из сочинений выловить все эти имена. Для этого Кривцов предлагал вынести все эти имена на карточки. Простаки вынесли географические имена на карточки, но вскоре от географического указателя решили отказаться и работа, которую вели в течение нескольких месяцев, пропала даром, а горы карточек долго валялись по закоулкам Института.

Не лучше вышло дело и с биографией. Кривцов предлагал в каждом томе давать только тот кусок биографии, который касается данной эпохи. Таким образом, должна была получиться

[136] С.Н. Валк (1887—1975) — историк, источниковед и архивист. Выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета (1914), ученик А.С.Лаппо-Данилевского. В 1920-е годы был одним из руководителей научных изданий Института Ленина, составил «Проект правил издания трудов В.И.Ленина» (М.;Л., 1926). С 1936 г. - научный сотрудник Ленинградского отделения института истории и профессор Ленинградского университета.

на протяжении всего тома биография целого лица, а если это лицо встречалось один или два раза в определенные моменты, так из его биографии попадался только один или два куска. Несколько смягчалось это обстоятельство тем, что тогда, когда встречалось в первый раз лицо, давалась его биография и предыдущая до встретившегося случая. Такие биографии были составлены для ряда томов. Я составил их, чуть ли не для всех трех томов, но и это все через два года, оказалось, должно было идти насмарку, так как решили применить новый принцип - давать каждый раз полную биографию и давать при этом биографию каждый раз ту же самую. Таким образом, в первый раз давалась законченная биографическая справка, и эта биографическая справка должна была повторяться на протяжении всех томов. Сделанные под руководством Кривцова работы опять пошли все насмарку. Так в течение трех лет и переливали из пустого в порожнее. То требовали закончить работу к сроку, ходили по пятам с договорами, грозили и ЦК и Советской властью, то вдруг отказывались от всяких сроков и заявляли, что будут издавать тома в порядке, то опять гнали и чуть ни каждую неделю записывали кто, что сделал. Определенного плана издания не было, план издания вырастал в процессе выполнения издания, отдельных работ и отдельных томов. Не было и подходящей для такого коллективного издания обстановки, вообще коллекгивной работы не было и в помине. Наоборот, все редактора обосабливались друг от друга, стараясь как можно крепче подсадить друг друга, надеясь тем самым достичь степеней известности. Начались склоки, а больше всего склочничали с Кривцовым, пока он находился у власти и вязал и решал вопросы о пригодности томов и его аппарата для издания. А в результате оказалось, что сам-то Кривцов в течение трех лет не приготовил ни одного тома.

Состав работников был довольно пестрый. Ряд работников работал непосредственно в Институте, ряд в Институте совсем не появлялся. Несколько лет копался в Институте над своими томами Крамольников. Это очень занятой, сам по себе, человек. Уже в возрасте, в молодости, когда-то, он был ямщиком в Сибири, потом его подучили сибирские ссыльные, распропагандировали. Он стал большевиком, очень ярым, принимал энергичное участие в революционном движении с 3-го приблизительно до 7-го года. Был агентом «Искры» и представителем Центрального Комитета в России. Потом, после 5-го года, году в 8-м превратился в ярого ликвидатора и меньшевика, выступал против Ленина, бросил всякую политику и занялся математикой. Отходя все время направо, он в 17-м году докатился до Плеханова'[1]' и только после Октябрьской революции вернулся опять в партию. Политическая карьера у этого человека была сгублена безнадежно, да и возраст уже его был солидный. И вернувшись опять в партию, он с большой настойчивостью копался и перекапывался над переработкой издания сочинений Ленина. Копался в рукописях по 5-му году, издал целый сборник, посвященный 5-му году. Эпоху эту он знал и сам хорошо и бросил, по-видимому, думать о карьере, хотя сначала и пробовал лягаться и кусаться и вести свою собственную политику. Другим приемлемым редактором был милейший человек Новицкий, который никогда не появлялся в Институте, сидел где-то дома, что делал никому неизвестно и, в конце концов, все же принес один том своего сочинения. Больше от него и не требовали.

[137] Г.В.Плеханов (1856-1918) - один из основателей РСДРП, ав тор многих работ по истории марксизма и революционному движению в России.

Большая часть времени у меня сейчас уходит на писание комментариев к Ленинским сочинениям. Комментирую я 1911 г. Я никогда не представлял себе, какая скучная и нудная работа писание комментариев. Все мелочи и мелочи, ничего от такой работы не остается. А главное то, что в течение одиннадцатого года Ленин в своих статьях пережевывал фактически то же самое, о чем писал и в десятом году: борьба с ликвидаторами после январского пленума, отступничество ликвидаторов, попытки восстановить партийные организации. Для того чтобы сносно прокомментировать одиннадцатый год, приходится лезть в десятый, прочитывать целые тома о борьбе с ликвидаторами, делать прямо-таки специальные изыскания о том, кто писал резолюции на Лондонском съезде, и т.п. Работа скучная, тяжелая, работа, которая даст результат совершенно не в плоскости комментариев, а, торопясь написать комментарии, невольно их упрощаешь, сходишь более к формальным построениям и утверждениям, чем к общим вопросам. Комментарии навеяли мысль об одной литературной работе, если попытаться использовать работу над комментариями для написания работы о борьбе между марксистами и ликвидаторами. Комментарии дают материал для внутрипартийной борьбы 10 и 11 годов. Но они же указывают и на общие вопросы, из-за которых шла борьба, - оценка революции 1905 года, ее отдельных этапов, оценка социальной сущности самодержавия и системы власти после 1905 года, роль буржуазии, роль крестьянства, симптомы грядущего роста революции, отношения между легальным и нелегальным аппаратом - целый комплекс вопросов можно поставить, закончив Пражскую конференцию или дойдя до августовского блока[138].

[138] VI (Пражская) конференция РСДРП состоялась 5-17 (18—30) января 1912 г. по предложению большевистской фракции. В ней при-

С середины 12 года начинаются уже новые процессы, подъем движения и новые вопросы. Нужно будет серьезно приняться за эту тему. Все равно над комментариями и Ленинским томом придется сидеть еще месяца три и жалко будет, убивши такую уйму времени, не получить никаких реальных результатов. А литературных проектов у меня кроме этого целая тьма. Предложил и как-то Комакадемии издать трехтомную историю нашей революции. Собственно я предложил, а само издательство предложило мне дать ему какую-нибудь работу. Ну, я предложил написать три тома, - один с 17 года, один о Гражданской войне, один об эпохе военного коммунизма. Проект взяли, понюхали, полизали, а потом отказались. Говорят, время еще не настало для такой работы, да не индивидуальное это дело, да еще что-то такое придумали не совсем понятное, не совсем ясное и определенное.

Другой мой литературный проект тоже находится пока еще в проблеме редакции - не знаю, возьмут, не знаю, нет. Предложил я «Молодой Гвардии» написать книгу «История деревенской бедноты». Вот уже недели две они думают и ничего не отвечают. Ну, этих проектов хватит года на четыре. О марксизме и ликвидаторах написать уйдет месяцев шесть, об истории деревенской бедноты написать тоже нужно около года. А у меня еще есть проект написать двухтомную русскую историю, переделав мою историю XIX века и добавив к ней историю древней России. Возможно, что придется курс

няли участие 14 делегатов с решающим и 4 - с совещательным голосом. 16 делегатов представляли большевистскую фракцию и 2 — меньшевиков-партийцев. 12 (25) - 25 августа (2 сентября) 1912 г. состоялась объединительная конференция РСДРП в Вене. В ней приняли участие 18 делегатов с решающим голосом и 15 с совещательным. На конференции были представлены меньшевики, бундовцы, латышские, литовские, польские и украинские социал-демократы, группа «Вперед», большевики-примиренцы.

читать в университете по древней России, вот и думаю оформить его, в конце концов, в книгу. Но этот проект очень отдаленный. Курс нужно прочитать раза три-четыре, а потом уже можно его записать и издавать отдельной книгой. Ну, а так пока до больших проектов не дошло, приходится пробавляться мелкотой. Написал предисловьеце к Бурцеву[19], обругав его, почем зря, написал несколько библиографий, борясь с врагами - так понемногу лаюсь из-за угла. Все приходится вертеться в области исторических вопросов и литературных трудов все по истории, и на практике все с историей вожусь.

В РАНИОНе каждую неделю заседания - то мы, то старики. Приходится выступать в качестве ортодокса марксизма. Нельзя сказать, чтобы лавры ортодокса давались здесь с тяжелой борьбой, дешевые лавры. Люди никак не могут усвоить простейших вещей, что, например, в истории был класс и классовая борьба, и, когда им доказываешь, что нужно употреблять слово класс, им кажется это крайним флангом ортодоксии. У стариков, например, был доклад о происхождении закона о земских начальниках. Читал какой-то безнадежно испорченный ими парнишка. Читал не плохо, парень видимо способный, но в своих методологических взглядах он стоит правее Победоносцева[140]. Победоносцев и то понимал, что закон о земских начальниках удовлетворяет классовые интересы дворянства. А этот ископаемый, написавший доклад под руководством Бахрушина, умудрился прочитать доклад и ни разу не сказать слово «класс». Только история канцелярий, канцелярских проектов, история какой-то борьбы. Вообще же

' ' С.А.Пионтковский. Предисловие и примечания *II Бурцев В.J1.* В погоне за провокаторами. М.;Л., 1928. С.3-9, 223-262.

К.П.Победоносцев (1827—1907) - государственный деятель, обер-прокурор Синода (1880-1905). Преподавал законоведение членам царской семьи.

не история, а прямо-таки какая-то внутренняя склока вокруг законопроектов, — и все, что мог рассказать на одиннадцатом году революции будущий ученый.

У нас, в секции новейшей русской истории дело обстоит получше. В смысле тематики мы, конечно, не занимаемся историями земских начальников, у нас читают доклады, главным образом, по истории революционного движения, революционной борьбы. Мне страшно понравился последний доклад, прочитанный Козьминым[141] о революционном движении 60-х годов. Мне казалось, что среди мелкой буржуазии 60, 70, 80-х годов определенно наблюдаются два крыла - мелкая буржуазия города - якобинцы и мелкая буржуазия деревни - народники. Козьмин в большом докладе как раз о 60-х годах доказывал этот тезис, а выступавший в прениях по докладу Переверзев[142] тоже поддержал точку зрения Козьмина. Историки и общество «Историков марксистов» провозгласили меня за эту оценку народников нарушителем традиций Покровского и традиций Ленина, не ленинистом и не марксистом. Поистине можно сказать: будь безграмотным и будешь историком - марксистом. В общем, в нашей секции борьба за марксистскую линию сводится к борьбе пока что за примитивные вопросы, просто за отстаивание классовых точек зрения. В истории пока что у нас нет, не было еще сложных докладов по экономическим вопросам. Но я думаю, что здесь в этих темах наши ис-

[141] Б.П.Козьмин (1888-1958) - выпускник юридического факультета Московского университета (1910). В 1922—1935 гг. - член редколлегии и зав. редакцией издательства (с 1924 г. - Всесоюзного) общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, с 1923 г. - научный сотрудник Института литературы РАНИОН. Автор многих работ по истории революционного движения в России XIX века.

[142] В.Ф.Переверзев (1882-1968) - литературовед. В конце 1920-х годов выступил с идеей применять социологические методы при анализе художественных произведений, за что был подвергнут резкой критике.

торики беспартийные окажутся не лучше партийцев, - и те, и другие до сих пор в своих работах, хотя много и разговаривали о крестьянском вопросе, а не сумели поставить ни разу вопроса об эволюции земельной ренты и с точки зрения эволюции ренты рассматривать строй российской деревни в период столыпинщины, хотя о промышленности и написано много книг и в нашей секции ставились уже доклады.

Сейчас боевой вопрос в русской истории, вопрос о промышленном перевороте. Его начал еще разрабатывать Рожков[143], подойдя к нему ощупью, заинтересовавшись историей Прохоровской мануфактуры, и продолжают разрабатывать и теперь. Сами мы и в новейшей секции и в секции древней русской истории, и в Москве, и в Ленинграде постепенно все более и более заостряем вопрос на историю промышленного переворота в России. Президиум РАНИОНа решил, наконец, осуществить на практике мысль о том, что РАНИОН является своего рода фабрикой исследовательской работы и приступить к борьбе с индивидуальным типом обработки ученых вопросов. Ученым алхимикам XX века объявляется решительная борьба. Осуществлять на практике эту борьбу это означает выработать план для коллективной работы по всем отраслям истории. Для обсуждения этого вопроса мы собрались сначала на фракцию, а потом, вырешив его, отправились на заседание комиссии. Трудный вопрос. Прежде всего мы - я и все бюро мало ориентируемся в истории Западной Европы и

[143] Н.А.Рожков (1868-1927) - выпускник историко-филологического факультета Московского университета (1891), с 1905 г. - социал-демократ, в 1917 г. — меньшевик, в сентябре 1922 г. под угрозой высылки за границу объявил о выходе из партии. С лета 1924 г. - директор Исторического музея в Москве. Автор многих работ по истории России и сравнительному историческому развитию России и западных стран.

истории Древнего мира, а более ориентирующийся в области Запада Волгин настроен в этом вопросе крайне оппортунистически, и вместо коллективной работы усиленно проводит не коллективный, а серийный принцип, объединяя ряд отдельных индивидуальных работ лишь общей широкой темой.

Первый вопрос, с которым мы столкнулись, это вопрос о том, как понимать коллективность в научной работе. Я отстаивал мысль, что коллективность в ученой работе это значит работа ряда лиц над проработкой и осуществлением на практике тесно связанных между собой звеньев одного цельного плана. Пробовали провести мы эту мысль на комиссии. Здесь сразу встретили жестокий отпор. Началось с Древней истории. Представитель секции Древней истории сообщил, что одни из них занимаются каким-то кризисом 3-го века, а другие хозяйством Храма Амона в Древнем Египте, а всего то на всего таких специалистов по Древней истории 5 человек. Судили и рядили и, наконец, решили, чтобы они проработали план. То же самое и по Средней и по Новой истории. По Русской истории получилось сначала еще хуже. Бахрушин прочитал план. Все уже готовы были его принять. Я спросил, был ли этот план без изменения представлен в прошлом году. Оказалось, да. Я спросил относительно позапрошлого года, тоже, в третьем году - тоже. Я решил полезть в драку, требуя, с одной стороны, сужения плана в количестве тем, с другой стороны, расширения объема изучения, включив в изучение историю Украины и историю Польши, в-третьих, непременное организационное построение в смысле коллективном. Меня поддержали только аспиранты. А Бахрушин, защищаясь, даже заявил, почему такое требование представляется только к ним, а почему относительно других институтов их не высказывали. Все же они пошли на уступки, обещали включить Украину, обещали сузить тематику и расширить объем

изучения. В общем, пока что вопрос о коллективной работе в Институте истории висит в воздухе. Единственное, где можно будет применять коллективную работу, это секция новейшей русской истории, если она останется существовать самостоятельно и если ее не вольют в общую русскую историю. Неизвестно, что выйдет. Удивительно упорно и долго держится средневековый тип ученого.

Само производство научное требует коллективной работы, а вот вырабатывается кустарь-ученый, кустарь-одиночка, тип средневекового алхимика. Право, когда я смотрю на наших стариков профессоров, академиков вроде Богословского, мне всегда вспоминаются кельи алхимиков, которые я видел в Праге. Должно быть, и там такие сидели по своим кельям, запершись на замок, эти средневековые идиоты и варили из всякой дряни золото. Так и теперь сидят эти алхимики и варят историю о том, сколько пуговиц было на штанах у Петра Великого. Из всех сил старается коммунистическая часть, в особенности аспирантура в РАНИОНе, вести борьбу с этим устарелым типом и выработать новый тип ученого работника, прежде всего организатора, руководителя коллективной работы, участника коллективного труда. Но это поддается слабо. Вся политическая жизнь РАНИОНа, пожалуй, сосредоточивается вокруг этой проблемы. Здесь вопрос заключается не только в создании организационных форм работы, не столько в выработке нового типа работника, но и в борьбе за кадры работников, за их идеологическую физиономию. Кустари - одиночки чувствуют себя в пуще РАНИОНа так же, как зубры в зоологическом саду, и на хорошей пище советских хлебов они склонны на расширенное воспроизводство на идеологическом фронте себе подобных. А это уже представляется политической опасностью и превращает борьбу за коллективный характер работы в борьбу за кадры и за идеологический

тип работника. И здесь выпирает вопрос кто кого. На нашей стороне все и аппарат и деньги, и даже людской состав в большом количестве имеется у нас. А у них знания, каких нет у нас, и они побивают наши методы Монбланами своих знаний. А это грозит тем, что им удастся наладить свое собственное воспроизводство. Хирургический метод решения - не решение, и хотя мы решили сейчас выбросить из РАНИОНа всех аспирантов - не марксистов, но это лишь подрезывание ростков, оставляя основной ствол. Решение не в уничтожении немарксистских сил хирургическим путем, силами советского аппарата, чисткою и т.п., а в переходе к коллективным формам труда. Этот же вопрос дебатировался и на тех заседаниях актива и общего собрания ячейки, где заслушивались отчеты обследования ячейки РАНИОНа, произведенного МК. Отчеты ничего особого не дали, тем более что вопросов учебного построения, борьбы за кадры в области идеологии они не касались, а касались, главным образом, внутренней жизни ячейки и лишь в общих чертах говорили об отношениях между ячейками, — бюро ячейкой и фракцией, президиумом и правлением. Вот и вся общественная деятельность.

Последние дни взбудоражены приездом в Москву афганского Падишаха. Этот царь, созданный как будто для оперетки, на самом деле оказывается вовсе не опереточной фигурой, а весьма и весьма реальной политической силой. Ставленник какой-то афганской национальной политической партии, за его спиной явно стоит какая-то организация. Проблема колониальной революции и борьба за революционную Индию сделала Падишаха объектом политической борьбы. И вот он кочует по Европе. Его чествуют в Англии, чествуют у нас, все ему подносят подарки. Он, пожалуй, наберет целый поезд таких подарков. А за подарками, конечно, ведутся и политические разговоры. Англичане стараются, прибравши его к ру-

кам, обеспечить себе господство над непокорными индийскими племенами. Мы стараемся не столько достигнуть спокойствия на наших границах в Туркестане, сколько открыть себе дорогу в Индию, в индийскую революцию и превратить Падишаха с его готтентотами в сторонников борьбы с империализмом и в участников мировой революции. Падишах помалкивает и берет подарки. Парень, в общем, не дурак. Приезжал, между прочим, он в Ленинский институт. Перед его приездом, я как раз был в Институте, специально чистили лестницы, настилали ковры, в вестибюле появились в качестве караула ГПУ-цы, собралась вся дирекция Института и член ЦК, редактор «Известий» Скворцов-Степанов[144] приветствовал Падишаха. Прямо, хоть анекдоты рассказывай: Советская республика в империалистическом окружении ведет широкую внешнюю политику. А в такой политике даже и с афганистанским Падишахом в союз войдешь. Ничего, показали Падишаху Институт, препараты мозга Ленина и он уехал вполне довольный. А потом он попал на фабрику, а потом в дом Армии и Флота, а потом на бега. Интересно куда еще его завезут. Ну, вот собственно и все.

Крик дня, о котором будут кричать по углам особо ответственные партийцы, осведомленные во внутренних делах, но о которых не будут писать в газетах, - это о пачке прокламаций, брошенных при открытии съезда комсомола какими-то оппозиционерами. Ничего нового в этих прокламациях нет - только повторение пройденного да утверждение, что Центральный Комитет теперь ведет полностью лишь линию оппозиции, а саму оппозицию держит в ссылке. Гораздо интереснее с точки зрения оппозиционных выступлений и

[144] И.И.Скворцов-Степанов (1870-1928) - политический деятель, публицист, с 1925 г. - редактор газеты «Известия», переводчик «Капитала» Маркса на русский язык.

настроений телеграмма Радека[145] группе Маслова и Рут Фишер с предложением не выставлять своего собственного* списка на выборах в парламент, и примечание к телеграмме о том, что Троцкому содержание телеграммы было сообщено и Троцкий пока что ничего не ответил. Это гораздо существеннее, так как это указывает на начинающийся известный раскол внутри оппозиции и отход Радека от линии Троцкого. Это указывает на попытки части троцкистов войти в переговоры с большинством партии. Это указывает в то же самое время и на то, что Троцкий, не отвечая, занимает непримиримую позицию, и это, наконец, указывает на то, что в германских условиях борьба с оппозицией протекает далеко не так гладко и не так просто, как в русских условиях. В русских условиях, наверное, ни одно политическое течение не было так начисто разбито и так полностью уничтожено организационно прежде всего, как уничтожена оппозиция, а оппозиция организационно вырвана с корнем.

Все течет и все изменяется. И хотя я твердо знаю, что все окружающие меня - мошенники и жулики, но иногда все же я прихожу в изумление видеть те фортели, которые они выкидывают. Долгожданная рецензия на мои лекции, наконец, появилась. Трудно представить себе что-нибудь более безграмотное. Переврали факты, переврали мысли, приписали то, что я и не думал и не писал, и облаяли самым отчаянным образом. Глу-

[145] К.Б.Радек (Собельсон. 1885-1939) - социал-демократ, с 1917 г.- большевик., позже ответственный сотрудник Коминтерна, ректор Коммунистического университета трудящихся Востока (с 1925 г.). В 1930-е годы — один из авторов проекта «сталинской» Конституции. В 1936 г. арестован, приговорен к 10 годам заключения. Убит в тюрьме уголовниками. Реабилитирован в 1988 г. А. Маслов и Рут Фишер были руководителями оппозиции в Германской коммунистической партии в 1920 годы.

пейшее положение — вместо того, чтобы бороться с буржуазией, приходится бороться с группой коммунистов, захвативших в свои руки исторический журнал и только потому, что в их руках бумага, считающих себя историками. Закулисная история рецензии очень проста, но написана она совершенно не ориентирующимся и ничего из себя не представляющим парнем, который выступает в роли Герострата. Надо чем-нибудь прославиться хоть и со скандалом, вот и пишет рецензии для того, чтобы все-таки показать себя. Вот, мол, какой я, сразу излаял и уничтожил Пионтковского. Инспирируют и подзуживают к написанию рецензии такие же кургузые артисты. Всю историю организовал секретарь Покровского - Минц. Жулик первой марки, бывший фельдшер и бывший лавочник, теперь кавалер Красного Знамени и ученик Покровского. Пока еще не написал ни строчки, а претензий имеет целые тома. Подзудил написать на меня рецензию, подлец. Долго прятал эту рецензию, не показывал, а когда я его стал крыть, заявил, что рецензии писать можно на всякого. Я говорю: конечно, на всякого можно. Вот как выпустите толстую книгу, так на вас и напишу. Да писать-то только не нужно при этом безграмотно, а рецензия написана крайне безграмотно.

Вообще все историки наши жулики. Мне иногда кажется, что я сам становлюсь хуже Собакевича. Брюзжу и ругаю всякого, кто под руку попадается. Говорят, что от старости собака лает, да не кусает, а тут всякая дрянь, что и молодые и старые кусать будут. Нравы прямо таки необыкновенные. Ну, нечто из эпохи 30-х годов что ли, вроде города Глупова. Пришел недавно ко мне, например, Эльвов, путаник он, правда, страшный, молод еще, больше на счет женского общества прохлаждается, чем на счет науки. К теоретическим вопросам большой склонности не чувствует, но работает как вол, и сидеть может часов по 14-ть в день. Сам себе в заслугу ставит основатель-

ность и глубину изучения. Ну, пока еще он паренек начинающий, работает сколько может. Написал он рецензию на препаршивенькую книжонку Шестакова[146]. Книжка действительно никуда не годная. Я тоже написал на нее ругательную рецензию и никак ее только протащить в печать не могу, то сокращали, то библиографические справки наводили, одним словом канитель. Ну, вот Эльвов и написал ругательную рецензию на эту паршивенькую книжонку Шестакова. Шестаков узнал, рецензию как-то схапал и стал расправляться с Эльвовым. Вызвал его к себе и говорит: Ты парень молодой, а пишешь про меня пакости, рано, братец мой. А потом звонит Дубровскому[147]. У этого Эльвов учился и бывает. Говорит: знаете вы Эльвова? Тот говорит: знаю, ученик мой и учился у меня. А не замечали ли вы за ним аморальных поступков? Эльвов человек аморальный. Ну, хорошо, что Дубровский знает Эльвова, а другой согласился бы, такой толстый подлец, в

[146] А.В.Шестаков (1877-1941) - историк, выпускник Института красной профессуры (1924), член - корреспондент АН СССР (1939), заведующий кафедрами истории СССР в Коммунистическом университете народов Востока, 2-м МГК, один из организаторов и руководителей Общества историков-марксистов. Автор многих работ по истории российского крестьянства, революционному движению, учебника по истории СССР для начальной школы.

[147] С.М.Дубровский (1900-1970) - историк, выпускник Института красной профессуры (1924), в 1924-1927 гг. - профессор и декан экономического факультета Тимирязевской сельскохозяйственной академии в Москве. Одновременно работал в секции русской истории РАНИОН. В 1930-1933 гг. — член деревенского отдела Коминтерна, с 1935 г. - декан истфака ЛГУ. Автор многих трудов по истории российского крестьянства. В 1936 г. арестован, в 1946 г. освобожден, жил в Казани, работал ученым секретарем Госмузея Татарии. В Казани в 1949 г. был вновь арестован и сослан на поселение. Реабилитирован в 1954 г. Последние годы жизни работал в Институте истории АН СССР.

один момент вымазал бы парнишку грязью. Даже и у буржуазной профессуры таких навыков не было, как у нашей.

В университете проводят штаты. И опять здесь во всей красоте профессорские нравы первого десятилетия социалистической эры. Штаты, конечно, меньше действительного количества профессоров, следовательно, идет сокращение. Сократить надо, конечно, немарксистов в первую голову. Немарксисты, конечно, все беспартийные. Ну, их и стараются сократить. А так как среди немарксистов есть старые профессора, связанные с университетом дет по 25, то и вышибить их трудно. Они орут, бегают в Цекубу, в Рабпрос, в Наркомпрос, еще куда-то, находят личные связи и т.д. И вышибают в первую голову тех, за кого заступиться некому, у кого нет друзей. Во 2-м МГУ беспартийных немарксистов мыли, да не вымыли, так они все и остались на местах. А несомненную марксистскую и стоящую на нашей платформе, искренно преданную Советской власти Авербух вышибли в одну минуту. Заступиться за нее оказалось некому, беспартийная, рожа страшная, преподаватель рядовой, когда-то и студенты на нее пожаловались, одним словом, несчастная вылетела бомбой из университета. Вот тебе и маркизация вузов. Немарксисты остались, а марксистка, хотя и слабенькая, правда, вылетела лишь потому, что за нее заступиться некому.

В 1-м Университете пока что вышибли меня. Там был замечательный курьез. Ректор, декан 1-го Университета Волгин хотя и имеет партийный билет, а всю жизнь был сотрудником «Русских Ведомостей» и вот уже 10 лет никак не может избавиться и понять, Что он не в редакции «Русских Ведомостей», а в партии. Человек неглупый от природы, в партии с 18-го года. Все к нему привыкли и все его знают, правда, постепенно вышибают со всех должностей по очереди за оппортунистическую линию поведения, но все же окончательно не забывают, а на-

оборот, тащат на работу. У этого Волгина друзья-приятели только беспартийные, с ними он пьет, с ними он врет, вообще проводит время и всегда, где можно, протаскивает беспартийных. С кем-то учился, с кем-то вместе сотрудничал в «Русских Ведомостях», одним словом, вся старая московская интеллигенция, радикальная молодежь предреволюционной эпохи. В первом Университете он собрал массу беспартийных. По русской истории оказывается ни одного коммуниста нет, все беспартийные. С одним он учился, другой его приятель, третий ему еще почему-то покровительствует, все, одним словом, незаменимые люди, исключительные ученые и спецы, а один ни строчки не написал еще за всю жизнь, а другой, бывший московский кожевенный фабрикант и гласный Московской думы, до революции занимался наукой для придания веса в купеческих аферах, а теперь пришлось ему заниматься историей как средством заработка. Третий попросту бывший земский статистик, огромный детина лет 50-ти от роду, кажется, уже его внуки поступят скоро в университет, а он все еще числится в начинающих ученых. Имеет одну паршивенькую книжонку, да и ту я в свое время рецензиями прославил. Вот и весь состав. Но все они штатные, вышибить их скандал политический, работают с Советской властью дружно, одним словом, пришлось вышибить внештатного, а внештатным оказался я. Так и вылетел из 1-го Университета. И туда ходил и сюда, ходил в ЦК жаловался, ну, а что от Агитпрома, - не хотят вмешиваться. В провинцию мобилизовать молодцы. в один момент в Тмутаракань отправят, а здесь ничего не могут. Все принципиальными вопросами заняты. А я говорю: аппарат из рук у вас выплывает, чего же вы смотрите? А ты, говорит, вообще или в частности думаешь, что аппарат из рук выплывает. Мы, говорит, не видим, чтобы мы вырождались. А я говорю: раз меня из университета выгнали, значит это и есть возрождение. Нет, говорят, это еще не понято, почему один

коммунист другого подсиживает. Что ж с ними поделаешь, звонил, давил, с Волгиным разговаривал. Тот свое: денег на внештатного профессора нет, штаты все заняты, не можем в этом году дать работу, на будущий год дадим. Так и перестал я профессорствовать в 1-м Университете.

Уж который раз вылетаю из вузов, прямо надоело; за 8 лет постоянно то вылетаешь, то влетаешь. В компенсацию предложили в Комвуз идти. Ну, я говорю: благодарю, кружки надоели мне хуже горькой редьки, никаких кружков вести больше не желаю и в Комвуз идти не хочу. Предлагали взять кафедру в академии Социального воспитания. А там Эльвов, сидит председателем. Что же говорит, берите, а я к вам пойду заместителем. *Я* говорю, милый Эльвов берите и сидите. Никуда я не пойду и даже мороженым пришлось его накормить для успокоения. Вот дела советские, из-за таких мелочей нервы дергать приходится. Ну, а ведь в этом огромная часть жизни проходит. Другая часть жизни по ученым обществам ходишь, вроде как Осип из «Ревизора». В театр ходишь, собаки тебе танцуют, тут тоже в театр ходишь, собаками, конечно, уже не развлекаешься, но зато ученые с докладами выступают - нечто вроде усовершенствованных Петрушек.

Боевым криком последнего дня было заседание общества «Историков-марксистов» с докладом Покровского о Чернышевском. Доклад продолжается и сегодня, может еще и попаду к концу. Старик готовился плохо и вместо Чернышевского как историка рассказывал в течение часа общие взгляды и сообщил при этом два или три остроумных анекдота. В общем, положение одно верно: непременно хотят сделать из Чернышевского марксиста, и Стеклов[148] и Рязанов из кожи лезут вон, а какой он

[148] Ю.М.Стеклов (О.М.Нахамкис 1873-1941) - выпускник юридического факультета Петербургского университета (1916), социал-

марксист, когда и Маркса он не нюхал. Ну, конечно, был Чернышевский диалектик, но ведь диалектики были и до Маркса. Был, конечно, Чернышевский материалистом фейербаховского типа, да и марксовский-то материализм вырос из Фейербаха. Дело в том, что в диалектике Чернышевский не был марксистом, он не был диалектиком материалистом, чем отличалась диалектика Маркса от диалектики Гегеля. В своем материализме он не был диалектиком, опять таки, что свойственно Фейербаху, но что не было свойственно Марксу. Чернышевский был фигурой путанной и сложной, как спутано и сложно было само время шестидесятых годов конца XIX века для Западной Европы. Это был русский просветитель, у него были элементы предмарксистской идеологии, как они были и в Германии, но русским марксистом он, конечно, не был, да и не успел попросту стать, слишком рано отправило его царское правительство в дебри сибирской тайги. Законченное мировоззрение Чернышевский выработать не успел, да и сама его форма литературного творчества не давала стимулов к окончательной формулировке своих взглядов.

демократ, в феврале - мае 1917 г. - редактор газеты «Известия». В 1925-1935 гг. редактор журнала «Советское строительство», автор многих работ о Н.Г.Чернышевском и Н.А.Бакунине. В 1928 г. на конференции, посвященной Чернышевскому, Стеклов заявил, что именно Чернышевский первым в России обосновал взгляды, «впоследствии получившие законченную формулировку в учении Маркса и Энгельса - революционном коммунизме». Стеклова поддержал ДБ. Рязанов. Против выступили М.Н. Покровский, М.В.Нечкина, И.И.Минц и другие, видевшие в Чернышевском революционного демократа. В дискуссии победила точка зрения Покровского. С той поры Чернышевский вошел в советские исторические учебники как революционный демократ. В 1938 г. Стеклов был арестован и осужден на 8 лет тюремного заключения. 15 сентября 1941 г. Стеклов умер в саратовской тюрьме от истощения. Реабилитирован в 1956 г.

Так что как ни плох был доклад Покровского, слаб, в сущности, говоря, Чернышевского как историка он почти не затронул, основные положения его все же были, несомненно, правильны. С критикой выступали Рязанов и Стеклов. Старик Рязанов, как всегда, с огромной эрудицией приводящий по памяти цитаты из произведений Чернышевского. Сравнивая его с западно-европейскими экономистами и публицистами, подчеркивая лишний раз тем самым, что необходимо историю идеологии в России связывать с аналогичными идеологическим течениями на Западе, остроумно, немножко хрюкал по привычке, добросовестно издевался и над Покровским и над обществом «Историков-марксистов». Рязанов, настолько понравился, что когда он окончил, раздались даже отдельные хлопки. После Рязанова выступил Стеклов. Я никогда до сих пор не слыхал его. Нужно сказать, что впечатление он оставил слабое. Он ссылался на прошлые позиции социал-демократии и на прошлые мнения социал-демократов, поддерживал позицию Рязанова и так же, как Рязанов, заявил, что не всегда следует клясться по всякому поводу Лениным и едва ли в вопросах о Чернышевском Ленин был вообще специалистом, а характер творчества Ленина, как заметил еще Рязанов, чисто публицистический, давал возможность Ленину, если не искажать, то натягивать историю, все же речь Стеклова, хотя и подкрепленная авторитетом Рязанова, не произвела впечатления. Говорил он долго и нудно, махал руками, гладил бороду, ссылался на свою огромную неопубликованную еще работу о Чернышевском, приводил вороха цитат, вообще видно, что знает он Чернышевского на зубок, и надоел всем до крайности. Когда слез и на трибуну полез никому неизвестный из аудитории старик Алексеев с ворохом книг, публика бросилась врассыпную. Я тоже не досидел, знаю прелестное свойство старика Алексеева: «Милейший человек из самых бестолко-

вых», как характеризовал кого-то из своих героев Грибоедов, и поспешил удрать. Сегодня в Обществе продолжение решения вопроса о том, марксист ли был Чернышевский.

С Чернышевским все же благополучно покончили, согласившись на том, что он не был марксистом, хотя у него и было много сродных марксизму идей. Прелестнейшую речь произнес на втором заседании Рязанов. Изумительнейший старик. Такой бездны знаний нет ни у кого. Такая дикая память, все помнит, а главное, что восхищает и поражает, - этот самый комплекс сведений, которые у него, подбор этих сведений, определенный комплекс резко выраженный. Массу ценных мыслей успел бросить этот старик во время своего дискуссионного выступления, и о влиянии Чернышевского на русскую историографию, и на Ключевского, в частности, и о значении нелегальной печати для 60-х годов для развития легальной мысли, и аналогию между Чернышевским и Бланки в смысле идеологии. Замечательно интересные мысли. Остальные высказывающиеся были бледны, серы, мало интересны и никаких мыслей никому це давали, не имея совершенно их у себя. В Институте Ленина тоже устроили научный кружок для разбора проблем ленинизма. На первом заседании с вступительным словом выступал Скворцов-Степанов. Не производит он серьезного впечатления. Мозжила, а мысли тугие и остроты плоские. Потом был доклад, неплохой, правда, Баевского[149], читанный им, наверное, уже 4 раза, и содрал, таким образом, не две шкуры, а 4 с одного волка, и напечатал его

[149] Д.А.Баевский (1898-1979) — выпускник Института красной профессуры (1924). Тогда же стал сотрудником Института Ленина, один из авторов четырехтомной «Истории ВКП(б)» под редакцией Ем. Ярославского. В 1930-е годы работал в различных учебных заведениях страны, с 1938 г. в Институте истории АН СССР. Автор работ по истории советского общества и истории КПСС.

уже раньше. Пришедшие институтцы притащили с собою цитаты и ссылки, видно, хорошо подготовились. Лишь один Ломакин выскочил и прочитал фактически рецензию на непрочитанную книгу, говорил полчаса, а сказать вообще ничего не сказал, и видно даже не знает вопроса. Ну, что из этого сообщения выйдет - пока еще трудно предсказать.

Новостей политических никаких. Благополучно разложились германские левые. Легенбунд закрылась и Рут Фишер с Масловым и всей компанией капитулировали в момент выборов, и униженно вымаливают себе теперь прощение. Капитулируют и русские оппозиционеры, главным образом зиновьевцы. Есть один сенсационный слух, но трудно разобраться в чем сущность дела. Уверяют, что знаменитый Слепков[150] ездил с докладом в Ленинград, собрал там какие-то группки и усиленно их накачивал. О чем он их накачивал, точно не известно. Одни говорят, что он доказывал, что нужно вести более правую политику, другие, наоборот, что якобы нужно разорвать с нерешительностью Бухарина. Факт лишь тот, что была попытка накачать в определенном групповом направлении. Участники этого совещания выслушали знаменитость, и кто-то из них передал дело в ЦКК. Заварилась кашка. Во всем этом деле интересно то, что, во-первых, выступают здесь с попыткой образовать, оформить какую-то фракционную группу, во-вторых, выступает Слепков. Неважно, в конце концов, содержание платформы, образующей группу, важна тенденция. Не успели уничтожить левых под знаменем борьбы с фракционностью, как уже опять внутри партии зарождаются попытки оформить фракционистские группировки.

ьо А.Н.Слепков (1899-1937) - историк, первый редактор «Комсомольской правды», ученик Бухарина. В 1924—1928 гг. - член редколлегии журнала «Большевик» и газеты «Правда». Арестован в 1932 г., расстрелян в мае 1937 г. Реабилитирован.

Самым интересным, что удалось видеть, это, несомненно, шахтинский процесс[15] . *Я* попал туда на четвертый день вечером и просидел, не вставая весь вечер до самого конца. Впечатление от залы обычного большого процесса. Так шел процесс эсеров, так шел процесс Складского[1"2]. С внешней стороны - огромный зал, толпы народа, караул, судья за столом. Но необычно сейчас содержание процесса, его классовая сущность и значение. Подсудимые сознаются почти во всем с каким-то тупым безразличием, как будто они сами твердо понимают, что они, в сущности, говорят. Рассказывают об актах своего вредительства: да, делал, портил машины, брал деньги, платили бы нам больше и брал бы. Вот изумительно плоские, тупые ответы и в то же самое время претензии на большие специальные знания. Попытка замазать центральные руководящие местные организации. В этом они не сознаются. Или организации были так конспиративно построены, что каждый знал лишь своих подчиненных, а с высшей инстанцией был связан персонально, или замазывают.

Одно лишь страшно и интересно в этих показаниях - то, что до сих пор все допрашиваемые указывали, что готовили общий кризис угольной промышленности к 30-31 году. Они уверяют, что этот срок вытекал из технических условий, не намечался, а обуславливался обстановкой самого вредительства, но подчеркивал именно этот срок. Что таится за этим сроком - пока еще не удалось расшифровать. Быть может, ко-

[ы|] В мае-июле 1928 г. в Москве состоялся судебный процесс над группой инженеров и техников, необоснованно обвиненных в создании «вредительской» организации в Шахтинском и других районах Донбасса. 5 обвиняемых были приговорены к расстрелу, остальные - к различным срокам заключения. Позже все они были реабилитированы.

[152] См.: Процесс предателя-провокатора Окладского-Петровского в Верховном суде. JL, 1925.

гда удастся добраться до центральных руководящих кругов организации, вскроется и значение этого срока, тесно связанного с соответствующими манипуляциями и работами тех, кто рекою лил английские фунты и червонцы в руки мелких вредителей. На шахтах портили все машины, шахты затопляли, пласты вырабатывали скверный уголь, устраивали плотины с таким расчетом, что они прорвутся водой, строили шахты так, чтобы их затопило зыбуном или подземной водой. Проводили водопроводы с таким расчетом, чтобы в них попала жесткая подземная вода и испортила бы все каналы во всем районе, одним словом, недюжинные знания и изобретательство употребляли на то, чтобы уничтожить, разорить угольную промышленность. Делалось это на шахтах, а директивы указаний, что в данное время нужно испортить, как испортить, давались сверху. Руководители предательства сидели в правлении Донугля и были основными специалистами всего Донецкого угольного хозяйства. А теперь на суде они даже не всегда пытаются замазать технические приемы вредительства и прямо заявляют, что этот технический акт был актом осознанного вредительства, имел такую-то и такую-то цель, был проведен в жизнь по приказу такого-то. Друг друга они выдают с головой.

Форма борьбы классов до сих пор в таком виде еще не встречалась. Был саботаж в 18-м году, в момент развертывающейся и гремевшей гражданской войны. Но попытки группы квалифицированной интеллигенции, техников и инженеров путем систематической порчи производства не поставить на колени, а уничтожить диктатуру пролетариата и идти на поводу всецело у иностранной буржуазии, — такой формы борьбы до сих пор еще не было. Были попытки отдельных террористических хозяйственных актов - уничтожение заводов, поджоги, но это были отдельные террористические мероприятия. А такой организации, стоящей параллель-

но хозяйственной организации Советской власти, с персональным составом, работающей одновременно и в организации Соввласти и в подпольных контрреволюционных организациях, - такой формы борьбы до сих пор еще не было. Этот процесс, конечно, вскрывает не только роль отдельных вредителей, но вскрывает всю организацию, а главное, вскроет и те нити, которые от московского штаба организации идут, несомненно, за границу в дипломатические кабинеты, в контрразведческие отделы Англии, Франции и Польши. Ну, а остальное все дела маленькие и мелкие.

Основной фронт — РАНИОН, по-прежнему идут на нем бои. В среду 23-го мая на заседании ячейки Волгин произнес обширнейшую речь с изложением своего кредо. Он уверял с дрожью в голосе и слезою, что у нас нет специалистов, что самый молоденький, самый слабенький буржуазный специалист знает западную историю, литературу историческую лучше, чем он, Волгин, что мы не умеем работать над источником, что мы не умеем вести исследовательскую работу, что все наши историки - это по преимуществу публицисты, а исследовательской работой они занимаются лишь походя, изредка. Своими собственными силами, уверял он, мы никогда не сможем подготовить коммунистов-исследователей, потому что в нас самих сидит не исследовательский, а публицистический дух. Он пел целые молебны отдельным буржуазным специалистам и прямо был в ужасе, когда мы заявляли категорически об уничтожении или снятии того или другого. Конечно, важно и сложно, как подготовить новый командный состав в науке, как его готовить, потому что на всю жизнь на ученом отражается то, как поставит его в первые 3-4 года работы. Несомненно, что приемы исследовательской работы не только отличаются от приемов публицистической работы, но сам уклад исследователя, сам круг его интересов, сама привычка мыслить,

методика мышления, отличаются, конечно, от методики и приемов мысли хорошо знающего свой предмет популяризатора и публициста. Но все же, думаю, дело не обстоит так плачевно, как изображает Волгин. И выступая вместе с другими с возражениями ему, я тоже указал, что вовсе не так плачевно обстоит дело, что если бы дело было действительно так, то результаты десятилетия в научной области были бы катастрофичны, что мы ничего не сделали и сделать не можем. В частности, вопрос об источниках, с точки зрения Ленина, не только не стоит так, но должен быть поставлен совсем по-другому. Нельзя подходить к источникам, не стоя на классовой точке зрения. Классовая позиция ставит перед исследователем, когда он столкнется с источником, ряд новых вопросов, новых приемов подхода к источникам, которых не ставит и не могут поставить историки, стоящие не на классовых позициях. Они в лучшем случае, эти старые специалисты, подходят к документу формально, юридически, выделяя его дипломатические свойства в первую очередь и совершенно не поднимая вопроса об его классовом происхождении и влиянии классового происхождения на характер самого источника.

Прения были горячие. Волгин ставил вопрос министерски, заявляя, что, так как все против него и он один, он готов уйти из РАНИОНа и отказаться от своего звания зам. директора. Несколько раз проезжался он на мой счет, так как, по-видимому, в глубине душевной он уверен, что всей смуты заводчиком в РАНИОНе являюсь я. До моего появления в РАНИОНе все ребята шли за Волгиным, слушали его, и он был нераздельным властителем. Ячейка всецело шла за ним, а теперь Бюро ячейки все время в оппозиции в его начинаниях. Между нами и им резкая разница. Наше мироощущение совершенно не похоже, на то мироощущение, которым пропитан Волгин. И единственное, что он мог предложить на этот раз, борясь всеми имеющи-

мися в его распоряжении средствами за торжество своей линии, - это подождать и не принимать сейчас никаких решений. Ждать тогда, когда нужно решать, — это предложение напомнило мне всю политическую позицию меньшевиков 17-го года, в момент Октября предлагавших и той и другой стороне подождать и не совершать революции. *Я* так и сформулировал Волгину политическую сущность его предложения подождать. Он лишь покраснел и ничего не сказал.

Ну, из 1-го Университета пока что вылетел. Наверное, теперь будут меня выпирать старательно и из РАНИОНа, а уж во всяком случае постараются навесить на меня всех собак за все несчастия, которые могут произойти. Ведь если мы и добились осуществления своих организационных требований - слияния секций, перетасовки руководящего состава, снятия Мороховца[I] и проведения меня в ученые секретари, то все же мы получим на будущий год уже налаженную машину, налаженную этим же самым Волгиным и Мароховцем. Мы идем под флагом перемены всей организации, главным образом, перемены ее содержания, а фактически мы не сможем в течение будущего года в значительной степени переменить направление работы, которая уже ведется, потому что планы будущего года уже приняты, уже проведены. Пока мы боремся с Волгиным и К^0 они в советском порядке проводят все планы, и производственный план и планы семинаров, и распределения работы и т.д. На будущий год уже в основных вехах машина сколочена и когда мы придем к власти здесь, в этом милом РАНИОНе, нам придется возиться в условиях крайне неблагоприятных. Мы обещали сделать все по-новому, а потому очень сильно в ближайшие полгода, во вся-

[153] Е.А.Мороховец (1880-1941) - историк, с 1920 г. преподаватель, профессор МГУ, с 1935 г. в Институте истории АН СССР. Автор работ по истории крестьянского движения в России.

ком случае, мы сделать не сможем, так как организационно они уже успели занять целый ряд позиций.

Историческая комиссия Института советского строительства окончательно образовалась в январе 1926 года. В ее состав вошли Антонов-Саратовский[154], Шестаков, Горин[155], Кривошеина и я. У каждого из нас было по одному или по два научных сотрудника. Задача комиссии заключалась в изучении истории Советского строительства, организации и эволюции Советской власти. Комиссия эта представляла из себя форменный зверинец. Я не помню ни одного заседания, которое обходилось бы без ссор и скандалов. Склочничали все, но главным образом шла грызня между Гориным и мною. Председатель Комиссии - Антонов-Саратовский, старый большевик, старый адвокат, председатель Саратовского исполкома, великолепный массовый оратор, сохранил свои приемы 18-го года вплоть до 28-го и потому с треском вылетал со всякой работы, куда его назначали. Он и сейчас еще член Правительства и хотя и можно сказать, что среди нашего правительства он не из первых талантов, но все-таки глуп он вполне достаточно. Это хороший парень-рубаха, что называется в частной жизни, и совершенно не способен и не пригоден для серьезной общественной работы. В провинции еще туда-сюда, а в

ь4 В.П.Антонов-Саратовский (1884-1965) - большевик с 1903 г., участник борьбы за власть Советов в Саратове, с 1920 г. на руководящей советской и партийной работе.

П.О.Горин (Коляда. 1900-1938) - историк, выпускник Института красной профессуры (1928), в 1927-1930 гг. - зам. директора Института истории Коммунистической академии, заместитель редактора журнала «Пролетарская революция». В 1931-1936 гг. — президент Белорусской Академии наук, в 1937 г.-зав. кафедрой истории СССР МГУ. Автор работ по истории Советов и рабочего класса в России. Арестован 23 августа 1937 г. Расстрелян в 1938 г. Реабилитирован.

центре прямо никуда. Он садится в лужу всегда с величайшим треском. Одно время он был ректором Свердловского университета[156]. Громкий голос, простота общения, он действительно очень прост, веселость, вообще личное обаяние создали сначала ему симпатии среди свердловцев, но очень скоро своей бестактностью и глупостью он нажил себе много врагов, а его анекдотические приказы по Свердловскому университету, распубликованные на всех стенах и во всех аудиториях, запрещение водить в университет проституток и строгое регулирование пользованием уборными привели прямо-таки к целому восстанию оскорбленных свердловцев и он вылетел из ректоров Свердловского университета, как бомба. Но постоянные вылеты нисколько не охладили его пыла и стремления прославиться, и он организовал историческую комиссию при Институте советского строительства, достал для нее солидные деньги, создал возможность работать, хотя сам абсолютно ничего не понимал в исторических работах и ни разу, кажется, за все существование комиссии не побывал ни в одном архиве, но за то на заседаниях он отчаянно орал и размахивал руками и вместо того, чтобы как председатель вести собрание к какой-нибудь определенной цели, давал каждый раз возможность тащить его за собою. В общем, он был бы человеком безобидным, при отсутствии ясного плана того, что он хочет и к чему стремится, если бы иногда он вдруг не вспоминал, что он, так сказать, председатель и с необыкновенным упорством и диким ревом в качестве аргументов не начинал

[Ь6] В 1918 г. в Москве по инициативе председателя ВЦИК Я.М. Свердлова возникли двухнедельные агитационно-пропагандистские курсы, которые вскоре были реорганизованы в Коммунистический университет им. Я.М.Свердлова. Университет занимался подготовкой кадров партийно-советских работников и преподавателей для совпартшкол.

добиваться своего. Обладает он очень неплохим пером и его воспоминания о 17 и 18 гг. и о 5-м годе, хотя, как и уверяют, сильно присочинены и прикрашены, в особенности во всем том, что касается деятельности самого Антонова, читаются, несомненно, с увлечением и интересом.

Другой персонаж исторической комиссии менее ярок и менее интересен. Шестаков уже старый человек, ему не меньше 50-ти лет. Лет тридцать назад он был рабочим, потом одно время партийцем-профессионалом, потом служащим и литератором, отошел от партии и только в 17-м году возвратился вновь. Когда он думает, то раздается шум вроде жерновов, его мозги ворочаются как камни с большим трудом. Парень он хитрый. Себе на уме, медлительный, все его достоинства в длинном партийном стаже, но и тут ему не везет и как партийца его никто не уважает, вообще считают большим балдою. Он чертовски работоспособен, много пишет и совершенно не думает. Теоретически он совершеннейший младенец. При всем том он преподает в двух университетах, ведет партийную работу, важничает, из всех сил изображает из себя ученого.

Другой — Горин, совсем другого толка. Когда-то он учился у меня, потом по окончании Свердловки я оставил его при университете. Перебросили его в Институт красной профессуры, который он тоже кончил. Это форменный тип карьериста. Сын белорусского кулака... Единственное, что существует для него на свете, это карьера. В политике он ярое большинство, хотя в политике он ровно ничего не понимает, кроме одного, что большинство дает ему карьеру за верную службу, как может, из всех сил. Он сам как-то в минуту откровенности говорил мне, что теперь, когда все стабилизировалось, пролезть наверх ужасно трудно, а он употребляет все свое время и все свои мысли на то, чтобы как-нибудь пролезть. Это типичнейший жулик, белорусский ку-

лак сквозит у него во всем. Всюду он старается вырвать что-нибудь для себя. В борьбе за место он не останавливается ни перед чем. Доносы - это его любимейшее оружие и он их делает со вкусом, наивно хлопая черными глазами и доказывая, что нужно открыть дорогу молодежи. Он готов работать на два фронта сразу, причем работать совершенно беспринципно, стремясь достигнуть только своих личных целей.

Когда в архиве, разбирая документы первого ВЦИКа, он нашел письмо Лядова[137] к меньшевикам, в этом письме этот столб партийной истории, теперешний член Бюро Московского комитета, в 17-м году писал, что он не большевик, что он давно-давно порвал с большевиками, как он их там называл соответствующими эпитетами и желает только одно — работать вместе с меньшевиками. Лядов вышвырнул Горина из Свердловского университета, тот затаил на него злобу и, найдя этот документ, решил им воспользоваться для того, чтобы сковырнуть, в свою очередь, Лядова из Свердловского университета. Поэтому Горин скопировал этот документ в пяти экземплярах, спрятал их у себя, а потом отправился с честным лицом в ЦКК и сообщил Ярославскому о своей находке, надеясь таким образом сразу уничтожить Лядова. ЦКК сейчас же вытребовал этот документ из архива и запрятал его так, что достать его можно будет, наверное, не раньше, чем через 50 лет. Горин же свои копии стал распространять, передав их своему знакомому приятелю троцкисту, а тот огласил этот документ на заседании ячейки Свердловского университета.

[157] М.Н.Лядов (Мандельштам. 1872-1947) - историк РСДРП. В 1923—1929 гг. - ректор Коммунистического университета им. Я.М.Свердлова. Член научных советов Института Ленина и Истпарта.

Вся история окончилась тем, что огласившего отправили в Донбасс проветриться. Лядов остался на своем месте как сторонник большинства, удержавший за большинством Свердловский университет, а о документе узнал Троцкий и в своем письме в ЦК среди прочих обвинений Центральному Комитету в сокрытии от партии компрометирующего прошлого сторонника большинства сослался и на это письмо Лядова. Вся эта история была выкинута Гориным только для того, чтобы попробовать свести личные счеты. Никакого политического чутья и политического подхода у него не было. Самонадеянность его не знает границ и, написав две поганеньких книжки, из которых одну я ему проредактировал, он воображает себя настоящим ученым. С ним в исторической комиссии у меня идет постоянная склока, достаточно, чтобы он сказал «а», как я сейчас же скажу наоборот. Точно также и он, достаточно, чтобы я внес какое-нибудь предложение, он спешит с противоположным. Дело доходило до того, что мы не только орали друг на друга, поминая родителей, но я определенно заявил, что если он так намерен продолжать, я ему сейчас же дам в морду и дальше пускай разбирает Контрольная Комиссия. Интереснее всего, по-моему, здесь то, что Горин как тип не единичен.

Целые слои партии состоят вот из таких же Гориных. Сапожников, Сорин[ь8], знаменитые Слепков, Горев[159] -

[158] В.Г.Сорин (1893-1944) - с 1923 г. секретарь Института Ленина, в 1930-1931 гг. - директор Института Ленина, с 1931 г. - заместитель директора ИМЭЛ. Принимал активное участие в подготовке и издании Сочинений Ленина и Ленинских сборников. Арестован 21 апреля 1939 г., в 1941 г. приговорен к 8 годам лагерей, где умер. Реабилитирован.

[159] Б.И.Горев (Гольдман. 1874-1937) - меньшевик до 1920 г., затем отошел от политической деятельности. Автор воспоминаний «Из партийного прошлого» (Л., 1924). В 1920-е годы - преподаватель и историк социализма на Западе и в России, историк войны,

это все люди одной установки и одной социальной физиономии. До революции дети кулаков, чиновников, мечтали или о профессорской карьере или вообще о карьере в среде буржуазии, ничего общего с рабочим классом не имели, а теперь, после того как волны революции сошли, во всем рукасты и загребасты, врут направо и налево и, как кондотьеры, не стесняются в средствах для карьеры. Этот слой пришел к нам из крестьянства и из городской буржуазии, он не пролетарский, и когда волны непосредственной революционной борьбы схлынули и началось то, что называется органическим строительством, в тех областях работы, где открыт широкий простор делячеству и дельцам, - эти люди пошли быстро на сцену и в гору. Они чрезвычайно пронырливы и шустры. Настойчиво ухватившись зубами за какое-нибудь дело, они могут бегать вокруг него целыми днями. Они одним взглядом схватывают все слабые струнки людей и начинают играть ими в тон с необыкновенной точностью и с необыкновенной преданностью.

Совсем другой тип представляет из себя Кривошеина[160]. Интеллигентка, связанная с рабочим движением еще до революции, окончившая Институт красной профессуры, она одна из немногих наших женщин - ученых, выдержанная, чрезвычайно работоспособна, она ни с кем не лезет в ссору и вполне довольствуется тем, что муж ее уважает как профессора и, кажется, гораздо больше любит ее за звание профессорское, чем за ее

заместитель главного руководителя Военной Академии. Репрессирован. Реабилитирован.

[160] Е.П.Кривошеина — автор работ: Февральская революция. М.;Л.,1926; Советы рабочих депутатов в революции 1905 г. (Проблема образования революционной власти). Л., 1926; и др. В 1936—1937 гг. - сотрудница Института истории АН СССР. Арестована 26 июля 1937 г. Реабилитирована.

физиономию и женские качества. Работает как вол, интересуется и наукой и искусством, и вообще человек, с которым можно разговаривать, говорить, надеясь услышать в ответ что-нибудь интересное, и просто провести время как с интеллигентным человеком, очень не глупым и довольно таки широко образованным. Вроде Кривошеиной были наши научные сотрудники. У меня все время работало двое - Поршнев[161] и Лукомская. Оба очень славные ребята, оба интеллигенты, потомственные и почетные, оба образованные, оба очень неглупые, оба стремящиеся к научным занятиям. Одна только беда - глубоко беспартийные, и интереснее всего то, что оба с большим интересом относящиеся к политике и в то же самое время совсем не стремящиеся вступить в партию, несмотря на мою агитацию.

Лукомская из меньшевистской среды, ее отец когда-то был членом, кажется ЦК меньшевиков, теперь честный советский работник, что-то вроде члена Коллегии Наркомздрава или заведующего каким-то отделом в этом наркомате, с детских лет выросла в политической среде, персонально знала всех политических лидеров и вождей, главным образом, меньшевизма, хорошо была ориентирована и в среде руководящего слоя нашей партии, с большим интересом и чутьем к политике, но без всякого стремления вступить в партию, хотя и стоит всеми так сказать четырьмя ногами на советской платформе. В этом роде и Поршнев, которого мне удалось протащить в РАНИОН и привлечь к научной работе. Что из

[161] Б.Ф.Поршнев (1905-1972) - историк, выпускник МГУ, ученик В.П.Волгина. В 1925-1926 гг. - научный сотрудник Института советского права при Коммунистической академии, в 1927-1930 гг.- аспирант РАНИОН, в 1930-е годы — преподаватель московских вузов, позже - в Институте истории АН СССР. Автор работ по истории Франции и социальной психологии.

этого выйдет - не знаю, так как его острый язык, сугубая интеллигентность, индивидуализм и склонность к излишним философствованиям уже начинают восстанавливать против него ребят в РАНИОНе.

У других были свои научные сотрудники, которых я плохо знаю. В таком вот составе велась работа Исторической комиссии. Научные сотрудники выбирали в архиве документы, прочитывали и перечитывали и составляли сборники, посвященные истории советского аппарата. В результате такой работы сейчас уже готовы к печати три сборника, а мой уже вышел. Не знаю, как выйдут другие, но мой сборник по составу документов вышел очень интересным, но со стороны техники издания меня, по-видимому, будут за него жестоко ругать, так как в нем имеется ряд существенных недостатков. Работа не ограничивается одним сборником. Я успел набрать огромное количество всевозможных документов и надеюсь в этом году издать еще один сборник, а в дальнейшем обработать собранные документы и попробовать на основании их написать историю строительства и эволюции советского аппарата за период военного коммунизма и гражданской войны. На все это предприятие ухлопана была колоссальная куча денег. Штат научных сотрудников в течение уже вот двух с лишним лет содержал Институт советского строительства. За перепечатку и копировку документов платили деньги. Издание самих документов - предприятие кране нерентабельное и Коммунистическая Академия и правительство ухнуло на него 30 тысяч, которые едва ли когда-нибудь вернуться обратно, так как трудно ожидать, чтобы нашлось на свете большое количество таких наивняков, которые бы покупали эти сборники документов. Если их разойдется по тысяче на брата, по тысяче каждого сборника, это, пожалуй, будет достаточно.

Предприятие это, которое не останавливается на издании четырех сборников, а намерено продолжать и дальше, несомненно, является крупнейшим научным предприятием, но организовано оно крайне кустарно. Вопрос об издании документов, в особенности документов нового типа, совершенно не изучен. Если по вопросам об издании документов XVI и XVII веков существует большая литература, существует целый ряд изданий этих документов и вопрос о том, как издавать эти документы, изжеван вдоль и поперек, то вопрос об издании документов нашей революции теоретически нигде не ставится. Здесь царствует полнейшая кустарщина и произвол, и Историческая комиссия наша в этом отношении не представляет счастливого исключения. Ни разу мы не ставили серьезного вопроса о том, как нужно организовать издание и какой тип нужно принять для издания документов эпохи нашей революции, как их нужно издавать, как подойти к ним.

Поступали до сих пор крайне просто: брали документы, заказывали с них в архив точные копии и эти точные копии печатали. Так делал я в своем томе. Но такое издание, конечно, является крайне примитивным, оно, кроме написания новых документов, документов которых никто, по всей вероятности, никогда в дальнейшем не напечатает, не дает ничего, оно не двигает вперед вопросов историографических, вернее историо-архивографических, а между тем, имея в распоряжении все же большие средства, потому что, кроме содержания аппарата, кроме того, что каждому в месяц на переписку дается рублей 50, это сейчас, при срезанных штатах и режиме экономии, Комиссия имеет возможность получать от правительства единовременные субсидии, т.е. имеет, в сущности говоря, в своем распоряжении крупные средства, каких не имеет другое какое-нибудь научное учреждение. РАНИОН, например, в своем распоряжении имеет какие-нибудь сотни рублей и орудует с ними

и ведет борьбу вокруг них, а мы, сравнительно с РАНИОНом, имеем прямо-таки десятки тысяч и все же в своей работе, в огромной работе, работе, которая даст, во всяком случае, не меньше десяти больших томов очень редких документов, документов, которых никто, кроме нас, никогда по всей вероятности, не издаст, мы идем кустарными путями.

Записано 24 октября 1928 года

За последние месяца полтора в политике нашей партии произошли огромные сдвиги. То, что намечалось на Июльском пленуме вылилось наружу в огромную борьбу правых и левых с партией. В правых оказались, как это было уже и на пленуме, Рыков, Бухарин, Угланов - верхушки советского и московского партийного аппарата. Правые выступили с программой-манифестом, напечатанным в Правде под названием «Записки экономиста» статьи Бухарина[162]. В этой статье Бухарин призывал идти на снижение темпа индустриализации страны и путем его уменьшения повысить темп развертывания мелкого крестьянского хозяйства. По Бухарину все затруднения с хлебозаготовками были результатом не неблагоприятного реагирования собственнических группировок деревни, а объяснялись просто продовольственным подходом. Хлеб исчез, его было мало, его съели.

Борьба с правыми шла, главным образом, на верхах. Была сделана попытка локализировать борьбу внутри, ограничиться борьбою в узких рамках ЦК, но это не удалось и

[162] Имеется в виду работа Н.И.Бухарина, опубликованная в «Правде» 30 сентября 1928 г., накануне начала первой пятилетки (с 1 октября 1928 г.), и отстаивающая необходимость сохранения экономической системы и приоритетов НЭПа.

борьба стала просачиваться в массы. Открыто ее туда перенесли правые. В числе правых был секретарь Московской организации Угланов, был зав. Агитпропом Московского губкома Мандельштам, было три секретаря районных, и естественно, что правые думали силами аппарата захватить в свои руки Московскую организацию. В то время Центральный Комитет ставил вопрос о развертывании самокритики, указывал и подчеркивал, как на основного врага, врага справа, причем под врагом справа понимались не только стоящие за флагом партии группы, но и те группировки и слои партии, которые стремились осуществить на практике «Заметки экономиста», которые на практике ставили вопрос о смягчении и затушевании классовых противоречий в нашей стране, затушевывании классовой борьбы и вместо обострения выдвигали примиренчество, превращаясь на практике из слуг и исполнителей воли партии, в обслуживающий враждебной партии класс. Попытки правых собрать вокруг себя силы вылились в собрания узких активов по районам, в попытку сорганизовать вокруг себя группки, на которые бы они могли опереться, в попытку выжить из руководящих мест Московской организации представителей ЦК. Все эти попытки, естественно, будоражили мнение партийного актива, поскольку перед ним выкристаллизовывались две партийные линии.

С одной стороны, линия Центрального Комитета, а с другой стороны, та линия, которую пытались осуществить на практике Московский комитет. Сентябрьский пленум Московского комитета пошел по пути увеличения правых ошибок, не принимая всерьез решений партии о самокритике. Это привело к тому, что борьба, которую сначала пытались удержать в кругу немногих избранных, перенеслась в районы и Московская организация стихийно стала втягиваться в политическую борьбу и дискуссию. В этот момент по настоянию

Центрального Комитета был собран снова пленум Московского комитета[163], начавшийся только в субботу, и на этом пленуме встретились снова с правыми. Стенограммы этого пленума еще не получены, но уже у нас в ячейке делалась о нем информация. На активах районов, которые прошли по всей районам Москвы, гоже были информации о пленуме. На пленуме выступали как работники Московского комитета, так и члены ЦК. Исключительно интересную речь на пленуме произнес Сталин. Исходя из положения, что троцкизм уже разбит, Сталин доказывал, что правый уклон, примиренчество по отношению к буржуазии является на практике помощью буржуазии реставрировать дореволюционные отношения в стране. Правая опасность сейчас является основной опасностью, поскольку возможность реставрации буржуазных отношений в нашей стране не уничтожена, и наряду со всем необходимым для построения социалистического общества имеется власть, необходимая для построения буржуазного общества. Нижние этажи нашего аппарата, говорил Сталин, заливаются буржуазией. Эта речь имеет, несомненно, огромное политическое значение, у Сталина резко поставлена проблема «кто кого». На 15-м съезде[164] Сталин говорил, что вопрос «кто кого» уже решен, но теперь в этой, исключительного значения, политической речи он говорит о том, что вопрос «кто кого» — далеко еще не решен. Это основное, стержневое положение, отсюда и получилось совпадение в оценке положений низового аппарата. Лозунг борьбы направо, по-прежнему ос-

[163] Объединенный пленум МК и МКК ВКП(б), состоявшийся 18-19 октября 1928 г., поддержал обращение ЦК ВКП(б) «Ко всем членам Московской организации» и призвал большевиков сплотиться в борьбе против «правых».

[164] XV съезд ВКП(б) состоялся 2-19 декабря 1927 г. На нем был провозглашен курс на коллективизацию сельского хозяйства страны.

тавляя за бортом партии троцкизм, при том соотношении сил, какое уже складывается внутри партии, при фактически развернувшейся по России дискуссии, идущей не только по Московской организации, но и имеющей уже отклики и в Ленинграде и в Харькове, требует от партии не только напряжения всех сил, но требует, чтобы каждый член партии стоял в курсе дела, требует подробной и всесторонней информации партии о всем том, что происходит на верхах. Несмотря на то, что партия с июньского пленума внимательно следила за тем, как развертывается борьба на верхах Центрального Комитета, все же дискуссия до некоторой степени неожиданно свалилась на голову партии. Насколько обострилась борьба, показывают два выступления представителей двух разных течений на ячейке в РАНИОНе.

В РАНИОНе выступал у нас Мандельштам и выступал Криницкий. Мандельштам выступал на открытом собрании, где он в продолжении полутора часов говорил об общих задачах будущих научных работников. Вообще его речь для открытого собрания вполне приемлема, но в ней была одна замечательная черточка — вместо того, чтобы призывать к заостренной борьбе на идеологическом фронте, к обострению идеологической борьбы, к идеологической непримиримости, Мандельштам доказывал, что такая дискуссия, как например, борьба между механистами и диалектистами, в сущности, говоря, никакого значения и никакого интереса не имеет, принимая только нездоровый характер. Вывод из этой дискуссии зав. агитпропом Московского комитета делал такой, что не нужно обостренной идеологической борьбы. Это был, несомненно, крайне оппортунистический вывод. Криницкий, зав. агитпропом ЦК, выступая у нас на собрании, держался очень мирно, хотя и не скрывал, что он защищает противоположную правым позицию и призывал к энергичному наступлению на

правых. Все же на формально поставленный ему вопрос о направлении в ЦК он уверял, что в ЦК царствует полное единство и что сейчас, поскольку установилось в стране неустойчивое равновесие сил, поскольку в стране чувствуется известная натянутость, особенно на хлебозаготовительном фронте, но в то же время чувствуется перевес сил в нашу сторону, сейчас в Центральном Комитете никаких разногласий по вопросам политики не наблюдается, и Центральный Комитет единодушно ставит вопрос о творческой работе. Только выступление в прениях одного товарища, доказывающего необходимость развертывания частного крестьянского хозяйства в ущерб индустриализации страны, взорвало Криницкого, и он громогласно обвинил его в кулацком уклоне. Эти два выступления не всколыхнули ячейки, не привлекли обостренного внимания к политическим проблемам.

Таким образом, для большинства ячейки то, что происходило в партии, явилось в значительной степени неожиданностью. К этому примешалась и политика руководящей группы ячейки, являвшейся по всей вероятности в значительной степени повторением политики многих бюро, многих ячеек. После выступления Криницкого почти в течение месяца не собирали партсобрания. Когда я требовал от секретаря собрать собрание, он отказывался и отнекивался, и когда 18 октября я последний раз потребовал собрать партсобрание, секретарь сказал мне, что я по всей вероятности хочу прыгать вперед Центрального Комитета. Но, несмотря на такую политику, по всей вероятности, многих ячеек, все же большие слои рабочих ячеек оказались захваченными борьбой, хорошо информированными, отлично разбиравшимися в общей конъюнктуре. Эти слои партийных ячеек дали решительный отпор попыткам головки Московского комитета стянуть Московскую организацию направо

и эти же слои партийного актива быстро подобрали и мобилизовали вокруг себя широкие массы членов партии.

Партийные активы, идущие в 21—22-[х] (числах), представляли из себя многотысячные собрания активных, хорошо информированных, разбирающихся, в чем дело, членов партии. ***Я*** попал в понедельник на актив Сокольнического районного комитета. В кино «Форум» буквально яблоку негде было упасть, стояли в проходах, эстрада была полна. Сокольнический райком во всей этой борьбе с самого начала занял правильную линию, поддерживая активную политику Центрального Комитета. Доклад о пленуме МК делал секретарь райкома. Не цветистый доклад, не очень выдержанный политически, но все же откровенно сообщавший основные факты, и при всей видимой осторожности и умеренности докладчика, все же ставивший вопрос о борьбе направо резко и определенно. Зала слушала с огромным вниманием и напряжением.

После доклада секретаря райкома членами ЦКК было подано заявление[165]. К заявлению этому присоединились и 10 членов райкома. Заявление запросило председателя районной КК о его позиции. Выступление председателя Сокольнической районной КК не то Кондратова, не то Коновалова, вообще какого-то товарища на К., носило в высшей степени жал-

[165] Решение о создании Центральной контрольной комиссии было принято на IX партийной конференции в сентябре 1920 г. Первоначально она состояла из 5-7 членов, но на XII съезде ВКП(б) в 1923 г. её состав был увеличен до 50 человек, а на XV съезде в 1927 г. количество членов возросло до 195. Согласно резолюции XIII съезда партии, 70 членов ЦКК должны работать в центре, 50 - остаться работать на производстве, а 30 — работать в местных контрольных комиссиях. ЦКК была мощным органом с большими полномочиями, формально независимым от ЦК, контролирующим и его членов. Члены комиссии, даже её председатель, не имели права входить в ЦК.

кий характер. Простой по видимости рабочий, недалекий парень, он жалко лепетал что-то в ответ на запрос о том, какую же линию он занимал в развернувшейся борьбе внутри Московского комитета и какие мероприятия принимали он и его Контрольная комиссия для обеспечения партийной линии. Ничего путного парень не сказал, кроме заявления о том, что между ним и райкомом не было никаких принципиальных разногласий, да жалкого лепета под конец, что он всегда много боролся с троцкизмом. Видно, что и сейчас он еще не понимал в чем дело, и, привыкнув бить по Троцкому, по инерции продолжал тюкать и тогда, когда требовалось повернуться на 180 градусов направо. Собрание так и оценило его речь криками с мест: проморгал, ничего не сказал, ничего не делал.

Больше мне не удалось побывать на активе, так как, с одной стороны, я спешил в РАНИОН на собрание, с другой стороны, проторчавши полтора часа на ногах, нисколько не улыбалось провести на ногах еще столько же времени. Одно мне бросилось в глаза из выступлений председателя райкома, что сейчас недостаточно ограничиться одной проработкой пленума по ячейкам, недостаточно ограничиться одними докладами о пленуме МК и о линии Центрального Комитета с внесением соответствующих резолюций, а необходимо перебрать состав аппарата, обновить его сверху до низу целиком, вытряхнув из аппарата засидевшихся в нем, умеющих лишь тюкать на Троцкого и не умеющих гибко лавировать и улавливать основную руководящую нить партии. Такое же мнение вынесли и другие товарищи, посетившие другие активы. Это можно сказать сейчас общее мнение активного слоя членов партии. На двух райкомах, судя по газетам, выступали и правые в Замоскворечье и в Красной Пресне. Выступал сам Уг-

ланов. В Замоскворечье выступал крайне правый Фрумкин[166] и руководитель МГСПС Михайлов[167]. Хотя Угланов выступал как будто и с покаянной речью, а остальные двое выступали с защитой своих правых позиций, эти выступления все же чрезвычайно знаменательны политически. Прежде всего выступление Михайлова, руководителя МГСПС, с защитой правых позиций означает, что профессиональная группа, среди которой большинство правых, возглавляемые Догадовым и Томским[168], чувствуют себя если и побитыми, то не разбитыми и без борьбы и боя сдаваться не хотят.

Выступление Угланова в прикрытой форме означает дискуссию. Это покаянная речь секретаря Губкома является не только и не столько попыткой сохранить на будущей конференции за собой пост секретаря Губкома и связанное с ним звание члена ЦК, сколько является несомненной попыткой прикрыть отступление, сознаваясь в ошибках и прося не ка-

[166] М.И.Фрумкин (1878-1938) - советский государственный деятель. В РСДРП с 1898 г. В 1918-1922 гг. член коллегии Наркомпрода, заместитель Наркомпрода РСФСР, одновременно член правления Центросоюза. В 1922—1929 гг. заместитель Наркомвнешторга, заместитель Наркомфина СССР. В 1928-1930 гг. активный сторонник социально-экономической программы Н.И.Бухарина. В 1932-1935 гг. заместитель Наркомвнешторга, затем на хозяйственной работе. Репрессирован. Расстрелян в 1938 г. Реабилитирован.

[167] В.М.Михайлов (1894-1937) - участник октябрьских событий 1917 г. В 1921-1929 гг. - секретарь ЦК РКП(б), секретарь МК партии, председатель МГСПС. В 1929-1932 гг. - зам. начальника строительства Днепрогэса. Расстрелян в 1937 г. Реабилитирован в 1956 г. и восстановлен в партии.

[168] М.П.Томский (Ефремов. 1880-1936) — советский политический деятель, в 1922-1929 гг. - председатель ВЦСПС. В 1936 г. покончил жизнь самоубийством. А.ИДогадов (1888-1938) - большевик с 1905 г., советский профсоюзный деятель, в 1920-е годы — секретарь ВЦСПС. Расстрелян в 1938 г. Реабилитирован.

лечить. Сваливая все на случайность, болезнь руководящей группы, Угланов тем самым очень неискусно, не политически, а чисто житейски, по-мещански старался прикрыть свое отступление, прикрыть тем самым отступление всего того течения, задачи которого он пытался выполнять. По отношению к Московской организации это является и попыткой бороться с постановлениями пленума МК и с основной линией ЦК, и подготовить в то же самое время себе новый пост для новых выступлений. Это не капитуляция, а отступление. Политически это выступление чрезвычайно знаменательно, так как ясно всякому младенцу, что дело не в Угланове, а дело в той группе и профессионалистов и цекистов, которая стоит за Углановым и пишет «Заметки экономиста», которая делает доклады о пленуме ЦК на московских активах так, как ей хочется, а не Центральному Комитету, который возглавляет высшую власть в Республике.

Поражение правых группировок на пленуме Московского комитета - это, несомненно, шаг огромного политического значения, это, несомненно, в значительной степени предопределяет уже ход и исход борьбы, но это не решает проблемы борьбы. Поражение правой группы означает, что из ее рук вырвалась Московская организация, т.е. в случае борьбы лишила ее возможности противопоставить Центральному Комитету центральную организацию и создать параллельный ЦК свой собственный центральный аппарат. Но это не означает еще прекращения борьбы побитыми, а не разбитыми сторонниками правой группировки: (они) уходят на новые позиции, да, вадимо, и побиты, открыто те из них, кто был на аванпостах. Основная же группа идеологов и вдохновителей правых группировок еще остается в тени и в пылу дискуссии ее имена более подразумеваются, чем называются.

Записано 25-го октября 1928 года

Борьба налево неожиданно всплыла в обществе «Историков-марксистов». Еще весною в ЦК происходило собрание по идеологиям[169], где вырабатывалось отношение к различным идеологиям, обсуждалось и выяснялось положение и нашей и буржуазной мысли в области той или другой науки. В результате обсуждения вопроса о положении на историческом фронте на этом совещании была выработана резолюция, которая долго лежала под спудом и которая вдруг неожиданно всплыла на собрании фракции в обществе «Историков-марксистов». Эта резолюция всплыла притом не сама по себе, а в сопровождении резкого обвинения некоторых товарищей в правом уклоне. Борьба направо началась как будто-то на собрании фракции в момент отчета Лукина о Конгрессе в Осло[170]. Уже из того затушевания отчета о Конгрессе, который давался Лукиным, было видно, что на историческом Конгрессе в Осло наша делегация держала себя далеко не блестяще, вернее прямо села в лужу. На Конгресс приехало очень мало народу. Из России приехало всего что-то человек около десяти. Языки, по-видимому,

[169] 15-21 марта 1928 г. при ЦК ВКП(б) состоялось первое Всесоюзное партийное совещание работников кино. 27-31 марта 1928 г. в Москве состоялось совещание секретарей воинских ячеек ВКП(б). 30 мая - 3 июня 1928 г. при ЦК ВКП(б) состоялось Всесоюзное совещание по вопросам агитации, пропаганды и культурного строительства.

[170] Н.М.Лукин (1885-1940) - историк, выпускник историко-филологического факультета МГУ, академик АН СССР (1929), директор Института истории Коммунистической академии (1932). Первый директор Института истории АН СССР (1936). Двоюродный брат Бухарина. Арестован 22 августа 1938 г. Умер в тюрьме от второго инфаркта 16 июля 1940 г. Автор работ по новейшей истории европейских стран. VI Международный конгресс историков в Осло состоялся летом 1928 г. В нем приняли участие советские историки Н.М.Лукин, М.Н.Покровский, Е.В.Тарле и др.

знали далеко не все, надлежащей энергии не проявили и поэтому выступления на Конгрессе носили довольно бледный характер и далеко не дали того, что могли бы дать.

Ряд выступлений европейской буржуазной профессуры был оставлен без надлежащего отпора. На фракции «Общества» при обсуждении вопроса о поведении делегации на Конгрессе столкнулись два мнения. Одни доказывали, что на Конгрессе мы не проявили достаточной политической чуткости и инициативы, другие уверяли, что уже самим фактом нашего появления мы сделали большое дело, что устройством Недели Ученых в Германии[171] мы привлекли к себе общеевропейскую мысль и всем этим проделали вполне достаточную работу. Одним словом объявили, что не нужно было проявлять излишней инициативы и активности, а достаточно было удовольствоваться тем, что сделано, достаточно было идти за событиями, а не хватать и тащить события за собой. Эта линия вполне правильно была объявлена хвостистской. Но, по всей вероятности, не только одно основание этой линии вызвало резкое столкновение на фракции историков при обсуждении вопроса о резолюции Центрального Комитета.

При докладе о резолюции Центрального Комитета выступавший в прениях о Конгрессе в Осло Минц был определенно обвинен в правом уклоне. В правом уклоне был обвинен также и Моносов[172], который на первом заседании фракции не промолвил ни слова, и, следовательно, его обвинение исходило из ка-

[171] Группа советских историков посетила Берлин после конгресса историков в Осло летом 1928 г., где была устроена «историческая неделя» встреч и конференций. В них приняли участие М.Н.Покровский, Н.М.Лукин, С.Ф.Платонов, М.К.Любавский и др.

[172] С.М.Моносов - историк, автор работ по истории революционных движений и истории французской и русской революций. См.: *Моносов С.* История революционных движений. М., 1928; и др.

ких-то высказанных и не оформленных здесь положений. Заседания фракции историков происходили два раза. Все, что там было, все речи и выступления были запротоколированы и застенографированы. В общем, несомненно, резко столкнулись два направления, два течения. С одной стороны, небольшая группка, из которой присутствовали на втором заседании Лукин, Моносов и Минц, считающие, что у нас все обстоит хорошо и благополучно. Моносов при этом выступал так, что не то что о какой-нибудь политической линии по отношению к нему нельзя говорить, а можно говорить только о ничем не прикрытом грубом мещанстве, отсутствии всякой партийности в этом человеке. Противоположную группу фактически составляло все Общество. Защищали более левую линию Горин, Шестаков, Фридлянд[173] и я. Мы доказывали, что вопрос прежде всего к политике, что политически сейчас буржуазная историческая наука переживает процесс оживления, что в ней имеется и существует определенное идеологическое оживление, что она имеет в своих руках кафедры, печатные станки, два Общества[174], т.е. идеологически

[173] Г.С.Фридлянд (1897-1937) - историк, выпускник Института красной профессуры, профессор и первый декан исторического факультета МГУ (1934), один из организаторов и член президиума Общества «Историков-марксистов», член редколлегии журнала «Историк-марксист». Арестован 28 мая 1936 г. Расстрелян 8 марта 1937 г. Автор работ по истории революций во Франции. Реабилитирован в 1956 г.

[174] Очевидно, прежде всего имеется в виду Московское общество истории и древностей российских (МОИДР), первое научное историческое общество в России для изучения и публикации документов по русской истории. Основано в 1804 г. при Московском университете. В него вошли преподаватели университета, а также историки, архивисты и археографы (Н.М.Карамзин, Н.Н.Бантыш-Каменский, А.Ф.Малиновский, К.Ф.Калайдович, А.И.Мусин-Пушкин и др.). Официально закрыто в 1929 г. В качестве второго общества Пионтковский мог иметь в виду Общество любителей российской словесности (ОЛРС, литературно-научное общество при

оформленных и организационно выявленных. Я подчеркивал, что наряду є этим самая главная и основная опасность в том, что буржуазная историография воспроизводится, что она не уничтожается, а имеет сейчас вокруг себя группки последователей из молодежи, которые она обучает на наши деньги и которые являются ее сменой. Воспроизводство идет в расширенном масштабе и вопрос о кадрах стоит чрезвычайно остро, поскольку в ряде областей, в области изучения Древней истории, средневековья, западноевропейского и русского, мы почти не имеем своих собственных кадров, но имеем большие кадры буржуазно-исторической мысли. Все наши силы, весь наш молодняк сосредоточены на изучении новейших исторических проблем и почти не касаются изучения вопросов Древней истории.

Позиция наша, т.е. всей той группы, которая защищала наступление налево, была поддержана практически единогласно всем «Обществом», вернее можно сказать прямо единогласно, так как выступавший на первом фракционном собрании какой-то Донченко с протестом против опубликования резолюции и с опровержением резолюции не встретил, по существу, никакой поддержки, но общее стремление борьбы налево мне кажется все же перегибает палку, поскольку не только стремились перейти в наступление направо, что я всецело поддерживал, но и ставили вопрос и о персональном перечислении с соответствующим отлучением и проклятием представителей буржуазной профессуры. Я предложил в резолюции совершенно не упоми-

Московском университете, существовало в 1811-1930 гг., с перерывом в 1837-1857 гг.), или Постоянную историко-археографическую комиссию при АН СССР (в 1834-1917 гг. при Министерстве народного просвещения). Возможно также, что речь идет о Союзе (обществе) российских архивных деятелей (основан 18 марта 1917 г.), штаб-квартира которого находилась в Ленинграде.

нать имен, и мое предложение поддержал один только Лукин, наоборот, вчерашние крайне правые Слепков и Дубровский предложили увеличить количество имен, и хотя моя реплика - вопрос: давно ли он занимает левую позицию, его немножко смутила и вызвала веселую улыбку, но он взялся дополнить и расширить список буржуазных имен, подлежащих проклятию. Я вовсе ничего не имею против того, чтобы проклинали буржуазную науку и сам с удовольствием проклял бы не один десяток, но в данном случае вопрос заключается не в проклятиях, а в дельном практическом преодолении буржуазии.

Нужно преодолеть буржуазную историческую мысль, противопоставив ей прежде всего своих собственных историков, а как раз в ряде тех областей, где мы собираемся преодолевать буржуазию, своих собственных историков мы не имеем. Второе, мне думается, что, поскольку огонь борьбы налево на историческом фронте не означает изъятия представителей буржуазной исторической мысли из обращения, а означает по-прежнему продолжение политики партии по отношению к спецам на историческом фронте, т.е. использованию их исторических значений и обезвреживанию их идеологически, то при такой комбинации, мне думается, совершенно неправильно было бы называть все имена и тем самым ставить и их, и нас в крайне тяжелое и неудобное для работы положение. Все вопросы личного обезвреживания гораздо практичнее, удобнее и лучше разрешать путем организационным, систематически осуществляя и проводя на практике определенную твердую организационную линию. Называть же имена, привлекая к ним внимание, это означает на практике превращение их в определенные идеологические знамена, это означает не столько вскрытие классовых противоречий, сколько помощь идеологическому оформлению, организационному оформлению противоположной нам идеологии.

Прав я или нет? Мое предложение не упоминать имен пока поддерживают персонально лишь заведомо право настроенные товарищи, а большинство настроенных лево требуют предания анафеме ряда имен. Вот только одно меня смущает: (все) те, кто требует предать анафеме имена ряда буржуазных специалистов историков, сами в исторической области или не имеют никакого значения или не работают. Ведь предать анафеме — это дело двух минут, а нужно взамен преданных анафеме перед ними поставить работу. Мы в РАНИОНе ведем организационными средствами сейчас борьбу с буржуазными идеологами, и мы пытаемся поставить работу, а вот все те товарищи, которые предлагали предать анафеме, никакой работы, кроме протодьяконского предания анафеме, вести не ведут и не хотят. Да и на вопрос они не отвечают, куда же растет предание анафеме и каковы дальнейшие перспективы и шаги, из этого возникают, что означает на практике предание анафеме, какие должны идти организационные выводы? Вслед за откровенным идеологическим осуждением идти на борьбу нужно, бороться с буржуазной идеологией на историческом фронте необходимо, но едва ли правильно в период диктатуры превращать эту борьбу в громкое агитационное выступление, а не в систематическую творческую работу.

Записано 28 оюпября 1928 года

Осуществление левого фронта на фоне борьбы с исторической идеологией я осуществляю в РАНИОНе. На днях будет месяц (сегодня 28 октября) как я после долгой и продолжительной борьбы стал ученым секретарем РАНИОНа. Пока это сводится лишь к расхищению моего времени. Хозяйство маленькое, но крайне запущенное. Аппарат все время рвется из рук. Бюджет Института истории достигает 100.000 рублей в год. Сюда входит

только оплата научных сотрудников и вспомогательных учреждений, а оплата и содержание аспирантов идет по другим статьям. Из этих 100.000 большая часть идет на выдачу субсидий действительным членам и научным сотрудникам.

Первое, что бросилось мне в глаза, как только принял я дела РАНИОНа, это, что под шумок, под покровом Волгина буржуазные спецы успели приготовить пять томов своих записок, сборников своих трудов, несколько отдельных книг и намеривались еще выпустить целую серию. Два тома они готовились посвятить Петрушевскому. Я принял эти дела и, посмотрев материал, увидел, что ни одной марксистской статьи среди него почти что нет, но зато есть много чрезвычайно специальных статей и заметок, доступных лишь узкому кругу специалистов. Это, строго была бы не беда, беда заключается лишь в том, что с одной стороны выходит огромное сборище немарксистской работы, выходит на наши деньги, издается нашими издательствами, а другая, гораздо большая беда заключается в том, что издается два тома работ, посвященных Петрушевскому. После того, как провели дискуссию против Петрушевского, обвиняя его в немарксизме и реакционности, чуть ли не в контрреволюции, появление двух объемистых книг в его честь является политической манифестацией на историческом фронте. Это публичное заявление о своей солидарности и своей поддержке Петрушевскому со стороны десятков буржуазных историков, принявших участие в сборнике. Если в обычных условиях выход сборника в честь того или другого автора является попросту данью уважения ему, то выход сборника в честь Петрушевского является политической демонстрацией представителей определенных классовых групп. Когда я узнал о том, что эти два сборника набраны и сверстаны, у меня волосы встали дыбом. Я думал их уничтожить в зародыше и приказать рассыпать набор, но это про-

извело бы только страшнейший скандал и лишь усилило бы демонстративный момент этих сборников. Единственное, что мне удалось, это несколько задержать их появление в свет, но и то, в сущности, говоря бесполезно, так как Петрушевского все равно выберут членом Российской Академии наук, и вышли бы сборники или не вышли бы к моменту его избрания, ясно, что его все равно бы избрали.

Познакомился я с этим врагом рабочего класса, профессором Петрушевским. Надо сказать по совести, интереснейший старик. Русские зубры не идут ни в какое сравнение с ним. Все эти Богословские, Бахрушины, Яковлевы[173] в сравнении с Петрушевским простые лабазники и мясники. По общей культуре он стоит головою выше их всех. Тонкий, ловкий, выдержанный, дисциплинированный старик. Мне пришлось столкнуться с ним на первом же заседании коллегии РАНИОНа, которое я провел. На этом заседании выплыл вопрос с семинаром Яковлева, который я постарался снять. После дебоша и угроз со стороны Яковлева мы приняли компромиссную резолюцию. Интересно, что во время этого старичок Петрушевский занимал очень выдержанную и спокойную позицию. Он поддерживал Яковлева, внес свое предложение, но все это делалось чрезвычайно корректно. Старик отлично разбирался, в чем дело, и хотя явно гнул против нас и против даже своего собственного весеннего постановления, которое было подписано, делал он все это

А.И.Яковлев (1878-1951) - историк, выпускник историко-филологического факультета МГУ, ученик В.О.Ключевского, сын чувашского просветителя И.Я.Яковлева. В 1922—1930 гг. - действительный член Института истории РАНИОН, член-корреспондент АН СССР (1929), с 1938 г. старший научный сотрудник Института истории АН СССР. Автор работ о социально-экономической, военно-политической истории и общественной мысли в России XVII в.

ловко и тонко. А после заседания не менее вежливо подошел ко мне и извинился за то, что дал слово Яковлеву, и что это дело так затянулось, и что Яковлев держал себя так грубо. Никогда бы ни один из наших доморощенных буржуазных идеологов так не поступил. Старик все время выступал против меня, а прощаясь, извиняется и тем самым обезоруживает меня. Очень ловкий старик.

Отечественные буржуазные идеологи гораздо проще и грубее. Я просмотрел их анкеты. Это все люди, которым значительно за сорок, т.е. вполне сложившиеся идеологически представители старой российской буржуазии, чрезвычайно своеобразный тип. Во главе их стоит матерый волк, Бахрушин. Это, несомненно, открытый классовый враг. Он прямо-таки претендует на роль председателя в российской буржуазной науке. Представитель древнейшей русской истории он пытается захватить в свои руки все организационные нити, связи, пытается планировать, координировать ход буржуазной исторической исследовательской мысли и выступать как ее представитель. Делает он все довольно грубо и откровенно. Но ему нельзя отказать в одном: он хочет все же работать с нами. Продиктовано ли это стремлением оправдать свое материальное существование или чем другим, надеждой разложить врага, каким в его глазах являемся мы в нашей крепости, отхватить у нас молодежь, стремлением ли помочь сохранить свои кадры и облегчить свое воспроизводство, трудно сказать сразу. Может быть, все эти моменты имеются налицо.

Факт лишь тот, что Бахрушин определенно хочет работать с нами, стремится к этой работе, но, не отказываясь от работы, он очень упорно отказывается от нашего руководства и всеми силами пытается держать свою линию. Он пытается захватить в свои руки подготовку молодежи, и он пытается провести свое собственное идеологическое построение и ис-

торические тенденции. Здесь с ним приходится вести жестокую борьбу. Человек он деловой, практик, организатор* но слабоват в теории и поэтому от теоретических битв он уклоняется, каждый раз предлагая переводить дело на практическую почву. Древнейшую русскую историю, русское средневековье XVI - XVII век он знает очень хорошо. Я знаю лишь литературу, но он отлично ориентирован в архивах, в архивном материале и его требование разрешать конкретно вопросы - это попытка каждый раз спрятаться за свои знания, используя свое превосходство в знаниях против наших наступлений. При переходе к конкретности мне определенно становится плохо, потому что я не знаю того архивного материала, которым он так спокойно и уверенно орудует. Я хорошо ориентирован в истории XIX века, знаю историю XX века, здесь я могу побить любого спеца, но в истории XVI — XVII веков мне все же работать трудно.

Бахрушина более или менее удалось усмирить. До этого он входил в состав коллегии Института. Это было сделано явочным порядком. На заседание коллегии приглашали представителей секции, так как представителем секции был Богословский и редко ходил, то его заместителем вызывали Бахрушина. Пользуясь этим, он фактически принимал участие в работах коллегии. Я не послал ему приглашения на заседание, он отлично понял политический смысл этого и не пришел. Но потом полез ко мне с объяснением. Я заявил ему, что формально он не состоит членом коллегии, а я принужден соблюдать закон и быть формалистом, практически же от работы с ним никто никогда не думал отказываться, а, наоборот, считаем его работу полезной и необходимой и будем привлекать его к работе. На этом он как будто пока успокоился.

Другая схватка была у меня с Яковлевым. Этот потомок чувашского просветителя до чрезвычайности груб и нахален. Несмотря на все протесты наши, еще весною ему был поручен Волгиным семинар. Мы решили этот семинар во что бы то ни стало снять. Он нам не нужен был фактически, не нужна нам была и организация воспроизводства кадров в том ее виде, как это стремился провести на практике Яковлев. Поэтому я все время откладывал созыв его семинара. Он, повидимому, откуда-то это пронюхал и по телефону заявил мне, что он вывешивает объявление о начале своего семинара. Я заявил, что такого объявления вывесить нельзя и допустить его я не могу, так как у нас нет средств. У нас действительно денег не хватало на обеспечение его семинара, и до разрешения вопроса о средствах его семинар снимался. Назвав меня молодым человеком, он обещал вывесить объявление без меня. Попытка вывесить это объявление ему не удалась, так как аппарат, и общеранионский и институтский послали его ко мне. Тогда он явился на заседание коллегии и поднял там дебош. Хотя Петрушевский принял его сторону, но трое присутствующих тут коммунистов выступали единодушно и дружно, и мы категорически заявили, что у нас сейчас вопрос о средствах не разрешен, отказались фиксировать его семинар, а потом на заседании коллегии, когда окончательно выяснилось отсутствие средств, семинар Яковлева был уничтожен. На этом вопрос, конечно, не кончится, так как этот ученый - чуваш грозит мне всеми карами земными и небесными. Он заявил, что он действует здесь по поручению Покровского, исполняет свой долг и будет жаловаться на нас по всем инстанциям за препятствия в его научной работе.

На этом пока и ограничилась моя общеполезная деятельность в РАНИОНе. Вообще все время проходит там в собраниях и заседаниях, в разговорах и пересудах. Аспирантура

сейчас резко у нас разбилась на две группы: коммунистическую группу и группу, близкую к беспартийным. Надо сказать, очень небольшая группка поддерживает связь с нами, консультируясь со мной и с Невским. Группа же беспартийных всецело ориентируется на Бахрушина и Веселовского[176]. Так и на секционные заседания приходят и даже садятся отдельно. С одной стороны мы, всей группой спевшихся и сдружившихся между собой товарищей, с другой стороны тоже, по-видимому, хорошо спевшиеся ученики Бахрушина, Веселовского и Яковлева, рассаживающиеся вокруг них. Вопрос о смене коллегии и снятии Петрушевского из председателей - это вопрос нескольких дней. Но вопрос здесь не решается переменой вывески. Какова бы коллегия ни была все равно важно не это, что наши коммунистические группки не столько слабы численно, сколько слабы качественно. Это сознают и сами наши коммунисты-аспиранты. Беспартийные по общим культурным навыкам, по технической подготовке, знанию языков и т.п. стоят гораздо выше и подготовленнее наших аспирантов, а это политически означает, что сейчас в РАНИОНе, несмотря на все препятствия, несмотря на все наши давления, все же еще идет и продолжается процесс воспроизводства буржуазной исторической мысли, буржуазной идеологии.

Весною и осенью 1929 года мы выпускаем 25 профессоров. Это разрядит обстановку в РАНИОНе, поскольку большинство беспартийных из РАНИОНа уйдет, так как последние приемы были почти исключительно партийными. Но это в то же самое время бросит в высшую школу огромную массу хорошо подго-

[176] С.Б.Веселовский (1876-1952) - выпускник юридического факультета МГУ (1902), ученик В.О.Ключевского. Член-корреспондент АН СССР (1929), академик АН СССР (1946). Автор многих работ по истории России XIV-XVII вв.

товленных и классово выдержанных идеологов, в лучшем случае сейчас относящихся к нам нейтрально. А это значит, что буржуазная историческая мысль на идеологическом фронте не только пережила революцию, но и пытается теперь расшириться и захватить в свои руки подготовку широких кадров учащихся. В некоторых отраслях исторической науки буржуазия обеспечила себе монопольное положение лет на десять, а мы не смогли создать за это время ни одного своего специалиста. При таких условиях, естественно, что возня в РАНИОНе идет непрекращающаяся. Возятся там, заседают с утра до ночи, а дела, в конце концов, решаются не заседаниями, а научной работой. РАНИОН поглощает сейчас у меня массу времени. За этот месяц я фактически ничего не делал. Все время то заседания, то партсобрания, то коллегия, то президиум, одним словом целый день уходит на совершенно бесполезную и ненужную работу. Месяц прошел, а роста не чувствую никакого. Тяжело и обидно.

Уже старым становлюсь. Старость меня пугала давно, но чувство старости появилось только теперь. Раньше казалось, что имеешь силы непочатый край, хватит на все и расходовал их самым бесшабашным образом. Думалось, ничего на все хватит, а теперь приходится уже вводить бюджет. Если порасходуешь в одной области, не хватит в другой. Если занимаешься, то уже не хочется и приласкать, а, если ласкаешь — заниматься не хочешь и не можешь. Приходится строго планировать свое хозяйство. Иногда после заседания, лекции, собрания, после целого дня работы, а работать приходиться с девяти до шести, у меня такое ощущение, как будто меня вычерпали всего до конца и во мне уже ничего не осталось, кроме скелета, жил, мяса, а в то же время я какой-то пустой. Как пущенная машина я еще готов бежать, но уже с трудом могу работать головой, бросать новые мысли, вдумываться вглубь. Хватаешь явления на лету и на лету реша-

ешь. Очень неприятное, тяжелое и прямо страшное состояние. Так вот и пролетели годы.

Иногда издали только вспомнишь, что ведь когда-то и мне было, ну скажем, 27 лет, что я смеялся и был уверен, что еще много побед у меня впереди, что были друзья и тоже смеялись и смотрели вперед со смехом. А сейчас как-то остро чувствуешь - вот уже 37 лет, уже чувствуешь, что прошел перевал и сейчас дошел до вершины жизни, видишь все вперед и назад и уже знаешь, что если и будет будущее, то блестящих побед и успехов уже не будет, что основное уже создано и завоевано и теперь приходится лишь защищать захваченные позиции. Жизнь уже, пожалуй, ярких впечатлений не даст, и это лишь жалкие потуги, попытки бежать вперед рядом с жизнью. Ну, вроде, как у цирковой старой лошади при звуках трубы является попытка встать на задние ноги и выйти торжественно на арену, а поднять она может лишь переднее копыто. Для работы она еще способна. Так и я, пожалуй, еще смогу написать, если будет время и возможность работать, несколько книг, а все же трудно. Новые мысли и новые факты, новые знания с трудом забиваешь в голову. Впечатление такое, как будто голова полна и нужно просунуть в уже полную коробку что-нибудь новое. Приходится напрягаться, делать усилия, раздвигать занятое место. Раньше никогда у меня такого ощущения не бывало. Особенно остро почувствовал я все это в день своего рождения 21 октября. Назвал гостей, отпраздновал торжественно, а все же ощущение радости это не дало. Я помню, празднование моих именин раньше вошло у нас дома в традицию. Каждый раз 25 сентября старого стиля мама пекла большой пирог с яблоками, созывала гостей, носили подарки. Год от года, я помню с четвертого класса собиралась у меня группа товарищей и мы праздновали

каждый год мои именины. А теперь все эти товарищи, с которыми начиналась жизнь, рассеялись по свету.

Недавно я видел лишь одного Бессонова[177]. Он стал профессором математики. Недавно был у меня. Ему удалось пробраться на целый год во Францию, и он совсем приобрел европейский вид. Меня даже поразило, как мог так за год измениться человек. До своей поездки во Францию, как мне казалось, это был скучнейший человек, нытик, интеллигент, брюзжащий на все кругом с наклонностью к мистицизму, одним слово, лишний человек. Потом ему удалось подкопить денег, достать командировку, французы дали ему визу и он целый год проторчал во Франции. Купил себе велосипед и на нем из Парижа проехал в Рим. Одним словом, изучил Европу и явился ко мне совсем другим человеком. Стал интересным, у него есть что порассказать, он уже повидал многое и многое подумал. А вот где остальные наши соратники и что из них вышло? Знаю, что некоторые служат где-то земскими врачами, а другие вообще скрылись в неизвестность. Да, тяжелая штука жизнь, а еще тяжелее она, когда кругом идет борьба с врагами. Сейчас враги меня почти что одолели. В одну неделю я проиграл два сражения и обе с одной кучкой, с одной компанией. Одно небольшое, другое побольше.

Заказала мне редакция «Красной нови»[178] написать статью о Покровском. Но пока я эту статью делал, компания ин-

[177] Вероятно, речь идет о П.А.Бессонове, родившемся в 1889 г. в Казани. Был профессором математики в университете и политехническом институте.

[178] «Красная новь» - ежемесячный литературно-художественный и научно-публицистический ^рнал. Создан в Москве в июне 1921 г. при участии Ленина и Горького; сначала выходил как двухмесячник, потом - как ежемесячник. Первый советский «толстый» журнал, был в течение двух десятилетий одним из самых известных журналов страны.

ститутцев, обработавши Савельева[179], подняла против меня скандал, пролезла в редакцию и подняла шум против еще не написанной статьи.

В редакции публика разругалась между собой. Одни настаивали на том, чтобы прямо отказаться от моей статьи, другое говорили, что нужно сначала получить статью и посмотреть, что будет. При такой комбинации, когда я подал статью, на статью накинулись со всех сторон и разбили меня вдрызг. Статья оказалась не напечатанной, ее объявили неподходящей, бездарной и в журнал не пропустили. А статья была, по-моему, не так уж плоха. Надо будет еще раз пересмотреть, что она из себя представляет.

Другой проигрыш гораздо сильнее и чувствительнее, так как он грозит превратиться в большой скандал. Он идет в институте Ленина и разыгрался вокруг приготовленного мною тома. Том уже набран, сверстан, нужно пропустить в печать аппарат. Аппарат был давно готов, лежал ряд месяцев в институте. Теперь его стали смотреть и подняли скандал, изругали меня отчаяннейшим образом. Правда, поймали действительно ловко, и вывернуться мне было чрезвычайно трудно. А, поймав, начали галдеть, скандалить, требовать отнять все тома и весь подготовленный уже материал. Объяснение было чрезвычайно неприятное и велось в высшей степени некорректно. Меня ругали, я отругивался, все это шло довольно грубо. На мое счастье или несчастье, не знаю, мои критики не

Первым редактором журнала в 1921-1927 гг. был А.К.Воронский (1884—1937). Издание журнала было прекращено в 1942 г.

179 М.А.Савельев (1884—1939) — историк и политический деятель. В 1920-е годы - сотрудник Истпарта, с 1927 г. - его заведующий, в 1928-1930 гг. - директор Института Ленина, академик АН СССР (1932), в 1936—1939 гг. — заместитель директора ИМЭЛ.

просмотрели всего материала и я устыдил их тем, что они критикуют и принимают решения, не рассмотрев до конца вопроса. Но все же мне пришлось сразу отказаться от второго тома, который я готовил и пытался лишь сохранить за собою тот том, который уже набран и сверстан. Вызвали меня после объяснения к зам. директору Савельеву. Тот, правда, оказался умнее и тоньше всей этой кампании и начал доказывать, что у нас положение безвыходное. ЦК требует издать Ленина, закончить издание, во что бы то ни стало, а поэтому они и принуждены жать и наседать на редакторов. Спросил меня, что до него дошли слухи о том, что я наделал ошибок в томе. Чтобы сразу поставить дело просто и внести ясность, я сказал ему, что все слухи до него дошедшие, справедливы и что ошибки действительно мною как-то пропущены. После этого он мне заявил, что они мне дают на две-три недели отсрочку переделать сделанную работу, а если я ее опять сделаю неудовлетворительно, то грозил отправить меня чуть ли не в Политбюро и за невыполнение порученной мне работы выслать из Москвы. Правда, так прямо не сказал мне, что вышлет, а сказал про другого, про своего замдиректора, что если он сдаст плохой материал, то они его выставят из института.

Странные бывают люди. Какие-то необыкновенные противоречия носят они в душе, то вдруг покажется одно, то полное отрицание. Странные бывают встречи. Пришел однажды ко мне писатель Шильдкред[180]. Написал ряд книжек так себе не

[180] Правильно — К.Г. Шильдкрет (1886-1965), в справочниках характеризуется как «советский детский писатель». С начала 1920-х годов публиковал художественные произведения на исторические темы, всегда соответствующие «генеральной линии» правящей партии. Так, антирелигиозная кампания сноса Храма Христа Спасителя в Москве была отмечена очередным романом Шильдкрета «Спас на жиру» (1931). Книги Шильдкрета переиздаются до сих пор и пользу-

очень ярких и не очень плохих, с направлением книжки, ГУС[181] рекомендует их для школьных библиотек. Вполне пролетарский писатель и быт дореволюционного пролетариата описывает, и борьбу, и тюрьмы, и тяжелую жизнь рабочих, и пишет не плохо, словом, все что нужно. Иногда даже выходит талантливо, в особенности для кинематографа. Здесь все, что недостает писателю, дает режиссер и получаются образные и красивые вещи. Так и у Шильдкреда было. Романы его носят кинематографический характер, переложенные на фильмы вообще производят огромное впечатление и один из его фильмов обошел, можно сказать, весь мир[182], и замыслы у человека есть. Решил он написать романы с древнейших времен до наших дней, серию исторических романов о борьбе крестьянства и пролетариата за свое освобождение и кончить изображением Ленина. Всю, говорит, жизнь на это отдам. Пришел ко мне, познакомился, книг массу забрал, решил писать роман о Смутном времени и Иоанне Грозном. С год ворочался, действительно коечто прочитал, написал роман в 300 страниц[18']. Грубовато,

ются популярностью (даже в интернет-магазинах). См.: *Шилъдкрет КГ.* Розмысл царя Иоанна Грозного: Истории, роман: в 3 ч. М., 1996.

[181] ГУС - Главный Ученый Совет Народного комиссариата просвещения.

[182] Речь идет о фильме 1926 г. режиссера Ю.В.Тарича (Алексеева) «Крылья холопа» (по одноименному произведению Шильдкрета), сценарий к которому Шильдкрет написал вместе с В.Б.Шкловским. Этот рассказ о судьбе талантливого самородка из народа в эпоху Ивана Грозного называется киноведами «одним из лучших советских исторических фильмов».

[ISj] Видимо, имеется в виду «Розмысл Иоанна Грозного», потому, что он «оттуда»». См.: Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б) - ВКП(б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике. 1917-1953 / Сост. А.Артизов и О.Наумов. М., 1999. 233 с. Опубликован в издательстве «Пролетарий» в том же 1928 г., с тех пор неоднократно переиздавался.

слишком натуралистически, местами с налетом плохой бульварщины, под уголовный роман, местами неплохо, в особенности психологические характеристики Грозного и его сыновей удались определенно.

И вот насколько странна человечья жизнь. Этот теперешний пролетарский писатель оказывается лет 20 слишком тому назад служил в охранке. Он сам про себя рассказывал, что был сослан, работал ссыльным репортером в какой-то местной газете. Потом бежал на Амур, там пропадал долгие годы и, наконец, вернулся в Россию после революции и стал писателем. А среди этой революционной биографии оказалось, что он, правда, был в Красноярске, правда, был на Амуре, а между Амуром и Красноярском попал на службу в красноярскую охранку. Действительно не был в партии, ничего особенного этой охранке, кроме обещания служить не сообщил и, просидевши несколько месяцев в ГПУ, был выпущен без всяких последствий на свободу[184]. Ведь поразительна же странность - писатель с образами и наемный шпик. Наемный шпик в прошлом, писатель в настоящем. Правда, между двумя этими этапами лежит более чем 20 лет, то было, когда он был безусым мальчишкой лет 22-х, сейчас это уже кончающий жизнь человек, - огромный контраст и огромная дорога, дорога в которой человеку пришлось массу пережить, перейти через самого себя. И сейчас Шильдкред грубоват, не тонок, любит выпить, в

[184] «Без всяких последствий на свободу» ПТУ обычно никого не выпуск&то, и компрометирующее прошлое Шильдкрета делало его особо зависимым от «органов». Это косвенно подтверждается репликой А.Новикова-Прибоя, записанной осведомителем НКВД в кулуарах Всесоюзного съезда писателей в 1934 г.: «В числе же этого "лучшего" (в новом издательстве "Советский писатель") печатается книга Шильдкрета, которого печатают только потому, что он "оттуда"». (См.: Власть и художественная интеллигенция: Документы УК РКП(б) - ВКП(б), ВЧК - ОПТУ - НКВД о культурной политике. 1917-1953. С. 233).

общем, тип с одной стороны мещанина, гонящего деньгу и прячущего ее на черный день, с другой стороны тип забулдыги, некультурного грубого выпивохи. И это, может быть, тоже его прошлое и настоящее. Двадцать лет тому назад, наверное, это была забубённая головушка, репортер какой-то паршивенькой красноярской газеты, полубосяк, полушантажист, а потом за 20 лет, побывав и учителем и литератором, исколесив всю Сибирь, человек, в конце концов, выбился и совершенно неожиданно из репортеров превратился в писателя, вырос в идеологическом смысле таланта, а все же так совсем не переделался. Не стань Шильдкред писателем, наверное, стал бы хозяйственным человеком, может быть, при старом режиме каким-нибудь администратором где-нибудь на Амуре, вроде станового пристава, выпивал бы, бил бы мужичков в морду и читал бы газету. Огромный переворот в нем совершила революция. И недаром он носится с мыслью написать многотомную серию исторических романов и кончить Лениным, нашей эпохой. У человека где-то брезжит раскаяние за свое прошлое перед теперешним настоящим и должно быть для искупления он старается написать свои неудачные романы.

Как-то пришел ко мне на днях человек, белесый. Бородка белой мочалкой и волосы белые еле прикрывают лысину, в очках. Говорит: «Мы с вами давно знакомы. Я, говорит, Лопашев[185], работал в Красной Армии, в Запасной, в Казани». Действительно, был такой в Запасной армии, издавал какой-то журналишко. И теперь, говорит, хочу издавать журнал исторический. Вот пришел пригласить вас в редакцию, журнал должен быть вроде «Исторического Вестника», половина беллетристики и мемуаров, половина статей, обзор, хроника,

[183] С.Лопашев - литератор, автор рецензий: *Лопашев С.* Кто обречен? (О романе С.Сергеева-Ценского «Обреченные на гибель») // Красная новь. 1927. № 12. С.203-211; и др.

история. Если согласны, поговорите с издательством. Деньги дает «Земля и Фабрика» издательство и тираж журнала хотят- 7000. Со всеми органами договорено и отдел печати, и Главлит согласились дать разрешение. В редакцию войдут: от «Земли и Фабрики» - Нарбут и Фриче[186], да мы с вами. Я подумал, хорошо издавать журнал, приятно. Но, говорю, все это так, но зайдите через день, я подумаю. Подумал я, посоветовался и с Юшкой[187], посоветовался еще с кое-кем. Сказали: «Посмотри, что выйдет. Может, говорят, людей не собрать». А людей собрать дело плевое. Писать все хотят, есть — тоже. А хотя мы и строим сейчас социализм, а еду доставать все труднее становится, поэтому и писателей становится больше. Пишут всякую дребедень, лишь деньги платили.

Решил я взять на себя журнал. Пришел опять ко мне Лопашев. Ну, что и как? Говорит. Я говорю: «Ладно» - «Пой-

[186] В.И.Нарбут (1888-1938) - поэт, сотрудничал с различными журналами, руководил издательством «Земля и Фабрика». В.М.Фриче (1870-1929) - литературовед, академик АН СССР (1929), руководил Институтом языка и литературы (с 1922 г.), литературными отделами Института красной профессуры и Коммунистической академии, редактировал журналы «Литература и марксизм» (1928-1929 гг.), «Печать и революция» (1929), а также «Литературную энциклопедию» (Т. 1-2. 1929).

[187] Возможно, домашнее имя младшего брата Пионтковского Андрея («Андрюшка» - «Юшка»), который с 1923 г. жил и преподавал в Москве. Андрей Андреевич Пионтковский (1898-1973) - советский ученый-юрист, член-корреспондент АН СССР (1968), специалист в области уголовного права, общей теории права, философии и методологии юридической науки. В Казани с золотой медалью окончил коммерческое училище (1915), затем с отличием юридический факультет университета. С 1921 г. на преподавательской работе, с 1923 г. — в МГУ, с 1931 г. - в Московском юридическом институте. В 1946-1951 гг. - член Верховного суда СССР. Основные труды по общей и особенной частям советского уголовного права были первыми советскими учебниками по этой дисциплине.

дем, говорит, в "Землю и Фабрику" к Нарбуту». «Где, говорю, "Земля и Фабрика?"» - «В Псковском переулке». Пошел я в Псковский переулок, шел, шел, дыра какая-то под Кремлевскую стену от дома бояр Романовых идет. Старинное место и название сохранилось старинное, не Розы Люксембург переулок, а Псковский. И в доме, где «Земля и Фабрика», наверное, раньше лабазник какой-нибудь жил. Сырой, в первом этаже, подвал. Потом лестница какая-то и коридоры, и коридоры. В этом, говорят, доме все фамилии купеческие жили давно и Леонов «Барсуки» писал[188]. Пришел в кабинет ничего: на полу ковры, по стенам щиты поставлены, а на щитах книги - продукция издательства за текущий год и против каждой четверти года так в ряд и стоят. Стоит диван, стол и телефон, и Нарбут по комнате мечется, как сова ощипанная: лысый, дохлый, вместо правой руки - пустой рукав, голова маленькая, глазки черные, бегают, сам бегает, когда говорит, и мысли бегают, с одной на другую перескакивают. До революции стихи эстетические писал в журналах, потом Политпросветом заведовал в Воронежской губернии, а потом, как старый литератор, конечно, в аппарат попал, из аппарата председателем издательства сделался. Издательство за несколько лет большое развернул, миллиона на два оборот, все беллетристику современную выпускает: Ляшко, Бахметьев, Яковлев, Неверов, Лебединский[189].

[188] См.: *Леонов Л.* Барсуки. Л., 1925. Л.М.Леонов (1899-1994) - советский писатель. В 1920 г. фронтовой корреспондент в Красной Армии. Вернувшись в столицу, сотрудничал в газете «Красный воин», журнале «Красная нива» и др.

[189] Н.Н.Ляшко (Лященко. 1884-1953) - советский писатель. Начал печататься с 1905 г. Был одним из руководителей литературной группы «Кузница». А.С.Яковлев (Трифонов. 1886-1953) - советский писатель. А.С.Неверов (Скобелев. 1886-1923) — советский писатель. Ю.Н.Либединский (1898-1959) - советский писатель, большевик с

Обложки у всех книг красные и названия все страшные: то «Железный поток», то «Железная цепь», то «Тишина железная», то еще что-то железное. А Нарбут ничего, оказывается человек вовсе не железный. Ну, познакомились мы, конечно, стали разговаривать, что и как, какой журнал. Изложил он мне свои соображения, то, что я и думал, полуисторический, полубеллетристический. Создать круг историков, писателей, подобрать хронику, статьи исторические, вообще мы поняли друг друга довольно быстро. Потом Лопашев пришел. Стали записывать, кого из писателей привлечь к делу. А телефон в комнате каждую минуту звонит и в комнату через дверь всё какие-то люди врываются, прямо из рук рвут Нарбута и у него мысли от телефона к двери прыгают. Уж привык он прыгать и по журналу прыгает с конца на начало, а с начала в конец. Составили список писателей, которых пригласить следует. ***Я*** спросил на всякий случай: «Дает, говорю, разрешение Главлит?» — «Дает, говорят, и бумажка на днях будет». С радужными надеждами решили мы с Лопашевым действовать. Лопашев ко всем прочим своим достоинствам оказался потомком московских купцов, имеющим огромные связи среди остатков московского купечества. Все они ему были не то двоюродными братьями, не то двоюродными дядьями, одним словом, родственниками, - и Бахрушины, и Морозовы[190] и еще какие-то неизвестные мне личности. Начал Лопашев собирать среди них материал.

1920 г. Входил в литературную группу «Октябрь». Один из руководителей РАПП.

[190]Морозовы - русские текстильные фабриканты-миллионеры. Родоначальник семьи - Савва Васильевич Морозов (1770-1862), бывший крепостной, пастух, извозчик, наёмный ткач на фабрике Кононова. В 1913-1914 гг. на предприятиях Морозова было занято 54 тысячи рабочих, выпущено продукции более чем на 100 млн руб., а собственные

У купцов оказались огромные архивы. К величайшему удивлению они пережили всю революцию, их национализировали, выселяли, конфисковали, брали заложниками, расстреливали, но порода купеческая оказалась чрезвычайно живуча, они и физически сохранились и сохранили кое-что из своих достатков. По купеческой линии начали приходить к нам сотрудники с различными конкретными предложениями. Пришел Бахрушин[191], потомок многочисленной купеческой фамилии, лет полтораста уже существовала эта купеческая фамилия. Принес роман, материал предлагает, неизданные произведения Некрасова, Фета, письма декабристов, - одним слово, чего душа просит. ***Я*** ему толкую, что для нас интересны не Фет с его вздохами, не декабристы, а интересен для нас быт купечества, вопросы организации фабрик, история промышленного переворота в России. И об этом, говорит, у меня есть достаточно материала. Мой, говорит, прапрадед первый в России ввел машины на кожевенной фабрике и листовку даже напечатал и листовки той нигде нет, кроме как у меня, и переписка сохранилась у меня прадедова. ***Я*** говорю, это нам и нужно, а он мне предлагает взять еще письма Екатерины - 40 писем неизданных имеет, интереснейший экземпляр. У его отца был музей исторический. Национализировали мы его в свое время, а отца из деликатности, пожизненным хранителем национализированного музея сделали[192]». А, оказывается, у этого

капиталы Морозовых превысили 110 млн руб. Предприятия Морозовых были национализированы в числе других хлопчатобумажных фабрик декретом Советского правительства от 8 июня 1918 г.

[191] Вероятно, Ю.А.Бахрушин (1896-1973) - балетный критик, преподаватель. В 1924-1939 гг. заведующий литературной частью театра им. К.С. Станиславского.

[192] А.А.Бахрушин (1865—1929) — русский театральный деятель. Принадлежал к купеческому роду Бахрушиных. В 1894 г. на основе своих коллекций создал частный литературно-театральный музей

парня, как он мне сам сказал, восемь тысяч автографов хранится ненационализированных, а при НЭПе и национализировать их невозможно. Восемь тысяч сохранил, подлец! Если перевести на деньги, это не меньше миллионного состояния.

За Бахрушиным пришли другие. Пришел Снегирев[193]. Тоже людской обломок: с палкой, хромает, видно нужда заела; с голодухи туберкулез у человека. А какой был человек! Языки все знает - и французский, и английский, и немецкий, и романы пишет и всякую чепуху. Прадед его был историком, а может быть, дед в 40-х годах[194]. От этого деда у него сохранилась переписка, предлагает нам ее, да еще какие-то письма по семейной линии от 40-х годов. А, кроме того, сам пишет, о чем хочешь: и о путешествии иностранцев в Россию большой роман в 400 страниц припер[143] и о каким-то Гаральде, норвежском викинге, величайшем пройдохе и разбойнике. Был этот Гаральд в Киеве, сватался к дочери Ярослава Мудрого. Из Киева попал в Византию. Послали его оттуда бороться со средиземноморскими разбойниками. Победили разбойников, стало скучно в Византии, поехал в Сицилию, основал тем свое королевство. Потом и это ему надоело.

(впоследствии только театральный). В 1913 г. передал его Академии наук. С 1918 г. председатель музейно-архивной секции при Театральном отделе Наркомпроса РСФСР. В том же году по распоряжению Ленина театральному музею в Москве было присвоено имя его основателя, а Бахрушин назначен его пожизненным директором.

[19j] В.Снегирев - писатель.

[194] И.М.Снегирев (1793-1868) - выпускник Московского университета (1816), историк, этнограф, фольклорист, цензор. Член-корреспондент Петербургской Академии наук (1854). В 1825-1836 гг. - профессор Московского университета.

[19:] Этот роман был опубликован в издательстве, возглавляемом Нарбутом: *Снегирев В.* Похождения Бернгарда Шварца: Через Московию на Восток. Б.м.: Земля и Фабрика, 1928.

Приехал опять в Византию, здесь после разных приключений, залез он к императорской дочке, а не то к племяннице. Его изловили и в крепость посадили, а он из окна прямо в Средиземное море выпрыгнул. Потом еще и еще странствовал и, наконец, приехал в Киев обратно, женился на дочери Ярослава Мудрого, увез ее в Норвегию. В Норвегии его королем выбрали. Надоело ему сидеть в Норвегии, отправился он в Англию с Вильгельмом Завоевателем драться. Наконец, его там ухлопали ко всеобщей радости, и моей и Снегирева. Надо же было ему роман кончать где-нибудь, и к радости англичан, которым надоел до страсти этот Гаральд, и мне надоело читать такую чепуху.

Со всех концов вот такие человеческие обломки лезут. Через этого Снегирева мы много разных личностей к журналу привлекли. Через него докопались до воспоминаний кн. Голицына[196], этому князю сейчас 85 лет, жив старина. У него два сына, тоже старые[197]. Есть им, видно нечего, вот они воспоминаниями отца и торгуют. Принесли две тетрадочки: одна - воспоминание отца, а другая на французском языке в переплете с золотым теснением по краям — воспоминания прабабушки о польском восстании 1831 года[198]. Прабабушка эта при дворе Константина Павловича[199], польского наместника состояла. Что она там дела-

[196] Скорее всего, В.М.Голицын (1847-1932). В 1889-1891 гг. губернатор Москвы, в 1891—1892 гг. губернатор Петербурга.

[197] Михаил Владимирович, с конца 1917 г. служил заведующим Мясницким отделением Народного банка. До 1929 г. экономист-плановик в химическом отделе Госплана СССР. Николай Владимирович (1874-1942) - филолог, служил в Московском архиве. В 1915 г. директор Главного архива.

[198] Польское восстание 1831 г. — восстание в Польше против российского правления. После подавления восстания были ограничены автономные права Царства Польского.

[199] Константин Павлович (1779-1831) — великий князь. Второй сын Павла I. В 1814 г. стал главнокомандующим польской армией и

ла - этого она в своих воспоминаниях не написала[200], написала зато целую тетрадку о польском восстании 31-го года. Предлагают эти князья Голицыны переписку еще другой какой-то своей прабабушки, которая была фрейлиной при Николае I[201] и еще разный материал вплоть до переписки Шувалова с Разумовским[202], который тоже был их предком. Мы больше на счет воспоминаний пытались от них выпытать их старика. Князья принесли одну небольшую тетрадочку, рассказывают, всю жизнь писал записки старый князь, написал 30 томов. Путано как-то рассказывают. Понял я только, что тома эти по знакомству кто-то прячет им в Румянцевском музее[203] тайком от нас. Ну, мы их ус-

фактическим наместником Царства Польского. Константин принял активное участие в подавлении восстания в Польше в 1830-1831 гг. Умер от холеры. Погребен в Петропавловском соборе Петербурга.

[200] Скорее всего, речь идет о княгине Анне Васильевне Голицыной (урожд. Ланской. 1793-1868). Ее муж, князь Александр Борисович Голицын (1792-1865), действительный статский советник, служил адъютантом Великого князя Константина Павловича.

[201] Княжна Мария Аркадьевна Голицына (1802-1870) урожденная Суворова-Рымникская, внучка генералиссимуса, воспитанница Смольного института, фрейлина.

[202] Скорее всего, речь идет о следующих лицах: Иван Иванович Шувалов (1727—1797) - государственный деятель, фаворит Елизаветы Петровны, просветитель. Кирилл Григорьевич Разумовский (1728—1803), граф (1744), гетман Украины (1750-1764), генерал-фельдмаршал (1764). Брат А.Г.Разумовского, фаворита Елизаветы Петровны. Президент Петербургской Академии наук в 1746-1798 гг. Участник дворцового переворота 1762 г., возведшего на престол Екатерину II (в награду был произведен в сенаторы).

[203] Румянцевский музей, собрание книг, рукописей, монет, этнографических и других коллекций, составленное графом Н.П. Румянцевым и переданное после его смерти в 1826 г. государству. В 1831 г. в Петербурге собрания Румянцева были открыты для обозрения; в 1861 г. перевезены в Москву, где составили основу вновь созданного «Московского публичного музеума и Румянцевского музеума». В июле 1862 г. в составе Румянцевского музея была основана библиотека. Му-

покоили, отнимать, говорим, не будем, а может быть, говорим, интересное что-нибудь в записках и есть. «Есть, говорят. Только, — говорят, — что трудно их достать, лежат неизвестно где». Я обещался, что если они найдут и подберут для нас места интересные из этих записок, мы можем и свою машинистку дать для этого случая. Оживились князья и обещали найти. Один из них, постарше, с лицом старой бабы вроде печеного яблока, ничего себе, мирный князь, а другой, ростом пониже, усы концами вниз с подусниками, боевой, отвел меня в сторонку и говорит: «Я, — говорит, - и статьи пишу исторические на разные темы. Есть, — говорит, - у меня статья об отношении Екатерины к французской революции, а у другого моего товарища есть статья о стрелецком бунте. Как, — говорит, - вы к статьям относитесь?» Я говорю, все зависит от тематики и методологии. Тема, чтобы была интересная, за хронологией очень гнаться не будем, но за интересом темы, а главное, я говорю, методология. - «Что же, - говорит князь, — только марксистские статьи печатать будете? А я, говорит, считаю это миросозерцание ложным». «Ну, а я, - говорю, — считаю истинным и уже никакой здесь уступки сделать нельзя будет». Да, сохранились эти обломки старых поколений и еще готовы в драку лезть. Ну, Лопашев, как водится, пристроил к журналу не то сестру, не то жену свою, одним словом, какую-то женщину, которая с ним приехала из Греции, и усиленно старался всунуть мне в качестве секретаря свою сестру. Я переговорил

зей помещался в так называемом доме Пашкова, построенном в 1780-х годах архитектором В.И.Баженовым (ныне - старое здание Российской государственной библиотеки). В 1921 - 1927 гг. расформировали, а его коллекции (кроме библиотеки и отдела рукописей) переданы другим музеям и картинным галереям Москвы. В 1925 г. библиотека преобразована в Государственную библиотеку им. В.И.Ленина (сейчас — Российская государственная библиотека).

со всеми историками, с какими только еще разговариваю, пригласил и их сотрудничать, набрал статьи.

Анатолиев[204] в Петроград поехал и там пробовал собрать публику участвовать в журнале. Сев[203] поехал в Баку и оттуда стал тащить народ. ***Я*** в исследовательском Институте[206] в секции сделал доклад о журнале, одним словом, взбулгачили всех историков России: и материал пошел и предложения, дело как будто совсем пошло на мази. Да только, как всегда, со всех сторон оказались и противники журнала и желающие захватить дело в свои руки, и борющиеся с созданием журнала, одним словом, самая разнообразная публика поперла со всех сторон, и поперли уже теперь не в редакцию, а в Центральный Комитет. Историки-марксисты в лице Горева и Покровского заявили претензию - без них не дело сделали, с ними не посоветовались, их не пригласили, и вообще, они, марксисты не могут оставить без своего внимания журнал, который может

[204] П.И.Анатолиев (Анатольев. 1897-1937) - аспирант РАНИОНа, ученик В.И.Невского, с 1930 г. - научный сотрудник Института истории Коммунистической академии. Занимался историей российских рабочих. Арестован 2 февраля 1935 г., приговорен к 5 годам лишения свободы и отправлен в Верхнеуральский изолятор. 19 июня 1937 г. расстрелян. Реабилитирован.

[205] Опечатка, следует читать Сеф (псевдоним Семена Ефраимовича Фраермана). Журналист, редактор «Зари Востока», республиканской газеты Грузинской ССР (издавалась на русском языке, основана 3 мая 1922 г. как орган Закавказского крайкома ВКП(б), репрессирован. Автор работ: *Сеф С.Е.* Буржуазия в 1905 г.: по неизданным архивным материалам. М.;Л., 1926; *он же.* Революция тысяча девятьсот семнадцатого года в Закавказье. Б.м., 1927.

[206] Возможно, речь идет об Институте истории РАНИОН, так как в рамках Коммунистической академии Институт истории был открыт только в 1929 г. До этого Комакадемия включала только Секцию по истории революционного движения, созданную в 1925 г.

составить им конкуренцию. Начались звонки из Агитпропа[2] " и из Истпарта[208]. Против журнала оказался вдруг Сапожников[209], Савельев, ополчился на журнал. Как-то забежал к Фриче и узнал, что дело, вставшее на ноги, вдруг затормозилось, дошло до того, что начали грозить: пусть только выйдет первый номер, облаем и в «Правде», и в «Большевике», и в «Историке-марксисте»[210], утопим, одним словом со всех сторон.

Лопашев ходит в ужасе. Действительно, всех купцов взбулгачил, все родственники его уважать стали как человека, который их кормить будет, и вдруг, оказывается, журнал

[207] Агитпроп - Отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б).

[208] Истпарт - Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б) - ВКП(б), занималась собиранием, научной обработкой и изданием материалов по истории большевизма и Октябрьской революции. Первоначально в августе 1920 г. Истпарт был создан при Государственном издательстве; 21 сентября 1920 г. СНК принял постановление, подписанное Лениным, об учреждении Истпарта при Наркомпросе; 1 декабря 1921 г. он перешел в ЦК РКП(б) на правах отдела. Издавал многочисленные журналы и сборники документов и статей по истории революционного движения в России и партии большевиков.

[209] П.Ф.Сапожников - сотрудник Агитпропа при ЦК ВКП(б).

[210] «Правда» - орган ЦК РКП(б), в дальнейшем ВКП(б) и КПСС. Основана В.И.Лениным в 1912 г. «Большевик» - теоретический и политический журнал ЦК РКП(б), затем ВКП(б) и КПСС. Создан решением Оргбюро ЦК РКП(б) от 19 ноября 1923 г. № 1 вышел 5 апреля 1924 г. До ноября 1953 г. назывался «Большевик», затем был переименован в «Коммунист». «Историк-марксист» - исторический научный журнал. Издавался в Москве в 1926-1941 гг. В 1926-1931 гг. - орган общества историков-марксистов при Коммунистической академии и ее Института истории, в 1936-1941 гг. - орган Института истории АН СССР. В 1926-1931 гг. вышло 22 номера, периодичность издания в 1932-1934 и 1936-1939 гг. - 6 номеров в год, в 1935 и 1940 гг. - 12 номеров. Ответственные редакторы: М.Н.Покровский (1930-1932), Н.М.Лукин (1933-1938), Е.М.Ярославский (1938-1941). Журнал освещал вопросы отечественной и всеобщей истории, в том числе стран Востока. В 1941 г. объединен с «Историческим журналом».

прахом пойдет. Сначала звонил, не дозвонился, потом пошел сам. Пойдет, говорю, журнал, так нужно к делу, объявление нужно давать в газете, иначе мы с журналом сядем. А тут со всех сторон разные разговорчики говорят мне. Нарбут говорит мне: «Да, разговорчики идут со всех сторон, и виноват в этом деле не я, а Лопашев, который заранее всех разговорчиков не выявил. Ну, говорит, теперь я сам дело выясню, сам пойду в ЦК, по всем отделам похожу». Я, говорю, что если этим ребятам хочется в журнале участвовать, плюньте, возьмите двоих из них в редакцию. Хотя они и историки-марксисты, хотя они и безграмотные, пусть будет написана их фамилия, нам не жалко. А Нарбут толкует: «Так-то так, но собрать нужно в редакцию таких, которые бы не склочничали, а эти ребята молодые, а уже начинают склочничать и против журнала и против персонального состава редакции, т.е. против меня грешного». «Ну, я, - говорю, - все зависит от вас, от издательства. Вы даете деньги, ваше и решающее слово. Хотите организовать журнал, организуем, не хотите - ничего из этого дела не выйдет». Обещал мне Нарбут выяснить все это в два дня 28-29. Вот и вечер сегодня 29, а еще ничего не выяснили, будет журнал или не будет, вышибут меня из редакции и другого посадят, или оставят и еще кого-нибудь для склоки припустят- ничего неизвестно. Целый день звоню по телефону, а Лопашев с Нарбутом все, говорят, в ЦК. Уж очень долго в ЦК совещаются, а ко мне со всех сторон приходят авторы и документы несут и предложения делают, а я и сам не знаю, что же я - не то редактор исторического журнала, не то просто так. И вообще, решил аппарат Центрального Комитета так, а теперь тащат его в другую сторону. Что же, кто повернет аппарат, тот и прав, или сам, подумавши, действует, — ничего пока неизвестно.

Записано 9 ноября 1928 года

Когда не ведешь дневника день за днем, трудно записывать. Невольно хочется расположить события в каком-нибудь порядке, придать всему этому литературный вид, а когда нет основного стержня, связующего отрезки времени, события расползаются и падают, существуют сами по себе, отдельно и, может быть, лишь на большом протяжении они сложатся и дадут цельные куски. Так и сейчас, вот не писал дней десять, событий много, а все катятся, как картошки, в разные стороны. А ведь время шло и жизнь проходила. Мне всего больше на свете жаль всегда ушедшей жизни.

Уходит жизнь, уходят люди, все пропадает, перекатывается через меня, а я сам остаюсь и тоже уйду, тоже исчезну', и даже не столько страшно становится, что исчезнешь, сколько страшен процесс перехода, превращение в исчезновение. А время, время исчезает без следа. Остаются лишь воспоминания от того, чем жил и горел. И когда начнешь их перелистывать, кажется, все это так мелко, так мизерно, серо. А ведь это была моя жизнь. ***Я*** знаю, жить можно изумительно, а вот не попаду никак на полку, на нужную точку, откуда люди живут, и хожу поэтому неприкаянным. Смотрю, а кругом меня все серость, день за днем, нынче, как вчера. И черт их разберет, иногда про людей читаешь, как будто они творили гигантские дела, встретишься, посмотришь, ну, серенькие, обычные, маленькие.

Раза два видел и Антонова-Овсеенко[211]. Обедал и ужинал с ним у Канатчикова[212]. Ну, вот этот Антонов - Овсеенко, ведь

[211] В.А.Антонов-Овсеенко (1883-1938) - советский политический деятель, в октябре 1917 г. руководил взятием Зимнего дворца и арестом Временного правительства в Петрограде. С 1924 г. на дипломатической работе, с 1934 г. - прокурор РСФСР. Расстрелян в 1938 г. Реабилитиро ван.

первый в Октябре ворвался в Зимний, первый арестовал Временное правительство, ведь в Октябре-то этот плюгавенький человечишко, худенький, маленький с острым носиком, с прямой скобкой длинных волос стал один посреди разъяренной ватаги матросов и взятых в плен на телеграфе юнкеров, один овладел стихией, даровав жизнь сотне юнкеров, наряду со взятием в плен Временного правительства вписал в свою биографию лучшую страницу революционера, пощадившего взятых в плен врагов, рисковавшего жизнью своей для спасения жизни белогвардейцев. И как-то не верится, что вот этот маленький человек делал такие подвиги, что у него огромная сила воли, что провел он на фронте гражданской войны ряд лет, как первый начальник воинских сил революции. У него мегера - жена, она его держит под каблуком. Сам он не производит впечатление силы, правда, говорит с амплобом, решительно. Массу видел, от октябрьских боев под Зимним до бесед с премьер-министром Чехии, от бывшего прапорщика до посла — огромная дорога. Он хорошо знает Европу. Его рассказы о том, как готовят против нас войну, поражают осведомленностью и резкостью суждения. А в то же время этот бывший троцкист и личный друг Троцкого в разговоре подчеркивает, что, приехав в Россию, он достал заявления

[Л2] С.И.Канатчиков (1879-1940) — советский партийный деятель. В 1919 г. - один из организаторов Коммунистического университета им. Я.М.Свердлова. В 1920 г. член Сибревкома и заведующий Сибирским отделом народного образования, в декабре 1920 г. - председатель исполкома Казанского городского Совета и секретарь Татарского обкома РКП(б). С 1921 г. ректор Коммунистического университета в Петрограде, в 1924 г. заведующий отделом печати ЦК партии, в 1925-1926 гг. заведующий отделом Истпарта ЦК ВКП(б). С 1928 г. на литературной работе: редактор журнала «Красная новь», ответственный редактор «Литературной газеты» и др.

Троцкого Коминтерну[213] - не нелегальным путем, а это ему дали в Центральных органах партии. И, по-видимому, и там, где читал он эти заявления, он их корректировал не менее резко, чем характеризовал их в моем присутствии. Не даром позавчера вечером Могильный[214] в разговоре (есть такой секретарь у Молотова) говорил мне о том, что Антонов-Овсеенко окончательно пришел к нам. Теперь его из Чехии двигают дальше на новый дипломатический пост. Что же искренне или головою Троцкого, а идет вперед. Ведь как будто бесстрашному когда-то и через десять лет не должен бы заглянуть страх в глаза. Ну, тогда значит, меняются люди. Поговорили мы с ним о театре. Побегал он уже повсюду. Видел и «Разлом» и «Бронепоезд»[215]. Немножко заикнулся и о политике. Не очень-то он гнет налево, перебарщивают у нас с левизной. Это странная черточка у всех оппозиционеров - от оппозиции они все шатнулись направо.

Видел другого, начальника РОСТА и ТАССа[216]. Старый и толстый еврей Далецкий[217], черт, его знает какая у него на-

[213] Летом 1928 г. в связи с Шестым Конгрессом Коминтерна (июль-август) Л.Д.Троцкий пишет в ссылке и передает за границу работу «Критика проекта программы Коминтерна: Что дальше?», ставшую теоретической программой Четвертого Интернационала. Троцкий критиковал проект новой программы Коминтерна, в основу которой был положен тезис Бухарина - Сталина о возможности построения социализма в отдельной стране до победы мировой революции. По мнению Троцкого принятие этого тезиса превращало Коминтерн из революционной организации международного рабочего класса в инструмент внешней политики, используемый в национальных интересах сталинской бюрократии.

[214] Помощник В.М.Молотова по госбезопасности, репрессирован.

[215] «Разлом» — пьеса Б.Лавренева, написана в 1927 г., широко ставилась на сценах советских театров в 1927—1930 гг. «Бронепоезд» («Бронепоезд 14—69») — пьеса Вс.Иванова, поставлена во МХАТе в 1927 г.

[216] РОСТА - Российское телеграфное агентство, позднее ТАСС - Телеграфное агентство Советского Союза.

стоящая фамилия. И тоже с осторожностью, от левых вопросов более гнет направо. Несколько раз встречал я его, неинтересное впечатление. Тоже хорошо знает международную политику, знает массу людей, видывал виды. А занимается тем, что довольно грубо ухаживает за дамами, сплетничает о товарищах и не говорит ничего путного. Черт их знает, нет интересных людей. А уж, если от наших партийцев перейти в беспартийное море, ну так, совсем можно пропасть. Вот уже где серая скука. Несколько раз рассматривал хваленую Жизневу - кинодиву[2"5]. Во всех журнальчиках ее портреты и на сцене и в кино, а, в общем, в общем, несомненно, талантливая, только уж очень необразованная женщина и примитивна до крайности, несмотря на все свои таланты. Был как-то у нее, засучивает рукава и показывает руки, почти, что до плеч, а самой под тридцать. От природы не глупая, только очень туго доходит до самых простых вещей, все от отсутствия образованности. Захотела учиться, послал ей студента. Позанимались два дня и студента прогнала. Говорит, студент ничего не знает. А студент из моего семинара, уверяет, что она даже четырех действий арифметики не знает. Она и не скрывает, но говорит, что знать ей нужно, как бегает автомобиль и почему электричество светит. Одним словом, нет настоящей тонкой культуры. Если сравнивать ее, например, с Мансуровой из Вахтанговского театра" [9], то та, конечно, культурнее и тонь-

[217] Далецкий - Я.Г.Фенигштейн-Далецкий, большевик, директор ТАСС в 1928 г.

[218] О.А. Жизнева (1899—1972) - актриса. Работала в театрах Москвы, Ленинграда, Харькова, Киева, Казани. Народная артистка РСФСР (1969).

[2,д] Ц.Л.Мансурова (Воллерштейн. 1897—1976) - актриса. Народная артистка СССР (1971). В историю театра вошла прежде всего как первая исполнительница роли принцессы Турандот в знаменитом спектак-

ше, а в этой плебейское нутро. Оно и вывозит ее, давая возможность разбираться в обстоятельствах. А кругом поклонники таланта. Вот уже можно сказать картина.

Один инженер при мне серьезно утверждал, что трудовая интеллигенция это не мелкая буржуазия, а что-то такое непонятное, что скрывал он под термином трудовая интеллигенция. А другой партиец, инструктор Союза работников искусства, доказывал, что театр будущего не МГСПС[220], и театр Революции[221], а Художественный театр[222], в котором растет новая молодежь. Совершенно не понимал человек проблемы воспроизводства и с умилением рассказывал о том, как справляли юбилей Художественного театра. Ну, этот хотя все-таки как будто что-то соображает. Да, серые люди кругом. Был я позавчера поздно вечером на одной вечеринке. Собрались человек пятнадцать каких-то серых людей мужчин и женщин и жен еще более серых. И среди них в красной кофте жена Дыбенко[223].

ле Е.Вахтангова (1922). Занималась преподаванием в театральных училищах, с 1946 г. - профессор.

[220] Театр Московского Городского Совета профсоюзов был создан в 1923 г., с 1938 г. и по сей день - академический театр им. Моссовета.

[221] Театр революции, один из первых советских драматических театров. Открыт в Москве 29 октября 1922 г. Создан на базе Теревсата (Театр революционной сатиры) и ряда других театров. В 1922-1924 гг. театр возглавлял В.Э.Мейерхольд. С 1943 г. до 1954 г. коллектив назывался Московским театром драмы, затем Московским театром им. В.Маяковского.

[222] Художественный театр - Московский Художественный театр основан в 1898 г. при активном участии В.И.Немировича-Данченко и К.С.Станиславского (в 1928 г. отмечался 20-летний юбилей театра).

[223] П.Е.Дыбенко (1889-1938) - советский военный деятель, командарм 2-го ранга (1935), большевик с 1912 г. В 1917 г. - председатель Центробалта, участник Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде (1917), гражданской войны. В 1922 г. окончил Военную академию. В 1928-1938 гг. - командующий войсками Среднеазиат-

Сколько было у него таких жен. А эта типичная полковая дама, здоровая, немножко в стиле кустодиевских красавиц, груба как лошадь, занимается только фокстротом, охотою и игрою в городки. Для чего такие женщины существуют на свете? Разве только для удалых командиров. Ну, это бы еще ничего.

Самое интересное общий *[дом]*. Большой стол, пирог, закуски, вина, по большей части простые, муската всего лишь одна бутылка. Довольно подвыпивший хозяин, сильно клюнули и некоторые гости. Но это бы все еще ничего - выпить можно в компании, а главное никак не могут оторваться от стола, как будто сто лет не ели, не то обычно едят такую дрянь, что пирог с сагой уже кажется необыкновенным деликатесом. Пьют и жрут, жрут и пьют, а хозяйка бегает вокруг стола и прямо истерически кричит: ешьте и пейте. А в виде сверх любезности обещает взять плетку и лупить тех, кто не пьет и не ест. И меня пробовали накачать и напичкать. ***Я*** говорю, ну зачем столько есть, а что же, говорят, больше делать, как не есть. Поели, попили, потом немножко побренчали, потанцевали. Кто-то пьяный отлеживался в соседней комнате. Ну, я не выдержал и сбежал, а они там, кажется, часов до пяти колобродили. Вот советская интеллигенция. Это быт внутри, а снаружи, зато у нас все можно сказать торжественно и чинно.

25 октября праздновали юбилей Покровского[224]. Заняли целую залу в Консерватории. Все торжественно и с большой помпой, говорили речи о культуре, о классах, о борьбе с буржуазной идеологией — одним словом, высоко революционные

ского, Приволжского и Ленинградского военных округов, член РВС СССР. Расстрелян в 1938 г. Реабилитирован.

[324] 25 ноября 1929 г. М.Н.Покровскому исполнилось 60 лет. Юбилей Покровского отмечался выпуском сборников в его честь и торжественными заседаниями.

вещи. А на практике тот же самый Покровский в РАНИОНе настоял на том, чтобы оставили председателем Петрушевского, оставили членом коллегии Волгина и тем самым привел нас к моральному поражению, потому что для Института истории не в том соль, чтобы перебить вывеску и не в том соль, кто будет председатель, а в том, чтобы добиться морального перевеса, сломать морально буржуазную профессуру. И когда после целого ряда литературных кампаний, после созывов фракций, после бесчисленных разговоров о Петрушевском и против Петрушевского, все же Петрушевского оставляют, - это морально наше поражение, а его выигрыш.

В условиях РАНИОНа это означает, что морально буржуазные идеологи будут чувствовать себя тверже и устойчивее, будут более энергично бороться за молодежь и за свое воспроизводство. Оставление при таких условиях Волгина означает нравственное оправдание ему, поддержку его, означает, что мы капитулируем и под покровом громких фраз стоим на месте. Морально от этого выигрывает лишь буржуазия. Это объясняется тем, что верхи нашего аппарата при всех разговорах и борьбе настолько подвержены аппаратной инерции, что двигаться им трудно. Для них Волгин, с которым они сидели уже десять лет, все же ближе и лучше неизвестных нас, которые могут придти на смену. ***Я*** думаю, что это отражение общего настроения в стране. Говоря о напоре, о курсе налево, страшно преодолевать инерцию аппарата, а вслед за ней и противодействие враждебных нам классов, пытающихся использовать в своих целях аппарат. Это, несомненно, страшно сказывается в крестьянских районах, в низовых звеньях советского аппарата.

Октябрь, несомненно, стал общенациональным днем и общенациональным праздником. 7 ноября, как всегда, текли колонны на Красную площадь, пестрели знаменами, повяз-

ками и сверкали штыками, тащили фигуры. Мне бросилось в глаза два момента в этой толпе: во-первых, одежда. Одеты все однотонно, почти что одинаково, контрастов во внешнем виде толпы не имеется. Все приблизительно как будто имеют одинаковые ресурсы на одежду, и все одеты не плохо, средне одеты, не роскошно, но без заплат, не в старых, а по большей части в новых, Гумовского производства костюмах. И другая черточка из другого - колонны и толпы народа на улицах состоят преимущественно из молодежи. Людей старых, людей имеющих за 40 лет, нет или вернее очень мало в толпе, а большое количество маленьких детей, грудных, едва ходящих, ну, лет 3, 4, 5 и масса молодежи и людей среднего возраста. Цвет нации приветствует Октябрь. Те поколения, которые уже выросли при Октябре, они заполняют колоннами улицы и несут знамена на Красную площадь. Эта характерная черточка говорит о многом. Она говорит о том, что новые поколения воссоздали уже разрушенное до Октября хозяйство и плохо ли, хорошо ли, но сумели снабдить широкие массы потребителей. Она говорит о том, что основной массой, окружающей Октябрь и Советы, являются те слои, которые тесно связаны с производством строительства социализма. Поэтому и в Октябрьских колоннах нет стариков, а масса молодежи, взрослых людей и детей. Поэтому в Октябрьских колоннах нет контраста, а идут шеренги людей, находящихся хозяйственно в одинаковом положении, в положении людей, материальный достаток которых медленно, но верно и неуклонно поднимается и стандартизируется.

Опять не писал почти три недели, и вот когда думаешь о чем писать, то кажется, прямо не о чем. Такая идет жизнь серая, нудная и сам я серею. Работы, правда, тьма. Все лекции да лекции. Приходится читать новый курс древней русской истории. Фактически все полугодие этого года у меня

ушло на древнюю русскую историю. Старое вспомнил, кое-что придумал, но для того, чтобы получилось здесь что-нибудь определенно ясное и цельное, нужно еще много работать. Этого мало — прочитать общеизвестную литературу, надо перечитать источники, потому, что старая буржуазная литература фактически сейчас не дает ответа ни на один из поставленных вопросов. Ни на один вопрос, который встал перед наукой в результате десяти лет революции, не дает ответа старая буржуазная историография. Она даже затрудняет ответы на эти вопросы, поскольку все время приходится пользоваться старыми работами, систематизировавшими материал лишь под определенным углом зрения и совершенно, благодаря этому, искажающим перспективу.

Лекции идут хорошо. В Академии Комвоспитания[223] ребята относятся ко мне с большой любовью, и работать с ними легко. В университете, хотя и побузили немножко из-за моих опаздываний и пропусков, но все же относятся хорошо и лекциями даже по древней русской истории довольны. Еще начал читать вчера (прочитал первую лекцию) на курсах секретарей укомов[226]. Должен прочитать там пять лекций. Народу человек триста, все бородачи под тридцать и за тридцать. Основной состав - больше 50 % - за тридцать. Самые низовые работники,

[225] Академия коммунистического воспитания им. Н.К.Крупской (АКВ), высшее педагогическое учебное заведение (1923-1935). Создана на основе Академии социального воспитания, существовавшей с 1919 г. В 1927 г. при Академии был создан вечерний Педагогический университет дтя повышения квалификации работников просвещения. В АКВ преподавали НК.Крупская, П.ПБлонский и др. В 1934 г. Академия была переведена в Ленинград и в 1935 г. преобразована в Коммунистический педагогический институт им. Н.К.Крупской, который в 1941 г. слился с Ленинградским педагогическим институтом им. А.И.Герцена.

[226] Уком - уездный комитет ВКП(б).

так сказать, партийные унтер-офицеры. Слушают внимательно, а что понимают - неизвестно: не было ни одной записки, ни одного вопроса. Нарочно справлялся после лекции: говорят, хорошо, но ведь публика наша - чертова публика, верить ей нельзя - говорит - хорошо, а потом какую-нибудь свинью подложит. Кажется, все-таки лекцию прочитал недурно, не знаю, как пойдут другие. Трудно прочитать пять лекций по общим вопросам древне русской истории, приходится ставить чисто историографические проблемы и давать общие размышления социологического характера. Лекции все-таки доставляют мне самому большое удовольствие, сильно возбуждают, требуют много работы. В общем, приходят от них в голову разные новые мысли, да и приспособился я уж очень к этому делу, как вылезу перед публикой, язык сам начинает звонить, как церковный колокол, даже не остановишь.

Никакого удовольствия, зато, не доставляет РАНИОН. Бились-бились - добились, а в общем сделать почти что ничего там невозможно, такой саботаж кругом. Саботирует буржуазная профессура, саботируют наши так называемые примиренцы и правые — прямо хоть плачь. В общем, должность секретаря чрезвычайно глупая: подписывай бумажки, приходи на заседания, будь, так сказать, передаточной инстанцией, а влияния почти никакого. Быть научным сотрудником гораздо выгоднее, чем секретарем, — материальная разница небольшая, а научный сотрудник может заниматься, работать, а тут так: и дела нет и безделья нет, какая-то чертовщинка.

Больше всего меня мучает, конечно, институт Ленина. Тут действительно я влип почти что безнадежно. В результате всех переживаний и перетасовок институт, в конце концов, попал в руки тех, кто лет семь назад пробовал утопить меня, тогда еще совсем несмышленого щенка. Сейчас эта же самая компания старается утопить меня во что бы то

ни стало, придирается и делает мне различные гадости. Я прямо бессилен с ними бороться. У них в руках аппарат, доверие центральных органов партии, они могут сделать со мной что угодно и как угодно, обмазать меня грязью так, что потом лет пять не очистишься. В общем, здесь создается впечатление, что как раз тут в этой кучке и забит гвоздь, который усиленно мне мешает перейти с исторической на другую работу. Удивительно, в общем, тесен мир. За семь лет никак не можем размежеваться, все толкутся одни и те же люди: Савельев, Максаков[227], Адоратский[228]. Это та же самая компания, которая уже один раз кинулась на меня, и теперь, не останавливаясь ни перед чем и не перед какими средствами, лезут да лезут прямо с провокационными целями. Это уже стало ясно не только мне, но даже постороннему наблюдателю, а чего хотят - не говорят.

В общем, пока два тома Ленина уже у меня отняли, отнимут, наверное, и третий, над которым сейчас я работаю. Интересно только знать, какую пакость учинят тогда, когда

[227] В.В.Максаков (1886-1964) - советский историк, архивист, один из организаторов советского архивного дела. Автор работ по истории революционного движения, архивоведению, археографии.

[228] В.В.Адоратский (1878-1945) — партийный деятель, историк и философ. Выпускник юридического факультета Казанского университета (1903). Академик АН СССР (1932), большевик с 1904 г. В 1920-1929 гг. - заместитель заведующего Центральным архивным управлением, с 1928 г. член дирекции Института Ленина, в 1931—1939 гг. директор Института Маркса-Энгельса-Ленина (ИМЭЛ), одновременно руководил Институтом философии АН СССР. Под редакцией Адоратского вышли 15 томов «Сочинений» Маркса и Энгельса на русском языке и 8 томов на языке оригинала. Кроме того, подготовил издание избранных писем Маркса и Энгельса (1-е изд. М., 1922), был одним из редакторов «Сочинений» В.И.Ленина и Ленинских сборников (с 11 по 32). Автор работ по истории марксизма-ленинизма, воспоминаний.

будут отнимать этот третий том, под каким это сделают соусом и как. Пока том у меня, я его доканчиваю, дорабатываю, и эти подлецы могут в самый последний момент, когда вся работа уже будет сделана, придраться к каким-нибудь мелочам, устроить скандал, отнять весь том и всю работу и, использовавши меня, как физическую рабочую силу, выставить свое собственное имя. Боюсь, что что-нибудь в этом духе уже у них столковано и подготовлено и теперь они лишь выжидают время. Мне по Ленину работать можно, но только два-три дня в неделю. Ясно, что при таких условиях работа затягивается и очень боюсь, чтобы эти сукины дети как раз не воспользовались затяжкой работы и в конце декабря не устроили мне по этому поводу какого-нибудь бенефиса. Хуже всего то, что здесь чувствуешь себя совершенно бессильным, находишься всецело в их руках и делать с ними абсолютно ничего не можешь. Никаких средств борьбы нет. Тебя могут зарезать, как курицу, и ты даже не сможешь барахтаться. Я прямо жду - не дождусь того дня, когда благополучно вырвусь из объятий Ленинского института. Думаю, что если бы старик Ленин мог видеть своих наследников, какой бы толстой палкой стал бить он их по головам и как бы отчаянно разогнал это сборище партийных убожеств, собиравшееся вокруг издания его сочинений в Ленинском институте. Пожалуй, во всей нашей партии Ленинский институт - самое консервативное учреждение.

В РАНИОНе в среду 21 ноября мы даже смастерили резолюцийку с требованием демократизма, самокритики, нового курса и снятия с работы секретаря Московского комитета Угланова за его правизну и оппортунизм. При других обстоятельствах, конечно, никто бы не решился, во-первых, голосовать за такую резолюцию, не нашлось бы смельчаков предложить ее, и вообще мысль о том, что ячейка может требовать

снятия секретаря Московского комитета, была бы принята за бред сумасшедшего. А сейчас хотя и с опаской люди довольно спокойно проголосовали за резолюцию, приняли ее, произнесли ряд речей и даже послали в «Правду». Ясно, что здесь несомненен некоторый сдвиг, правда, такой смелый поступок был тоже не самостоятелен, поскольку его инициаторы все же знали и догадывались, что это делается с ведома и разрешения руководящего ядра Центрального Комитета.

Целую неделю шел Пленум[229]. Сегодня в газетах уже напечатана и принятая Пленумом резолюция. Напечатана и речь, произнесенная на Пленуме Сталиным. Теперь настанет кампания усвоения решений Пленума, их изучение, популяризация и распространение. А всю неделю мы жили слухами и сплетнями, подбирая, их, где могли и как могли, стараясь узнать о том, что происходит в стенах Большого дворца[230]. Некоторые ячейки информировались о Пленуме. Информировалось у нас о Пленуме и Бюро РАНИОНа, а в среду информировали и нас. Но уже до среды мы кое-что знали о том, что происходит. Вспыхнула борьба между правым уклоном и всей партией. Правым грозили и угрожали, но, в конце концов, ими был сделан ряд уступок и организационных и принципиальных, и борьба стихла. Сталин в газетах

[229] Ноябрьский Пленум ЦК ВКП(б) 1928 г. На Пленуме должны были приниматься контрольные цифры на 1928-1929 гг. Сталин добился одобрения Политбюро контрольных цифр, обеспечивающих ускоренную индустриализацию и жесткую политику на селе, а также единого выступления Политбюро на Пленуме, с чем и связано ощущение Пионтковского, что Сталин правых «не очень громил». Сталин выступил на Пленуме с речью «Об индустриализации страны и правом уклоне в ВКП(б)», в которой заявил о единстве Политбюро в вопросе о темпах индустриализации. Незадолго до Пленума ЦК Пленум МГК и МКК, который посетил Сталин, стал началом разгрома правой оппозиции и ее московской базы. От своей должности, в частности, был освобожден секретарь МГК Угланов.

[230] Большой Кремлевский Дворец.

доказывает, что в нашей партии нельзя говорить о центризме, и что он не центрист, а болыиевик-ленинист и, как болыневик-ленинист... борется с центризмом.

Центризм, толкует он, был свойственен лишь социал-демократам, которые объединяли в своих рядах разные классовые слои и которые поэтому принуждены были заключить соглашения между различными своими группами. Мы же выражаем интересы пролетариата и соглашений нам заключать не с кем. Тогда непонятным становится, что же представляют из себя правые, которые остаются в партии, с которыми ведется идеологическая борьба и о которых известно, кто они. Речи, напечатанные в «Правде», чрезвычайно симптоматичны, как по своему содержанию, так и по тем репликам, которые они вызывали. По вопросам с мест видно, что далеко не гладко и не без борьбы шла работа руководящих органов партии. Если правых особенно Сталин и не громил, то, во всяком случае, с одним из представителей правых, с Углановым партия покончила определенно и решительно. А сегодня в газетах напечатана принятая Пленумом единогласно резолюция по хозяйственным вопросам. Говорят, что была Пленуму предложена резолюция по хозяйственному вопросу, которая вызывала определенное реагирование со стороны левой (части) Пленума. Интересно было сравнить то, что принято, с тем, что предлагалось. Только тогда можно будет судить, насколько сильны были правые в партии, насколько, следовательно, сильно было в ЦК давление правых и насколько решительно Пленум дал этим настроениям отпор. Недели через две, через три, наверное, раздадут протоколы Пленума в Бюро ячеек и можно тогда будет представить себе, в чем же, в сущности, было там дело и из-за чего шли споры. В резолюции сейчас бросается в глаза лишь одно место - это необходимость увеличить пролетарское ядро партии, и как средство для этого необходимость провести чистку партии. Правда, говорится, что очистить

партию нужно лишь от правых элементов. Но не даром в своей речи Сталин говорил о том, что в партии, по крайней мере,'имеется тысяч тридцать троцкистов. Если это по подсчетам ЦК тысяч тридцать, то на самом деле, пожалуй, и побольше наберется.

Записано 9-го декабря 1928 года

Год почти что кончается. Недавно я пересматривал свои воспоминания за год. И вот интересная вещь: в начале года я сам в воспоминаниях записывал с небольшой еще уверенностью о росте классовой борьбы в нашей стране. Потом появилась резолюция февральского Пленума и потом все больше и больше разговоры об оживлении классовой борьбы в нашей стране начали принимать оживленный и общепризнанный характер. Начав с небольшого положения об идеологическом оживлении буржуазии и начинающемся оживлении классовой борьбы, ноябрьский Пленум при всем своем соглашательстве направо, открыто дошел до признания основного удара направо, основного центра борьбы с растущим оживлением классово-враждебных пролетариату и диктатуре группировок. Рост классовой борьбы в нашей стране теперь несомненен. Достаточно почитать газеты, чтобы увидеть каждый день сообщения о покушениях и убийствах селькоров; селькоров бьют, как глухарей. А это означает несомненнейший рост классовой борьбы в деревне, означает, что эта классовая борьба принимает определенную, уже вполне выраженную форму. Оживает классовая борьба все больше и больше и на идеологическом фронте. И здесь, несмотря на наличность диктатуры, несмотря на то, что в руках у пролетариата вся печать, все журналы, вся пресса, все же враждебные пролетариату идеологические выступления не прекращаются и буржуазные идеологи нет-нет, а проскакивают в печать. Классо-

вая борьба в стране растет. Хотя на Пленуме верхи и столковались, но, по-видимому, это соглашение более вынужденное, т.е. худой мир, соглашение, которое при изменении внутренней и международной обстановки может разрушиться. А во внутренней обстановке есть тревожные симптомы. Хлебозаготовки снижаются и продолжающиеся снижение их может привести к резкому обострению продовольственного вопроса.

Ближайшие месяцы должны практически разрешить грядущие политические споры. Еще более тревожна обстановка международная. Что против нас куется союз, что в этом союзе физическими силами должны явиться Польша и Румыния - это несомненнейший факт. Весь вопрос лишь в том, когда они бросятся на нас. В Англии приближается время перевыборов и, конечно, консервативное правительство вновь получит власть в свои руки. Ни либералы, ни рабочая партия, конечно, войны против нас не начнут, для консерваторов же война против нас — это и средство продлить срок пребывания своего у власти, и средство добиться поставленных целей. Консерваторы могут бросить на войну с нами, бросив на нас Румынию и Польшу. И кто знает, не зарницей ли такого начинающего пожара является восстание феодалов и горных племен против падишаха в Афганистане[2,1]'. Между Индией и Афганистаном существует какое-то паршивенькое, находящееся на откупе у англичан самостоятельное княжество. Афганистан является той пробкой, которая и запирает путь в Индию и открывает в Индию ход и мировой революции и национально-

[2,1] Антиправительственное восстание 1928-1929 гг. в Афганистане привело к свержению Аманунллы-хана. Провозглашенный в январе 1929 г. эмиром Афганистана под именем Хабибуллы Гази Бачаи Сакао отменил буржуазные реформы Амануллы-хана. После вступления в Кабул войск Мухаммеда Надира Бачаи Сакао был в свою очередь свергнут в октябре 1929 г. с престола и казнен 2 ноября 1929 г.

освободительному движению. Реформы Амануллы[232] будируют национально-освободительное движение в Индии и наступление подкупленных горских племен, стремящихся снять Аманулла, является не только защитою английского империализма от растущего национально-освободительного движения в Индии, но и определенным выступлением против республики. Через Афганистан англичане пытаются бросить басмачество в Туркестан и тем самым начать здесь гражданскую войну, а может быть, и империалистическую войну против нас. Положение более чем натянутое и обостренное.

Классовая борьба с буржуазией приводит, с одной стороны, к тому, что так называемая правая опасность все более и более принимает безликий характер. Правая опасность - это не люди, а настроение, это не только теория, а быт, не отлившийся в теорию. С правой теорией легко бороться, чем с неотлившимися в теорию бытовыми навыками и настроениями, порожденными буржуазным строем и перенесенными в партию и спрятавшимися под эгидой всемогущего партийного аппарата. Правые настроения отливаются в какой-то дикий уродливый быт, быт рвачества и неприкрытого наси-

[232] Аманулла-хан (1892-1960) - афганский король в 1919-1929 гг., пуштун, реформатор, ориентирующийся на Турцию Кемаля и Советскую Россию. Один из сыновей эмира Хабибуллы. Придя к власти (21 февраля 1919 г.), провозгласил 28 февраля 1919 г. независимость Афганистана. В 1919 г. были установлены дипломатические отношения с Советской Россией, в 1921 г. заключен советско-афганский договор, в 1926 г. — договор с СССР о нейтралитете и взаимном ненападении. Внутренние реформы Амануллы, действовавшего под влиянием младоафганцев, содействовали централизации страны и рыночным преобразованиям в ее экономике, однако вызвали сопротивление консервативных слоев Афганистана. В 1928 г. Аманулла посетил СССР. Антиправительственное восстание 1928-1929 гг. во главе с Бачаи Сакао, поддержанное англичанами, вынудило отречься от престола и эмигрировать. Умер в Цюрихе, похоронен в Джелалабаде (Афганистан).

лия, могущего расцвести и вырасти только в обстановке отсутствия всякой гласности, всякого контроля, огромной и безответственной власти и полного бессилия оказать пользующимся этой властью хотя какое-нибудь сопротивление.

Меня выставили, как я и полагал, из Ленинского института, выставили с треском. Можно сказать, я вылетел, как бомба. Конечно, объявили, что я наврал, что я не знаю эпохи, что даже и психически я не способен вести такую работу. Одним словом, три года не замечали ничего, а тут вдруг заметили все сразу. Дело, конечно, не в том, что я сделал ошибки, а дело в том, что кучке товарищей, которая облечена огромной властью и не стесняется ничем, во что бы то ни стало хотелось свести со мной какие-то счеты. И вот люди пускают в ход все, а в первую голову, конечно, огромную силу и доверие центральных органов партии, и, как бандиты на большой дороге, отнимают уже законченную работу и захватывают ее себе. И такие поступки не единичны.

Вот другой случай бандитизма, случай, который, правда, всплыл на поверхность и доплыл до ЦКК. В шестом номере «Летопись Марксизма» появилась ругательная рецензия на книгу Полонского[233], а вслед за рецензией всплыла и вся история.

[2!J] В.П.Полонский (Гусин. 1886-1932) — литературный критик, журналист, историк. Большевике 1919 г. В 1918-1920 гг. руководил Литературно-издательским отделом Политического управления Красной Армии. Был организатором и председателем (1919-1923) Дома печати, редактором журнала «Печать и революция» (1921-1929), журнала «Новый мир» (1926-1931), ректором Литературно-художественного института им. В.Я.Брюсова (1925), в 1926-1932 гг. - редактором отдела литературы, искусства и языка 1-го издания БСЭ, директором Музея изящных искусств (1929-1932. Ныне — музей изобразительных искусств им. А.С.Пушкина). Опубликовал краткую биографию М.А.Бакунина (1920; 3-е изд. 1926); исследование «М.А.Бакунин. Жизнь, деятельность, мышление» (1922); книгу «Спор о Бакунине и Достоевском» (1926); три тома «Материалов для биографии Бакунина» и др. Вероятно, речь идет о рукописи второго тома «Материалов»: Т.2. По делам государственных ар-

Оказывается рукопись в свое время из типографии была утащена Рязановым, и только после большого боя Полонскому удалось обратно отправить ее в печать. Ясно, что при этом они усиленно объяснялись, и в результате этих объяснений после выхода книги появилась ругательная рецензия, а вслед за этим началась отчаянная перепалка. Рязанов написал ругательную брошюрку в ответ Полонскому, которая была конфискована в типографии, и Рязанов успел всего на всего получить в свое распоряжение 200 экземпляров. Полонский тоже написал в свою очередь ругательный ответ и тоже в нескольких сотнях экземпляров распространяет его по Москве. ЦК запретило им печататься, и они занялись тем, что пишут на пишущих машинках ругательные статейки друг против друга и распространяют их среди литературной братии, обвиняя друг друга в бандитизме, в полнейшем ничтожестве, невежестве и всех смертных грехах. Полонский откопал откуда-то еще отзыв Меринга[214] о Рязанове, Рязанов тоже не остается в долгу. Одним словом - красота.

А смысл всего этого, конечно, в том, что сумасшедший старик Рязанов, чувствуя свою полную безответственность, утащил из типографии рукопись Полонского с целью препятствовать выходу в свет его книги. Чем не бандитские нравы? И, несомненно, конечно, что такие нравы вовсе не социалистические, что они могут существовать только при отсутствии всякой ответственности, при отсутствии всякой возможности

хивов Москвы, Праги, Дрездена, Вены. М.;Пг., 1928. См. также: *Полонский В.* Моя борьба на литературном фронте. Дневник. Май 1920 - январь 1932 // Новый мир. 2008. № 1 и др.

[234] Франц Меринг (1846-1919) - деятель немецкого рабочего движения, философ, историк и литературный критик, марксист. Родился в состоятельной буржуазной семье. Получил образование в Лейпцигском и Берлинском университетах (1866-1870). Автор фундаментальной «Истории германской социал-демократии», биографии Карла Маркса и других работ.

осадить того или другого зарвавшегося сатрапа, что они являются несомненнейшим порождением и пережитками буржуазного строя, буржуазных отношений, принесенных с собой в партию. Правый уклон - это не только ясно выраженная правая политика, но правый уклон - это вот такие, порожденные буржуазными нравами бандитские налеты.

Записано 10 января 1929 года

Надо записать конец 1928 года. Надоело уже, в общем, пишу и пишу, а когда сам перечитываю то, что написано, прямо даже жалко становится, до того серая и скучная моя жизнь. Может быть, со стороны даже кто-нибудь завидует, думает, интересно. Ужасные чудаки. Количество впечатлений суживается с каждым днем, остаются лишь одни книги. В самом деле, что я вижу и что делаю - вечный РАНИОН, преподавание, ну, гости, анекдоты, разговоры о политике. РАНИОН решили закрыть, собственно не закрыть, а он расползается по всем швам. Классовая борьба в РАНИОНе приводит не к победе и к усилению РАНИОНа, а к его распаду. Ушли уже философы в Комакадемию, уходят экономисты в отдельный институт, стоит вопрос и об образовании Института истории при Комакадемии и о закрытии, таким образом. Института истории в РАНИОНе. Я уже два раза делал об Институте истории доклады - один раз на фракции Правления, друтой раз на фракции общества «Историков-марксистов». На фракции «Историков-марксистов» — против закрытия РАНИОНа и образования нового Института выступал Лукин. Усиленно настаивал на образовании Института при Комакадемии Покровский. Даже меня обругал за то, что я в своем докладе не дал достаточного количества фактов, доказывающих необходимость закрытия института истории в РАНИОНе. Вопрос об Институте возбудил, конечно, горячие прения, целый

вечер прели в ячейке. Одни струсили, у других разгорелись зубы, нельзя ли с помощью вновь образованного Института повыситься в чинах и званиях. Одним словом, пошел разнобой и разногласица. После непродолжительной борьбы все же решили идти на закрытие Ранионовского Института и образовать Институт при Комакадемии. А пока дело дойдет до закрытия, мне приходится возиться с моими буржуями.

Как-то после заседания Коллегии, разговаривая о будущем съезде историков-марксистов, Петрушевский указал мне на то, что в газетах пишут о выступлении с докладом Ясинского[235]. Смотрите, говорит, не тот ли это Ясинский. Старикашка Петрушевский, одним словом, спешил донести и обратить мое внимание на другого, такого же, как он, беспартийного спеца - слависта. Эта картина нравов. Другая картинка: в Институте экономики существовала секция по истории народного хозяйства, эту секцию решили закрыть и передать ее людской состав в Институт истории. Разговаривать об этом ко мне пришли Довнар-Запольский и Петров[236]. Довнар-Запольский, публицист и историк Литвы, автор большого количества работ,

[235] А.Н.Ясинский (1864—1933) - историк-медиевист, академик АН БССР (1928), член Чешской АН (1907). Выпускник историко-филологического факультета Киевского университета (1888). Основные работы посвящены средневековой Чехии.

[236] М.В.Довнар-Запольский (1867-1934) - историк либерального направления, фольклорист и этнограф. В 1894 г. окончил Киевский университет. С 1902 г. профессор русской истории в Киевском университете. В 1925—1926 гг. — профессор Белорусского университета. С 1926 г. - профессор Московского института народного хозяйства, научный сотрудник Института истории РАНИОНа. А.Н.Петров (1881—?) — историк-востоковед. Автор ряда работ, посвященных Японии и Китаю: Женское движение в Японии в его прошлом и настоящем (1909); Китай за последнее десятилетие (1910); Политическая жизнь Японии (1910); Японский пролетариат (1927); и др.

кадет и общественный деятель, трюндер, как назвал его в разговоре Петрушевскнй, сводя с ним какие-то свои старые счеты, оказался маленьким, пришибленным жизнью, глуховатым старикашкой. Он, непременно, хотел, чтобы ему в институте Истории создали особую секцию, и он смог бы ее возглавлять. Говорят, что у этого бывшего кадета два сына были командирами в Красной Армии и сложили свои головы вокруг Киева в борьбе за Октябрьскую революцию. Мы дали старикашке полную ставку, он назвал темы, интересные темы работ, над которыми трудится, и пока о нем ни слуху, ни духу.

Другой, пришедший с ним - Петров, экземпляр особого рода. Грузный, большой человек с длинным носом, в черной тюбетейке, с какой-то беспокойной ласковостью взгляда, он востоковед по специальности, писал книжки о Японии и Китае, был министром по делам национальностей в правительстве Колчака, помилован и теперь читает лекции в Москве. Без всякого повода с моей стороны в разговоре доказывал необходимость и желательность как отдельной секции по истории экономики при Институте истории, так и, особенно, перевода в эту секцию всех сотрудников, какие входили в состав секции истории и экономики, когда она была в Институте экономики. Петров, как один из веских аргументов, заявил: «Ну, - говорит, - уже теперь, на 11-ом году, вы можете быть вполне спокойными, мы знаем власть, что она хочет, мы работаем то, что она нам приказывает, так что если что, никаких недоразумений у нас не будет». Я сначала даже не понял, почему у него такие аргументы и потом только сообразил, что ведь это колчаковский министр, и вот теперь он ходит с видом побитой собаки и клянется на все сто процентов, а что он такой же белогвардеец в душе, как Петрушевскнй и все прочие, - в этом нет никакого сомнения. Меня лишь постоянно удивляет од-

но, почему они не эмигрируют, почему остаются они в России? Ведь в большинстве это очень крупные специалисты в своей области, в любом буржуазном университете и Петрушевский и Донвар-Запольский, и тот же Петров получили бы и кафедры, и заработок, и положение. Они знают языки, технически им едва ли трудно было излагать свои лекции не на русском языке, психически, наверное, бы то освещение, которое они делали бы там, было бы им ближе тех объяснений событий, которые заставляем мы их давать, и все-таки они хотят, клянутся в верности, где нужно и где не нужно и не эмигрируют. Почему? И не только не эмигрируют, а, по-видимому, в общем, сделавшие честное лицо и походивши по учреждениям, они спокойно воспроизводятся и в прямом и в переносном смысле. Живут, имеют квартиры, охранные грамоты из ЦЕКУБУ[Ъ7], плодят детей, разводят учеников, которые с такими же елейными лицами будут пить вино и проповедовать воду, клясться Марксом и писать немарксистские книжки.

В РАНИОНе у нас на днях будет диспут одного такого воспроизведенного типа. Один из учеников Петрушевского - Неусыхин[23'] написал ученую книгу об общественном быте древних германцев. В книге нет и тени марксизма, но она сделала бы честь любому буржуазному исследователю. Подробно изучены тексты Цезаря и Тацита - автор Неусыхин прекрасно оперирует с текстами, знает литературу, но это и все. Даже бес-

[23] ЦЕКУБУ - Центральная комиссия по улучшению быта ученых при СНК РСФСР.

[23s] А.И.Неусыхин (1898-1969) - выпускник исторического отделения факультета общественных наук МГУ (1921). Защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Общественный строй древних германцев» в Институте истории РАНИОН (1929). В 1936-1968 гг. - научный сотрудник Института истории АН СССР, профессор МГУ.

партийный рецензент его книги, Грацианский[239], заявил мне, что книга написана крайне статично, что все в ней взято под одну скобку. Анализа производственных моментов, анализа воспроизводства Неусыхин совершенно не понимает и не затрагивает. Я иногда думаю, что, в общем, этот момент - наша общая беда.

Мы все отлично стоим на классовых позициях, очень хорошо можем дать анализ отдельного классового боя или дать целую историю классовых боев, но дать анализ воспроизводства всего буржуазного мира в целом, выявить на фоне этого воспроизводства и воспроизводство его, ход и противоречия его, его отдельных явлений - мы не можем, а ведь диалектика как раз и заключается в том, чтобы дать совокупность целого и, вскрывши противоречия целого, дать анализ того или другого частного. На классовых позициях может стоять даже и буржуа.

Перед Рождеством, как и полагается в коммунистических вузах, в Академии Комвоспитания был учет произведенной работы. У меня там два семинара, причем в одном почти сплошь мальчишки с небольшим количеством женщин, другой состоит в большинстве из женщин с небольшою примесью мужчин. И вот забавная вещь: в общем замечании и в том и другом семинаре, по существу, занятия почти одни и те же, но в конечном результате женский семинар похвалил меня больше, чем мужской. Я думаю, что это объясняется не тем, что я в одном семинаре работал лучше, а в другом хуже, а исключительно, конечно, составом этих семинаров. Ну, дальше идут различные мелочи.

[2,4] Н.П.Грацианский (1886-1945) - выпускник историко-филологического факультета Казанского университета (1910), с 1917 г. - профессор Казанского университета, медиевист. В 1922-1934 гг. - профессор 2-го МГУ, сотрудник Института истории РАНИОН, в 1932-1945 гг. - заведующий кафедрой истории средних веков МГПИ.

Жил у меня Аросев[240], жил с неделю. Когда-то, на заре туманной юности, мы с ним встречались, работая в каких-то кружках. Он об этом даже написал и напечатал уже в своих воспоминаниях. Между прочим, мне тоже нужно будет написать свои воспоминания и летопись жизни от юных дней до 17-го года. Потом мы долгие годы не виделись, встречались в годы революции. Потом опять наши пути расходились. Аросев лично связан с правящей партийной верхушкой и как старый большевик, и как активный участник октября в Москве, и личными связями. Пошел по дипломатии, был послом, и вдруг в один прекрасный вечер позвонил ко мне и попросил пустить переночевать. Я, конечно, пустил, и он жил у меня дней пять или шесть. С посольства его сейчас сняли, может быть, назначат вновь, по крайней мере, он надеется и ведет на эту темы разговоры с Молотовым и со Сталиным, а пока, что он занимается литературой и разводится с женой. Навез гору чемоданов, загородил весь мой номер, а, в общем, исключительно тактичный и необыкновенно любезный человек. Умеет говорить мило и любезно часами и не сказать ничего. Любит свою образованность показать и говорит не то, что о непонятном, а о том, чего сам, как следует, не знает. Ну, да это едва ли большой грех, многие любят говорить о том, чего они не знают. Сейчас едет в Сухум, а дальше в ожидании.

[240] АЛ.Аросев (1890-1938) - большевик с 1907 г., учился в Казанском реальном училище, позже в Льежском университете (1910—1911), Петроградском психоневрологическом институте (1916). Партийный работник, советский дипломат и литератор. В 1923-1924 гг. - заместитель директора Института Ленина. В 1924-1933 гг. - на дипломатической работе (с 1924 г. сотрудник полпредства во Франции, потом полпред в Литве и Чехословакии). В 1935 г. председатель ВОКС. Арестован в 1937 г., расстрелян в 1938 г. Реабилитирован.

Интересную историю рассказал мне на днях один доктор. Сидели мы как-то у Канатчиковых, он подвыпил и не помню, по какому поводу, кажется, я рассказывал о Стеньке Разине - я недавно прочитал воспоминания Стрюиса, голландского корабельного мастера, бывшего в Астрахани в момент взятия ее Разиным и беседовавшего два раза со Стенькой, бывшего у него на струге, видевшего в лицо персидскую княжну и присутствовавшего при ее утоплении - рассказывал я о казаках, о княжне. Оживился доктор и рассказал мне замечательнейшую историю о современных казаках, о буденовцах, таких же, в сущности, говоря, разбойниках, как и разбойники Стеньки Разина. Доктор этот во время гражданской войны был в Ставрополе, служил в Красной Армии врачом. В Ставропольских степях бродили бандиты. И вот, конницу Буденного послали ловить какого-то знаменитого, забыл уже его фамилию, - Авдеева не Авдеева, бандитского атамана. Дело было зимою, жрать было нечего, бродим, говорит, доктор мы по степям, мерзнем, бандит неуловим. Один раз заехали на какой-то хутор, сели в избе, налили в котел вина, бросили туда сало, еще какой-то дряни, вскипятили его и стали в круговую пить. Горит, говорит, огонь, на огне висит огромный котел с кипящим вином, кругом на корточках сидят казаки и огромным ковшом, куда, говорит, войдет, по крайней мере, бутылка, пьют вино. И больные, и здоровые, и сифилитики и простуженные, все пьют из одного ковша, друг за дружкой, в очередь. Поднесли и мне ковш. Ну, вижу, надо выпить весь целиком, чтобы завоевать уважение. Начал, говорит, я пить, а из меня прямо, говорит, дух вон. Но все-таки, пересилил себя, выпил. Все одобрительно загалдели. Хорошо, говорят, ты пьешь, значит, говорят, ты наш. Потом в очередь поднесли другой. Выпил, говорит, я второй раз. Трудно передать мне весь этот колоритнейший рассказ, но прямо так и встает картина: пылает огонь, большой котел, кругом развали-

лись в различных позах затрепанные, заросшие, почернелые, с саблями казаки. Пьют в круговую ковшом и гуторят. Ну, чем не картина из походов Разина.

Запомнилась другая сценка. Шли, говорит, мы, доктор, уже после того, как поймали бандита, обратно домой. Было, говорит, нас в штабе трое: я, командир, какой-то бывший гусар, и адъютант по фамилии Дубина. Пленных бандитов у нас было много, подвод не хватало. Во время одного из привалов командир позвал Дубину, спросил, сколько подвод, сколько пленных и велел сократить. Пока мы закусывали, Дубина отправился к пленным бандитам и один подряд расстрелял около сотни бандитов, а потом пришел и докладывает командиру, что сокращение произведено, подвод хватит на всех, и отряд не будет задерживаться в движении. Третья сценка: гонялись мы, рассказывал доктор, долго по Ставропольским степям, ища знаменитого бандита Авдеева. Поймали посреди снежной пустыни какого-то калмыка, пригрозили ему расстрелом, и калмык взялся провести их в расположение бандита. Бандиты оказались, стояли табором верст за 70. Шли, рассказывает доктор, всю ночь, к утру подошли и видят, посреди поляны в камышах стоят юрты, живут бандиты. Наши, говорит, отряды кинулись в атаку, бандиты встретили их отчаянным сопротивлением. Отряды дрогнули, начали отступать, но командир, предвидя такую возможность, поставил пулеметы за цепями наших людей, приказав им открыть огонь, если начнут отступать. Когда начали отступать, пулеметчики открыли огонь по своим. Очутившись между двумя огнями, красноармейцы снова перешли в атаку и разгромили бандитов. Доктор подробно рассказывал, как он вместе с командиром отряда и адъютантом и всей прочей братией бросился лавой в атаку, как стоял страшный шум и гам, пока они на поляне рубили бандитов, которые частью были перерублены, а частью сдались, как, в

конце концов, поймали знаменитого атамана бандитов, оказавшегося щупленьким и маленьким штабс-капитаном старой армии. Уже после боя, когда бандиты сдались, он вышел из шатра и после небольшого запирательства признался, что он - это именно он. Трудно в пересказе изобразить все эти сцены гражданской войны, а они таки дышат временем Разина. Бесконечные ставропольские степи, зима, удалые бои, дикая вольница, кровавый след и следы красного вина.

Отзвучала и отгремела эта жизнь, стала сказкой, а на смену ей приходит действительность, может быть, и она когда-нибудь станет сказкой и о ней захочется поэтически вспомнить. А сейчас жизнь? Ну, что же, это - рвачка, черт ее разберет, что такое. В Госиздате, например, Литвинов рассказывал мне такую историйку. Написал он книжку о результатах реформ Столыпина[241]. Книжка, по совести говоря, плохенькая. Я ее прочитал. Литвинов — парень бойкий, марксист хороший, выдержанный, но уж очень неглубокий и поверхностный человек. Так и книжка получилась — шустрая и не дающая ничего нового. Просит написать рецензию. Прямо не знаю, как и быть. Ну вот, из-за этой книжки, конечно, разгорелась борьба. Послал ее Литвинов в РАНИОН с предложением издать. РАНИОН послал на отзыв Дубровскому. Дубровский дал о ней отрицательный отзыв. Литвинов уверяет, что Дубровский нарочно держал книгу, нарочно давал отрицательный отзыв для того, чтобы успеть выпустить в жизнь свою книгу о столыпинщине[242]. В результате Литвинов получил отзыв резко отрицательный, подписанный Лященко.

[241] См.: *Литвинов И.И.* Экономические последствия Столыпинского аграрного законодательства. М., 1929.

[242] Вышла спустя год: *Дубровский С.М.* Столыпинская реформа капитализации сельского хозяйства в XX веке. М., 1930.

Литвинов запросил Лященко[243]. Лященко ответил, что он отзыва не писал и не знает, как могла под отзывом пояйиться его фамилия. Получилось [...][244]. Это ли не картинка рвачества. Это современная действительность. Где же тогда дует свежий ветер? В нашей жизни, в жизни ученых, скажем, писателей, публицистов его нет.

Год закончился печальнее, чем начинался. Мне недавно для ГУСа пришлось писать свою автобиографию с перечислением, конечно, всех моих ученых трудов и заслуг. Написал я довольно много и книг, и статей, и предисловий, и сообщений, и газетных статей, и библиографических заметок. В совокупности набежит всякой всячины сотни две, а вот когда пересмотрел все это, так, пожалуй, правду говорят, «враги мои», конечно, все это публицистика, и знание есть, и содержание есть, а все это забывается и быстро забудется. Если на это все ушло восемь лет, так право жалко, пожалуй, зря прощелкал. И хотя есть в этом перечне и толстущие книги в 300 страниц, а все же лучше было бы вместо лекций, над которыми просидел два года, написать за два года какую-нибудь специальную книгу, не устарела бы она так быстро, осталось бы что-нибудь. Тяжелое от этого настроение. Это личные итоги.

А общественный год закончился съездом историков-марксистов[243]. Первый раз во всем мире собрался съезд историков-марксистов. Мы даже сами не ожидали, что в России такое

[243] Лященко П.И. (1876-1955) - выпускник физико-математического и юридического факультетов Петербургского уштверситета (1899, 1900). Автор многих работ по аграрной истории России. Член-корреспондент АН СССР (1943), академик АН УССР (1945). С 1926 г. - профессор ИКП и МГУ, научный сотрудник Коммунистической академии, позже - научный сотрудник Института экономики и Института истории АН СССР.

[z44] Пропуск в тексте.

[245] I Всесоюзная конференция историков-марксистов прошла в конце декабря 1928 - начале 1929 года.

огромное количество марксистов. Все объявились марксистами. Из некоторых провинциальных университетов явилось все наличие историков, все оказались марксистами. А один такой провинциал, приходивший ко мне, откровенно заметил: «Сколько, - говорит, - времени ждали, из провинции никак не вырвешься». Ну, ясно, все и объявились марксистами. Провинциалы вообще народ странный. Ходят, разговаривают о научных вопросах, держатся почтительно. Юшка говорит, что пока они по коридору с красным сукном идут, то они даже калоши в зубах держат. А вообще вовсе уж они не такие дураки и не слишком мы их превосходим. Это показал съезд. Выступали и москвичи и провинциалы. Провинциалы или несут глубокую ерунду и, хотя объявляют себя марксистами, но до Маркса им также далеко, как и до китайского императора, или делают доклады о таких глубоко академических и ученых вопросах, в которых никто ни черта не понимает. На съезде все время была полным - полна аудитория. Больше, конечно, гостей, чем членов съезда. С решающим голосом не было и 150 человек. Огромное количество было совещательных и еще больше гостей. Доклады шли по секциям. Я побывал на многих докладах. В западной секции читал ЗайделЫ[46]. Это бывший краснопрофессурец, неожиданно ставший героем. Какой-то белогвардейский дурак в позапрошлом году бросил бомбу в Ленинграде в партийный клуб[247] и среди прочих

~[46] Г.С.Зайдель (1893-1937) — выпускник Института красной профессуры (1925). В 1927-1929 гг. - член коллегии Ленинградского отделения Института истории РАНИОН, в 1930-1934 гг. - директор Ленинградского отделения Института истории Коммунистической академии, декан исторического факультета Ленинградского университета. В декабре 1934 г. арестован и в июне 1935 г. выслан в Саратов, где год работал профессором педагогического института. В 1936 г. вновь арестован и в 1937 г. расстрелян. Реабилитирован.

Вечером 7 июня 1927 г. в Центральном партийном клубе на Мойке, 59, в Ленинграде, взорвалась бомба. Ответственность за

был тяжело ранен и Зайдель. Он и сейчас еще ходит с палкой. Доклад делал он не плохой, хотя нельзя сказать, чтобы и хороший. Добросовестно подчитал литературу, большую уйму журналов и газет 40-х годов, и все это изложил своими словами.

В русской секции было много докладов. Правда, русской секции не было, вместо нее была секция истории народов СССР. Это старое название — русская история, теперь вообще русской истории, по-видимому, нет уже. Есть или история СССР, или история Октябрьской революции, или история Украины, или история Великороссии. На съезде вот была секция истории народов СССР. Среди прочих докладов там был доклад Яворского[248], украинского историка. Сам про себя он говорит, как утверждают злые языки, что он - украинский Плеханов. Мы можем сказать, что он достаточно безграмотный и слишком националистически настроенный украинец. Галичанин по происхождению, он даже с акцентом говорит по-русски и как бы кокетничая, забывает русские слова и вставляет вместо этого украинские. По его докладу выступало несколько украинцев. Прежде всего обнаружилось, что мы москвичи, великорусы, ничего не знаем и не понимаем в истории Украины. Второе, что украинцы под историю Украины относят все, что совершилось на территории Украины, определяя эту историю по географическим принципам, а не по принципам социальным. При такой постановке национальный вопрос для них превращается не в средст-

взрыв взяли иа себя впоследствии члены РОВСа, эмигрантской организации военных-белогвардейцев.

[248] М.И.Яворский (7-1937) - украинский историк, выпускник Львовского университета. Академик Украинской АН (1929). До 1929 г. возглавлял историческое отделение Института марксизма в Киеве. Арестован в 1930 г. за «участие в украинском националистическом центре», осужден на 5 лет лагерей. 3 октября 1937 г. расстрелян. Реабилитирован.

во, а в самоцель. Это, вот, пожалуй, основной итог съезда. Украинцы всколыхнули, несомненно, ряд вопросов. Они вышибли нас из наших торжественных великороссийских настроений, расширяют кругозор историков.

Наряду с официальной частью съезда шла и неофициальная - во фракциях и на обедах. Были три заседания фракции, дольно бесцветных. Но на последних все же языки развязались, ставили вопрос об образовании Института истории. Доклад делал Минц от Красной профессуры. Делал доклад я от Института истории РАНИОНа. По-моему докладу, по предложению Покровского, выступал Волгин, которому замечательно набил морду Фридлянд. В общем, здесь развязались, хотя ничего особенно интересного и не наговорили, а некоторые близкие к Президиуму друг другу передавали, что в тот момент, когда мы в зале Комакадемии торжественно устраивали первый всероссийский съезд историков-марксистов, где-то в подполье, в Москве шел съезд историков буржуазных, российских буржуазных, где вырабатывалась линия поведения и задач на историческом фронте.

Записано 7 февраля 1929 года

В 1929 году пишу первый раз. А писать, по совести, надо или каждый день, или через день, но ни в коем случае не так — не писал два месяца и вдруг запишешь. При такой записи все забывается и пропадает, конечно, самое ценное. Что записать? Собственно за полтора месяца было много всякой всячины - и общественной и политической и всякой. Ну, начнем по порядку. Общественное: самое замечательное, конечно, что академики при выборах провалили трех наших коммунистических

кандидатов^[49]. Ну, мы им и всыпали за это по первое число, не нашим кандидатам, конечно, а академикам. В РАНИОНе в ту субботу, 3 февраля, мы сварганили огромное собрание и на этом собрании провели резолюцию, осуждающую и ругающую всячески этих академиков. В общем, нужно сказать, величайшие они сукины сыны. Я познакомился с одним из вновь избранных академиков, ориенталистом Владимирцевым[250]. Вот травленый волк. Прекрасно технически оборудованный человек, куда нам за ним угнаться, но политически травленый волк, зубр первой руки, ненавидит нас всеми фибрами своей души. Ясно, конечно, что такая публика, где только сможет, постарается подложить свинью.

Говорят - наука вне политики, а тут все время идет ожесточеннейшая классовая борьба. Воюет с нами Академия наук, воюет вообще буржуазная профессура. Недавно, числа 26 января, в газетах было напечатано выступление финского археолога Тальгрема, который всячески ругал Советскую Россию и всю нашу науку лишь за то, что мы всыпали Жебелеву[251] по первое число за его участие в сборнике «Семина-

[249] 12 января 1929 г. происходили выборы в Академию наук СССР. Из рекомендованных властями избранными академиками стали Н.И.Бухарин, И.М.Губкии, Г.М.Кржижановский, М.Н.Покровский. Д.Б.Рязанов. При этом трое первых прошли с перевесом всего в один голос, а А.М.Деборин, Н.М.Лукин и В.М.Фриче были забаллотированы. 13 февраля 1929 г. на экстраординарном общем собрании АН СССР провалившиеся на прошлых выборах Деборин, Лукин и Фриче стали академиками, хотя, в нарушение процедуры выборов, недействительные бюллетени были признаны в качестве положительных.

[250] Б.Я.Владимирцев (1884-1931) - выпускник факультета восточных языков Петербургского университета (1909). Академик АН СССР (1929). Преподавал в разных вузах Ленинграда. Автор работ по истории буддизма, монголоведения, ученый - ориенталист.

[251] С.А.Жебелев (1867-1941) — выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета (1890),

риум Кандаковианум» за его прямо-таки контрреволюционную статью. Газета эта была получена в Казани во время съезда, и я там написал протестное письмо от имени Археологического съезда этому финну, который оказался членом Казанского Археологического общества, дал письмо Дитякину как беспартийному огласить его от группы беспартийных, и послали это письмо печатать[2"2]. Это все проявления классовой борьбы, как несомненнейшим проявлением классовой борьбы является и высылка Троцкого. Троцкий теперь уже за границей. Числа 20 января я выступал на Прохоровской мануфактуре с докладом.

В редакции «Красной нови», как-то в январе, было собрание писателей, там каждый четверг собираются. На этом собрании бывший меньшевик Тальников делал доклад на тему «Писатель болен». Он доказывал, что болезнь писателя в том, что его заставляют писать под определенным углом на определенную тему. А между тем, он говорит, в России все на стороне революции, и писатель, если он правдив, тоже будет на стороне революции. Поэтому не нужно заставлять писателя, а нужно дать ему возможность быть правдивым. Это было очень осторожное выражение политических тенденций и устремлений буржуазной демократии, и эти тенденции вскрыл в прениях никто иной, как старый демократ

академик АН СССР (1927), историк-античник. В 1927-1941 гг. занимался изучением античности северного Причерноморья в институте истории материальной культуры АН СССР.

*~2 В.Т.Дитякин (1886-1956) - выпускник историко-Филологичеекого факультета Казанского университета, историк и философ. В 1918—1928 гг. — профессор Казанского университета. Ав-10Р Работ по истории итальянского средневековья и др. Общество артогни, истории и этнографии при Казанском университете (1878— регулярно проводило свои съезды и собрания.

Суханов . Не знаю уж почему, но он присосался к писателям и бывает на четвергах в «Красной нови». Здесь этот человек, про которого Шульгин в своих мемуарах писал, что у черта мог быть такой секретарь, с лицом Мефистофеля, с лицом и с приемами хорошего адвоката, произнес речь, расшифровавшую перед всеми то, что не решался открыто сказать сам Тальников. По словам Суханова докладчик говорил эзоповским языком, а на самом деле весь смысл доклада сводится к тому, что не нужно приставать к писателю с текущими современными вопросами, не надо навязывать того, чего писатель не видит и не понимает, надо давать писателю писать так, как он хочет и не превращать деревню в литературе на полулегальное положение.

Это была открытая проповедь и открытое требование буржуазной демократии, и это требование поддерживалось в прениях некоторыми выступавшими писателями. Особенно в этом отношении характерно было выступление Клычкова^. Клычков заявил, что когда Гоголь поставил себе цель написать вторую часть «Мертвых душ», то он сошел с ума, а мы, говорит Клычков, все получаем теперь задания от Беспало-

Н.Н.Суханов (Гиммер. 1882-1940) - российскии социал-демократ, один из активных сотрудников Петроградского Совета в 1917 г., меньшевик-интернационалист. Позже автор «Записок о революции» (М., 1922-1923. Кн. 1-7). Избирался членом Коммунистической академии. В 1930 г. был арестован, приговорен к 10 годам тюремного заключения. Расстрелян. Реабилитирован. В.В.Шульгин (1878—1976) — выпускник юридического факультета Киевского университета. Русский политический деятель. С конца 1918 г. в эмиграции. Автор многих мемуаров и статей. Последние годы жизни жил во Владимирской области и занимался литературной деятельностью.

[254] С.А.Клычков (Лешенков. 1889-1937) - российский писатель, автор книг о русском крестьянстве, разрушении нравственности в советской деревне. Репрессирован. Реабилитирован.

вых, которые требуют написать вторую часть «Мертвых душ». Но Гоголь не мог этого написать по охоте, можно ли написать это по заказу? Если бы, говорит Клычков, все встали на позицию Беспаловых, пришлось бы открыть клинику и все писатели сошли с ума. Ну, за исключением таких резких выступлений все остальные выступавшие занимали другую позицию. Очень интересен в этом отношении был Новиков-Прибой[255]. Это тип обывателя, идущего в ногу с левыми требованиями в литературе. Он заявил, что поддерживает все левые теории, но, говорит, одно нужно отметить, уж очень необразованны современные пролетарские писатели, узок у них кругозор, не знают искусства, музыки, книг. Великолепную речь, можно сказать, программную речь произнес молодой критик из «Комсомольской правды» Беспалов. Еще мальчишка, а говорит очень хорошо. Хорошо подкован и очень хорошо поставлен классово.

Великолепно наклал Тальникову и великолепно отметил, что всякое искусство с точки зрения марксизма тенденциозно имеет свои классовые связи. И мы требуем от искусства, чтобы оно служило нам, обслуживало наш класс и наши интересы. Беспалова поддерживал Малышкин[256]. Малышкин производит очень странное впечатление. Рожа самая пролетарская, самая бесцветная и нехарактерная, ну, такая физиономия, каких тысячи на заводе, только глаза побойчее. Говорит неважно, акцент прямо дикий, «э» говорит «е», вместо «эстетика» - «естетика».. Писатель, говорит, должен ставить нашу «эпоху», перечисляет массу имен, видимо, парень учится, но пока еще в голове большая каша. Выступал с ультралевыми пози-

[255] А.С.Новиков-Прибой (Новиков. 1877-1944) - российский писатель, автор книг о русском флоте.

[z56] А.Г.Малышкин (1892—1938) — российский писатель. Автор книг о перевоспитании людей в послереволюционную эпоху.

циями литературная проститутка - Городецкий"[37]. При царском режиме он писал высоко торжественные стихи царизму, потом воспевал проституток, а теперь старается всеми четырьмя ногами стать на советскую платформу и изрекает такие ультралевые построения, что невольно компрометирует всех. Выступал еще какой-то молодой мальчишка Минаев. Он сказал только одну фразу, но фразу очень хорошую. Можно ли, говорит, заказать вещь? Чувствую, говорит, нутром, что можно писать по заказу. Думаю, что парень, как и все здесь, путает две простые проблемы.

Пролетарский писатель будет писать о пролетариате по заказу. Но как бы не заказывали, сколько бы за заказ не платили тем, кто социально чужд восходящему классу, он, конечно, никогда не сумеет ни по каким заказам написать того, что он не воспринимает и не приемлет. И весь спор о том, можно ли писать по заказу, весь разговор о том, что писатель болен и его насилуют, как раз коренится в том, что и здесь, в литературе, как и в науке, идет классовая борьба и идут попытки связать и привязать к строительству социализма выходцев из тех классов, которые социально чужды. Отсюда и получается для них вопрос о болезни, чувстве насилия над ними, отсюда и разговор о том, чтобы дать свободу, дать писать, так как видится. Это не значит, конечно, что они сейчас же начнут воспевать Романовых, но это значит, что среди писателей имеются слои сложившихся буржуазных демократов, которых советская диктатура в литературной области связывает и заставляет укладываться в определенные рамки и рельсы. А это есть черта общего процесса. Ведь и академики, проваливая коммунистов, делали это во имя свободной науки, и ведь на протест против

[25] С.М.Городецкий (1884-1967) - один из организаторов «Цеха поэтов» (акмеистов), автор поэмы «Красный Питер» (1922) и других поэтических сборников.

действительных академиков нам почти что силком приходится сгонять профессуру, которая в глубине души тоже стоит за свободную науку. Все это вместе свидетельствует, что при росте социализма в нашей стране происходит сейчас, по крайней мере, среди идеологов определенный рост и оформление буржуазно-демократической идеологии, пока, быть может, неосознанной в программу, но определенно уже осознанной в системе чувств и требований. Другой интересный момент, который мне хотелось записать, это бывший в Казани юбилей археологического, исторического общества, на который я ездил. Я проторчал в Казани три дня — с 25 до 27, вернее до утра 28 января. Здесь очень много интересного и в научном и в общественном, и даже в личном эта поездка встряхнула и всколыхнула уже много забытого и пережитого.

Записано 9 февраля 1929 года

Всю дорогу, пока я ехал, я думал о Казани. Лет семь я не был в ней, я учился, кончал и гимназию и университет, многое было задумано в Казани и многое пережито. И чем ближе подъезжал, тем назойливее вспоминалось прошлое. Все отошло. Вот места знакомые, Волга, мост через Волгу, дачные места под Казанью. С каждым что-нибудь связано. Черточки жизни. Здесь шлялся с ребятами, там митинговал, там еще что-нибудь. Изменился сильно я сам, а кругом почти ничего не изменилось. Вокруг железной дороги расстилается белизна снегов. В Москве мы как-то уже позабыли о том, что снег белый и что он может лежать огромными простынями, а здесь бесконечные снежные дали, переливы, увалы, иногда виднеются проселки, и мирно, как встарь, идет железная дорога. Мелькают станции с непривычными уже названиями: Урмары, Шихраны. На станциях и полустанках бабы продают яб-

локи, молоко, звучит другой выговор многогранной русской речи, мелькают чуваши, слышен татарский говор. В Казани чертовский мороз, а воздух такой спокойный, что не чувствуешь адского холода. У вокзала два-три извозчика и прелесть Казани - барабусы. После небольшой торговли извозчик на бойкой лошадке помчал меня в старые Щетинкинские номера[258]. По дороге, перекувырнув сани о трамвайные рельсы, вывалил меня и бойко помчался один, несмотря на то, что я оглашал всю улицу самыми отборными эпитетами из отборнейшего русского языка. В номерах за три рубля мне дали большую комнату. В общем, пустынно и тихо. Здесь когда-то помещался штаб Запасной армии и заседал Реввоенсовет, а теперь в пустых коридорах лишь потрескивают дрова в печах да лениво слоняются какие-то личности. Построены номера с простором на широкую ногу. До революции здесь ютились купцы, проститутки да венерические врачи. Теперь живут командированные советские работники, какие-то личности без определенных занятий и ссыльные троцкисты. При номерах ресторан, где с 10-ти до 4-х певец и певица поют оперные арии, сменивши когда-то царившую здесь шансонетку.

Сейчас же по приезде я пошел бродить по Казани. Чертовски холодно. Ограничился лишь одной Проломной. Прошел из конца в конец. Еще не поздно, 10 часов, а кругом почти что уже тишина. Редкие прохожие, иногда боязной поступью, как замерзающая черепаха, проползает трамвай. Какая-то одинокая проститутка с истомленным лицом толкнула

[258] «Казанское подворье» (Щетинкина номера, гостиница «Казань») — памятник архитектуры, построен в середине XIX века. Действительно, в 1918 г. в здании гостиницы размещался Реввоенсовет Восточного фронта, а затем — республики во главе с Троцким, в 1919—1920 гг. — штаб Запасной армии республики (командующий Б.И.Гольдберг).

меня локтем. На другой день вечером, когда я возвращался с юбилейного заседания, эта же проститутка встретилась в том же самом квартале, видно, нет потребителей. А до революции Проломная славилась проституцией - это уже несомненный успех нового строя. Внешне город не изменился. Город как город: дымят клубы дыма, засыпанные снегом пустынные улицы, кое-где редкие прохожие, те же старые дома. На Воскресенской, теперь ставшей Чернышевской, почти нет ни одного магазина, всюду конторы государственных организаций, а раньше это был центр торговой жизни. В Гостином дворе внутри, где торговали в былые времена всякой дрянью, устроили зоологический сад, а в помещениях лабазов и лавок развернулся этнографический и исторический музей. И на углу где-то пристроился маленький музей революции. Меня затащили в него. В нем полно фотографий, диаграмм, кое-какие печатные изданьица прежних лет казанской партийной организации, дублеты изданий центральных руководящих партийных центров. Все это дает хотя не глубокое, но все же представление и о рабочем и крестьянском движении, и о социал-демократии, и ее отдельных выявлениях. Забрел в университет. Там, где когда-то был кабинет отца[259], теперь развели ботаническую лабораторию. А библиотека стоит, как прежде, на месте, правда, она немножко посерела от лет. Входят в зал не раздеваясь, сидят в шубах. А у выдачи книг те же! Яков Александрович (Соколов) и Евразий Семенович (Володин), как и много лет назад. ***Я*** помню их еще, когда был студентом, а Евразий Семенович был каким-то секретарем при отце. Теперь ему под семьдесят, а старикашка бегает по этажам в валенках, чего-то скулит и доказывает, что

[239] А.А.Пионтковский (1862-1915) - отец историка, с 1899 г. - профессор Казанского университета, заведующий кафедрой уголовного права.

власть не ценит его трудов, - недавно лишь дала прозодежду и платит в переводе на старую валюту вчетверо меньше. А, в общем, библиотека растет, получает все, что выходит в республике. Имеет обязательные экземпляры, имеет большие поступления заграничной литературы, работать, следовательно, в научной области можно.

На улицах нет знакомых лиц, да и сверстников уже и друзей никого не осталось в Казани. Лишь сидит одна, как обломок старых поколений, Зоя. Улучил минутку между заседаниями и забежал к ней. Потом и сам был не рад, прямо страшно стало. Была когда-то красавица, глаза черные, нос с горбинкой, ленты в косах, а теперь сидит старая баба, уже обрюзгла, сгорбилась, ну, как есть, тип провинциальной акушерки. Позлословила что-то на счет советской власти, рассказала какие-то беззубые анекдоты времен Очакова и покорения Крыма. Вот, можно сказать, и пути разошлись, и жизнь разная. И вообще, больше всего меня пугает, ну, а не есть ли эта Зоя зеркало, и сам я такой же старый, уже поистрепан, без перспектив, бегаю шумливо, а, в общем, бежать-то недалеко, да, и не убежишь далеко.

Заехал на кладбище искать могилу отца. Все занесло снегом. Пока ходил по аллеям, наткнулся на заведующего кладбищем, который узнал меня по голосу. Оказалось, мы с ним вместе учились на историко-филологическом факультете, окончили - он заведующий Казанским кладбищем, а я ушел тоже все-таки недалеко. Могилу так и не нашли, хотя вместе с могильщиком лазили по снегу и старательно рыли. Мама сняла крест, он был раньше заметен с дороги, оставила только плиту, а теперь под аршинным пластом снега найти что-нибудь, никогда не найдешь. А может быть, и нет уже могилы. На Казанском кладбище такой же кризис жилплощади, как и на настоящей жилплощади.

Новая жизнь все же кипит. Видно было ее и на юбилейных заседаниях, показала она свой краешек и в городе. В первый же вечер татарский Совнарком дал нам билеты в театр на новую татарскую пьесу. За десять лет Татария создала уже своих композиторов, свой театр, имеет свой театральный техникум на триста человек, и поставила первую свою оперетку. Театр, бывший клуб совторгслужащих, был битком набит и все татары, все молодежь от 17-18-ти до 30-32-х лет. Тысячи людей вызвала к культурной жизни только революция. Играют и поют на татарском языке. Татарские молодые артисты играют с энтузиазмом, с огромной экспрессией и с таким же напряжением и экспрессией реагирует зрительный зал на все то, что происходит на сцене. Играют, в общем, жизненные вещицы, очень реалистичные и этнографичные, сюжет до невозможности прост. Дело происходит в деревне. Девица-татарка полюбила одного, а родители стараются выдать ее за другого - богатого. Мораль - не выдавайте замуж дочерей насильно. На этой канве показывают деревенскую жизнь, посиделки, песни и игры деревенской молодежи, сватовство и тому подобное. Играют очень реалистично, хотя сами крестьяне взяты в довольно-таки ложноклассических тонах, уж очень они чисты, уж очень молодежь красивая, в особенности девицы-татарки оказываются прехорошенькие. А социальная сущность, ну, что в ней революционного, что в ней социалистического? Ничего. Это один из видов устарелой цыганской оперетки, вернее, украинской оперетки. При любом буржуазном строе ее можно было бы играть и ставить, а для татар — это завоевание революции. Завоевание революции, поскольку это продукт национальной культуры.

Иногда, кажется, что в этих национальных районах национальная проблема становится не средством, а самоцелью. Растет культурная поросль Татарии. В бывшем купеческом

особняке на Вознесенской, где, я помню, до революции устраивались либеральные лекции, читал даже как-то Стахович, теперь помещается дом татарской культуры. Вокруг дома масса новых культурных татарских организаций: Общество перехода на латинский алфавит, Общество татароведения, кружок татарских поэтов. ***Я*** видел заседание этих поэтов. Десятка два молодежи - девчонок и мальчишек, не ладно скроенных, но крепко сшитых, с бойкими глазами и веселым смехом, обсуждали проблемы литературного творчества, говоря отлично и на русском и на татарском языках. Это будущая культурная Татария. Она, конечно, создана всецело революцией. Только революция дала возможность им образовать кружок поэтов, печатать свои стихи, романы. Развертывать национальную культуру. Интересно, конечно, было бы знать, какое содержание в эту культуру они вкладывают. Боюсь, что от крестьян там больше, чем от рабочих.

Смешанное впечатление производят и юбилейные заседания. На них приехали иностранные гости из Москвы и Ленинграда. Из Москвы бесцветный Башкиров, длинноносый, как цапля, и черный, как жук, вроде плохо высушенной мумии. Бороздин[260]. Этот жулик, не имеющий специальности, уже праздновал свой 25-тилетний юбилей. Теперь он объявил себя археологом и старательно обсасывает национальные республики. В Казани он уже что-то копал, что-то выкопал, и теперь, можно сказать, лучший друг казанских наркомов. Клянча и ханжа, он всюду просит книги, и собрал, как он сам мне говорил, библиотеку в 14 тысяч томов. Никто не знает,

[2о0] И.Н.Бороздин (1883-1959) - выпускник историко-филологического факультета Московского университета (1906). В 1922-1930 гг. - профессор Института востоковедения в Москве, в 1933-1935 гг. зав. кафедрой древней истории МГПИ, в 1949-1959 гг. - зав. кафедрой всеобщей истории Воронежского университета.

какие же у него труды, он всюду бывает, всюду принят. Как собеседник, он очень приемлемый, и мы с ним проводили время за обедом и ужином довольно мило. Другим иностранцем явился вновь избранный академик Владимирцев. Прожженная политическая лиса, неглупый парень, технически отлично подготовленный к своей работе. Большой, по-видимому, прохвост и креатура реакционной группы Академии наук. Не успел попасть в Академию, а уже приехал депутатом в Казань. Как собеседник, он тоже приемлем, хотя и пытается всегда выспросить у собеседника то, что ему по чину вовсе и знать не полагается.

А над всем съездом царил, как бог Саваоф, в серебряных сединах Н.Н.Фирсов[261]. Изумительный старик. Он сросся с Казанью. Всю жизнь, 40 лет, он работал, читал лекции, экзаменовал, читал книги и все сидел в Казани. Здесь каждая тумба знает о Разинщине Фирсова. Он самый известный в городе человек. Это, так сказать, основная принадлежность Татреспублики, ну, как университетское здание, или музей, или крепость и Фирсов. У него в голове исключительная каша из марксизма и народничества. Он припутывает себя теперь к революционному марксизму, и он также понимает в этом деле, как в астрономии. Он не может обойтись без народнических широких фраз, без народнических широких жестов классической трибуны. Этот 60-тилетний старик гремит иерихонской трубой, потрясая кудрями, и произносит зажигатель-

[261] Н.Н.Фирсов (1864-1933) - выпускник историко-филологического факультета Казанского университета (1888), в 1891-1920 гг. - профессор Казанского университета, в 1923-1929 гг.- председатель научного Общества татароведения, в 1929-1931 гг. — директор музея пролетарской революции. Автор многих трудов по экономической истории России и истории крестьянских движений XVII-XIX вв.

нейшие речи. В своей теоретической беспринципности он до наивности прост. На секции зашел спор о Рожкове. Один из выступавших доказывал, что Рожков не марксист, а эклектик. Фирсов выразил глубочайшее удивление и заявил, что, может быть, в теории Рожков и не марксист, а в истории он настоящий марксист. Уже эта одна фраза может убить кого угодно. Но при всей теоретической наивности он сейчас искренно идет с советской властью. Быть может, он вполне искренно и верит, что в ней осуществились его мечты о крестьянском освобождении и самоуправлении всех трудящихся. Под классовую диктатуру он, быть может, подставляет народническое содержание. Но это не отталкивает его, а лишь теснее привязывает, заставляя всей душою связываться с местным краем и его растущими культурными нуждами. Исключительный по силе оратор, несомненный знаток народного движения Волго-Камского края, он производит на неискушенную теоретическую аудиторию огромное впечатление. В то же самое время он чутко прислушивается к тому, что говорят ему представители партии, стараясь идти нога в ногу. И в своих выступлениях он как-то причудливо сплетает то, что требуется от него и как он понимает эти требования, с народническим отражением своего старого воззрения.

А вокруг этого, чрезвычайно живого, полного еще жизни и сил старика вырастает новая местная научная сила татарской молодежи. Это типы глубоко провинциальных ученых, которые с детской наивностью открывают новое в давно открытых вопросах и не могут усвоить простой мысли о необходимости перенесения уже выработанных научных приемов на изучение новых явлений истории Татарии. Один из таких

глубоких ученых, Абдрахимов[262], открыв татарские летописи, заявил мне, что он не историк, а историк литературы, потому что никогда не читал Шахматова[263] и не знает о его методах и не имеет представления о том, как работать над источниками.

Наряду с татарами есть и небольшая группа русских, тоже занятых изучением местного края. Это кладет на них какой-то своеобразный колорит, потому что как бы не далеко была Татреспублика от всех государств, от нее, говоря словами Гоголя, три года скачи, а ни до какого государства не доскачешь, все же здесь причудливо сплетаются влияния и нити Востока и Запада и приволжская культура чувашей и черемисов[264] сплетается с культурой татар. Здесь проходили когда-то и болгары и варяги. Недалеко здесь было торжище с арабами и полчища Чингисхана проходили по восточным степям. Это приводит к тому, что, связываясь с обслуживанием татарской культуры, историки невольно превращаются в востоковедов и из узких рамок местной истории выходят на простор широкого обобществления истории Востока и смены восточной культуры вообще. Это особенно сказывается в археологии и лингвистике, от этого отстает больше этнография и этнология, поскольку они занимаются, главным образом, изучением местных народностей.

[262] Вероятно, речь идет о Г.М.Рахиме (Габдрахимов. 1892-1943)- писателе и литературоведе, одном из авторов «Истории татарской литературы» (1923—1927), изучавшем также проблемы истории Поволжья и археографии.

[261] А.А.Шахматов (1864-1920) — выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета (1887), позже профессор университета, академик РАН (1898). Автор многих работ по археографии, русскому летописанию и др.

[264] Черемисы — устаревшее русское название марийцев, финно-угорского народа, коренного населения Республики Марий Эл.

На съезде были ирекурьезные моменты и прекурьезные участники. Выступал, например, с докладом на съезде этнограф Булич, а во время банкета он произнес речь от имени бывших людей за Октябрьскую революцию. Оказалось, что он действительно бывший человек, бывший помещик и бывший земский начальник. Теперь он лишен избирательных прав и снят со службы. И вот он заявил, что и нам, говорит, бывшим людям, Октябрьская революция дала чрезвычайно много, поскольку она нас приобщила к культурной работе. Выступали с докладами чуваши и черемисы, какие-то бывшие попы, превратившиеся теперь в ученых, и бывшие ученые, чуть не ставшие попами. Они серьезно обсуждали вопрос о том, кто первым изобрел капкан для ловли каких-то зверьков, чуваши или черемисы, и как сказывается взаимное влияние приволжских народов на эволюцию форм женских рубашек местного края. В общем, все это своеобразно и занятно. Занятно, чем все это кончится, и какая культура здесь растет? Что это - торжество ли деревни или под этими рамками вырастает и социалистическое общество? И как признак социализма, на конференции сидели два рабочих, - один заведующий Татархивом, другой - Истпрофом татарских советских профсоюзов. Оба сделали по докладу и оба по интересному. Оба чужды были традиций, ибо оба одинаково требовали и призывали к тесному союзу старых археологов, историков и этнографов с новой растущей пролетарской наукой.

Записано 15 февраля 1929 года

Хочу записать неделю, так как она была с пятницы до пятницы. Прошлую пятницу было заседание Президиума РАНИОНа. Пришлось мне делать доклад об Институте истории за прошлый год. Доклад этот целый месяц откладывали.

а потом все же поставили, вызвали Волгина и начали вкладывать безыменному руководителю Института. Он сидел и злился, пробовал огрызаться, но наложили мы ему по первое число. Да, дело не в том, чтобы наложить Волгину, а в том, что, в общем, из Института ни черта не выходит. Поручили мне опросить всех штатных научных сотрудников, что они делают, чем заняты для Института. Составил пока ведомость по русским историкам. Оказывается, что все штатные ровным счетом уже два года как не делали докладов, чем занимаются трудно сказать. Мелкота пришла на вызов, стала рассказывать, чем они действительно занимаются. Новосельский[265] пришел. Какой-то такой странный человечек, должно быть из попов, побоялся, по-видимому, дрожит на сорок рублей. Ну, он то, по-видимому, кое-что работает. Яковлев не пришел, прислал аспирантика Черепнина[266]. Тот нахально полез объясняться. Я заявил, что предпочитаю первоисточник списку и с ним разговаривать по этому делу не буду. Тогда через полчаса позвонил Яковлев и попросил передать мне номер телефона. А, между прочим, выяснилось из разговора о Новосельском, что они закончили на средства РАНИОНа еще в октябре прошлого года (1928) какую-то работу, напечатали ее и спрятали экземпляры у себя, даже библиотеке ни одного экземпляра не дали. Вот гуси!

На президиуме в пятницу, кроме доклада об Институте истории, был целый ряд текущих дел по Институту же и по-

[265] А.А.Новосельский (1891-1967) - выпускник историко-филологического факультета Московского университета (1915), в 1922-1929 гг. - научный сотрудник Института истории РАНИОН, позже научный сотрудник Института истории АН СССР.

[266] Л.В.Черепнин (1905-1977) - выпускник Московского университета (1925), в 1926-1929 гг. - аспирант Института истории РАНИОН, позже научный сотрудник Института истории АН СССР. Автор многих работ по истории средневековой России.

том обсуждался вопрос, приветствовать ли ехать Преснякова[267] с 35-тилетиим юбилеем. Пресняков — это русский историк ни нашим и ни вашим, от ворон отстал и к павам не пристал. Вообще, по-видимому, ученик Чичерина[2"8], юрист, гегелианец, идеалист и плюралист, занимался всем, сейчас междукняжескими отношениями, почти что международной историей Восточной Европы. Так как его обижают академики, и он не дружит с буржуазной профессурой, хотя в былые дни этот же самый Пресняков и писал предисловие к торжественной истории в честь трехсотлетия дома Романовых. Теперь он ходит в близких к нам, в попутчиках, решил, что политически его следует приветствовать и ехать к нему. Поручили мне катить в Ленинград и преподнести адрес. Вечером я попросил к себе придти ученика Преснякова, Гайсиновича[269] и вместе с ним составил адрес. Тот написал сначала проект совсем неподходящий, а я его переделал, и вышло как будто ничего.

Потом в субботу, прочитавши лекцию, сбегал за адресом к Ванагу и к Фриче на редакцию. Забавный старик этот академик Фриче. Он похож на небольшого попугая. Голова лысая, нос крючком, сам маленький, пищит и со всем соглашается. Когда я на него смотрю, мне всегда вспоминается анекдот из времен военного коммунизма: рассказывают, что какой-то предприимчивый буржуй, когда окончательно взголо-

[267] А.Е.Пресняков (1870-1929) - выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета (1893), с 1918 г. - профессор Петроградского (Ленинградского) университета, член-корреспонденг РАН (1920).

[268] Б.Н.Чичерин (1828-1904) - историк и юрист, профессор Московского университета, автор работ по истории государственного права и политических учений.

[269] А.И.Гайсинович — автор работ: Социальный строй крепостной вотчины (1776-1861) *II* Ученые записки Института истории РАНИОН. 1928. Т.5; и др.

дал и жить стало нечем, пускал своего попугая на двор кормиться с курицами, а попугай, говорят, подходил к курице и говорил: «Хочешь чаю?» Куры дохли от ужаса, а умная птица все съедала. Так вот и Фриче, кажется, вроде попугая среди куриц, только, кажется, куры умнее, того и гляди насмерть заклюют попугайчика. У старика одно хорошее качество: добродушен и со всеми соглашается. Ни своего мнения, ни своей воли совсем не имеет и к людям хорошо относится, мягкий такой, приятный, за молодых горой, словом, славный старикан. Ну, показал ему адрес, он пожевал губами, переставил в конце два слова, одним словом, дело было сделано. После этого в РАНИОНе переписали адрес на слоновой бумаге. Потом перед отъездом я продиктовал Е.М. Она, надо сказать по совести, правда, злилась за то, что диктовку пришлось перенести раза два. Получил адрес от 1-го Университета и дунул на вокзал. Мороз был, прямо, можно сказать, собачий холод, градусов до 30-ти.

Приехал честь честью, как в Европе. Оказывается, скорый поезд примерз где-то и вместо половины двенадцатого выехал только в час. Ехал в третьем классе, взял постель. Подо мной внизу ехала какая-то парочка и что-то усиленно ночью сопела и возилась. Поезд, то шел, то стоял, лопались от холода рельсы и, в конце концов, без приключений в два часа дня приехал в Ленинград.

Вечером в клубе Строителей шло первое представление новой вещи Лавренева «Враги». Пошли туда. «Враги» вещь занятная, сюжет простой. Два брата, князья Шаховские, один - член партии, другой - комсомолец. Старший уже совсем коммунист, а в младшем все бунтует кровь, и он тянется к белым. Действие происходит в пограничном городе Советской Республики. В воздухе пахнет войной, кругом

шпионаж. В пьесе заводы, устряловцьг[70], рабочие. Смотрится, в общем, с интересом, а главное, что меня страшно поразило, это гармония пьесы с городом. Вот действительная победа революции этот Ленинград. В морозный день чуть-чуть клубятся туманные пары на улицах. Над Фонтанкой на дыбах стоят железные кони. Даль Невского, ледяные каналы в переплетах решеток, дворцы с историческим прошлым. Дворцы рабочих - Юсуповский, дворцовые громады Мариинского, Мраморный, блестящий шпиль Адмиралтейства и повсюду над всем новые хозяева.

В Ленинграде не как в Москве. Рабочие не на окраинах, а средневековый город в центре. Здесь рабочие повсюду, в центре, в городе, во дворцах. И положение города, дворцы, фабричные трубы, казармы, кольцо дворцов, кольцо казарм и фабрик, а тут же на улицах, то латышская речь, то финская. Это придает городу какой-то приграничный колорит, он весь в беге, в напряжении. А отсюда сочетание лавреньевской пьесы в рабочем клубе, где сплошь рабочие. Ее содержание с грозами войны, с зарницами войны и этот город с огромными дворцами, бесконечными пролетами проспектов и каналов, и свет вечернего неба, и длинные бесконечные улицы, и убегающие вдаль фонари, все сплетается вместе. Такой красоты, как в Ленинграде, нет нигде и нигде так не чувствуется острота пролетарского города на границе пролетарской страны. «Враги» - это не вымысел, это жизнь.

[270] Н.В.Устрялов (1890—1937) - российский политический деятель, публицист. С 1920 г. в эмиграции, один из идеологов сменовеховства. В 1920-е годы ярлык «устряловщина» наклеивался неблагонадежным для властей интеллигентам. В 1935 г. Устрялов с семьей вернулся в Россию. 6 июня 1937 г. арестован, 14 сентября 1937 г. расстрелян. Реабилитирован в 1989 г.

Быть может, участники ее, враги, сидят сейчас здесь, среди театральной публики или бегают вереницами по улицам.

Проезжая по Ленинграду, я уже не был там года четыре, меня поразило одно: раньше в Ленинграде, на Невском полно было частников, а теперь повсюду все государственные магазины. Если судить по вывескам о прогрессе социализма, должно быть в Ленинграде сильны социалистические позиции.

В среду делал доклад в Академии Комвоспитания о конференции историков-марксистов. Выступали Фридлянд, я и Кривцов[271] . Должен был собственно Ванаг, но у того закатаррило горло и он в среду утром пришел и попросил выступать вместо него меня. Отказать по-товарищески было неудобно. Пришлось целый день готовиться, а потом выступать вечером. Думал хоть к 8-ми часам освобожусь, а так и просидел до 12-ти. Фридлянд, черт его дернул, говорил целый час. Удивительно может человек языком трепать. Льет, льет до бесконечности, говорит обо всем, что только знает и что только может. Говорил он больше часу. После него я. Ну, я, в общем, с делом справился, заставил всю аудиторию хохотать раза три. Значит, раз людям весело, доклад прошел недурно. Похлопали. Потом уже самым последним вышел Кривцов. Мямлил что-то за кафедрой. Слушали плохо, во-первых, устали, во-вторых, говорил плохо, серо. Потом пришел домой чуть жив. По дороге ребята говорят, что я тоже выступал не плохо и языком верчу, дай бог всякому.

[271] С.С.Кривцов - автор работ по истории марксизма-ленинизма. С января 1929 г. входил в правление Института философии Коммунистической академии, профессор МГУ, читал лекции об историческом и диалектическом материализме.

В четверг прочитал опять Гегеля, потом Деборина[272], потом немножко подышал воздухом около букинистов, купил 2-3 книжки, потом явился Вегер с пленума МК. В общем, по партийным делам судя, драка будет в марте месяце основательнейшая. Ну, да правильно, надо загнуть салазки. А вечером заседали. Теперь мы реорганизуем Институт истории РАНИОНа, превращая его в Институт истории при Комакадемии. По этому вопросу было заседание. Я, Горин, Фридлянд, Ванаг, Анатолиев и Ратнер сидели и составляли общие положения об Институте. Немножко поругались, но, в общем, довольно мирно разошлись в 12 часов. Поспел я пешком домой из 3-го Дома Советов только в час. Что-то выйдет? Институт истории в РАНИОНе закрыть можно, можно образовать Институт истории и при Комакадемии, и средства найдем, и людей найдем. Но всем этим мы не уничтожим организацию буржуазных историков, не уничтожим и их существование. А сегодня, в пятницу утром прочитал Деборина о диалектике, надо же мне развиваться и расти. Потом пошел в РАНИОН выполнять резолюции Президиума от прошлой пятницы. Потом готовился к лекции по радио, потом пришел Аросев. Он, наконец, получил полпреда и теперь ходит гоголем. Пошел в театр на «Клопа» и перед театром зашел сюда переодеться. Посмеялись, посудачили. Остроумный парень, прелесть, и говорить может, и держаться, со всяким найдется. Потом еще я подготовился, потом опять читал по радио. Потом привел домой, писал с Е.М. Совсем безразличная как на работе, записывала, и разговаривать со мной не хотела.

Ну, вот и неделя, нужна она кому-нибудь?

[272] А.М.Деборин (Иоффе. 1881-1963) - философ, академик АН СССР (1929). В конце 1920-х- начале 1930-х годов подвергался критике за «меньшевизм».

Записано 15 декабря 1929 года

Мои пророчества совсем не сбываются. Я больше всего на свете люблю политику, а когда я начинаю давать политический прогноз, то сажусь торжественно в галошу.

Вот я думал, что из войны с Китаем, по крайней мере, развернется мировая революция. Расчет был прост: Китай не полез бы на нас без поддержки Японии и санкции Америки. Думал я, что китайцы не такие идиоты, чтобы не заключить соглашения с Польшей и Румынией, а тогда бы ясно, что они могли бы взять нас в клещи с востока и с запада, и загорелась бы война. Мы через Польшу прорвались бы к мировой революции, развернули бы советскую власть в Германии и Чехии, подняли бы войну на Тихом океане и сохранили бы под обломками капиталистической Японии феодальный Китай. А вышло, - вышло совсем наоборот. Война не снята вообще с очереди, но опять она отдалена. Китайские операции прошли как-то под шумок и Китай сейчас усиленно просит пардону, а следовательно, равновесие капиталистических организмов на Тихом океане настолько сильно, что оно удержало их от войны, заставило выбрать Китай и тем самым отдалить от себя военную бездну. А все это снимает сейчас, на текущий год опасность войны с западного фронта, а значит, мировая революция отдаляется.

А второй год пятилетки приближает нас все более к социализму. Социализм растет на глазах. Растут грандиозные фабрики, огромные дома, меняются люди, потребности, даже сама наша наука переживает жесточайшие перемены. И я был гораздо больше монополистом три года тому назад, чем сейчас. Иногда даже думаешь, как бы не перехлестнули тебя волны роста. Отстать на ноготь сегодня, это значит завтра отстать на версту. Но это все общие рассуждения, а факт тот, что с Китаем мой прогноз не оправдался. Зато другая моя

оценка о построении социализма в одной стране оправдывается блестяще. Теперь уже капитулировали все, кто сомневался и не признавал социализм.

Социализм строят дружно, единодушно и даже правая оппозиция сумела набрать лишь столько голосов, сколько может поместиться людей за небольшим столом. Необыкновенное единство партии и действительно небывалый энтузиазм масс. До нас, до историков как всплеск далекого моря доходят всплески социалистического строительства. Мы больше знаем о нем по газетам, чем непосредственно ощущаем и видим его руку. Но и у нас это строительство сказывается. Сейчас монополии на науку приходит конец. Наука в самых ее вершинах становится достоянием всех из достояния немногих. Это не только в том отношении, что наука служит массам, а й в том отношении, что физическими носителями науки становятся огромнейшие коллективы, а не единичные замкнутые корпоративные группы. Людей, занимающихся наукой, через пять лет будут целые армии, десятки тысяч ученых. Уже сейчас на историческом фронте мы начинаем переживать кризис перепроизводства, вызванный искусственной скученностью. Историки в Москве растут, растут огромные кадры и главное они начинают ставить проблемы науки по-новому, совершенно в другом разрезе.

В прошлое начинает отходить деление истории на историю России и Запада. Вместо этого появляются специалисты по империализму, торговому капиталу, промышленному капиталу, люди с новыми теоретическими установками и новыми комплексами фактов, новыми методами и масштабами, с новыми представлениями. Быстрый темп требует теперь в области гуманитарных наук, как и в области техники, создания инженеров узкой специальности. А это влечет к тому, что в типологических разрезах у нас растут узкие специалисты и

прямо невозможно становится держаться на гребне все растущих научных выступлений и заявлений.

А наряду с этим растет и внутренняя конкуренция борьбы внутри, борьбы, какой не видел капиталистический мир с его замкнутыми академическими корпорациями. В нашей борьбе как-то странно переплетается личное с общественным, политика и шкурничество. Подняться можно не столько научной работой, сколько силой аппарата и успех науки зависит от широты аппарата. Индивидуалист, кустарь-одиночка в науке сейчас такое же недоразумение, как недоразумение в прошлом до революции представляли бы коллективы и бригады в лабораториях и институтах, организованные для проработки того или иного вопроса. А грызня идет в самых уродливых формах. Крик дня на историческом фронте - это Академия наук. Эти милейшие старички клялись и божились на всех собраниях о своей преданности строительству социализма, а под шумок прятали самые разнообразные документы. При царском режиме они прятали партийные прокламации и издания. Как верные представители буржуазии - они были немножко в оппозиции к царизму и считали себя экстерриториальными. В Советской Республике они стали прятать белогвардейский материал и тоже считать себя экстерриториальными по отношению к советской власти. А это означало, что они в отношении к царизму были в оппозиции, то и к советской власти тоже стали в оппозицию - свою буржуазную породу они удержали и на 12-м году диктатуры пролетариата.

В подвалах Академии оказались спрятанными документы Департамента полиции со списками охранников и филеров, дела съезда объединенного дворянства, дело «Союза русского народа», военные документы и неисчерпаемое количество разнообразнейших документов по истории XIX века, XX века, даже по нашей революции: дело ЦК партии эсеров, переданное туда Витязевым, дело ка-

детского центрального комитета, дело меньшевиков[273]. Все это было в хаотическом состоянии, частью без описи, спрятанное за шкафами и в шкафах, в подвалах. К личным архивам допускались их владельцы и бывший жандарм Джунковский, помилованный революцией, хранил свой архив в пушкинском доме, отбирал и уничтожал документы, чувствовал себя в Академии, как за каменной стеной. Все это всплыло наружу. Академикам не раз и не два предлагалось сдать часть документов в Центрархив, подчиниться действующему в Республике закону. Но уверенные в своей экстерриториальности, уверенные в том, что большевики не посмеют их тронуть, академики не дули себе и в ус, а тем самым наносили несомненнейший вред диктатуре пролетариата. Они скрывали огромное количество документов, которые, будучи пущены в оборот, могли бы по-новому осветить ряд вопросов русской истории. Они скрывали документы, имеющие острый политический интерес, как, например, материалы меньшевиков и кадетов. Они скрывали документы охранки, а тем самым скрывали филеров и шпионов, армия которых благополучно проскользнула в современную жизнь.

[273] В 1929 г. правительственная комиссия во главе с членом президиума Центральной контрольной комиссии ВКП(б) Ю.П.Фигатнером обнаружила в архиве и библиотеке АН подлинники документов об отречении от престола Николая П, архивы эсеров, кадетской партии, архив бывшего шефа жандармов В.Ф.Джунковского, благополучно проживавшего в Москве. В результате этого начались аресты историков, возникло так называемое «академическое дело». Были арестованы академики С.Ф.Платонов, Е.В.Тарле, НП.Лихачев и др. В.Ф. Джунковский (1865-1938) - генерал-майор (1908), московский губернатор (1905-1913), командир корпуса жандармов (1913), товарищ министра внутренних дел (1913—1915), командир 15-й Сибирской стрелковой дивизии (1915—1917), сотрудничал с ВЧК, ОПТУ, НКВД. Расстрелян. Реабилитирован.

Дня три тому назад 12 или 11 декабря было многолюдное собрание фракции общества «Историков-марксистов», на котором Крыжановский (не из ВСНХ) делал доклад о том, что нашли в Академии наук. Большего дурака, чем Крыжановский, трудно найти на свете и потому весь его доклад носил узко специфический подход. Он рассказывал о материалах по истории партии, которые были в хранилищах Академии. Материал действительно исключительный по своему интересу и ценности. Среди этого материала была, по его словам, матрица нелегальной «Искры». Одна такая матрица была куплена сейчас за границей Музеем Революции за 6 000 рублей. Но политически поставить доклад Крыжановский не сумел. Получился скандал: как будто Академию наук громили и обыскивали лишь потому, что она неудачно хранила матрицу «Искры» да собирала документы по истории партии. В унисон ему запел Мицкевич и Бонч-Бруевич[2] Мицкевич уверял, что Академия наук всегда любезно всем дает возможность работать.

Бонч-Бруевич рассказывал, как он сам с ведома Ленина отдавал в Академию наук на хранение партийные документы, как прятал он их вместе с Шахматовым за шкафами в библиотеке Академии. В Академии хранился архив Петроградского комитета. ЦК латышской партии передал в Академию наук весь свой архив, и он пролежал там вплоть до настоящего времени. Бонч-Бруевич рассказывал, как он сам передал в Академию наук свой личный архив, документы

[2/4] В.Д.Бонч-Бруевич (1873-1955) - управляющий делами Совнаркома в 1917-1920 гг., автор работ и воспоминаний о революционном движении в России. С.И.Мицкевич (1869-1944) - в 1924-1934 гг. директор Музея революции. Активный участник дискуссии начала 1930-х годов о роли народничества и «корнях» большевизма.

Теодоровича[275]. Рассказывал курьезнейший анекдот. По словам Бонч-Бруевича, он работал над нелегальными документами на своей квартире. Из Академии наук ему выдали особый ящик с печатью Академии и с надписью на ящике, что все находящиеся в ящике документы принадлежат Академии наук и в случае смерти или каком-нибудь другом непредвиденном случае должны быть возвращены вместе с ящиком в Академию наук. Причем посторонним лицам воспрещается открывать ящик. И вот Бонч-Бруевич рассказывал, как он несколько раз бывал арестован, в квартире его делали обыск, но ящик со священной надписью Академии наук жандармы тронуть не решились, а в ящик Бонч-Бруевич клал самые конспиративные документы, и после обыска Бонч-Бруевича везли на Гороховую, а ящик торжественно в сопровождении жандармского управления везли на Васильевский остров в Академию наук.

Получился страшнейший скандал. Невский чуть-чуть было в него не вляпался, начав рассказывать о том, как он сдавал в Академию наук дела Петроградского комитета. Вышло, что Академия наук просто достойна благодарности и что на нее напали зря. Старички совершенно забыли о политическом смысле всех дел. После нескольких выступлений с нашей стороны положение было восстановлено. Старичков заклевали. А в добавление ко всему Крыжановский в заключительном слове сказал, что среди дел Акаде-

[275] И.А.Теодорович (1875-1937) - нарком продовольствия в первом составе советского правительства, член ВЦИК. В 1928—1930 гг. - секретарь Крестьянского Интернационала, директор Международного аграрного института. В 1929-1935 гг. - главный редактор журнала «Каторга и ссылка». Арестован в 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован. В.И. Спезневский (1867-1936) - историк литературы, библиограф, член-корреспондент АН СССР. Заведовал рукописным отделом библиотеки АН СССР.

мии наук они нашли папку московского исторического музея, которым заведовал Мицкевич, в которой нашли весьма контрреволюционные документы. И, по словам Срезневского, эта папка посылалась в Музей революции для работ и оттуда была возвращена. Мицкевич стал было противоречить, но замолк, когда ему заявили, что дело передано в ЦКК. Настроение собравшейся молодежи было все же единодушным и в принятой резолюции отметили политический смысл происшедшего, нужность и важность того, что нашли, контрреволюционную сущность старичков из Академии и разложение наших партийных старичков. А Бонч-Бруевич протестовал против вынесения ему осуждения в резолюции и, по-видимому, так и ушел не поняв, за что же их осудило собрание партийной молодежи.

Записано 16 декабря 1929 года

Архивный съезд тянулся несколько дней[276]. На нем были главным образом провинциальные архивисты: общее впечатление серости, дальше Пензы не знают и выше ничего не представляют. Квалифицированная группа ленинградских и московских работников: это пошире, среди них главным образом старые, специально архивных дел мастера. Среди провинциальных работников большую группу составляли бывшие краеведы, которые выступали на съезде и пытались связать свою архивную работу с левым крылом старой архивной комиссии. Они доказывали, что и в старой архивной комиссии наряду с дворянством и бюрократией было левое крыло

[276] II съезд архивных работников состоялся 25 мая 1929 г. в Москве. II конференция архивных работников центральных и областных учреждений Москвы, созванная Центральным архивным управлением РСФСР, состоялась 3—4 октября 1929 г. в Москве.

мелкой буржуазии, третий элемент, который вел как раз ту политику, которую сейчас ведут краеведы.

В этом отношении очень резко выступал бывший профессор Саратовского университета Чернов[277], снятый оттуда за русофильские идеи. Он доказывал, что краеведческие организации должны держать в своих руках все местные архивы, что отделения Центрархива должны подчиняться им и, таким образом, избавиться от бюрократической отписки, а перейти всецело в руки местных мелкобуржуазных радикалов. С горячей отповедью краеведам выступал заместитель заведующего Центрархивом тов. Максаков, который произнес блестящую речь, переполненную массой интереснейших примеров, иллюстрирующих классовую сущность старых архивных комиссий и их классовую политику.

Я выступал на съезде по вопросу об общем отчете архивного управления. Очень осторожно и вежливо, но я все же указал им, что большинство из изданий документов, особенно по Октябрьской революции, это не что иное, как хрестоматии, а не научные издания документов. Я утверждал, что ошибочно Центрархив все свое внимание сосредотачивает на издании документов по новейшей истории, совершенно ничего не давая по древней истории. С ответом и возражением мне выступал Покровский. Он признал, что их издание носит хрестоматийный характер, но это, по его словам, полезное дело, во-первых, а во-вторых, Центрархив в будущем перейдет от хрестоматийных изданий и к монументальным. Относительно же древности, он заявил, что издание документов по древней ис-

[277] С.Н.Чернов (1887-1941) - выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета (1912), в 1918-1928 гг. - профессор Саратовского университета, позже работал в ленинградских вузах. Автор работ по исторической географии, краеведению, политической и социальной истории России.

тории нужно передать Археографической комиссии Академии наук, поскольку это чисто академическое дело, а Центрархив - учреждение политическое и должно заниматься в первую голову документами по истории, имеющими злободневный политический интерес.

Это выступление Покровского сразу же встретило оценку со стороны правой части съезда, правда, они не решились выступать открыто, но в разговоре они дали очень яркую оценку. Валк мне сказал: Покровский выступает за Археографическую комиссию потому, что его выбрали в академики. Пока он не был академиком, он громил всю Академию, а теперь готов ее защищать от Вас. Бахрушин тоже поспешил выразить мне сочувствие по поводу того, что я защищаю издание древностей. Я почувствовал себя совсем препаршиво. Если Валк сукин сын, то Бахрушин гораздо хуже, потому что он гораздо тоньше. Как ни как, а вопрос об Археографической комиссии Академии наук всплыл на съезде.

Когда выступал Покровский, меня не было, мне позвонили со съезда по телефону, я пришел, прочитал его стенограмму и пошел с ним объясняться. Относительно Археографической комиссии я заявил ему, что он не прав, что нужно, наоборот, уничтожить это учреждение, а вовсе его не прикармливать. Относительно же общего характера его выступления, я спросил его, что если он не считает это неудобным, то я выступлю сейчас же с возражением. Если же это ему почему-либо неудобно, то я выступлю на съезде по другому вопросу и коснусь попутно его выступления. Решили, что я выступлю по пятилетнему плану Центрархива. По пятилетнему плану записались человек 15 и тут Покровский с Президиумом выкинули такую штуку: Покровский записался передо мной, а человека через два записал меня. Вдруг президиум, пропустивши несколько человек, выкликивает меня. Я встаю с места и заяв-

ляю, что передо мною записался Покровский, и он должен выступать сначала, а потом будет мое слово. Тогда Президиум пропускает еще несколько ораторов и заявляет, что поступило предложение прекратить прения. Голосуют прекращение прений и представляют после прекращения прений слово Покровскому. Таким образом, выступить мне не удалось. ***Я*** сначала был немножко обескуражен таким жульничеством, а потом особенно не жалел. Уж очень серенький съезд, когда выступали провинциалы, то не было ни одного путного слова, кроме целого потока жалоб на недостатки, на отсутствие работников, отсутствие помещения, на обиды, - ни одной серьезной мысли, ни одного предложения, а тем более критики. Критиковать свое собственное ведомство они не решались ни в коем случае, а при появлении Покровского на кафедре они прямо благоговели и слушали с открытым ртом все то, что он говорил.

Гораздо интереснее был всероссийский съезд научных работников. Он происходил в феврале и на нем были представители от всех губернских организаций научных работников. Буквально всех квалификаций. Работа съезда шла в Пленуме и на фракциях. В Пленуме были заслушаны доклады Центрального Совета: задачи культурной работы секций, задачи заведующих отделом Наркомпроса и ВСНХ, было выбрано центральное бюро. Во фракциях обсуждался состав президиума, общеполитическая линия, резолюции, состав будущего бюро. Самое интересное, конечно, происходило на фракциях. На них присутствовал Луначарский, был Криницкий заведующий Агитпропом, были представители ЦК и Орграспреда. Первая фракция была более или менее спокойной. Сначала московская делегация собрала отдельно фракцию, где составили список Президиума. На общей фракхщи список в жизнь не прошел, провели других. Сразу же выяснились цели, за которые приходилось бороться. Москвичи выставили в председатели Центрального бюро Петрова, ленин-

градцы – своего кандидата Зеленко. Первый бой на фракциях завязался вокруг этих кандидатур: Петров, старый каторжанин, врач по образованию, участвовал в партизанской борьбе в Сибири, человек безвольный, рыхлый, мягкий, как вата, не умный. Это был ставленник москвичей, его ввели как левого. Кандидат ленинградцев длинный, как верста, какой-то Зеленко, был когда-то в 1905 г. у большевиков, потом уходил, потом был меньшевиком и в 1920 г. снова попал в партию. Ленинградские газеты — «Ленинградская Правда» и «Красная Газета» уже достаточно потрепали его имя в связи с какой-то историей в Рабпросе Ленинграда, в которой оказались замешанными его жена и брат. Мы всячески старались отвести кандидатуру Зеленко, и я выступал с выдержками из этих ленинградских газет. При голосовании и он и Петров получили почти одинаковое число голосов. Нас поддержали украинцы, так как с украинской делегацией у нас было заключено соглашение, что мы поддержим их кандидатов при выборах в Центральное бюро и увеличили число их мест на один голос. Наметившееся равновесие голосов привело к тому, что вопрос о кандидатах был перенесен в руководящую комиссию и в ЦК. В Оргбюро, заслушавши все аргументы, все за и против, решили, что здесь уже есть склоки и сняли кандидатуру и Петрова и Зеленко и выдвинули от Агитпропа своего кандидата Островитянова[278], оказавшегося крайне слабым и неудачным работником: Островитянов был проведен таким образом секретарем Центрального бюро секции научных работников.

На фракции возник и другой вопрос. При отсутствии резолюций с различными домогательствами выступили украинцы, они требовали себе большого количества мест и требовали не создавать ни в коем случае общесоюзного учреждения, воевали

[278] К.В.Островитянов (1892—1969) - экономист, член Президиума Коммунистической академии, академик АН СССР (1953).

против всесоюзного Наркомпроса и ставили лишь вопрос о совещательном органе, координирующем общую работу, усиленно выдвигали национальный момент, отрицали коллегиальность и т.д. На фракциях против украинцев выступал я и сел с треском в лужу. Я стал обличать украинцев в шовинизме, в преследовании русского языка, в насильственной украинизации и т.д. Это вызвало чрезвычайно резкий отпор со стороны украинцев. Все их выступления были направлены против меня. Они крыли меня по всем статьям и, хотя фракция довольно упорно отвергала их домогательства, но меня никто не защищал. Покровский потом мне сказал, что по форме я выступал совсем неудачно, хотя и согласился со мной в беседе, что украинцы — шовинисты и что я их шовинистический момент правильно заметил.

Вегер, как председатель московской делегации, в переговорах с украинцами из-за голосов отмежевывался от меня, от лица всей московской организации настолько рьяно, что даже самим украинцам, по-видимому, стало совестно, и они в ответ на его излияния заявили, что они вовсе против меня ничего не имеют. Во всяком случае, Вегер воспользовался случаем с украинцами, чтобы не выставлять меня в Центральное бюро Секции научных работников, а тянуть своих кандидатов. У меня создалось впечатление, что украинцы ограничились бы тем, что они мне наговорили на фракции по поводу моего выступления и оставили бы это дело в покое, если бы не Вегер. Он старался изо всех сил, чтобы проскочить самому в Центральное бюро, но когда оказалась битой кандидатура Петрова и на фракции московской делегации встал вопрос о новой кандидатуре и Вегер стал выставлять своих, то я выступил против, и мы сочлись с ним за его выдачу меня украинцам. Он попробовал проскочить во фракцию, но за него не выступил никто и даже в Центральном бюро он чуть-чуть прошел. За Вегера усиленно голосовали лишь его выдвиженцы Кроц, безграмотный парень, который как-то присо-

ся к вузам и преподает ленинизм в Ломоносовском институте, Олесов - лошадиный доктор, Виноградов, который почему-то считается научным работником, хотя к науке имеет лишь то касательство, что когда-то учился в ветеринарном институте, и тот на фракции, когда шла драка о том вводить ли Вегера в Центральное бюро, готов был отказаться от него. Главная драка на фракции шла против правых - Мицкевича и Волгина. Олицетворение правого уклона на практике в работах секции научных работников пало бесславной смертью. Никто не поддержал их кандидатуру, наоборот, все считали, что работа их неудачна, и оказать им поддержку в том, чтобы выдвинуть их снова никто не пытался. В этом отношении победа московской делегации была полной, так как мы подняли как раз вопрос о правизне Мицкевича и Волгина и торжественно их вывели из Центрального бюро секции научных работников. После продолжительной драки, к которой все старались околпачить украинцев, список Центрального бюро был согласован на фракции и, таким образом, одна часть работы съезда была выполнена.

На пленуме шла другая часть работы. Здесь выслушивали доклады, и на основании принятых фракцией решений вырабатывали резолюции. Были интересные выступления. Горячо выступал Марр[279], знаменитый академик, а потом он же в кулуарах шепотом спросил меня, что мы намерены делать с Академией наук, и какую линию поведения нужно принять по отношению к ней. Тогда как раз шла борьба за выборы коммунистов в Академии. С крайне левой речью выступал член ВАРНИТСО Сборовский, настолько левый, что потом фракции съезда пришлось от него открещиваться. Два раза выступал в прениях я. Выступал по общему вопросу и выступал с

[279] Н.Я.Марр (1864-1934) - востоковед и лингвист, академик РАН (1917), академик АН СССР (1925). Автор работ но истории, археологии и этнографии народов Кавказа.

критикой доклада Волгина по культурно-просветительской работе. Кроме выступлений на пленуме меня выбрали в комиссию по докладу Лядова, и я редактировал резолюцию, которую всю продиктовал представителю Наркомпроса Украины. Мы с ним немножко цапались относительно необходимости всесоюзного наркомпроса и выдачи украинцам культурных ценностей, но, в общем, резолюция прошла гладко и была принята единогласно, а потом и съездом. Помню, когда мы втроем стряпали резолюцию и потом безаппеляционно предлагали ее всей остальной комиссии, Лапиров-Скобло мне както сказал: покажите и нам (он был членом комиссии), мы тоже хотим принимать участие в работе. А первого декабря я был на областном съезде научных работников.

Записано 19-го декабря 1929 года

Областная конференция научных работников началась первого декабря и более напоминала беспартийные конференции эпохи 1918-19 гг. Серая, довольно скучная, ни одного серьезного доклада, ни одного серьезного лица. С докладом по текущему моменту выступал тов. Кузьмин[280], в прошлом командир 3-й армии, потом начальник политуправления Ленинграда. Во время Кронштадского мятежа он был взят в плен кронштадцами и с тех пор сошел на нет. Очень хороший оратор, но политик далеко не перворазрядный. Слабенький доклад сделал и Вышинский, заведующий Главпрофобром. Весь смысл его доклада был мобилизовать мысль научных работников около перехода на трехлетку в вузах. И сейчас повсюду в вузах сокращают срок

[280] Н,Н.Кузьмин (1883-1939) - большевик с 1903 г. В годы гражданской войны политработник, в 1920-1921 гг. — помощник командующего Балтийским флотом по политчасти, затем на партийной и дипломатической работе.

обучения, переходят с четырех лет на три, а в зависимости от этого, конечно, сокращают и программы, уничтожают лекции, оставляют одни семинары. Единственно, кто сделал толковый политический доклад - это Вегер. Он прямо парил над всей конференцией. Старый адвокат и провинциальный политик - все это помогло ему стать выше головой всех профессоров Московской области. Да, и профессора то видно прошли на конференцию подмоченные, главным образом, из тех, в ком большая тяга к общественной работе и никакого хода за ней.

Половина конференции были коммунисты, но те члены партии, которых ни на какую политическую работу не пускают. Другую половину составляли частные беспартийные, которые тоже ни к чему, кроме месткомовского масштаба, не способны. Сидел я и слушал - ни одного яркого выступления. На фракции шла отчаянная драка за места, за состав Московского бюро и оно подобралось в таком виде, что только головой можно качать от его касательства к научной работе. В Московское бюро провели какого-то преподавателя ленинизма из технического вуза, активные месткомовские силы. Мы провели аспирантов. Аспиранты и икописты — это самая сильная публика в Московском бюро, а дальше пошла вся шваль. На фракции было два скандальчика. Выбрали секретарем Московского бюро одного парня Романовского, не знаю, кто такой, никогда не видел, а он на чистке получил выговор, и уже к концу заседания из МК пришла бумажка с протестом против его выбора. Пришлось кандидатуру снять. Как всегда доказывали свою причастность к научной работе музеев заведующие и как всегда их старательно отводили. В общем, было довольно скучно. Другой анекдот произошел с Виноградовым. Этот лошадиный доктор стал преподавателем в Ломоносовском институте. В теории он присоединился к механистам, а в практике он потребовал себе звания профессора. Представитель Ломоносовского института огласил

это классическое заявление, и фракция хором предложила ему идти обратно к своим лошадям и не занимать места в Московском бюро. Наседали за неудачный доклад на Островитянова, секретаря секции научных работников, но снять его за глупость среди года было неудобно и, наговорив ему любезностей, его оставили до будущего съезда. Кандидат ЦК оказался совершенно неудачным и слабым человеком.

Летом было как всегда. Сначала ходил гулять в парк культуры и отдыха, наблюдать, как в старых классических формах эстрады пробивается новое классовое содержание и новая бутафория. Не скажу, чтобы здесь были новые формы эстрадного искусства. Потом ходил смотреть Трам. В этом году Трам показал новую оперетку. Это очень интересная вещь, где и классовое содержание, и новые формы резко бьют в глаза. Дореволюционная оперетка это был легкий жанр, где главным образом говорили пакости и задирали ноги выше головы и весь ее социальный смысл сводился к сексуальному. Наша оперетка, так как дал ее Трам, это легкая и остроумная сатира, смешные темы с заостренным социальным злободневным бытовым содержанием.

Под конец перед отъездом был в ЦКК на деле Магеровского. После долгих склок Магеровского исключили из партии. В РАНИОНе на общем собрании против исключения выступал лишь я. Я предлагал снять его с работы и дать ему строгий выговор. Райком подтвердил исключение. МК, наоборот, встало на мою точку зрения, восстановил в партии и дал строгий выговор, а он обжаловал в ЦКК, требуя снятия строгого выговора. Я присутствовал на разборе его дела ЦКК. Изумительно ловкий парень. Ясно, что все те мелочи, которые били в глаза в ячейке, здесь в ЦКК стерлись и забылись. Он отгрызался от всех обвинений и даже утайку партийных взносов представил в таком виде, как будто ее вовсе и не было. Мальчишки, выступавшие против

него, Стальгевич и кампания, сами побили себя, выступая ультимативно и требуя запретить Магеровскому и чтение лекций и преподавание и вообще жить на свете: ЦКК оправдала Магеровского, а по чистке теперь его опять исключили. Во всем этом деле меня поразила необыкновенная твердость председателя, ведущего дело. Ну, вот и все собственно, что было перед отъездом в Кисловодск.

Готовились еще к украинскому съезду и занимались изобличением Яворского. На первом же заседании коллегии института, весной, поставили вопрос, протестуя против выборов Яворского в члены Коммунистической академии. И Покровский сам ставил доклад в ЦК, где указывал на теоретические ошибки Яворского и его шовинистический уклон. Эту докладную записку от имени общества «Историков-марксистов» послали в ЦКК с требованием снять кандидатуру Яворского. Потом занимались подготовкой к съезду историков в Харькове и даже посылали Анатолиева в Харьков разведать о настроениях группировок среди украинских историков, скупить и привезти литературу. Специально собрались всей делегацией для заслушивания его доклада. Но Анатолиев оказался таким дураком и, встретившись в Харькове с местными историками украинцами, так законспирировался, что они, наверное, сразу догадались и преувеличили его миссию. Для того чтобы рассеять всякие подозрения, нам пришлось посылать его во второй раз тотчас же. Сконструированная комиссия по истории рабочего класса собиралась как-то полностью у меня о промышленном перевороте в России и не до чего не договорились. Жизнь как жизнь.

Потом в конце июня я поехал в Кисловодск. Здесь недели две читал газеты, а потом стал вести дневник. В газетах все писали про гнойники. Вскрыли гнойник в Баку. В Баку действительно оказались штучки. Председатель Бакинского ГПУ поссорился с кем-то на улице в пьяном виде, забрал публику в ГПУ и расстрелял иод видом бандитов. Дело это вскрылось,

проникло в прессу, ГПУ разгромили, председателю дали 10 лет со строгой изоляцией, а потом занялись вообще всей Бакинской организацией и деятельностью ее вождя Мирзояна. Кончилось тем, что из Баку сняли почти всех руководителей. На Кавказе вообще в каждой республике гнойник. В Осетии тоже оказалось, что власть захватили в свои руки кулаки. Армянскую организацию уже несколько раз сменяли. Замечательно курьезную вещь сообщали о нравах местной профессуры в бакинских газетах. Национальный вопрос, конечно, вопрос больной для всех. Но в центре, в Великороссии наш шовинизм выражается в том, что мы не говорим о национальном вопросе, для нас вся Россия - это мы. А на окраинах, в особенности национальных, конечно, национальный вопрос требует ответа. И бакинский профессор разрешил его. Он, например, утверждал, что тюрки по особому характеру своих мозгов не способны к научной работе. Это ведь нужно в центре тюркской культуры, в Баку утверждать, что тюрки не способны к научной работе! Другой растаскивал лаборатории и занимался частной практикой и усиленно накоплял.

В свободное время я читал украинские газеты, учил украинский язык, читал украинские романы. Попался мне роман о Максиме Железняке, изданный в 1929 г. в Киеве. В этом романе национальный момент используется для идеализации казаков, крестьянства и православной веры. Враг украинского крестьянства и предатель его - это Москва и Польша. Грубое и лубочное шовинистическое произведение, и интересно бы знать, какие идиоты выпускают на свет такие романы? Оказывается, он был написан еще в конце 90-х годов на русском языке и каким-то украинским националистом, а теперь его перевели на украинский язык.

Ну, гулял по парку, был в театре, побаивался чистки. Немножко дискуссировали. Санатория у нас была вся ответственная. Молчат, как индюки, и сами себя уважают, а когда

говорят, говорят интересные вещи. Люди все с огромными политическими и необыкновенными приключениями и взмахами жизни и послушать было что. В середине июля я стал записывать свои и чужие настроения и запись эту тянул до конца августа. Последние записи я делал уже дома, после того как обскакал Тифлис, Абас-Туман, Ереван, Батуми, Одессу, но начал я писать честно в Кисловодске.

12 февраля 1930 г.

Последние события на историческом фронте похожи на склоку, да, собственно, это и есть несомненная склока. Самое последнее - сегодняшний день - это конференция историков партии[281]. Она идет уже три дня, началась 9 февраля. Конференция довольно бледная, серенькая, скучновата. Доклады серые, делегаты серые и их мало, и мысли, развертывающиеся на конференции, тоже достаточно серые. Вокруг конференции идет отчаяннейшая склока.

Когда конференцию готовили и составили к ней тезисы, бюро секции по истории партии занялось этим делом, а потом их обсуждали в Ленинском институте и многих эти тезисы не удовлетворяли. Не удовлетворяли они и Ярославского, и он 9 февраля вечером решил собрать у себя группу историков для рассмотрения этих тезисов. Около Ярославского ютится и юлит Эльвов. Он организовал и созвал группу, получилась некоторая

281 9-13 февраля 1930 г. в Москве, в Коммунистической академии проходило совещание преподавателей по истории партии, истории ленинизма и истории Коминтерна, созванное секцией по истории ВКП(б) общества «Историков-марксистов». С докладами выступили Е.Ярославский о задачах изучения истории партии, В.Адоратский - о научной биографии В.И.Ленина, К.Попов - о ленинизме как научной дисциплине и предмете преподавания, Д.Кин — об истории партии как науке, Бела Кун - о задачах изучения истории Коминтерна.

попытка использовать Ярославского для собрания лиц определенно правых настроений. Эльвов притащил Граве, Баевского, как-то туда попала Генкина[2*2], роль которой не ясна, боюсь, что Эльвов в ней сильно ошибся, и я. Когда я пришел по приглашению секретаря ЦКК, то оказалось на месте имеются не все те товарищи, которые работали по истории у Ярославского, а лишь определенная группа. Некоторые, держащие нос по ветру, не пришли, а некоторых демонстративно не пригласили. Самый состав, таким образом, указывал на попытку использовать Ярославского и его авторитет.

Ярославский сказал небольшое вступительное слово собравшейся компании. Он был недоволен тезисами Кина[283], в них не было ответа на современность, было недостаточно связи с текущими задачами дня. О них говорил Ярославский, — нет вопроса о взаимоотношениях рабочего класса и крестьянства, а сейчас это является основным вопросом, т.к. перед нами стоит задача переделать крестьянство. Сейчас стоит вопрос об уничтожении крестьянства как класса. Необходимо проследить в истории

[282] Б.Б. Граве (? - после 1970) - выпускница Института красной профессуры (1924), научный сотрудник РАНИОН. В 1929 г. одна из авторов 2-го тома «Истории ВКП(б)» под редакцией Е.Ярославского. С 1930 г. работала в различных вузах Ленинграда. Основные работы посвящены истории 1905 г. в России. В 1936 г. репрессирована, в 1955 г. реабилитирована. Э.Б.Генкина (1901-1978)- выпускница Института красной профессуры (1928), с 1923 г. на преподавательской работе, профессор (1939). Основные работы посвящены истории гражданской войны в России, государственной деятельности В.И.Ленина.

[283] Д.Я.Кин (1899-1938) - выпускник Института красной профессуры (1926), участник гражданской войны. В 1927—1931 гг. заместитель заведующего научно-исследовательского отдела Института Ленина, один из авторов «Истории ВКП(б)» под редакцией Е.Ярославского, преподаватель РАНИОН. Основные работы по истории гражданской войны в России и истории большевизма. 20 августа 1937 г. был арестован, 8 февраля 1938 г. расстрелян. Реабилитирован.

партии на всем протяжении борьбу на два фронта и борьбу с примиренчеством. Вплести в историю современные вопросы, не подвергавшиеся еще совершенно исторической проработке, хотя все время осуществляемые на практике, например, вопрос о строительстве социализма в нашей стране, усилить вопросы Коминтерна, которые переплетаются с историей нашей партии, опыт нашей партии приезжими из-за границы воспринимается как партийные директивы борьбы, нужно учесть практику борьбы в капиталистических странах. Одним словом, Ярославский предъявил к тезисам совершенно другие требования, сравнительно с тем, что они давали. Наряду с этим его основной задачей было получить от нас материал для его выступления на конференции. Для него это собрание носило консультативный характер, получить материал для доклада и получить замечания на тезисы для спора и обсуждения их.

По тезисам оказывалось высказываться легче, чем дать актуальные проблемы для изучения их сейчас. Отсюда получилось, что все высказывающиеся высказывались, главным образом, по тезисам и очень мало дали об актуальных проблемах современности. Указал ряд их недостатков, и на другой день в день открытия конференции Кин раздал новые тезисы, в которых недостатки прежних были до некоторой степени устранены. Во время обсуждения тезисов Граве произнесла обширную речь, где доказывала, что кроме тезисов сейчас идет полнейшее угнетение на историческом фронте и даже боятся говорить о торговом капитале. В Свердловске издают сборник, и некоторые авторы не дают своих стенограмм, хотя и выступали против торгового капитал. Я сейчас же сказал Ярославскому, что в другом месте была принята резолюция совершенно другого характера по вопросу о торговом капитале, и он это должен учесть. Но он схватился за заявление

Граве и, спросивши ее разрешения в случае чего сослаться на нее, брякнул это в своей речи на конференции.

В перерыв я поговорил с Лихачевым. Его секретарь говорит, что у него от всей публики остается впечатление, что принципиальной политической борьбы нет, а есть группировка внутри историков, которые ведут групповую борьбу и групповую политику. Я тоже подтвердил это мнение и рассказал случай с рецензией насчет Яковлева. Яковлев выпустил книжку, где ругал Шестакова. Я похвалил эту книгу в рецензии и дал эту рецензию в «Историк-марксист», а они послали рецензию на отзыв Шестакову. Тот писал свой отзыв о книге Яковлева, задержавши мой. Получилась целая катавасия. Обо всем этом как-то дошло до Ярославского, да и я ему рассказал на конференции аграрников. Вообще нравы вытягивания и защиты своего человека.

10 февраля Ярославский выступал и произнес речь, в которой заявил о недопустимости называть ревизионистами всякого, кто выставляет мысли о народничестве или о торговом капитале. Это было понято как осуждение линии «Общества» и как призыв к дискуссии и проработке Покровского. Сейчас же стали обвинять Ярославского в либерализме, в собрании фракций, прорабатывать Эльвова[284] за его неудачную книгу и на всех перекрестках и в кулуарах ругать меня, причем безбожно врать и распускать самые гнусные сплетни. Такова обстановочка. Стали уверять, что у Ярославского собиралась фракция. Меня таки спросил Фридлянд, участвую ли я во фракционной группировке у Ярославского. В общем, получается картина начинающейся склоки.

[284] См.: *Майоров Н., Эльвов Н.* Ленинизм и оценка характера Октябрьской революции. М.; Л., 1928; *Ташкаров П., Эльвов Н.* Об одной попытке искажения марксизма и ленинизма. М.; Л., 1929. Видимо, речь шла о последней работе.

Другим событием, имеющим генетическую связь с этой историей, является выступление Теодоровича, старого большевика, исключительного полемиста и массового оратора. Теодорович в «Ссылке и каторге»[283] напечатал статью о «Народной воле», к юбилею «Народной воли». Статья, конечно, невероятная, с народническим душком, модернизирующая «Народную волю», и неправильно методологически ставящая вопрос о сути народничества и народовольчества. Единственно ценное в ней - резкое подчеркивание связи между нами и «Народной волей», как нашей предшественницей. На статью эту ополчились в прессе, потом устроили дискуссию. Заседали дня три. Теодорович выступал как лев, нанося удары, но все же заключение его объявили ревизионным. На это Теодорович реагировал бурно и решительно. Он мобилизовал все свои партийные связи. На одно из заседаний пришел Ярославский. Он изругал ругательски выступавшего против Теодоровича Татарова[286], правда, покритиковал и Теодоровича, но все же ревизионистом его не назвал. Сейчас на конференции Теодорович выступал и речь направил специально против Покровского, где доказывал, что если кто и является модернистом и ревизионистом в области истории, так это никто иной, как Покровский и, приводя ряд цитат из книг Покровского, предлагал сжечь как вреднейшую книгу его очерки по истории революционного движения. Это подлило масла в огонь. Получилось, что Теодорович выгораживает Ярославского, переходит в наступление и начинает уже бить Покровского. За Покровского

[285] Журнал «Каторга и ссылка» издавался в 1921—1935 гг. Всего вышло 116 номеров.

[286] И.Л.Татаров (Коган. 1901-1938) - выпускник историко-филологического факультета Ленинградского университета, в 1920-е годы сотрудник Истпарта, Института Ленина, член редколлегии и ответственный секретарь журнала «Историк-марксист». В 1932 г. исключен из партии, в 1935 г. арестован и приговорен к 5-летней ссылке. Погиб в заключении. Автор работ о I съезде РСДРП и народниках.

вступились Сеф, Татаров, Горин. Одним словом, кто на этом деле старался сделать карьеру. Сеф мне сегодня рассказывал, что Татаров получил от Покровского прелюбезнейшее письмо, в котором благодарит его за выступление против Теодоровича и за защиту Покровского, расшаркивается перед ним за талант и все такое, а до этого Покровский терпеть не мог Татарова. Татаров теперь ходит гоголем и уверен, что его введут в редакцию «Историка-марксиста». Если бы это письмо можно было достать и показать в ЦКК, то за это одно разошали бы всю шайку и не посмотрели бы и на Покровского, потому что такие антипартийные выступления, такой разврат молодежи совершенно недопустимы.

На конференции по докладу Кина об отношении партии к науке потравили старика Невского, Юдовского и Волосевича[287]. Остроумцы сравнивают положение на конференции с кинокартиной «Бунт бабушек», а тут происходит бунт дедушек, которых уничтожают по всем швам. Вынесли особую резолюцию, при их обсуждении дело дошло до самых отчаянных выражений. Юдовский обругал, таким образом, Кина щенком, а тот его соответственно. Невский, разозлившись, подал в отставку, заявил о своем отказе преподавать историю партии ВКП(б). Одним словом, впал в амбиции и решил от всего уйти.

А остальное идет как обычно. С Украины приехал Рубач[288]. Я его проинформировал о московских делах, наверное, и еще кто-нибудь информировал его. В общем, на него все это произ-

[287] В.О.Волосевич (1882-1953) - в 1920-е годы преподаватель истории ВКП(б), а затем математики в Ленинграде. В.Г.Юдовский (1880-1949) - в 1930 г. заведовал кафедрой истории ВКП(б) Коммунистического университета им. Я.М. Свердлова. В 1931 г. не был репрессирован, но в 1949 г. отстранен от должности профессора МГУ за «космополитические взгляды».

[288] М.А.Рубач (1899-1980) - украинский историк, в 1929-1932 гг. - директор Института истории партии при ЦК КП(б)У. Автор многих работ по истории революционного движения на Украине.

водит впечатление растущей склоки. Склочка идет и в Коллегии Института. Институт сейчас сливают с ИКП и власть, таким образом, снова возвращается к Ванагу. От нашего старого состава почти никого не остается. Часть товарищей уже ушла, часть уходит к осени. Первокурсники боятся и не разбираются, а на втором курсе всецело царят бывшие троцкисты, связанные с тем же Ванагом. Мое положение самое пиковое - и здесь, и там. Ясно, что при слиянии Института учебная часть у меня уйдет.

Записано 24 февраля 1930 г.

Не то что писать нечего, а не пишется, жизнь идет. Но ведь об этой жизни, об этих людях, об этих фактах я писал вчера, писал позавчера, писал уже не раз. Все те же люди, все тот же узкий круг, все та же борьба и те же настроения. Оттого и трудно писать, что все это стало обыденным, повседневным, утратило яркость и краски. Читаю лекции, веду занятия, езжу на Украину, работаю как вол. Оторвался от ячейки, а в студенческой ячейке умереть можно от тоски, если от нее не отрываться. Участвую в склоках так называемого исторического фронта, хожу в театр, одним словом, все как обычно и все как всегда.

Теперь в области идеологии сплошной фронт - был философский фронт, был юридический, теперь открылся аграрный и исторический и все друг дружку прорабатывают, анализируют все работы. И выйдет вдруг, неожиданно в результате 10 лет, вся твоя жизнь и писания ничто иное, как чернильная клякса. А не то совершенно неожиданно для самого себя из твоих книг закричит классовый враг и, черт его знает, как ты и сам сделаешься рупором противоположного класса. Пишешь книгу, любишь ее, возишься с ней, жалеешь, а потом окажется, что это ничто иное, как выражение классовых стремлений какого-нибудь буржуаз-

ного меньшевизма, троцкизма и еще какой-нибудь чертовщины. Думаешь, что напишешь книгу, социализм построишь, а окажется, что вместо фундамента в социализм бросишь такую пушку, которая только портит и разворачивает фундамент. Проработка на историческом фронте и борьба внутри марксистской научной мысли за чистоту ленинской идеологии - это чрезвычайно тяжелая и сложная борьба. Она сжигает людей целиком. Проработанный Деборин уже сидит в санатории для нервно больных, уже покушался или задумывался о самоубийстве. Его младшие ученики на себя не похожи. Ходят пришибленные, потеряли в весе. После такой проработки человек надолго выбывает из строя активных участников идеологической борьбы. Недавно мне один бывший троцкист и бывший ректор Казанского университета Корбут[289] сам сознавался, что теперь он старается держаться подальше от всякой идеологической борьбы, потому что наряду с борьбой за принципы здесь столько всякой дряни, всякой склоки, вранья и жульничества, что невольно заметут человека не потому, что он неправ, а потому, что у него не хватит организационных сил и связей, потому, что не найдется никого, кто бы мог пойти и откричать его на Старой Площади и на пятом этаже.

У нас на историческом фронте мы усиленно кричим. Ясно, что при таком крике и гаме создались группки. Их фактически две - одна это Покровский со своими ору-

[289] М.К.Корбут (1899-1937) - выпускник факультета общественных наук Казанского университета (1922), в 1920-е годы возглавлял рабфак университета, казанскую подкомиссию Истпарта, в 1926-1928 гг. — ректор Института сельского хозяйства и лесоводства. В конце 1920-х — начале 1930-х годов несколько раз арестовывался «за участие в троцкистской оппозицию). Автор работ по истории Казанского университета, революционном движении в Поволжье. Корбут не был ректором Казанского университета. Расстрелян 1 августа 1937 г. Реабилитирован в 1956 г.

женосцами, другая — антипокровский фронт. Покровский много внес в нашу науку. Но он пережил сам себя. Это ужасно дикое состояние, когда человек пережил все свои мысли и все свои шаги, в то же самое время имеет в своих руках такой огромной силы аппарат, сильное влияние и авторитет, что пытается заставить и заставляет признавать то, что уже устарело, считать правильным то, что ошибочно, пытаться опередить волну его критиков и, вставши самому на гребне, давать еще что-то новое и исправляющее и дополняющее старые ошибки. Вовремя надо уйти отовсюду. Вовремя нужно уметь умереть. Покровский не сумел умереть и сейчас безнадежно губит и ломает головы нам, которые умирать не желают вовсе и которые даже и Покровского прорабатывать не желают, а которые просто хотят разработать ряд проблем, так как это нужно теперь, когда имеется и новый материал, и новые идеологические установки.

Историческая дискуссия сейчас охватила довольно большие массы учащихся и учащих. В ней пытаются нащупать борьбу против генеральной линии партии, праволевацкие группировки. Но группировки. Но это праволевачество превращается в мяч, который перекидывается друг другу борющимися группами. Мы обвиняли Гайдукова-Покровского в том, что они право-левацкий блок, они обвиняют нас в этом. Смысл борьбы все же сводится к тому, что мы, несомненно, поймали их на искажении марксистско-ленинских методологических построений, на недооценке ленинизма как теории, на отрыве от действительности, на отсутствии достаточно заостренных политических формулировок вопросов. И в то же самое время наряду с этими известными, ультимативными построениями об извечной социалистичности пролетариата и т.п. Эти несо-

мненные отрыжки «впередства»[290] яснее всего видны у Покровского в его ранних работах пооктябрьского периода - интеллигентская ультраультимативность и улътралевизна, изоляция и одиночество пролетариата и его извечная социалистичность. Наша московская дискуссия сплетается с национальными проблемами. И здесь, несомненно, у господствующей группы и у Покровского имеется недооценка национальных проблем. Роль и значение Москвы и ЦК ВКП(б) в деле строительства социализма в нашей стране таковы: что из Москвы нам не видно национальных проблем, роли и значения национальных партий и национальных течений в деле строительства нашей страны. Это приводит к игнорированию национальных проблем и в истории, недооценке роли Украины, которая представляет собой все же 1/5 часть Союза.

На Украину я езжу. Тяжелая эта жизнь, Черт его знает, чем все это кончится. Должен там я жить, я туда езжу. Меня хотят туда запичужить, а, может быть, запичужат и еще дальше. Жить на Украине после Москвы тяжело. Масштабы неизмеримо меньше, темпы жизни неизмеримо слабее, хозяйственных ресурсов даже нет таких, как дает Москва. Общекультурный уровень, культурные накопления Украины гораздо меньше культурного капитала РСФСР. Правда, на Украине теперь культуру строят подлинно украинские пролетарии и украинские крестьяне, но в то же самое время этот пролетарий и крестьянин имеет меньшие культурные запасы, чем имеет пролетарий Ленинграда или

[290] Группа «Вперед» образовалась в декабре 1909 г. в РСДРП. В эту группу входил в то время М.Н.Покровский. Во главе группы стоял А.А.Богданов, тогда вступивший в полемику с Лениным по вопросам о строении партии и методам борьбы за социалистическую революцию. Группа прекратила свое существование в июне 1917 г.

Москвы. Отсюда получается, что при блестящем социальном составе украинские молодые научные кадры, с которыми мне приходится иметь дело и из которых я готовлю профессоров, они в культурном отношении, в смысле общего развития, широты взглядов, теоретической обостренности уступают научной молодежи Москвы. То, что они кипят в котле строительства социализма на Украине, ограничивает их кругозор границами Украины, налагает какую-то печать, то, что Маркс называл деревенским идиотизмом, ограниченный кругозор своей околицы. И в то же самое время это же расширяет и увеличивает их фактические запасы в область истории. И слабое знание фактов, - они все время приводят данные и по истории Украины и по истории Великороссии. Москвичи в этом отношении не идут за ними, поскольку в их сознании и в поле их внимания национальные вопросы и национальная история отсутствует.

Тяжело строить кадры. Во-первых, тяжело ездить, во-вторых, такие собачьи условия. Украина 1/5 часть Союза, а иногда, кажется, что она еще сейчас переживает 1918 год, так много там неустроенного. И по внешности город лошадиный. Моторы бегают по большим праздникам. Темп жизни медленный, люди идут с развальцей, едят все мясо, рыбы нет, рядом Донбасс, а печи не топят. Меня поместили, например, в Институте марксизма в комнате, из которой можно сделать тюремную камеру на 50 человек, а окна не замазаны, в щели палец пролезает, дует чертовски. Калорифер топится, если около него спать - спину греет, живот мерзнет. А когда прекратили топить, в комнате настал такой адский холод, что я захворал и вот до сих пор никак не могу выздороветь.

С украинцами мы сблокировались в борьбе на историческом фронте. Нужно сказать по совести, что хуже, чем украинские исторические кадры, чем руководящие кадры, трудно

себе представить. Эти Карпенки, Рубачи, Свидзинские это - такая провинциальная профессура, от них так и несет" провинциальной затхлостью, что трудно дышать. И в политике они провинциалы. Друг друга подсиживают, вечно бегают в ЦК, следят за каждым шагом, за каждым выписанным кассиром рублем. Живут мелкими идейками и в глубине души многие из них мечтают о том, как бы удрать из Харькова. Главное сложное положение в Харькове заключается в том, что, несомненно, среди ЦК КПб(У), как вообще среди украинской коммунистической партии имеется два течения, две струи. Одна - стоящая на интернациональных позициях нашей партии и другая с сильно выраженным националистическим уклоном. И если национал-шовинизм в области экономики никак себя не может выявить, то в области истории он цветет пышным цветом. Этих национал-шовинистов историков поддерживают в культпропе ЦК и, несмотря на то, что все они уже проработаны как национал-шовинисты, что обо всех них вынесены соответствующие резолюции и решения, - они сидят в Харькове и держат в своих руках харьковские вузы и харьковские общественные исторические организации и исследовательские институты и, таким образом, занимают позиции. Они держатся тесной группой и в то же самое время они не имеют возможности резко официально выступать. Они вышибли из Харькова всех, кто, по их мнению, был великодержавным шовинистом, и теперь тянут в Харьков меня. Они думают и хотят построить комбинацию таким образом, чтобы держать меня как вывеску, а управлять нами, потому что опереться на них я не могу. Они представляют уже плотную сложившуюся и связанную внутреннюю группу, которая имеет уже свое идеологическое лицо. Опереться же на противоположную группу нельзя, потому что ее нет.

Я всеми силами отбрыкиваюсь от этой милой провинции. В последний приезд, я приехал 17 обратно, самое интересное, что я видел в Харькове, - это выступление Левина на конференции научных работников в Харькове. Левин организатор группы «Рабочего Знамени», участник Второго съезда партии, активный меньшевик, теперь уже маленький плюгавый старикашка, ему за 60 лет, приютился где-то в Харькове в качестве профессора Госплана. Но и тут он не утерпел и выступил во имя чистой демократии и буржуазной свободы. Вступил резко с резкими формулировками. Началось дело со ссоры с каким-то выдвиженцем, которому он заявил, что у него в пальце больше марксизма, чем у всех этих выдвиженцев в головах. А кончилось тем, что Левин стал утверждать, что его не поддерживают беспартийные только потому, что бояться и голосуют за нас под револьверным дулом. Это, конечно, стали обсуждать на конференции, произнесли великолепную речь против него, а потом выступил этот плюгавый старикашка, стал брать назад свои резкие слова, а в то же самое время настаивать на существе дела. Когда предложили голосовать за резолюцию, то шесть человек из присутствующих воздержались от его осуждения. Значит, имеются какие-то корни и если бы действительно не боялись, то выступили бы не шесть, а больше. Вот это интересно.

Интересно потому, что как раз в начале января сейчас снова прокатилась по России волна арестов, арестов как раз среди идеологических работников. В Казани посадили моего старого приятеля Чернышева[291], мы учились с ним вме-

[291] Е.И.Чернышев (1894-1979) - историк. С 1922 г. на научной и педагогической работе в Казани. В 1945-1966 гг. научный сотрудник Института языка, литературы и истории КФАН СССР. Автор работ по истории рабочего и крестьянского движений в Поволжье. В 1931 г. местное ОГПУ сфабриковало дело «О контрреволюционной деятельности группы профессоров и преподавателей Казанского Восточно-

сте в университете. Он остался беспартийным провинциалом, огромный дядя с густым басом и неповоротливостью. Я не верю и не думаю, прямо не допускаю, чтобы он был замешан в какой-нибудь антисоветской группе. Наверное, просто где-нибудь, что-нибудь сказал неладное. Да и началось то дело с его дурацкого заявления на заседании каком-то, где предложили подписаться на заем, а он заявил, что сначала дайте дрова, а потом будем подписываться на заем. Это подхватили как общественное выступление, его проработали, а потом и арестовали. Конечно, это случайное совпадение, но это мещанское заявление показывает на сущность этого человека. Это даже не провинциальный политик, это просто глубочайший обыватель, ничего не понимающий в происходящем кругом. А аресты прошли по всей России. В Вологде арестовали Бочкарева. Интересно, куда загнала его судьба. Мы его выставили из ПМГУ, он перебрался в Нижний Новгород. Из Нижнего выставили - он докатился до Вологды и там сел в ГПК. На Украине арестовали Оглоблина. Распространяют слух, что он арестован за спекуляцию валютой, у него нашли несколько тысяч долларов. Но, наверное, тут обошлось не без СВУ.

Классовая борьба опять кипит и принимает какие-то невероятнейшие формы. Как чисто классовый враг сейчас фигурирует мой почтенный брат Андрей Андреевич, человек всецело преданный Советской власти, человек, не мысля-

педагогического института и Казанского государственного университета и ее студенческих разветвлений в тех же вузах, обвиняемых по статье 58-11 УК РСФСР». В обвинительном заключении лидером этой «контрреволюционной группы» был объявлен умерший в 1929 г. профессор Е.Ф.Будде. Среди членов этой группы были названы историки Н.Н.Фирсов, Е.И.Чернышев и др. Суд над ними не состоялся и арестованных отпустили.

щий себе другого строя, человек, не видевший никогда другого строя. Он объявлен меньшевиком, снят с педагогической работы, уже сверстанная его новая книга задержана и набор рассыпан. Одним словом, парень, как живое идеологическое воплощение классовой борьбы и подвергается непрерывным ударам, готовится полное уничтожение. Он уже фактически уничтожен этот классовый враг, который только и думает о том, как бороться с противниками диктатуры пролетариата и вся вина которого в том, что он смел резко заявить о том, что он думает. На одном из последних заседаний Института, где он работает, и Крыленко[292] и Артюхина признали, что он не является классовым врагом, что ему нужно дать возможность научно работать. И сейчас же после этого признания фактически на другой день его сняли с вузов и рассыпали набор его книги. Да, этот классовый враг, который является классовым союзником, который является сам частью класса. Вот одна форма классовой борьбы.

А другая совершенно сейчас нелепая и дикая. Классовым врагом оказался никто иной, как Давид Борисович Рязанов. Это исключительная фигура международного рабочего движения, российский академик и издатель Маркса и Энгельса, в результате своей бурной карьеры, своей фронды и своей оппозиции оказался, в конце концов, ничем иным, как связанным с меньшевиками и Троцким, оказался фактически почти что изменником диктатуры пролетариата. Он уже исключен из партии и сидит. Оказалось, что он прятал троцкистские архивы и меньшевистские документы, документы

[292] Н.В.Крыленко (1885-1938) - большевик с 1904 г., в ноябре 1917 г. Верховный главнокомандующий, с марта 1918 г. — один из организаторов советского суда и прокуратуры. В 1927-1934 гг. член ЦКК ВКП(б), нарком юстиции и прокурор РСФСР. Репрессирован. Реабилитирован.

меньшевистской организации, которую только недавно арестовали. Когда его секретари ЦК спросили, он по своему обычаю стал орать и ругаться и заперся во всем. В Институте Маркса и Энгельса был сделан обыск, документы были найдены, Рязанов снят с работы и исключен из партии, а директором Института назначен Адоратский. Это международный скандал, это страшный политически скандал. Рязанова знают все. Его отлично знал Каутский, отлично знали все столпы II Интернационала, его знают все руководящие слои коммунистических партий и социал-демократия всего мира. Если весть о том, что Рязанов выступил против диктатуры пролетариата, проникает в Западную Европу, там вокруг этого вопроса поднимается колоссальнейшая свистопляска.

Сейчас мы питаемся пока об этом деле лишь слухами, но и сами слухи навевают колоссальнейшую печаль. Давид Борисович, этот необыкновенный старик, исключительный буян, с буйной головой и буйным темпераментом, человек огромных знаний, остроумный, человек, которого привыкло видеть русское революционное движение на трибуне, во ВЦИКе и в ВЦСПС, на съездах профсоюзов как одного из непременных участников русской революции, в конце концов, оказался захваченным своим прошлым. И прошлое его оказалось не случайным, то, что в продолжение 10 лет Рязанов то уходил из большевистской партии, то вступал в нее вновь, то, что все время он занимал среди большевиков какое-то своеобразное положение перманентной оппозиции, - оказалось не случайным, а сложилось в законченную цельную линию. Его позиция времен П съезда, когда он выступал против Ленина, его позиция времен 1905 года, его позиция времен войны и времен Февральской революции, когда он не давал Ленину ехать в Россию, его Октябрьские позиции и, наконец, его конец - все это сложилось в одну законченную линию. Это был не большевик, идеологически он оказался не болыневи-

ком. Организационно его крики и буянства были проявлением мелкобуржуазного демократизма.

И какая контрастная судьба двух стариков. Один мелкобуржуазный Монтаньяр, из кадетов ставший большевиком в 1905 году, Покровский до 1917 г. не присоединившийся к нашей партии лишь потому, что мы для него слишком были правыми, а он как буржуазный Монтаньяр искал левизны, одновременно превращавшийся в правого, - этот старик остался на своих ультралевацких позициях и сейчас проводит и прикрывает леваков, все же не оторвался от партии. И другой, Давид Борисович Рязанов тоже цельная линия мелкобуржуазного демократа, порывающегося к пролетарскому революционизму, тесно связанного с пролетариатом, связанного с профессиональной верхушкой пролетариата, все время пытавшегося идти в ногу с большевиками и все время сбивавшегося с ноги и сбившегося, наконец, на чисто меньшевистские позиции: количество фронды, качество буянства и независимости его превратились в качество, превратив его из оппозиционера внутри партии в оппозиционера и врага партии.

Записано 10-го марта 1930 года

День как все остальные. Утром был Юрашка (Игорашка, Игорь - *Л.Л.),* мой самый младший брат. Он катастрофически вырос, стал ученым, оставлен аспирантом в Ленинградском университете у академика Римского-Корсакова. Открыл какого-то хлопкового вредителя и возится с ним уже три года. Сейчас приехал из Туркестана, где был на съезде в Ташкенте по хлопку, делал доклад. Хвастает, что по его исследованиям теперь все республики организуют борьбу с хлопковыми вредителями. Посмотрел я на него, подарил два червонца. Он говорит, денег у него много, но взял. А, в общем, гигантский парень. Помню я его препаршивеннейшим

мальчишкой. Вечно плакал и сопливил. Потом, во время революции он остался один с мамой и сидел лет восемь в Казани, полол огород, таскал дрова Одним словом, пока мы делали революцию - он вывозил старуху, а потом перебрался в Ленинград в университет. Бедствовал там и голодал, получая от нас - от меня и от Юшки- субсидии и старую одежду. А теперь женился, стал ученым, печатает работы, и того и гляди будет академиком.

Время теперь бежит бесконечно и я старший брат становлюсь действительно старшим стариком. А синхронологически никак вот не могу все еще привыкнуть, что я стал старым, взрослым, все еще кажется, что я маленький и обо мне кто-нибудь позаботится. Видно, так обстановка, в которой пришлось жить в детстве и юности, постоянное руководство и опека отца, так врезались, что никак до сих пор не можешь привыкнуть, что уже стал большой и все кругом стали большие и все это делается всерьез, по-настоящему, как у людей. Обидно быть стариком.

Немножко провинциален этот Юрашка и глубоко беспартиен. Такова судьба - все мои братья оказались беспартийными, хотя все обостренно интересуются общественностью и все принимают участие в общественной жизни. Но Юрашка как-то особенно в этом отношении стоит позади всех. Он глубоко беспартиен. Беспартийность сквозит у него в каждом шагу и в каждой фразе. Нужно сказать, что из революции мы выкарабкались лучше других - все остались живы, правда, Тоська (мой второй брат) работает шофером в Бордо, но зато все остальные профессора и работают полезное дело.

Потом читал лекцию, ходил получать деньги в «Пролетарий», где чуть-чуть меня безбожно не обсчитал кассир. Потом было заседание в ЦК. ЦК готовился, по-видимому, по всем статьям к партийному съезду. Культроп готовит

доклад по своей линии и Кольману поручили составить отчет о состоянии на идеологическом фронте. Он вызвал представителей по особому списку, представителей всех наук: историков, философов, физиков, экономистов, по два, по три человека от каждой дисциплины и предложил в 15 дней сделать три работы: 1) дать характеристику статей Большой советской энциклопедии с точки зрения их выдержанности и идеологии, с точки зрения полноты содержания самой энциклопедии по соответствующим дисциплинам, 2) дать идеологическую характеристику работы Академии наук за последние полтора года по соответствующим дисциплинам, и, наконец, 3) дать сводку положения на идеологическом фронте вне партии и идеологической борьбы внутри партии, внутри марксистов по соответствующим отраслям науки. Присутствующие, конечно, пококетничали, позаявляли о том, что все они заняты, а потом каждый взял себе что-нибудь. ***Я*** взялся составить отчет об исторических работниках Академии наук и общую сводку на историческом фронте. Легко работать в ЦК. Нужно тебе составить отчеты - вызвал любых специалистов, каждый считает за честь работать по поручению ЦК, а, в особенности, в Комиссии для подготовки материалов к съезду партии. Съезд еще далеко и, наверное, в ЦК будет ряд комиссий. Мы пока работаем на Кольмана. Если выражаться языком сказок Андерсена - мы работаем на младшего помощника младшего садовника.

Но, во всяком случае, просмотреть, что делалось на идеологическом фронте за полтора года во всех областях и в исторической области - дело интересное и очень нужное. Особенно сейчас в области идеологии буржуазия переживает процесс большого оживления, и идеологические бои идут с чрезвычайной жестокостью, как никогда внутри пар-

тии и вне. Это совпадает с обострением классовой борьбы в нашей стране. Вообще классовая борьба сейчас обостряется и усиливается. Коллективизация сейчас идет вовсе не гладко и совсем не гладко. Кулак и собственник сопротивляются, и интересы собственности заставляют поддерживать кулацкие элементы тех, кто по объему своей собственности к собственникам никак не причислен быть не может. На Кубани и в Чечне уже восставали. В Рязанской губернии сейчас восстание, правда, безоружное, но все же там, как говорят, восстали уже до 50.000 человек, правда, восстали безоружно и пока восстание просто сводится к большой бузе, но настроение пренеприятное и, по-видимому, крайний антисемитизм. МК мобилизовал сейчас группу ребят в Рязань и строго предписал евреев не посылать. Ну, вот как будто и все новости сегодняшнего дня. Не знаю, что даст еще сегодняшний вечер, едва ли что-нибудь интересное.

3 марта в Институте советского строительства было заседание бюро. Так как там стоял вопрос об исторической комиссии, то на бюро зашел и я. На бюро присутствовал Каганович[29]". Он выступал почти все время по всем вопросам. В общем, производит очень интересное впечатление. Человек чрезвычайно нервный, какой-то особенной нервной конструкции, подвижный и живой, глаза у него блестят как свечки. Интересны его выступления. Видно, что не во всех теоретических вопросах, а, в особенности, в вопросах специфически исторических он достаточно разбирается, достаточно подробно их знает, но зато чрезвычайно интересны его методологические постановления и политические указания. Человек каждый раз стремится найти основное звено,

293

JI.М. Каганович (1893 - 1991) — политический деятель. В 1928-1939 гг. секретарь ЦК ВКП(б).

каждый раз ставит вопрос о целесообразности того или другого явления, ставит вопрос о том, как оно отразится на массах, на действии масс и мыслит огромными пластами, огромными масштабами.

В повестке стоял ряд вопросов. Я записал выступления Кагановича по трем вопросам: о правой конференции, о горсоветах и об исторической комиссии.

О правой конференции разбирали вопрос о том, как ее созвать, на какие секции разбить, какие поставить доклады и т.д. Каганович произнес по этим вопросам целую речь, которую я с пропусками, но все же записал. Она интересна. «Нужно, - говорил он, — поставить вопрос, что мы хотим от правой конференции, какая польза будет от нее партии. От аграрной конференции ничего не получилось. Люди жили там вчерашним днем, а не сегодняшним и будущим. Нам нужно подумать, какие острые проблемы стоят пред нами, что сейчас нужно двинуть, чтобы получился действительный результат. В области теории важен вопрос сейчас о роли государства, особенно тогда, когда создается фундамент социалистической экономики. Нужно выявить связи и зацепить вопрос о соотношении между экономическим планированием и ролью государственного аппарата, зацепить вопросы о перерождении пролетарской диктатуры и, таким образом, ударить на два фронта. Надо обсудить вопрос о прокуратуре и суде. Об этом сейчас идут споры. Этот вопрос можно увязать с перспективами экономического развития и мы, такими образом, поможем партии и советскому аппарату. Куда мы идем в государственном аппарате? К сужению государственного аппарата или к расширению? Своевременно ли ставить вопрос о сужении окружных исполкомовских аппаратов и превращения их в контрольные органы? А вопросы о центральных аппаратах, например, ВСНХ? Какие перспективы по линии централизации? Здесь надо выявлять эволюцию социал-демократической мысли

и теории государства. В программе конференции не хватает вопросов о массах и массовой работе, особенно в связи с коллективизацией. Надо поставить вопрос, куда растут формы массовой работы, например, шефство заводов над государственными аппаратами? Какие средства сращивания производства и труда, и государственного управления. Съезд партии будет в мае, конференцию нужно собирать до съезда»...

Другая речь Кагановича, которую я еще более суммарно смог только записать, касалась вопросов о работе горсоветов. Надо, сказал он, создать движение, заинтересованность рабочих. Рабочие очень часто интересуются работой горсоветов с точки зрения их отношения к сельсоветам. Сама же работа горсоветов не затрагивает рабочих. Нужно сигнализировать и выдвинуть участие горсоветов в сельсоветах, мобилизовать советы партийной мобилизацией, надо зацепить рабочих и пробудить у них интерес к этому делу. Нужно так поставить вопрос о горсоветах, чтобы заинтересовать массы. Я убежден, что в МКХ, несомненно, существует и контрреволюция и вредительство. Однако везде контрреволюция открыта, а в МКХ нет. Это свидетельствует о недостаточной проработке и руководстве советов своими отделами надо усилить. Влияние горсоветов на ход дела в городах сведено до минимума. Надо сравнить протоколы и делопроизводство горсоветов 1918 г. с нынешним. В 1918 году советы действовали. Надо, чтобы на практике горсоветы были более решительны и брали на себя больше функций. Здесь мы пишем резолюции и постановления, пригоняем каждую букву, а я недавно был в десяти сельсоветах, спрашивал: «читаете "Правду" и последние постановления о советах? Только в двух сказали, что читали, а в остальных на вопрос, почему не читаете, говорят некогда». Надо о горсоветах подготовить выступление как можно скорее. В течение месяца надо со-

средоточить внимание в Москве вокруг советов. Взять, например, Моссовет и московские бойни, обследовать работу боен и обследовать, как это отразилось в работе горсовета, как руководил горсовет этим делом. Надо разослать половину сотрудников Института на места, не меньше чем на месяц в городские и сельские советы. Пусть соберут материал, изучат деятельность советского аппарата, а через месяц съехаться и обсудить результаты»...

Об исторической комиссии говорилось недолго. Ругал историческую комиссию. Кризис в исторической комиссии произошел потому, что, с одной стороны, архив со своими стремлениями, с другой стороны, личные интересы работников исторической комиссии и с третьей - деловую работу института все тянули в разные стороны. Состав работников исторической комиссии изжил себя. Тут Каганович дал характеристику каждого из нас: Горина, Шестакова и меня. По его словам, мы казачья вольница, приходили в комиссию только за документами. Вопрос о том, как издавать документы, - он ставит по темам и сборникам. Предлагает наметить 100 или, по крайней мере, 50 пролетарских центров и обязать их в течение полгода сдать материал о деятельности советов. На этом же заседании была сконструирована новая историческая комиссия, секретарем посадил Кривошеину и решили приступить вместе с Центрархивом к изданию документов.

После вопроса об исторической комиссии обсуждался вопрос о журнале, который издает Институт советского строительства. И тут Каганович высказал тоже несколько интересных мыслей. Он старался тщательно и четко размежевать журнал и «Большевик». Надо, говорил он, размежеваться четко и не превращаться в «Большевика». В то же время он требовал, чтобы журнал был остро политичен. Журнал должен осуществлять связи теории с политикой.

Второй номер политически снижается. В каждом номере необходимо давать материал об основных проблемах пролетарской диктатуры. Пролетарская диктатура обогащается каждый день гигантскими новыми проблемами. В номере необходима передовая статья, но чтобы была хотя бы одна статья о диктатуре. Надо проблемы текущей жизни рассматривать под углом зрения диктатуры пролетариата и государственного права. Идет ликвидация целого класса в государстве и журнал, трактующий теоретические проблемы государства, ни слова об этом не говорит. Так нельзя...

Вечером этого дня я был у Юшки. С ним 22 несчастья. Закрыли в РАНИОНе институт права и его автоматически сократили, не перечислив в Комакадемию. Между той группой, которая сидит в Комакадемии, и Юшкой уже в течение нескольких лет идет борьба. Они обличают Юшку в том, что выступает против руководящей линии в лице Пашуканиса[294]. А Юшка доказывает, что это спор внутри марксистов. Пока, что в результате споров партийная группа захватила в свои руки аппарат и, конечно, выставила беспартийного. Весь вопрос в том, что Юшка никак не хочет и не может понять, что его разногласия с партией не могут привести к тому результату, что партийные марксисты признают себя выразителями мелкой буржуазии, а его единственным истинным представителем пролетарской идеологии. Такая комбинация исключена и, следовательно, вопрос стоит о том, что или надо изжить те разногласия, которые есть, и найти общие идеологические позиции или признать, что сам борешься с партией. А Юшка выдвигает

[294] Е.В.Пашуканис (1891-1937) - юрист, член Президиума Комакадемии. С 1936 г. заместитель наркома юстиции СССР. Репрессирован. Реабилитирован.

проблемы теоретической борьбы внутри марксистов. Но мы не допускаем теоретической борьбы и внутри партии, как легальной формы внутрипартийных отношений.

Март 1930 г.

Записать приходится целую уйму.

21 февраля попал я на репетицию МХАТа «Петр Первый». Потом оказалось, что мы были им нужны для разрешения вопроса о судьбе пьесы. В антрактах пригласили нас в дирекцию, стали разговоры разговаривать, что да как. Я помалкивал, а в разговорах выяснилось, что в Художественном Совете часть представителей требовала снятия пьесы. После спектакля устроили заседание. Пришел председатель Главреперткома, позвали Алексея Толстого, режиссера МХАТа, набилась еще какая-то публика и нас набралось человек пять - Милованов, Симонов[295], я, Моносов. Стали высказываться.

Мы с Моносовым успели сговориться, учитывая ситуацию, что будем делать общее предложение. Мы считали, что пьеса в таком ее виде, как она дана, несмотря на исключительную игру и красивую, в общем, постановку, собственно бесполезна, совершенно не нужна и исторически неверно представлять эпоху Петра и самого Петра как дело его воли и рук, как служение высшей идеи в виде государства, в жертву которому он приносит все. Совершенно неправильно противопоставлять Петра, творившего прогрессивные пути развития, и борющихся с Петром бояр и народ, как сторонников старого порядка и старого уклада. Неправильно народнически изображать крестьянина, как обобранного боярами и реагирующего и протестую-

[295] С.Симонов автор книги «Пугачевщина. Третья крестьянская революция в России». Харьков, 1931.

щего только против обобрания. В такой трактовке пьеса становилась не только социально бесполезной, но она превращалась в социально-вредную, не давая зрителю никаких верных исторических сведений, но, наоборот, держа его все время в рамках внутренней трагедии Петра, в трагедии между личностью и обществом, идеализируя и Петра, и идею монархии. В таком виде мы и выступали довольно дружно на заседании.

Наши реплики возбудили ответ со стороны Алексея Толстого и режиссера. Видно было, что режиссер ни бум-бум не понимает в том, что мы говорили. Он бил себя кулаком в грудь и доказывал, что он играет в рабочих клубах, ставит Пушкина и что вообще задача пьесы сводилась, во-первых, к тому, чтобы показать, какой дикой была эпоха Петра и тем самым заставить радоваться зрителя, что он не живет в эти страшные времена. Во-вторых, что трагедия имеет свои законы, и если подходить так, так как мы подходим, то нельзя писать трагедий. Гандурин, предреперткома занял среднюю позицию и занялся измышлением того, как поразить и исправить пьесу. Видя такой оборот дела, я написал резолюцию, в которой мы предлагали снять пьесу с репертуара. Мы все ее подписали и отдали Главреперткому. Таким образом, мы не дали свалить на историков постановку этой вещи, а с другой стороны своей резолюцией поставили вопрос о ее снятии. В газетах уже сейчас начали муссировать вопрос о снятии «Петра Первого».

27-го февраля, вечером, был на заседании Совета в Музее революции. Прелюбопытнейшее зрелище! Собралось несколько стариков - Лядов, Самойлов, Елизарова"[96], Мицке-

[296] А.И.Елизарова (1864-1935) - старшая сестра В.И. Ленина, в 1920-е годы сотрудница Истпарта. Ф.Н.Самойлов (1882—1952) — депутат 4-й Государственной думы, в 1922-1928 гг. — зам. зав. Истпарта, с 1932 г. зам. председателя Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев.

вич, еще какие-то старички и все они судили о судьбах Музея революции. Суд был, собственно, в высшей степени странный. После доклада-отчета Мицкевича Елизарова стала обвинять Музей революции в том, что там всюду понавесили портретов провокаторов, висит большой портрет Зубатова[297]. Сама она этого не видела, но о провокаторах ей будто бы говорил Ольминский[298]. Мицкевич ссылался на то, что Ольминский был в Музее и, наоборот, в книге посетителей расписался о том, как он был потрясен всем виденным. Старики спорили, а потом решили идти осматривать Музей. Тронулось шествие часов в десять. Мицкевич расшевелился и в комнате 90-х годов проторчали, по крайней мере, целый час, сводя какие-то споры прошлого столетия. И Лядов и Елизарова читали отрывки из воззваний, которые писал для московского Союза борьбы Лядов, и с торжеством приговаривали: вот, какой ты был экономист! Потом дошли до Зубатова. Висел маленький портретик Зубатова, обычная настольная фотография. На другой витрине висела карикатура Самокиша на события 1905 года. На одной из них висела карикатура на Николая. Елизарова опять начала бубнить, вот говорит, висит и провокатор, а рядом с ним Трепов[299], да еще царей развесили, а царей, говорит, все давно позабыли, а вы их тут понавесили. На это ей Мицкевич сказал, что давно позабыли и о том, что она была в партии с 1903 года, а вот развешивают они все эти

297 С.В.Зубатов (1863-1917) - с 1902 г. начальник особого отдела департамента полиции. После стачек 1903 г. на юге России уволен в отставку.

298 М.С.Ольминский (Александров. 1863-1933) - с 1920 г. председатель Истпарта, в 1928-1931 гг. член Дирекции Института Ленина и заведующий Истпартотделом ЦК ВКП(б).

299 Видимо, речь идет о Д.Ф.Трепове (1855-1906) —московском обер-полицмейстере, с января 1905 г. петербургском генерал-губернаторе, командире корпуса жандармов.

события, а устраивать революционный музей, замалчивая совершенно врагов революции и не давая той обстановки, в которой приходилось бороться революционерам, - это искажать историю и неверно изображать исторические события.

Музей по большей части иконографический. Есть большая группа скульптурных произведений, бюстов, огромная сидящая фигура Плеханова, сделанная женой Льва Дейча[300], современная скульптура из бронзы, картины и очень немного муляжей. ***Я*** в музее не был уже несколько лет и нужно сказать, что музей производит очень сильное впечатление, сделан с большой любовью и с большим вниманием, он весь набит исключительными ценностями и ни в какое сравнение с ним не могут быть жалкенькие провинциальные музеи революции. Самый крупный, даже из провинциальных музеев в сравнении с московским, совершенно теряется. И оказывается, что это исключительное собрание ценностей, документов, портретов, произведений искусства, нелегальной печати и т.п. - все это хранится в деревянном здании, потому что это здание на Тверской, бывшее здание Английского клуба, построено чуть ли не при Екатерине и сделано сплошь из дуба, а снаружи производит впечатление каменного.

Потаскали старичков по музею, показали кино, в общем, ублаготворили, а потом в вестибюле приняли резолюцию. Мицкевич сначала скромно предложил признать работу удовлетворительной, Елизарова и Лядов заявили, что работа гораздо лучше и выше, и я предложил вставить, что Музей растет быстрым темпом. После старички ушли, остался я с Самойловым и Мицкевичем часов до 12-ти, таскали нас по залам музея, показывая различные редкости и выспрашивая

[300] Л.Г.Дейч (1855—1941) - сподвижник Плеханова, меньшевик. После октября 1917 г. отошел от политической деятельности. Автор мемуаров и работ о группе «Освобождение труда».

наше мнение. С большим трудом мы вырвались в начале первого часа, исполнив тем долг общественных представителей - по контролю над Музеем революции.

1-го марта было заседание коллегии Института истории. Обычное, в сущности, говоря, на заседании интересны лишь были несколько реплик Покровского. Обсуждали вопрос о слиянии нашего Института с Институтом ИКП. В прениях я указал, что, таким образом, получается сейчас разбазаривание подготовки кадров, что кадры начинают готовиться в различные места и даже на местах. Это взбесило Покровского и он начал визжать о том, что вот пока он сидел в Наркомпросе, все держал в руках, а теперь сел Попов и выпустил вожжи. Старик несколько раз с горечью повторил, что вожжи выпущены, а при нем все шло по струнке. Это замечание имеет больше психологический, чем общественный интерес.

2-го марта в Институте был семинар Покровского с докладом о Ключевском[301]. Доклад, конечно, делал аспирант. Тут интересны несколько моментов. Во-первых, в прениях, по сути, Покровский заявил о том, что в его популярных работах очень много неточностей и недостатков и что они сейчас не выражают настоящего мнения. Это является отзвуком отчаянной борьбы на историческом фронте, которая завязалась в связи с выступлением Теодоровича по вопросу о «Народной Воле» и вынесения ему осуждения. По-видимому, в ответ на это в ряде мест Теодорович провел проработку самих книжек Покровского, указывая на ряд его совершенных недостатков. По самому докладу интересны два замечания: во-первых, чисто мемуарный характер. Покровский был слушателем Ключевского, потом был оставлен при университете и встречался часто в сере-

[101] В.О.Ключевский (1841-1911) - историк, академик (1900), автор многих работ по истории России, историографии.

дине 90-х годов є Ключевским и рассказывал про Ключевского почти что анекдоты. Ключевский был большим юдофобом и как-то, подвыпивши, рассказывал коллегам после диспута Богословского о том, что он выдрессировал свою собаку бросаться на евреев и до того додрессировал ее, что она издали отличала еврея от русского. Так как одно время Ключевский был ректором, то, по его словам, собака, таким образом, предупреждала его о нежелательных посетителях и спасала от слишком частых посещений, пугая лаем приходивших евреев.

Давая социальную характеристику Ключевскому, Покровский утверждал, что он являлся представителем торгового капитализма, что Ключевский выражал интересы дворянского землевладения, но, как хороший актер, он в своих лекциях подделывался под аудиторию и казался левее того, чем был на самом деле. Его истинная сущность прорвалась в лекции, посвященной Александру III после смерти Александра III. Здесь Ключевский вскрыл свое истинное лицо и резко разошелся с аудиторией. Аудитория его освистала, и это произвело страшное впечатление на Ключевского. Любитель выпить - он запил после этого и всем приходящим говорил, что это никуда не годится, что это никогда не изгладится из его жизни. Ключевский вообще пережил известную политическую эволюцию, идя все время направо, но определенной политической фигурой он не был и на выборах в Первую Думу в Москве он был выставлен как кандидат от кадет, а в Сергиевом посаде от октябристов. Главное достоинство — это исключительное умение читать лекции и изумительное владение прозой. Как ученый он был, по словам Покровского, очень слабым и после 1905 г. научно уже не работал. Знаменитый курс Ключевского является не столько плодом литературной работы, сколько - ножниц и клея. Его сын (как он сам сообщил Нечкиной) вырезал из различных произведений

Ключевского страницы и склеивал их вместе, а Ключевский проходил редакционно текст своей рукой и получился курс.

Вчера была у нас кафедра во II МГУ - обычные склоки и ссоры. Решили объявить себя ударной бригадой. Смысл этого решения больше сводится к материальному и организационному моментам. У нас имеются профессора и преподаватели. Заработная плата профессора приблизительно на 30% больше заработной платы преподавателя, а сейчас при уничтожении лекций и переходе на семинарскую систему характер работы и преподавателя, и профессоров, в сущности, говоря, одинаковы. Поэтому мы решили объявить себя ударной бригадой, получать жалование на бригаду, а потом развертывать его внутри членов бригады пропорционально количеству затраченного ими времени. Необходимо, конечно, также организовывать и соответственным образом преподавательскую работу, но об этом пока никто не заботится, а между тем, конечно, весь смысл бригадности сводится к соответствующей организации преподавательской работы. Вопрос организации преподавательской работы сейчас встает особенно резко. Та реорганизация вуза, которая происходит сейчас, — она фактически, уничтожая лекции, уничтожает и индивидуальность преподавания, требуя четкой программы, требуя общей программы для всех семинаров данного отрезка или курса, требуя тем самым и одинаковости в работе, В то же самое время переход на лабораторные планы в социально-экономических вузах требует приближения преподавателей к студентам, требуя новых навыков и новых методов в работе, а это все ставит организационные вопросы и требует прежде всего коллективной работы в смысле общего плана и выполнения общего плана.

За эти дни прочел я замечательный роман какого-то Злобина[302], никогда не встречал его имени в литературе. Написал он исторический роман о Салавате Юлаеве. Салават Юлаев - герой башкирского эпоса, руководитель башкирских отрядов, участвовавших в пугачевском бунте. И вот Злобин написал роман, весь наполненный башкирскими легендами, сказками, песнями и рассказами о Салавате. Это тип авантюрно-исторического романа, в нем нет почти быта тех времен, нет характера производства, очень смутны отношения между башкирами, в то же самое время роман читается с неослабным интересом, настолько много в нем местного колорита, поэзии. Он очень удачно сделан, динамичен, местами трагичен, вводит в действие ряд фигур, правда, очерченных слабо. Больше всего автор вычертил самого Салавата, остальные же фигуры зачастую являются лишь безличным фоном действия героя. Но динамичность и авантюристичность романа, в хорошем смысле, заставляют мириться или вернее делают незаметными эти недостатки. Конечно, Салават идеализирован, он рисуется как интернациональный представитель интернационального движения, движения местной бедности, движения башкирской бедноты против баев, бедноты, идущей в союзе с русскими рабочим движением. Салават как бы предтеча союза пролетарита и крестьянства национальных областей.

Это, конечно, идеализация исторического Салавата, но идеализация, несомненно, политически полезная и, может быть, и не очень далекая от истины, если не по отношению к Салавату, то по отношению вообще к участию башкиров в пугачевщине. Ясно, конечно, что против дворянско-

[302] С.Злобин — советский писатель, автор исторических романов. Салават Юлаев (1752—1800) - участник крестьянской войны 1773-1775 гг., сподвижник Е.И. Пугачева. Руководил восстанием в Башкирии до ноября 1774 г. Умер на каторге.

феодального режима выступала не только беднота башкирская, но и башкирские баи, поскольку Екатерининские заводчики отнимали землю как раз у крупных землевладельцев башкиров, но, несомненно, и то, что часть башкиров из состоятельных все же легче шла в союз с дворянско-феодальным государством, чем беднота. Беднота терпела два гнета и от растущих новых капиталистических отношений, выступавших в лице трансформирующихся баев, и от стеснения и уничтожения старых родовых отношений. Это приводило к тому, что восставала башкирская масса, а предводителями бывали и баи. Сам Салават Юлаев был крупнейшим башкирским баем. Но это вопрос истории. Сам же исторический роман о Салавате является, несомненно, удачнейшим романом среди наших исторических романов и обращает на себя внимание как действительно художественное произведение.

Записано 14 марта 1930 г.

6 марта было заседание Совета общества «Историков-марксистов». Идут на Совете нескончаемые склоки. Участники все те же и одни и те же. Теперь развернулась новая дискуссия вокруг Теодоровича и Дубровского. Впутался в это дело Емельян Ярославский, который занял центристскую, так сказать, позицию, поскольку, осадивши Теодоровича, в то же самое время решительно выступал и против тех, кто осудил Теодоровича. Ярославский заявил, что нельзя называть ревизионистами тех, кто не согласен с Покровским, и нельзя отлучать от Церкви тех, кто не придерживается теорий о торговом капитале, развиваемых Покровским. Оказывается, что Ярославский написал Покровскому письмо с резкой характеристикой наперсников Покровского - Фридлянда и Горина. В этом письме он

самым резком образом оценивал их как партийцев и требовал, чтобы Покровский обуздал зарвавшихся ребят.

Постепенно на заседании Совета общества эти склочные моменты начали развертываться, обсуждалась давно подготовленная резолюция о положении на историческом фронте и об оценке текущих дискуссий. В оценке этих дискуссий Ярославский разошелся с мнением большинства Совета «Общества». В действиях Совета общества Ярославский видел зажим самокритики и указывал на то, что если кого прорабатывать, то в первую очередь придется проработать самого Покровского, поскольку в работах Покровского есть достаточно материалов, высказываний и построений, которые можно подвергнуть проработке, и он тут же приводил примеры. Отсюда заявление Ярославского о том, что он негласен и не поддерживает превращение Теодоровича в мальчика для битья. По отношению к Дубровскому он занял более осторожную позицию, но тоже защищал и его в смысле непосредственного обвинения в оппортунизме и ревизионизме. Все это, несомненно, порождало известное охлаждение между Ярославским и большинством Совета общества «Историков-марксистов» в лице Покровского и его группы. Вокруг этого столкновения развернулась целая сеть и целая гамма самых разнообразных сообщений, разговоров, сплетен и т.д. Пытаются усиленно противопоставить и столкнуть лбами Покровского и Ярославского, обвинив Ярославского в правом загибе, обвинив его в том, что вокруг него собираются все обиженные и проработанные Советом общества «Историков-марксистов». Дело доходит чуть не до разговоров об образовании Ярославским своей самостоятельной фракции, но, несомненно, однако, что положение сейчас таково, что если не вокруг Ярославского, то вокруг и под знаменем Покровского группки, выросшие из совместной работы, пытают-

ся. вернее, имеют тенденцию превратиться в какую-то замкнутую фракционную группировку. Атмосфера крайней склоки.

У нас вчера вечером (13 марта) на заседании Бюро публика долго не решалась высказаться по вопросу об отношении к происходящему в обществе «Историков-марксистов» и с большими усилиями мне удалось протащить общее положение. Довольно единодушно все пришли к выводу, что, несомненно, зажим самокритики и зажим систематический и крайне грубый в «Обществе» был, а отсюда необходимость организационных построений вплоть до полной ясности и до точных организационных выводов в смысле отстранения от работы тех товарищей, которые до сих пор не смогли и не сумели примениться к работе.

Наряду с этим стоял вопрос о наличии политических разногласий. Пришли к выводу, что политических разногласий здесь нет, что политически все, в сущности, говоря, занимают одни и те же позиции, но стоит вопрос о тактике и об организационных мероприятиях. Сегодня связались с ИКПистами. Те завтра идут к Ярославскому объясняться по всем вопросам. Нужно будет пойти и нам и выяснить прежде всего политические нюансы и настроение, а потом поставить вопрос и в организационную плоскость. Ужасно жаль, что я не записал полностью этого заседания Совета. На следующем заседании записывать все речи.

Поздно вечером ко мне пришел Ионов[303]. Теперь мы с ним видимся с большими перерывами, он сидит в Кавказском областном комитете, а я в Москве. В прежнее время мы были большими приятелями. Рассказывал о кавказских настроениях, о том, что за работой вот уже полтора года он не читал ни одной серьезной книги, кроме газет, циркуляров

[303] И.И.Ионов (Бернштейн. 1887-1942) - с 1933 г. председатель правления и зав. издательством Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев «Старый большевик».

и «Большевика», а в то же время должен руководить всей культурной жизнью Закавказья. Сейчас он ссорится с секретарем районного комитета и старается как-нибудь вырваться в Москву. В общем, любит поговорить о клубничке и выпить не дурак, забубённая головушка.

8 марта было заседание обновленной исторической комиссии. Владимира Павловича Антонова-Саратовского похоронили по первому разряду еще третьего числа, и теперь он уже не присутствует. А, в общем, славный парень, добродушен, криклив и глуп. В 1918 г. он был незаменимым, исключительный массовый оратор и агитатор, он до сих пор не может примениться к обстановке и с треском вылетает со всех должностей, на которые попадает. Вместо него председателем стала Кривошеина. Это довольно своеобразного типа, длинная, рыжая, узкогрудая фигура, более похожая на мужчину, чем на женщину. Она, однако, имеет или имела двух мужей, вполне легально и открыто, вечно хворает и занимается наукой. Окончила ИКП, но не обладает большими талантами. Написала уже ряд книг толстых и скучных. Книги ее переполнены, главным образом, цитатами. Все документы, какие она знала и какие изучала, она ввела в текст. Ведь материал, на основании которого пишется книга, у ней введен в основной текст, отсюда ее работы страшно пухнут и, соответственно, сереют. Обладает она, по-видимому, огромной работоспособностью и добросовестно сидит целыми днями и цепко хватается за каждую букву. Работать с ней можно, хотя она и страдает, как и все мы, от излишка самолюбия, но при известной осторожности с ней можно делать дело. Она из всех сил хочет получить научное имя и положение, а потому сейчас направила все свое внимание на историческую комиссию. Здесь она, по-видимому, будет добросовестно работать.

На первом заседании комиссии мы делили завоеванную добычу. Нам удалось вырвать от Центрархива издание всех «Съездов советов и ВЦИК» и вот мы и распределили, кто над чем будет работать, какие съезды будем издавать и прорабатывать. Заседание прошло довольно мирно и спокойно. Быть может и удастся приступить к деловой работе.

11-го марта опять была коллегия Института истории. Ничего замечательного и интересного она не дала. Покровский острил, заявлял, что каждый историк должен уметь издавать документы и подробно рассказал о том, что будет издано в серии документов по внешней политике, посвященных мировой войне. Потом все шло как обычно. Под конец пошли аспирантские дела, и вся коллегия дружно накинулась на меня. Правое крыло сводит счеты за прежнее, а бывшие левые союзники дерутся теперь. Получилась политическая изоляция и мои кости догрызали все дружно. Так бы это ничего, но эти настроения указывают на то, что при случае вся коллегия покажет мне зубы. И уже сейчас я побаиваюсь, что милые товарищи прокатят меня при первой возможности. Сейчас идут выборы в Комакадемию и в Академию наук. И там, и тут меня выдвигают членом-корреспондентом. Пройти сразу в две Академии - это сразу получить очень твердое и определенное политическое положение. А при тех разговорах и настроениях на мой счет, какие я вижу в коллегии, боюсь, что и там и тут мои товарищи постараются меня вырезать.

В газетах есть несколько статей о юбилее Рязанова. Нужно сказать, что юбилей его празднуют гораздо хуже, чем он это заслужил. Старик действительно презабавный, орет диким голосом, покровительствует меньшевикам, собирает исключительные редкости о Марксе и Энгельсе, издает их, сам написал ряд статей, знает исключительно много и исключи-

тельно много помнит, но не всегда четко и ясно мыслит, хотя и орет нечеткие мысли страшно громко.

Записано 2 апреля 1930 г.

Опять очень давно не писал. Да, собственно говоря, и писать нечего. Все мелочи, один и тот же круг людей, одни и те же интересы, одни и те же склоки, мелкое подсиживание и вообще...

15 марта, утром отправили депутацию от нашей ячейки и от ИКПистов к Ярославскому. Дело обстояло таким образом, что сторонники Покровского начали распространять усиленные слухи и сплетни о правизне Ярославского, а потому ребята пошли с целью выяснить у первоисточника характер разногласий. Пошел с ними и я, хотя, быть может, этого и не следовало бы делать, т.к. потом публика была недовольна тем, что я ходил к Емельяну. В общем, пошли 4 человека - двое ИКПивцев и двое от нашей ячейки. ИКПовцы предложили Емельяну три вопроса. Мы помалкивали, я записывал. У меня записаны ответы Ярославского, заключающие в себе оценку работы общества «Историков-марксистов», его отношение к дискуссии о «Народной Воле», Теодоровиче, Покровском и дискуссии о книге Дубровского. Эти оценки имеют, несомненно, определенный политический интерес.

... Со всей суммой работ общества «Историков-марксистов», заявил Ярославский, я недостаточно знаком, с принципиальной стороной глубоко не знаком, но дискуссия о «Народной Воле» произвела на меня тяжелое впечатление своей неподготовленностью. Неужели не нашли более подготовленного товарища, чем Татаров. Его тезисы о «Народной Воле», написанные для Культпропа, все еще переделываются,

хотя в основном они и правильны. Во время дискуссии с Теодоровичем в Президиуме люди, ругавшие меня, вели себя так, что, в сущности, создалось впечатление, что курсом на самокритику здесь не пахнет. Это неправильно, как неправильно и заявление Савельева, что правду нельзя цитировать. Выходки Фридлянда и Горина производят впечатление, что курс на самокритику понимается чрезвычайно своеобразно. Я против этого. Я не понимаю в чем тут два фронта, что Теодорович прав, а вы представители левизны. Недооценка утопичности социализма - это линия не наша. Совершенно неверно ставить вопрос об особой школе Покровского. Говорят, что я подобрал себе сотрудников в историю партии не из школы Покровского, но это неверно - все товарищи, здесь работающие, из этой школы. Если есть лучшие, то дайте лучших. После моей статьи в «Большевик» требуют, чтобы я заявил, что статья в «Большевике» неправильная, что неправильны в ней упреки по отношению к Горину. Думаю, что все в статье правильно. Я не противопоставляю себя «Обществу» и не ставлю вопроса о коренной перемене линии. По отношению к Дубровскому и его теории, — мне тот вопрос, говорил Ярославский, самому не ясен. Я с ним недостаточно знаком. Просмотреть стенограммы окончательно смогу до съезда. Спор идет о торговом капитале, есть ли теория о торговом капитале марксистская и где говорит об этом Маркс и Ленин, можно ли называть марксистско-ленинской теорию Покровского? В ней много спорного. Почему нельзя критиковать Покровского? Нельзя упрощенно ударять по Дубровскому. Нужно дать в «Правде» и в «Большевике» критику взглядов Дубровского.

Таким образом, Ярославский подчеркивал и напирал на то, что в деятельности «Общества» нет самокритики, т.е. выпирал организационные вопросы. Но эти организационные вопросы в своем количестве превращаются в оп-

ределенное качество. Несомненно, что существующий режим в «Обществе» служит группе товарищей для того, чтобы обосновать теоретическую оценку Покровского как представителя ленинизма в истории. Всякая попытка его критики, поэтому, оценивается как ревизионистская попытка. Ярославский же подчеркивал необходимость большей самокритики, в то же самое время подчеркивал, что Покровский не является в глазах Ярославского, а следовательно, и в глазах большой группы старых большевиков истинным представителем ленинизма в истории и что необходим и возможно сейчас разбор его теорий и критика их с точки зрения ленинизма. Ревизия ленинизма, сказал в этом разговоре Ярославский, является отходом от взглядов Маркса и Ленина. Несогласие с Покровским ревизией ленинизма он не считал. Насчет самокритики все ребята, бывшие здесь, согласились, говоря, что приблизительно такова и наша позиция, относительно же Дубровского я все-таки подчеркнул, что в его теориях, несомненно, есть определенный отход от теории Маркса.

Днем, в этот же день, было заседание ячейки исторического Института красной профессуры, на котором присутствовал и Покровский. Здесь обсуждались работы «Общества» и Покровский сам выступал с речью, доказывал, что в области идеологии вопрос о самокритике должен стоять совершенно не так, как он стоит в области хозяйственной. В идеологической области нужно проводить самокритику, но нужно и бороться в то же время со всеми попытками ревизионизма под флагом самокритики. ИКПовцы выступали очень осторожно, но, в общем, все раскритиковали деятельность общества «Историков-марксистов», особенно, с точки зрения организационной и по линии отсутствия самокритики.

Вечером, в 7 часов, в эхот же день секретарь МК Леонов делал доклад о положении в Московской области. В большом докладе Леонов в несколько шутливой форме старался изобразить собьпия в Московской области в связи с коллективизацией. Сначала колхозы росли, потом начали быстро распадаться, начали происходить массовые выступления из колхозов и наряду с этим целый ряд выступлений. Выступления в ряде других мест распространялись сразу на $1V_2$ - 2 десятка деревень. Начиная с 23 февраля и до 15 марта были выступления в Рязанской губернии, в Бежецком уезде. Там разгромили Сельсовет, от борьбы против совхозов перешли к борьбе против Советской власти вообще. Организовывались, стали выськлать разведчиков, вернули попов, открыли церкви, объявили свободу торговли, стали выкидывать лозунги явно антисоветского характера, учредили дежурства с целью учесть приближение войск и т.д. Недели полторы в захваченном районе не было Советской власти. Партийное руководство в деревне наделало целый ряд самых невероятных вещей. Теперь уже во всех газетах пишут о головотяпстве местной власти, снимают уездные организации, отдают под суд и т.д. д 15 марта об этом только еще шушукались, и открытые разговоры были об этом новостью.

Действительно таких оловотяпов, какими оказалась наша власть на местах, трудно найти. Колхозные организации не подготовили, а наряду с э';им стали заниматься усиленным закрытием церквей и раскулачиванием, тем самым создав единый фронт из кулаков и взбаламученной и поднятой части крестьянства, и захваченные религиозными настроениями и суевериями группы деревень реагировали очень бурно. В Московской губернии сейчас колхозы с 70% снизились до 7%. Но надо сказать, что такая катастрофа, взбаламутившая и поставившая на ноги всю деревню, произошла только в Московской губер-

нии. В других районах нашей страны еще сейчас идут восстания. Цепь восстаний прокатилась волной по всему Союзу. Были восстания в Казахстане, на Северном Кавказе, в Армении и большая группа восстаний на Украине. На сегодня цепь этих восстаний разбита и подавлена. Кое-где вблизи границы обнаружилось несомненное участие контрразведки английской и польской. Но, в общем, в ряде районов Среднего и Нижнего Поволжья и части Кубани коллективизация прошла довольно удачно и нужно сказать, что деревня пережила огромную встряску. Крестьянин задумался, он выбит из привычной колеи, и средний процент колхозов по всему Союзу держится где-то около 30-40%. Это дает вдвое большую цифру сравнительно с тем, что было, а это уже, несомненно, огромный шаг вперед по пути строительства социализма, огромная крепость укрепления советской власти и несомненный в то же самое время огромный форпост для развертывающейся и растущей классовой борьбы в деревне. Теперь классовая борьба в деревне, вступившая в новую фазу, фазу экономической и политической борьбы коллективного хозяйства с мелким товарным индивидуальным производством, будет продолжаться, и устойчивость сил и рост колхозов будет означать не только укрепление социалистического форпоста, но и расширение социализма в деревне, в смысле захвата в орбиту колхозов мелкого индивидуалистического, единоличного хозяйства. Шаг по пути завоевания социализма массы деревни сделали огромный.

Обострение классовой борьбы внутри страны сейчас сопровождается несомненным обострением классовой борьбы и вне, и единственная страшная опасность, которая нам грозит, — это соединение классовой борьбы внутри с классовой борьбой во вне, это нападение на нас двух таких факторов. Факт внешней войны и внутренней классовой борьбы в деревне, которая на фоне войны, конечно, будет расти и развертываться, - вот,

что представляет из себя опасность. Сама же по себе классовая борьба в деревне, как она ни тяжела и неприятна, является лишь лишним свидетельством о торжестве диктатуры пролетариата и о несомненной правильности избранного пути. Единственный выход для мелкого товарного производства — это или вернуться к временам до 1914 г. или, отступая пред пролетарской диктатурой, идти по пути строительства социализма. Сейчас крестьянская масса всколыхнулась, сейчас она вся стала конкретно и практически пред выбором этого пути. Сейчас она выбирает в борьбе. И сохранившееся устойчивое ядро совхозов свидетельствует о том, что есть группа, которая не выбрала этот путь, и эти группы растут и ведут за собою мелкобуржуазную крестьянскую стихию.

19 марта состоялась фракция общества «Историков-марксистов» и выборы. Шла борьба перед фракцией за список. Меня выставили, в Совете кто-то делал отводы. В конце концов, из фракции Совета дело перешло на общую фракцию и тут началась катавасия. Наша ячейка и ИКПовцы были настроены решительно против Фридлянда и Горина, но в дело впутался Ванаг со своей личной политикой и принципиальная линия за расширение самокритики была сорвана. ИКПовцы стали отводить меня и настаивать на введении во что бы то не стало Минца, тем самым превращая принципиальную борьбу в личную и персональную. Увидя такие комбинации, я не стал оставаться на голосовании и ушел. А на голосовании разыгрались интереснейшие сценки. Интриганские усилия всех, в общем, не пропали даром, и Горин торжественно был провален. Тогда для доказательства своей любви к самокритике Покровский вскочил, бросил портфель и заявил, что он ни в коем случае не станет работать с Обществе, если Горин не будет выбран в президиум. Покровский ушел с заседания, ребята испугались, послали вслед за ним депутацию, уговорили его вер-

нуться и только что единогласно проваленный Горин был также единогласно выбран. Таким образом, борьба была смазана. В Совете большинство получилось за группу, поддерживающую Горина и Фридлянда. ИКПоковцы, сосредоточив все свои силы на Горине, поддерживали или были нейтральны по отношению ко всем остальным, а тем самым не был регулирован состав Совета и, тем самым, лишний раз было подчеркнуто перерастание принципиальной борьбы в личную.

Но поступок Покровского возбудил против себя массы. Дело дошло до ЦК, назначенная на 27 марта фракция Совета была отменена Культпропом. Культпроп вызвал отдельных приближенных Покровского и его самого, вызывал отдельно ячейку ИКПовцев, но нас в Культпроп не вызывали. Что там было - я знаю только мельком. Но, во всяком случае, Культпроп в лице Стецкого[304] потребовал от ИКПовцев смириться и принять назначение Горина. По-видимому, в Культпропе связали эту борьбу среди историков с борьбой, происходящей среди экономистов, и оценили ее приблизительно также.

28 марта состоялась, наконец, фракция Совета. На ней были интересные сценки. За эти дни оказывается, компания Покровского успела обработать Культпроп и провести свой список президиума. На фракции они предложили, во-первых, выделить президиум Совета в составе 11 человек для деловой работы, Совет собирается чаще раза в два в месяц в виде парламента. Таким маневром они сразу превращали Совет в ненужное учреждение, еще более суживая,

[304] А.И.Стецкий (1896-1938) - большевик с 1915 г., в 1930 - 1934 гг. — заведующий отделом культуры и пропаганды, в 1935—1938 гг. — заведующий отделом партийной пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), главный редактор журнала «Большевик». Арестован в апреле 1938 г. Расстрелян. Реабилитирован в 1956 г.

тем самым, круг лиц, непосредственно ведущих руководящую работу на историческом фронте. Поставили это предложение на голосование. Из всего собрания я один воздержался, тем самым, значит, высказался против. После этого Покровский огласил список президиума, причем заявил, что шесть человек из этого списка согласованы с Культпропом, а об остальных можно, конечно, вести прения, но их фамилии тоже известны Культпропу и Культпроп не возражает. А вообще он предложил голосовать список целиком. Голоснули, я опять воздержался. Говорят, что это была ненужная демонстрация, но выхода никакого не было, голосовать против списка, в котором часть утверждена ЦК, нельзя, а лечь верноподданчески на брюхо перед этой публикой — я тоже считал невозможным. Потом разбирали вопрос о плагиате Пригожина, потом выбирали на съезд историков в Кембридже. Совет сыграл в выборы. Покровский опять сообщил, что от Академии наук поедет Волгин, от Комакадемии - Лукин, а нам предлагает утвердить кандидатуру Фридлянда, тем более что из нашего посольства прислали запись беседы посла с профессором Кутом, в которой Кут хвалил Фридлянда, с которым встречался на прошлой конференции в Венеции, и предлагал прислать его опять. Секретарем этой делегации будет тов. Волгин.

Вечером у меня был Томсинский[305]. Теперь он вместо Платонова возглавляет Археографическую комиссию. Покровский числится председателем, а он заместителем. Они уже издают там сборники документов по различным вопросам и

[305] С.Г.Томсинский (1894 - 1938) - историк, член-корреспондент АН СССР (1933). В 1920-1930 гг. - председатель предметной комиссии по истории России Академии коммунистического воспитания, заместитель председателя Историко-архивного института. Автор работ по истории России XVII - XVIII вв. Репрессирован. Реабилитирован.

готовятся развить энергичную деятельность. Дал ему свою книжку, он обещал мне прислать задаром из Ленинграда полное собрание русских летописей. Рассказывал о работах ленинградских историков. Они уже устроили популярный журнал, дали прочитать рабкорам по предприятиям и теперь готовятся выпускать исторический журнал. Значит, будет у них два журнала. Наши молодцы уже ему насказали о том, что я возглавлял всю борьбу и был разбит.

Новый президиум уже вчера успел показать себя. Горин предложил вызвать из Ростова Анатолиева, бездарного горлопана, который еле-еле окончил у нас Институт, собственно и не окончил, потому что не сделал половины работ и отправлен.

Выступать будет Волгин и Лукин, а Фридлянд будет лишь в качестве статиста. Вся тактика делегации уже проработана и утверждена в Москве.

29 марта, утром, я забежал к Лихачеву, секретарю Ярославского, рассказать ему. Всякому ясно, что утвержденный Культпропом список с не включением Ярославского, это, конечно, не победа Горина, а удар по Ярославскому. Сам по себе Горин шпана. Лихачев так оценил это дело, хотя, по-видимому, уже кое-что об этом слышал. Заявил, что он непременно позвонит Стецкому и выяснит почему это было сделано, почему не снеслись с Ярославским и не вызвали нас и т.д. [Из] Ростова шкурничает и не едет. В драках последней зимы все время поддерживал Горина. Они хотят посадить его ученым секретарем президиума, тем самым захватив все в свои руки, превратить остальную часть президиума в пустую ширму. Воображаю, каковы были рожи в момент этого предложения у тех товарищей, которые старательно выпроваживали Анатолиева в Ростов и вели с ним отчаянную борьбу.

30-го марта в Москву приехал Мебель. Об Украине рассказывает мало, говорит, что там много восстаний, что его тра-

вят, как великорусского шовиниста. Потолковали мы с ним о библиотеке по русской истории, подписали договор на третье издание моей книги, переписала старые договора. При мне в издательство ходил Невский (это было 22) притаскивал в корзине, с которой старухи ходят на базар, свой второй том партии. Как всегда кричал, поднимая руки, ужаснейшим образом. В общем, нужно сказать дурак, старый большевик, один из первых наркомов Октября, одним словом, все качества, а теперь сошел на нет, и переставляет шкафы в Ленинской библиотеке. Буржуи, сидящие там, так его опутали, что, если бы партия его не щадила, сидел бы Владимир Иванович в своем непохожем на библиотеку месте...

Да, классовая борьба принимает невероятные формы. Она все разгорается и на этом фоне сейчас делают невероятные прыжки. Одни, сошли на нет, другие, наоборот, стоят у начала головокружительной политической карьеры.

Оба мои брата, и Юшка, и Игорь подали заявление в партию. Посмотрим, что из этого выйдет. Игоря, наверное, примут, а Юшку не знаю. Пока, что собираю им рекомендации. А, в общем, у меня невеселые итоги. 10 лет, как я уже в Москве, пишу книги, а в итоге — за 10 лет - не выбирают меня ни в одну из Академий. Значит, идеологически я еще не превратился в идеолога, не переварился до конца. Историю мою сейчас ругают, говоря, она неленинская и вообще. А, честное слово, вот сейчас я все время перечитывая Покровского, не хваля себя, должен сказать, что все же по сравнению с ним, я и в смысле фактов, и в смысле их освещения, и в теоретическом смысле, конечно, сделал своей книгой шаг вперед в области истории. Быть может, в ней есть, я сам знаю, потому что уже сейчас по некоторым вопросам думаю не так, как написано в книге, в ней есть, конечно, ляпсусы, но уже вовсе она не так плоха. А тут выбирают в Академию всех моих вра-

гов, мальчишек, а меня обходят, превращая, тем самым, в беспартийного спеца. Это ли не крах десятилетней работы? А, что же мне дальше делать? Делать, то главное я ничего не умею, могу читать лекции, писать книги, ходить в кино, а ведь на хозяйственную работу меня не возьмут, на мелкой партийной я не смогу работать, а большой не дадут. Положение трагическое. Я прямо дней десять места себе не находил. Вот какие невеселые личные комбинации.

1 апреля - вечером сидел в Экспертной комиссии по перерегистрации ЦЕКУБУ. Попался мне в руки список историков. Эх, люди, люди! Чего только с ними не бывает. Из всех сил старался я не пропустить в секцию ученых Дживелегова[1"1]. Старый профессор и старый либерал, имеет много книг, публицист, одним словом, стильная фигура кадетского лагеря. Теперь он, как Обломов старого поколения, годен лишь как музейный экспонат. Таков же и другой - Сыромятников[307], тоже и профессор, и книги имеет, и публицист, а не нужен никуда. За ними идет так какая-то мелкота псковской вице-губернатор, чиновник оружейной палаты. Старики пережили самих себя. Был строй, которому они были нужны, который их кормил, и они его обслуживали, а теперь на старость лет они, прося пенсии за труды у того класса, на пользу которого они не сделали равно ничего, и, конечно, нужно гнать их и отрезать от секции. Я их резал безжалостно. Да, ведь и то, сказать, легок, ре-

[306] А.К.Дживелегов (1875 - 1952) - выпускник историко-филологического факультета Московского университета, историк и искусствовед, в 1919 - 1924 гг. - профессор МГУ, с 1930 г. профессор ГИТИСа, доктор искусствоведения (1936).

[307] Б.И.Сыромятников (1874 - 1947) - выпускник юридического факультета Московского университета. В 1920 — 1930-е годы преподавал в Московском и Казанском университетах. Автор работ по истории российского государства и права, историографии.

зать, когда сидишь за диктатурой пролетариата, а вот резать в момент боя, это гораздо труднее.

А, в общем, сама-то квалификационная комиссия довольно убогое учреждение. Был на ней Разумовский[510], в качестве руководителя кисель и шляпа, всем известный бабник. Был какой-то медик, армянин, который так же, как и я, резал медиков, больше, правда, подходя с академической точки зрения к ним, да была Роза Наумовна Фрумкина. Вот поистине бессмертная женщина. За 10 лет я ее встречал повсюду. Была она в Свердловске, была в Госиздате, была в Коминтерне, теперь в Музее Революции и уже, наконец, в Экспертной комиссии. Оказывается как музейный работник представляет эту часть научных работников, и давала отзывы о перерегистрирующихся и вступающих в Секцию научных работников, помахивала своими маленькими ручками и резала бывших дворян и беспартийных не хуже нас грешных.

Записано 18 июня 1930 г.

Не писал бездну времени. Наверное, этот заголовок у меня становится стереотипной фразой - каждую запись начинаю: бездну времени не писал. Но не в том беда, что бездну времени не писал, а в том беда, что бездна времени проходит, а писать прямо-таки не о чем. Жизнь несется, идет, но как-то помимо меня и через меня, так что записывать можно не об участии в жизни, а размышления над жизнью и размышления над фактами, конечно, интересное участие в фактах. Участвуешь в маленьких делах, а размышляешь все-таки над большими проблемами, включаясь в общие темпы жизни.

[ш] См.: *Разумовский И.П., Пашуканис Е.Б.* Новейшие откровения Карла Каутского. По поводу книги «Материалистическое понимание истории». М., 1929; и др.

Ездил недавно в Казань на юбилей университета. Казанский университет праздновал 125 лет. Я ездил как представитель ЦК Рабпроса. Казань как Казань, юбилей - страшнейшая бестолочь. Всю организацию взяло в свои руки студенчество, целая уйма мальчишек и черноглазых девчонок, которые сбились с ног, сами запутались и сбивали всех вообще. Казань была потрясена юбилеем. Уже за час до города в поезде нас изловил какой-то репортер, допытывался о наших фамилиях, званиях и мандатах. На вокзале нас поймали какие-то шустрые девчонки и стали снимать из двух аппаратов. Кругом автомобиля собралась толпа, въехали мы, таким образом, с помпой. В Казани вообще автомобилей нет, да и улицы-то, по-видимому, не мостили с 1914 г. и на автомобиле ехать только ломать машину.

Довольно бестолково был организован и сам юбилей. Главным образом, пили и ели за казенный счет, ели в казанском Доме ученых за свой счет, чествовали друг друга. Праздновали юбилей три дня. Высоким гостям показывали учебные заведения Казани. Я тоже сначала было поехал, потом бросил это высокое занятие. Чествовали банкетом, конвертом, торжественным заседанием и еще чем-то. На торжественном заседании меня и еще, кажись, сотню выбрали в президиум, снимали в кинематографе, одним словом, как у больших людей. Рядом со мной в президиуме очутился старик - татарин, оказавшийся моим старым знакомым - сторожем из библиотеки. Он расспрашивал меня о структуре библиотеки Ленина и Ленинской Румянцевской библиотеки, интересовался техникой постановки дела, главным образом, с точки зрения подачи и расстановки книг, что ему и самому приходится делать, рассказывал о моих знакомцах.

Интересное впечатление юбилей произвел, конечно, на прибывших иностранцев, особенно выступление татар. Прав-

да, ученых татар почти нет, но ректор университета татарин[309], наркомпрос Татреспублики — татарин, и они произносили речи на татарском языке, которые потом переводились на русский. Это, конечно, исключительное явление в мировом масштабе, когда татары имеют свой собственный университет и бок о бок с русскими строят свою культуру. Здесь в Казани, как нигде, бросается в глаза то, что национальный момент связан с экономическим, и экономическая связь тащит национальность по линии ее экономических связей, разрушая национальные рамки и создавая новые. Татреспублика со всех сторон окружена русскими, Россией, экономически она связана всеми своими фибрами с Россией, а отсюда строительство татарской культуры переплетается все теснее и теснее со строительством общерусской, общесоветской культуры. Культурный татарин не меньше чем двуязычен. Он владеет одинаково и русским и татарским языком. Без владения русским языком он не может сейчас воспринимать культуру, а в будущем он не сможет вообще ставить вопрос о культуре, исключая себя от русской, от советской культуры вообще, поскольку советская культура растет на все усиливающихся экономических связях всех отдельных областей и районов, превращающихся в единый социалистический организм. И мне кажется, что та татарская, чувашская и черемисская молодежь, которая сейчас на 25% заполняет стены Казанского университета, воплощает в себе растущую национальную культуру и в то же самое время воплощает и российскую интернациональную культуру, быстро

[од] В 1930-1931 гг. исполнял обязанности ректора Казанского университета Г.Б.Богаутдинов (1897-1938)- партийный и советский работник. С 1921 г. нарком юстиции Татарии, в 1926-1929 гг. — секретарь ТатЦИКа, в 1929-1930 гг. - нарком внутренних дел ТАССР. С 1931 г. — ректор Химико-технологического института в Казани. Арестован 30 июня 1937 г., расстрелян 10 мая 1938 г. Реабилитирован.

русей, поскольку российская культура является интернациональной советской культурой Союза.

Самым замечательным, конечно, был концерт, сплошь составленный из национальных мотивов Среднего Поволжья. Тут были и русские и татары, чуваши, черемисы, вотяки[310] - все в национальных костюмах с национальными инструментами и национальными песнями. Эти национальные рудименты, фактически пережитки, они производят, несомненно, сейчас сильное впечатление, но имеют лишь этнографический интерес, поскольку современная национальная культура является лишь местной формой выражения интернациональной культуры Союза.

Выступить на торжественном заседании мне не удалось, сначала не дали слова, потом слово дали, но в самом конце, значит, нужно было ждать часов до 12 вечера, а потом нужно сказать, что в душе я и сам потрухивал выступить, и, воспользовавшись поздним временем, сбежал с собрания в Дом ученых, где Радимов меня познакомил с местным меценатом, заведующим Музеем искусств в бывшем Краснококшайске и Чистополе. Краснококшайск[311] теперь столица, там имеется музей и картинная галерея. А какой-то предприимчивый казанский художник, сероватого вида, Радимов тоже меня с ним познакомил, даже нарисовал несколько сотен полотен, изображающих различные этнографические сюжеты из жизни чувашей, а может быть, черемисов, точно я не помню.

Зато мне удалось организовать в Казани республиканское общество «Историков-марксистов». Я сделал доклад о положении на историческом фронте. Набралось человек до 40, пришел весь Кульпроп, часть местных профессоров, считающих себя

[310] Вотяки - устаревшее русское название удмуртов, финно-угорского народа, населяющего Удмуртскую республику.

[311] Краснококшайск - в 1919-1927 гг. название города Йошкар-Ола, ныне столицы Республики Марий Эл.

марксистами, студенчество, истпартовские работники. Было два выступления заведующего Культпропом - Тарханова, высланного комсомольского вождя, и бывшего редактора «Красной Татарии» - Рубинштейна. Тарханов говорил бойко, массовый организатор он, несомненно, неплохой. Рубинштейн говорил интереснее, поскольку коснулся «султан-галиевщины»[312] и, тем самым, связал национально-шовинистические течения в российской и украинской историографии с национал-шовинистическими течениями в татарской науке. Смысл того, несомненно, чрезвычайно симптоматичен и интересно, что во всех областях и районах нашей страны, везде мы имеем определенные национал-шовинистические выступления. У буржуазии они являются тоже несомненнейшей формой, в которой великорусская буржуазия тоскует о восстановлении «великой и неделимой» и восстановлении отношений собственности и в которой местная буржуазия тоже тоскует о восстановлении собственности и мечтает об освобождении от диктатуры пролетариата.

Из Казани обратно я приехал на пароходе. Давно с таким удовольствием не ехал от Казани до Нижнего. Волга, солнце, волны - прелесть, как хорошо! Нижний совсем другой. Пробыл в нем час, прошелся по одной улице и сразу чувствуется растущий пролетарский город. На улицах масса машин, двигаются грузы, строят большой мост через Оку, двигаются

[312] «Султангалиевщина» - политический ярлык, который в 1920-1930-е годы навешивали на татарских и башкирских партийно-советских и общественных деятелей, обвиненных в «национал-уклонизме». Это обвинение было поводом в те годы для проведения репрессий. М.Х.Султангалиев (1892-1940) - политический и государственный деятель, участник гражданской войны, член коллегии Наркомнаца РСФСР выступал против сталинского плана автономизации республик. Репрессирован. Реабилитирован в 1989 г. Суждения Пионтковского об этом являются официальным мнением той поры, которое ныне подвергнуто критике.

толпы рабочих. Под Нижним строят стекольный завод, пылает огнями и вечерняя тьма Сормово. По сравнению с сонной Казанью жизнь в Нижнем бьет ключом.

Вчера (16 июня) был в узбекском театре, а 11 в грузинском театре. Видел «Город ветров». Грузинский театр Руставели производит несомненное впечатление и «Город ветров» они сделали несравненно лучше, чем сделано в МГСПСтами. Они реалистичнее, проще, у них больше местного колорита, больше жизненности в постановке и более удачна и режиссерская работа, и актерская игра. Грузинский театр свидетельствует о том, что в Тифлисе имеется большая группа артистов с большой культурой. Да это и неудивительно, ведь Грузия была культурной уже тогда, когда мы еще ходили на четвереньках.

Узбеки совсем другой народ. Их пение, а, особенно, танцы производят удивительное впечатление. В танцах они подражают движениям лошадей, вообще жестам их, маханием головы, хвостом, ногами, но, в общем, очень богаты ритм, исключительно богатая жестикуляция, виртуозное владение своим телом и довольно примитивно отражающие примитивную хозяйственную базу содержание. Так же своеобразна и примитивна и музыка. В ней превалирует бубны и какие-то тоскующие струнные мотивы. Узбеки выступали в национальных костюмах, в халатах, ярких платьях, вообще колоритно.

Этот наплыв национальных театров в Москву связан с Всероссийской театральной олимпиадой. Будут еще армяне и тюрки. Узбеков приветствовал классический жулик, почему-то называющий себя упорно профессором - Бороздин. Выступал этот тип от ВОКСа[313] и обещал узбекам повести их за границу. В одном только я завидую этому Бороздину, что он

[313] ВОКС - Всесоюзное общество культурных связей с заграницей.

пристроился в ВОКС и видит там всех приезжающих в Россию более или менее интересных людей.

Ну, что же еще из личных впечатлений записать? В Институте работа идет как всегда, немножко склоки, немножко подсиживания, а, в общем, медленно двигается дело. Организовали для приема в Комакадемию мандатную комиссию. Меня сначала Островитянов, секретарь Президиума Академии не хотел в нее пускать, потом ввел. Но удовольствие от этого мало. Дело-то само очень скучное - сидеть в мандатной комиссии. Председатель мандатной комиссии Керженцев"[4]. От посла и Агитпропа до председателя мандатной Комиссии Комакадемии. Бывший сановники, катится назад. Вблизи он не производит никакого впечатления. По-видимому, мелочный, вздорный, с большим самолюбием и малыми данными. Ну, может быть, что-нибудь интересное и скажет, хотя в комиссии он ничего интересного не говорит, как организатор развертывается мало, а вне комиссии держит себя очень холодно.

Игорь и Юшка прошли в партию. Игорь прошел легко, а Юшка с большими боями. Два дня шла дискуссия, где его обличали в ревизионизме и оппортунизме, даже хотели затянуть ему рот и не дать вступить. Потом на ячейке выступали с отводами. Окончили тем, что приняли с условием написать статью против совести. Гора родила мышь. Но все же мне пришлось вмешаться, ходить в ЦК, требовать на заседании, чтобы ему дали слово и объясниться с секретарем Института советского строительства Берманом. Берман сначала пробовал

[3,4] П.М.Керженцев (Лебедев. 1881-1940) - в 1928-1930 гг. - заместитель заведующего агитационно-пропагандистского отдела ЦК ВКП(б), 1930—1933 гг. - управляющий делами Совнаркома СССР, с 1936 г. - председатель Комитета по делам искусств при Совнаркоме СССР. В разные годы был послом в Швеции и Италии. Автор публицистических работ по истории большевизма.

заявить мне о целом ряде требований к Юшке, но я сказал, что мне, хотя и неудобно говорить о брате, но я считаю все их позиции политически неправильными и неверными и что соль заключается в том, что они борются с группой партийцев и, не смея их тронуть, стараются избить беспартийного.

14 апреля застрелился по глупости Маяковский. Жил целый год с какой-то чужой женой, а когда бабешка решила прекратить такую комбинацию, он взял и застрелился. Конечно, сейчас же поднялся шум и гам о том, что помер пролетарский поэт и великий революционер. В белых газетах были статьи о том, что Маяковского большевики заели и он жертва красного террора, а в наших, конечно, доказывали, что в лице Маяковского сошел в могилу великий революционер. А, в общем, конечно, это был крайний индивидуалист, воспринимавший через призму своей индивидуальности и революцию, но человек, который никак не мог мыслить коллективно, слиться с коллективом, поставить себя его частью и, тем самым, воплотить в себе настоящего пролетарского поэта, диалектически воспринимавшего и прошлое, и настоящее, и будущее, как коллективное творчество коллективно творящих масс. Я вспомнил, как году в 1912, когда я еще был студентом, Маяковский приезжал в Казань в какой-то не то красной, не то зеленой кофте и вместе с ним был вымазанный Бурлюк[3], оба в высоченных цилиндрах. Оба потрясли сердца казанских обывательниц. Группа студентов пригласила Маяковского на вечер, он пришел и, во-первых, потребовал, почему здесь нет блондинок, а потом распространился о поэзии города.

Но вот и все личные воспоминания, и личные дела. Не записывать же склочки в вузах, зачетные конференции и т.п.

Д.Д.Бурлюк (1882-1967) - поэт, художественный организатор группы кубофутуристов. В 1920 г. эмигрировал, с 1922 г. жил в США.

Общественные дела гораздо интереснее и об них стоит пописать. Во-первых, интересны темпы нашего строительства. Открывают гигантские заводы, строят огромные дома, мосты, а в то же самое время надвигается несомненнейший продовольственный кризис, который будет к осени расти. Партия стоит накануне съезда. Стоит сплоченной и единой, как никогда, правые капитулируют, левые уничтожены. Зиновьев и Каменев пишут какие-то жалкие статьи в «Правде», беспрестанно каются и умоляют Сталина о прощении, а съезд, который, несомненно, имеет историческое значение, фактически уже исчерпал сам себя, поскольку сейчас перед партией стоит задача организации осенней уборочной кампании и осеннего сева. Съезд, таким образом, является лишь подведением итогов тому, что сделано. А сделаны грандиозные вещи. Деревня поднята сверху до низу. Деревня теперь уже не может оставаться нейтральной, молчаливой. Она выбита из своего привычного уклада и быта. А это основное и самое важное - выбить мелкого производителя из его индивидуального производства, втянуть его, так или иначе, в общеколлективные процессы. Уже это огромный шаг вперед.

А в деревне созданные совхозы и колхозы, правда, от 70% осталось в Московской губернии лишь около 10%, но зато эти 10% являются огромной опорой, вонзившейся прямо в мелкобуржуазное море, являются той цепью, которая тянет за собой всю эту мелкобуржуазную стихию. Да и сама стихия теперь уже не та. Это не стихия, а рыхлая масса, двигающаяся и переставляющая по направлению к колхозам. Шаг в завоевании и построении социализма в деревне сделан огромный, но этот шаг требует дальнейших шагов. Этот шаг требует и по-новому ставит взаимоотношения различных классов и групп в деревне и взаимоотношения между всем социалистическим сектором и сектором частнохозяйственным в сельском хозяйстве. Здесь

неурожай и недосев может вбить целый ряд клиньев и привести к самым невероятным положениям. Ведь может случиться, например, что в районах неурожая, если такой будет в районах больших недосевов к тому же, а недочеты исключительно везде падают только на частное хозяйство, коллективное хозяйство превысило посевы повсюду, при таком соотношении может получиться, что частное хозяйство по отношению к коллективному может явиться нахлебником и потребителем, социалистическому сектору придется кормить частное хозяйство, как раз то частное хозяйство, которое ослабило свое экономическое положение, стремясь ударить экономически по социалистическому сектору. Недосев это политическая формула классовой борьбы. Недосев при неурожае превращает политическое выступление в сугубо бедственное экономическое состояние, требующее экстренной похмощи и противопоставляющее социалистическому сектору, засеявшему хозяйству, возрастающей части сектора борьбы против социалистического сектора и в процессе этой борьбы ослабившего свою экономическую базу. Но это ослабление экономической базы обостряет классовые противоположности, может бросить мелкого производителя на социалистический сектор и должно заставить социалистический сектор взять на иждивение мелкого производителя. Но это все в области того, что, может быть, а в области того, что есть — мы имеем огромный рост тяжелой индустрии, рост производства, средств производства. Мы имеем растущий социалистический сектор в деревне в количественном отношении. Мы имеем необыкновенный качественный рост этого социалистического сектора. Т.е. мы сделали громадный шаг по пути строительства социализма.

Когда-то Ленин говорил о том, что социализм для нас не икона, а задача, которую мы притащили в жизнь. Теперь ясно, что эта задача не только притащена в жизнь, но она уже во-

площается в жизнь, она уже есть реальная действительность. А отсюда совершенно по-новому ставятся все отношения к этой действительности. Нельзя различить теперь мирного и военного времени. Классовый фронт он всегда и везде один, меняются лишь формы борьбы на этом фронте. Как на военном фронте можно переходить от газовой атаки к ружейной пальбе, так и от ружейной пальбы можно переходить к засеву лишней десятины. Это как лишний выстрел из пушки, к постройке лишнего завода - это как выступление лишней дивизии, к прокладке новых дорог, строительству и т.д. Ударничество, соцсоревнование с этой точки зрения является и тоже формами классовой борьбы в области экономической. Рост социализма в нашей стране совпадает сейчас с несомненным ростом мировой революции. Китай сколько лет в огне, а сейчас революция в нем растет и усиливается и не только в Китае, можно сказать, что вся Азия охвачена революцией, и Индокитай, и Индия.

Французский и английский империализм принуждены вооруженной рукой поддерживать свое господство в Индокитае и Индии. А это есть несомненный рост революционного движения. И соответственно этому растет и революционное движение и в метрополиях, и консолидация сил метрополий против нашего Союза. Мы приближаемся все более и более к развертыванию социалистического общества, и мы приближаемся все более и более к развертыванию классовой борьбы между социалистическим обществом и империалистическими силами всей буржуазии мира. На наших западных границах, несомненно, зреет союз против Советской России и отроги этого союза уже вскрылись в шахтинском деле и в деле украинских националистов. Сейчас все они имеют одни источники, все они базируются на Англию и на польскую и румынскую буржуазию. Все это лишь подчеркивает мировые связи со строитель-

ством социализма и лишь подчеркивает неуклонный рост как нашего Союза, так и революционных сил всего мира.

Но рост строительства социализма предъявляет огромные требования. Мало ему благодушно сочувствовать и не мешать, надо строить самому и самому принимать участие в создании социалистического общества. Новые задачи строительства и новые фазы строительства - они по-новому ставят вопросы о борьбе на классовом фронте, о связи культуры с растущим строительством социализма. Мало сказать, что без общей грамотности немыслимо построить социализм и мало научить грамотности. Это, в конце концов, и не сложное технически дело. Нужно суметь связать самое научное творчество с растущим социализмом. Связать, например, разработку исторических задач с созданием социализма, со стройкой его. Мы в наших научных задачах в области истории исходим пока все больше от отрицательного, мы вскрываем классовую сущность и классовые цели врагов социализма. Мы, таким образом, наносим им удар, уменьшая силы противников социализма. Но задача состоит в том, чтобы идеологически в то же самое время усилить силы рядов строителей социализма и отразить в области исторической науки потребности растущего и строящегося и социализма, и нового социалистического человека.

Июнь 1930 г.

Во время юбилея выступали старенькие профессора. Устроили заседание всего научного общества Казани и на нем выступал старый-престарый хирург Разумовский[316]. Его учителями были профессора, которые начали работать в Казан-

[316] В.И.Разумовский (1857-1935) - выпускник медицинского факультета Казанского университета (1880), профессор, в 1909 г. - ректор Саратовского университета, Герой труда (1926).

ском университете чуть ли не с основания его. И он перечислял их, как Собакевич перечислял проданных Чичикову крестьян, и уверял, что все они в продолжение ста с лишним лет служили только науке. Эти нотки бескорыстного служения науке были тем социально-классовым смыслом, который хотела вложить в содержание юбилея буржуазная профессура. Наша задача, наоборот, заключалась на примере и на истории Казанского университета доказать связь науки с буржуазией и вскрыть трудности построения новой пролетарской науки. Не могу сказать, чтобы нотки буржуазного демократизма не проскальзывали и в выступлениях наших товарищей.

На торжественном заседании выступал с большой речью член Коллегии Наркомпроса Вышинский.

Записано 23 июня 1930 г.

Когда думаешь, что записать, то кроме обыденной жизни записывать совершенно нечего и невольно завидуешь людям, которые встречаются с массой интересных и значительных людей, многое видят и многое знают, у них есть, что записать. Недавно мне попалось в руки, новое издание записок Греча[317]. Был величайший сукин сын, мракобес и реакционер, но за свою 80-летнюю жизнь Греч встречался и с Пушкиным, и с Жуковским, и с Державиным, со всеми, в сущности, говоря, представителями литературы, с декабристами, начиная с первого десятилетия XIX века и вплоть почти, что до 50-х годов. Ему удалось написать лишь крохотную часть своих записок, но и эта крохотная часть и сейчас издается и переиздается. А у

[317] Н.И.Греч (1787—1867) — журналист, писатель, филолог. Издавал совместно с Ф.В.Булгариным журналы «Сын отечества» и «Северная пчела». Автор мемуаров «Записки о моей жизни» (1866), «Практической грамматики русского языка» (1827).

меня нет такого материала, нет таких встреч и впечатлении. Все мелочь, Может быть, и они характерны. Позвали меня, например, недавно в ЦК в комиссию по составлению программ. На первом заседании я выступил с предложением строить программу истории России как развитие краха капиталистической системы Восточно-европейской равнины. Бывшие здесь ИКПовские пистолеты сейчас же объявили это не ленинской точкой зрения и на следующее заседание комиссии меня уже Культпроп не пригласил. Мелочь, но характерная.

В Комакадемии были выборы новых академиков, меня выбрали только корреспондентом, так сказать, единогласно провозгласили человеком второго сорта. Я не ходил ни на выборы, ни на фракцию, а говорят, там были интереснейшие моменты. На фракции, как всегда, скандалил Рязанов, требуя закрытого заседания фракции. А на Пленуме, когда постановили вывести из состава академиков Ерманского[318], он встал и потребовал слова и произнес отчаянную речь, разругал всех идиотами и бездарностями, ставя в пример, что выбирают в академики разных Сырцовых (зампред Совнаркома)[319], а выводят такого ученого, как Ерманский. Все, говорят, растерялись и не нашлись ему ничего ответить. А вообще выбрали в академики неподходящих людей, работать они не будут. Непонятно, по каким принципам Культпроп утверждал списки

[318] О.А.Ерманский (Коган. 1866-1941) - активный участник революционного движения в России, в 1917 г — меньшевик-интернационалист, в 1918 г. - действительный член Социалистической Академии. В 1920-1930-е годы занимался исследованием опыта научной организации труда, работал в ВСНХ, был профессором политэкономии в московских вузах. С 1934 г. на пенсии. Автор воспоминаний «Из пережитого» (1927).

[319] С.И.Сырцов (1893-1937) - политический деятель. В 1929-1930 гг. председатель Совнаркома РСФСР. Репрессирован. Реабилитирован.

академиков и кандидатов. Во-первых, в академики выбрали по традиции руководящую, партийную советскую верхушку, членов ЦК, заведующего Культпропом, председателя Совнаркома и т.д., а потом выбирали в академики группу молодежи, из которых одни почти не имеют работ, другие глубокие старики, из которых уже абсолютно ничего не выйдет.

Выбрали, например, в академики Шестакова, 50-тилетнего старика, правда, здоровый, как буйвол, но его причислить к начинающим ученым никак нельзя. Правда, он старый партиец и рабочий по происхождению, но начал свою научную деятельность не более чем 8-9 лет. А в то же время выбрали Ронина'[20], парнишку, который слушал у меня лекции, имеет одну книжонку, глубоко буржуазного происхождения. Но Милютин "[1] его тянет за уши. Вообще выбирали тех действительными академиками, кого особенно защищал и тянул кто-нибудь из старых академиков. Деборин протянул Гессена[22]. Покровский протянул свою группу историков и т.д. А в кандидаты зачислили почти весь актив, который сейчас работает по московским вузам, некоторые и по ленинградским и имеют печатные работы. Таким образом, звание это очень снижено. Никаких пре-

[320] С.Л. Ронин (1894—1936) - выпускник Московского университета и Института красной профессуры. Преподавал в Коммунистическом университете им. Я.М.Свердлова и в Институте экономики РАНИОН. В 1930-е годы работник ВСНХ Автор книги «Иностранный капитал и банки». М., 1929.

[321] В.П.Милютин (1884-1937) - политический деятель. В 1928 г. управляющий ЦСУ, заместитель председателя Госплана СССР. С 1934 г. председатель Ученого совета при ЦИК СССР. Репрессирован. Реабилитирован.

[322] Ю.И.Гессен (1871-1939) - в 1920-е годы сотрудник Ученой комиссии по исследованию исторического труда в России, в 1930—1935 гг. - редактор «Вестника АН СССР». Автор книг по истории евреев в России и др.

имуществ и привилегий оно не дает и едва ли даже сумеют использовать и организационно всех тех, кого ввели в состав Академии в качестве действительных членов и кандидатов. Когда составляли список, то в ЦК сначала Фридлянда вычеркнули из списка академиков и перенесли в кандидаты. Он страшно нервничал и скулил и сам говорил, что его преследуют враги, а теперь, когда его выбрали, то мне сам сказал вчера, - очень мне нужна такая Академия.

Читал в последнее время воспоминания Троцкого и воспоминания Беседовского[323], которые он печатает отдельными фельетонами в «Последних новостях». Какая колоссальная разница между этими двумя врагами нашей страны!

Беседовский - это подлец из подлецов, он выбалтывает все, что знал, рассказывает целый ряд секретов, которые были ему известны как советнику двух крупнейших посольств. Выдает нас направо и налево и шантажирует все европейские министерства иностранных дел, «торгуя» русскими секретами. В его воспоминаниях рассказывается и о наших связях в Японии и Китае, и об организации работ Коминтерна, и о денежных суммах, данных на китайскую революцию, и о разговорах по этому вопросу со Сталиным, и об участии Политбюро в руководстве коммунистической пропагандой. Словом, обо всем, что является красным знаменем в глазах европейских дипломатов.

Воспоминания Троцкого построены совершенно по-другому. Это, собственно, не воспоминая, а политическая автобиография и апологет. Троцкий занимается своей собственной апологетикой. Он опять повторяет все те положения, которые он высказывал, начиная с 17 года. И о перевооружении

[323] См.: *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. Опыт автобиографии. Берлин, 1930; *Беседовский Г.З.* На путях к термидору. Париж, 1930; 2-е изд. М., 1997. Г.З. Беседовский (1896-1962?) - советский дипломат. Работал в полпредствах в Японии, Франции. С 1929 г. эмигрант.

большевиков в апреле, и о совпадении его и ленинской точек зрения, и о правоте перманентной революции. Особенно подчеркивает отношение Ленина к нему, изображая историю партии как действие лиц - его и Ленина, а все остальные это лишь эпигоны, искажавшие и портившие партийную историю. Почти о каждом, особенно из своих политических противников и врагов, он рассказывает какую-нибудь пакость, имеющую место в действительности. А в то же время он, который лучше, чем кто-либо другой, знал все секретнейшие дела нашей партии, страны и Коминтерна, он не говорит даже полунамеком ни об одном из фактов, которые могли бы непосредственно послужить во вред диктатуре пролетариата.

В воспоминаниях Беседовского, сбежавший холуй, чиновник, выбалтывает все, что знал. В воспоминаниях Троцкого - политик, разошедшийся с партией, пишет книгу, в которой старается доказать и оправдать правоту своей политической линии, старается доказать жизненность своей линии, как одного из пролетарских течений и настроений. Троцкий индивидуален. Он страдает манией величия, преувеличивая свое собственное значение и преуменьшая значение окружающих. Он видит лишь себя и массы, чувствует массы и свою собственную индивидуальность, совершенно игнорируя партию, как живой и думающий организм. Но все эти особенности мироощущения и мировоззрения троцкизма, оторвавшие его от партии, все же удерживают и определяют границы воспоминаний Троцкого. Для историка воспоминания Троцкого дают мало интересного. Они почти не дают ничего такого, что бы мы не знали — описание 17 года, описание Октябрьской революции, Брестского мира - все это периоды, о которых Троцкий и писал уже в российской печати, которые достаточно разработаны им в его воспоминаниях.

Троцкий не прибавляет ничего нового к тому, что он уже высказывал в той или другой форме об этих периодах в российской печати. В этих воспоминаниях лишь лишний раз подчеркивается сущность троцкизма как определенного политического течения. Своей неустанной дискредитацией руководящих верхов партии Троцкий, несомненно, наносит глубокий вред диктатуре пролетариата и коммунистической партии, поскольку он старается оторвать от коммунистических рядов и противопоставить диктатуре пролетариата в нашей стране свои собственные построения своих собственных сторонников. Он пытается, таким образом, разложить ряды пролетариата, а это, несомненно, является вреднейшим выступлением. Беседовский просто торгует всеми сведениями, которые он знал, и, когда он все, что знал, распродаст, он станет ненужным, как стал политически бессильным с того момента, как стал печатать свои мемуары. Троцкий же остается политически враждебной силой и, публикуя свои мемуары, он усиливает свою политическую вредность, поскольку для него выступление с мемуарами является одной из форм выступления против основной линии партии, выступление, сила которого не прекращается и с изданием мемуаров Троцким, которое продолжается и может продолжаться самим Троцким.

Из партийных впечатлений маленькая сценка - разговор с Тоболовым. Это было 16 июня на узбекском концерте. Тоболов осетин, когда-то учился у меня в комвузе, осетинский партизан, теперь окончил ИКП и был сейчас в Тифлисе редактором газеты. Он выставлен оттуда вместе с Криницким за левую линию, приведшую к срыву коллективизации в Закавказье и к целому ряду восстаний, потребовавших вмешательства всей кавказской армии. Сейчас этот левак держится за Криницкого, которого посадили мальчиком в редакцию «Большевика». Разговорились мы о Сефе. Он говорит, что

Сеф ничтожество, а, во-вторых, левак. Мой, говорит, приятель Савельев (это Савельев-то его приятель, вот врун!) не хочет его брать из-за левизны. Я говорю, что у самого Савельева сейчас леваки сидят в аппарате, но он говорит их скоро разгонят. Этот провинциальный политик хотел выпытать у меня этим разговором, как я отношусь к левакам, не принадлежу ли я и сам к левакам.

Начинает постепенно выходить под моей редакцией серия книжек. Пока вышла книжка о корниловщине Чаадаевой[21]. Хотя я и редактировал эту книжку, а о самом авторе рассказать много не могу. Ну, что сказать - беленькая, аккуратная женщина, когда была молода - была красива, теперь уже старится, очень спокойная, уравновешенная, копуша, никаких особых мыслей и ярких взрывов у ней нет, а так очень спокойная размеренная, работает, что-то делает и дает определенно неплохие результаты, посмеивается. Вообще, дело с ней иметь можно, человек выдержанный и тактичный. Мы ее сейчас выдвигаем по всем линиям и делаем председателем кафедры истории в 1-м университете.

Другой автор, который идет сейчас под моей редакцией и с которым я вместе редактирую ряд книжек и вместе преподаю в ряде вузов, - Борис Исаакович Горев'[2]". Знаменитый Игорь, гроза, член ЦК меньшевиков и упорнейший враг Ленина эпохи реакции. Он, нужно сказать, несомненно, обаятельнейший человек. От меньшевиков он давно отошел и теперь, правда, в нем еще заметны струйки прежнего демократизма и либерализма, но, когда ему укажешь на них, он быстро от этого отказывается. Исключительный оратор и с таким энтузиазмом предается педагогике, что студенты, мы с ним вели одну и ту же

[324] См.: *Чаадаева О.Н.* Корниловщина. М.; Л., 1930 / Ред. С.А. Пионтковский; и др.

[325] См.: *Горев Б.И.* Анархизм в России. М., 1930.

группу, все время ставили мне его в пример. Разносторонне образованный, прекрасный публицист, человек с большим интересом к общественным вопросам, разносторонний и живой он является, несомненно, одним из интереснейших людей нашего времени. А в то же время он удивительно умеет себя держать. По резким принципиальным вопросам - он почти не высказывается, а там где нужно всегда занимает очень чуткую линию. ***Я*** думаю, что его разносторонность, его интерес к науке — от Бланки скачет к Михайловскому, от русского социализма к западноевропейскому, от пятого года к народничеству, от чисто исторических вопросов к вопросам теории марксизма - и вообще является формой ухода от живой, политической работы. Этот старый политик, ведь в политической деятельности он провел всю свою жизнь, начав с 90-х годов работать как социал-демократ, он был меньшевиком до 20-го года и был почти все время членом Центрального Комитета, он лично знал и Ленина и Мартова, был все время врагом одного и преданнейшим другом другого, участвовал в революции 1905 года и в исполнительном комитете Петросовета и в первом ВЦИКе в 1917 г., участвовал почти во всех нелегальных изданиях до революции, написал массу статей и заметок - ясно, что такой живой и разносторонний политик не может усидеть на чисто академических исследованиях и скачет по векам и темам. Поэтому он и дает массу блестящих по внешности брошюр и книг и не дал ни одной так называемой академической исследовательской работы. И в то же время этот интересный человек завоевывает сердца комвузовцев. Он рассказывает им о загранице, рассказывает о личных встречах с западноевропейскими революционерами, он проводит с ними целые часы, приходит в ужас от их безграмотности и с энтузиазмом воюет за грамотность и знания. Редактировать его и вообще иметь с ним дело очень легко, он понимает с полуслова то, что ему говоришь, быстро схваты-

вает суть своих ошибок и в то же самое время он знает материал и знает те вопросы, которые приходится редактировать и о которых приходится говорить. Из разговора с ним, если иногда и не услышишь новой интересной мысли, то, во всяком случае, вынесешь стремление задуматься над вопросом и выносишь впечатление о живом умном человеке.

Занятия в вузах завтра, послезавтра кончаются... Очень хорошо, плохо только то, что занятия в этом году у меня кончаются не блестяще. Не люблю я сплошных семинарских занятий без лекций, не умею подойти чисто педагогически к ребятам, а они требуют сейчас большого внимания к ним, большой возни, школьных приемов. Требуют, конечно, ходить без опозданий и без пропусков — и по всем этим линиям у меня недостатки. По всем этим линиям меня ругают. Я огрызаюсь и все больше и больше, теряя свои позиции в вузах. В Москве столько желающих закрепиться в вузах, что сменить сейчас любого работника ничего не стоит, заменить сменой, которая будет стараться из всех сил, лезть из кожи, выполнять все требования, лишь бы только сидеть в Москве. А, может быть, и потому, что они согласны и с новыми требованиями и с новыми приемами, что им нравится сама педагогическая работа и они искренне стараются выполнять ее как можно лучше.

Записано 16 июля 1930 г.

Вчера вечером до часа ночи читал вышедший в честь Рязанова сборник[36]. Особенно интересны две вещи: сам Рязанов и биография Дженни Маркс (жена Маркса). Рязанов интересен как непосредственно не только идеологически, а прямо и физи-

[36] См.: На боевом посту. К шестидесятилетию Д.Б.Рязанова. М., 1930.

чески связанный с Марксом. Правда, он начал работать тогда, когда Маркса уже не было в живых, но он застал живыми и Бебеля и Клару Цеткин, людей не только видевших Маркса и Энгельса, но и бывших ему чрезвычайно близкими. Непосредственные традиции от Маркса через его учеников, через Энгельса передались к Рязанову — здесь преемственность передалась через одно поколение, а это делает особенно колоритной и совершенно особенной фигуру Рязанова. Как политик - он не играл руководящей роли в истории нашей партии, но он лично знал тех людей, которые очень хорошо знали Маркса. В орбите Маркса, его отраженным светом светит Рязанов, и свет же Маркса застилал в свое время образ его жены Дженни Маркс. А сейчас, когда издана вся переписка Маркса и Энгельса, когда напечатана масса воспоминаний, когда собраны все документы, характеризующие жизнь Маркса и Энгельса, - она встает во всей своей конкретности, и на фоне их вырастает крупная женская фигура Дженни Маркс.

Жизнь у них была неприглядной. В ней была безысходная бедность и грандиозные взлеты гигантской мысли, вечная тоска о завтрашнем дне и пульс мирового рабочего движения. Дженни Маркс приходилось сражаться с булочниками и прачками за забранное в долг и вести переписку, и встречаться и разговаривать, думать, и решать все вопросы мирового рабочего движения середины XIX века. Переходя от родов к болезням под аккомпанемент детского плача, эта необыкновенная женщина переписывала теоретические работы Маркса, давала ему советы, сама участвовала в политической борьбе, сама писала. В наше время ее, пожалуй, можно сравнить с фигурой Крупской. И ту застилал свет ее мужа, и была, несомненно, крупная личность, и та внесла свою крупную долю в строительство мирового рабочего движения. И на фоне этих грандиозных фигур кажутся ка-

кими-то мизерными все те события, которые протекают на нашем историческом фронте.

Люди, поднявшие впервые знамя мировой революции, грандиозные, небывалые успехи, до которых они дожили, их рост, каждодневный, ежечасный рост социализма в нашей стране, необыкновенные прообразы мирового грядущего в виде наших неудачных и грязных совхозов, вид наших совхозов и колхозов - это чем будет и чем должно быть крестьянское хозяйство...

Я нарочно пригласил к себе теперешнего лидера украинской науки - Рубача. Он был у меня 25 и 29 июня, просидел целый вечер. Он доказывает, что нет и не может быть сейчас истории народов СССР, что история народов СССР - это понятие этнографическое, [мы] должны заниматься историей Великороссии, как они должны заниматься историей Украины. Для него основным стержнем связанных исторических процессов является национальность. Нужно сказать, что он очень твердо требует от нас внесения национального момента в историю, но что он в своей украинской истории ориентирован очень плохо. Он едва-едва знает ее, но зато необыкновенно громко и решительно он обвиняет в национал-шовинизме. Вообще сейчас сказать человеку, что он великодержавный шовинист, - это привести его в ужас, напугать до смерти.

А на съезде[327] как раз Сталин очень напирал на то, что перед нами стоит задача создания и развертывания национальной культуры, а поэтому главной опасностью является великорусский шовинизм, препятствующий созданию национальной культуры. Ясно, конечно, что при таких настроениях обвине-

[311] 26 июня — 13 июля 1930 г. в Москве состоялся XVI съезд ВКП(б). Согласно советской историографии съезд вошел в историю правящей партии как время развернутого наступления социализма в стране. Сталин выступил на съезде с политическим отчетом ЦК.

ниє в великорусском шовинизме принимает обостренный характер и украинцы напирают, а между тем они, по-видимому, теоретически не представляют себе, о чем собственно нужно говорить. Другая группа в лице Рубача является несомненнейшими национал-социалистами. Отрицая историю народов СССР, они тем самым обосновывают самостийность Украины, а ведь вопрос заключается в том, чтобы указать и процессы общие, и процессы индивидуальные, чтобы вскрыть то, что связывает и выявляет, и индивидуальность в конкретной обстановке. Придется, несомненно, теперь всем учиться читать по-украински. Рубач с пеной у рта нападает на Мебеля, который 8 лет прожил в Харькове и ни бум-бум по-украински. Это, конечно, оплошка со стороны Мебеля. Гораздо проще было бы получиться немножко украинскому языку и не дразнить гусей.

2 июля случайно на улице встретил Горина. Остановились и стали разговаривать. Вот бандит. Он, конечно, по привычке начал хвастаться своими необыкновенными успехами и своей ученостью, а, в общем, обокрал меня. Конечно, заговорили по национальному вопросу. Говорит, чго не знает, как можно национальный вопрос связать с советским движением 1905 года. Я говорю, что это нет ничего легче, нужно только учитывать то, что говорил Сталин о том, что национальный вопрос есть по существу крестьянский вопрос, и нужно как следует вдуматься в систему связи истории Украины с историей СССР. Начал хвастаться, та знаменитость, своими победами, тем, что он выиграл все кампании в этом году, которые я вел против него. А я говорю, что лучше было бы, если бы они не затевали этих кампаний и гораздо проще было не устраивать фракционных группировок, а привлечь меня к работе. Он откровенно сознается, что у них есть группа, это бывшие леваки, теперь они, конечно, стоят на все 100% на партийной платформе, но из времен своей недавней оппозиции сохранили известную идеологическую

сплоченность, не переросшую во фракционную автономность, но, во всяком случае, приведшую к определенному идеологическому и организационному срастанию.

Был один раз на съезде, слушал заключительное слово Сталина по политотчету ЦК партии. Это было 2 июля. Выступал целый ряд лиц. Сначала шли прения. Выступал Догадов. Такого жалкого выступления я от него не ожидал. Вышел он и довольно развязно стал громить Томского. Аудитория начала ему кричать, чтобы он рассказал о себе. Он стал клясться и божиться, что в правом уклоне он никогда не был. Ему стали кричать, и только Калинин его спас. Председательствуя Калинин подал реплику, что криком можно кого угодно загнать в какую угодно оппозицию и что не надо приписывать к правому уклону новых товарищей. Потом выступали и другие, не произведшие впечатления. Очень удачно выступал Киршон[328]. Его речь произвела на съезд впечатление. Она была образной, хорошо продекламированной, он читал ее понаписанному, и сопровождалась она все время аплодисментами.

Потом с большой речью выступал Ворошилов[329]. Ну, это была официальная речь официального военного министра. Он тоже читал свою речь по написанному тексту. И, наконец, выступил Сталин. Когда Калинин предоставил слово Сталину, съезд разразился грандиозными бурными аплодисментами, несколько минут аплодировали. И потом из-за правых кулис, считая от председателя, вышел Сталин в белом пиджаке, белых

[328] В.М.Киршон (1902-1938) - советский драматург, автор пьес «Рельсы гудят» (1928), «Чудесный сплав» (1934) и др. Репрессирован. Реабилитирован.

[329] К.Е.Ворошилов (1881-1969) - член Политбюро ЦК в 1926-1960 гг. В 1925-1934 гг. председатель РВС СССР, нарком по военным и морским делам, в 1934—1940 гг. нарком обороны. М.И. Калинин (1875 - 1946) - политический деятель. С 1922 г. - председатель ЦИК СССР.

штанах в заправку в черные сапоги. Слегка покачиваясь, как человек, который не привык много ходить, он подошел к трибуне. Съезд встал. Так в свое время приветствовали только Ильича. А потом он произнес очень маленькое заключительное слово.

Он говорил, записки у него не было. Речь эта полностью без попусков воспроизведена в стенограмме. Интересен не только ее смысл, а интересна дикция, с которой он произносил ее. Когда Сталин говорил о вождях оппозиции, он повернулся к трибуне и в его голосе и в жестах было столько презрения к этим бывшим вождям.

Съезд проводил его еще более бурными аплодисментами и овациями, встал и пропел Интернационал. В свете сегодняшнего дня та борьба, которую вел Сталин с Троцким при Ленине, та борьба, которую он вел с Троцким после Ленина, с Зиновьевым и Каменевым и теперь с Рыковым"[30], Томским и их друзьями, принимает новый свет и новый характер. 8 лет с 1922 года Сталин на глазах всей партии вел неуклонную, непримиримую борьбу, и эта борьба была борьбой за политически правильную линию. Успехи сегодняшнего дня проверяют правильность вчерашних и позавчерашних боев. В свете сегодняшних успехов борьба Сталина принимает резко очерченный принципиальный характер, и успехи сегодняшнего дня укрепляют и подчеркивают правильность вчерашних позиций. За 8 лет Сталин стал настоящим и единственным вождем партии. Было много кандидатов в вожди — и Троцкий, и Зиновьев, и Каменев, и Рыков, боролись за политическую линию, держали экзамен на звание вождей не только нашей партии, не только партии 1/6 мира, но и на звание вождей всего

[330] А.И.Рыков (1881-1938) - с 1924 г. председатель СНК СССР. В 1930 г. снят с поста председателя СНК и выведен из состава Политбюро. Арестован 27 февраля 1937 г. Расстрелян 15 марта 1938 г. Реабилитирован в 1988 г.

мирового пролетариата, а выдержал экзамен на это звание один Сталин. Поэтому и в речи его и в тоне, в тембре голоса чувствовалось сознание и власть. Через него говорила история, через него история произнесла свои последний приговор над кандидатами в вожди - Бухариным, Томским и Рыковым. И этот приговор, отбросивши от звания вождей тройку товарищей, утвердил в звании вождя Сталина.

Когда он сказал с небольшим восточным акцентом, выпирая немножко оборотное «Э»: «Между моим планом и планом их лежит пропасть, один путь к социализму, другой путь к капитализму...». То эта пропасть действительно чувствовалась и действительно чувствовалась колоссальная уверенность человека в том, что он указывает путь к социализму, что то, о чем он говорит, есть действительно настоящий, единственный путь. И на эту уверенность съезд ответил уверенностью, он встал после речи Сталина и запел Интернационал. Партия и вождь поняли друг друга и Сталин за эти 8 лет, как никогда, достиг зенита своей славы и влияния. Теперь уже никто не стал бы, как было в ближайшие годы после смерти Ленина, говорить о руководящем коллективе в ЦК, теперь есть единственный вождь, вернейший ученик Ленина - Сталин. ***Я*** думал, что после этой истории Рыкова, конечно, снимут из Совнаркома и выведут из Политбюро. Поспешил даже купить портрет его с надписью. Все-таки для будущих времен это будет историческая редкость, но, оказалось, я прогадал. Раздавив своих противников, политически выбросив из ЦК статистов, Сталин оставил тройку, а Рыкова оставил и в Политбюро. Теперь Алексею Ивановичу придется еще больше заикаться при выступлениях, чтоб не нарваться второй раз на такую проработку, которой подвергли его, как он сам сказал, политического лидера на съезде. И в самом деле, когда имя политического лидера становится орудием

борьбы против его партии, этот политический лидер стоит на грани политического самоубийства.

Записано 30 августш [1930 г.]

Попал на последнее заседание конгресса Профинтерна[3'1]. Как всегда в Колонном зале дома Союзов трибуна в три этажа. На верху трибуны президиум, стенографистка. Весь зал занят рядами, сидят делегаты с наушниками. Между колоннами и в кулуарах толпа. Среди гостей представители эмигрантских колоний Москвы. Партийцев - москвичей почти не встретишь. Кругом разноязычный говор и разноплеменная толпа. Чернеют негры, маленькие малайцы, целая коллекция китайцев, две монголки, преобладают европейские лица. Говор на всех языках и на конгрессе и на трибунах один язык сменяет другой.

Джерманетто от мандатной комиссии говорил по-французски, а вслед за ним представитель испанской делегации читал декларацию на испанском языке. Конгресс прерывал ее бурными аплодисментами. Людям с наушниками понятно было в чем дело, им переводили переводчики в микрофон, а нам можно было лишь догадываться.

Лозовский[332] в желтой рубахе, подпоясанный ремешком, с черным галстуком говорил по-русски, а потом трибуну занял негр, представитель негритянской комиссии. Весь черный в белой рубахе с засученными рукавами. Изумительное впечатление производит эта многоязычная и разноцветная толпа.

[j31] 15-30 августа 1930 г. в Москве состоялся V конгресс Красного Интернационала профсоюзов.

[332] С.А.Лозовский (Дридзо. 1878-1952) - в 1921 - 1937 гг. генеральный секретарь Профинтерна, в 1939-1949 гг. - заместитель наркома (министра) иностранных дел СССР. Репрессирован. Реабилитирован.

По преимуществу молодежь. Редко, редко мелькают старческие лица, и даже лица в возрасте.

Профессиональный актив Европы и Америки собрался здесь. Это все коренные рабочие. Они все накалены каким-то необыкновенным энтузиазмом. Они пришли с поля битвы, здесь строились стратегические планы дальнейших сражений, пришли в обетованную Москву, строящую социализм. И потому, когда с трибуны сказали о том, что московские рабочие пришли приветствовать конгресс, вся эта тысячная толпа дико сорвалась со своих мест и лавиной понеслась к выходу навстречу московскому пролетариату. Импровизированные трибуны вмиг заполнились до отказа, делегаты стояли на платформах, лезли на моторы, на крылья машин, настолько густой толпой заполняли машины, что охрана снимала излишних энтузиастов и переводила их в другие части отдельных трибун.

Они с необыкновенным энтузиазмом встречали демонстрации. Я залез на один из грузовиков, полных делегатами. Шорох знамен, пенье, звуки оркестров и звуки шагов, многотысячный говор толпы, пестрая смена бегущих костюмов производили на делегатов потрясающее впечатление. Когда та кучка, с которой я стоял, увидела отряд авиахимовцев, среди которых с винтовками шли девушки, одна из делегаток была прямо потрясена и указывала своим товарищам на девушек с винтовками, а потом делегатка махала руками этим неизвестным пролетаркам. Для нее это была эмблема освобождения, грядущее.

Демонстрация на делегатов произвела огромное впечатление, они с каким-то огнем пожирали ее. Да и демонстрация шла весело, бурно. Люди шли непосредственно с работы, после рабочего дня. Несли лозунги, плакаты, знамена. Все рабочие Москвы заполнили площадь Охотного ряда и многотысячной лавиной проходили перед трибуной. В начале Тверской остановился автомобиль с тремя делегатами. Они что-то по очереди

кричали, заканчивая свои приветствия криками «ура». Проходившая толпа встречала их веселыми криками, а потом окружила автомобиль и принялась качать вылезшего из автомобиля негра. Негра не линчевали, а качали в знак международного братства пролетариата. При этом все хохотали и дружно кричали «ура». А негр, подбрасываемый кверху, махал одной рукой и тоже орал. Я думаю, что он никогда в жизни не забудет этой встречи с московским пролетариатом.

Побывав на конгрессе, я как будто побывал совершенно в другом мире, в другой обстановке. Вот тут среди колонн Дома Союзов куются кадры будущих революционных батальонов. Здесь собрался высший и средний командный состав пролетарских армий всего мира. И какой состав - молодой, горящий. Рабочая армия здесь выковывала свои стратегические планы, обучала своих кадровиков и осуществляла на деле мировые задачи и спайку пролетариата всего мира. Как далеки эти дела и как далеки эти настроения от той жизни тех людей, с которыми меня сталкивает судьба каждый день. У каждого делегата за плечами история, для него как обыденная жизнь. Над каждым висит или приговор или тюрьма, а над одной девушкой из Америки даже смертная казнь за участие в стачке. Каждый был в схватках с капитализмом и каждый пойдет в них вновь, непосредственно грудь с грудью, рука с рукой. Посидел на конгрессе и хотя, по совести, сказать, кроме речей Лозовского, (увидел) разлитой по всему залу огонь энтузиазма, огонь горения, борьбы, горящий в делегатах, заражающий всех, палящий и прожигающий капитализм всего мира.

Записано 9 сентября 1930 г.

10 дней, как я опять в Москве, и за 10 дней затрепался. Опять начались склоки по вузам, перманентная склока в

учебной части института, аспирантов. Буря в стакане воды и борьба неизвестно из чего, я постарался уже выскочить и ликвидировал половину вузов. Нужно также ликвидировать и институт, и хотя как-нибудь голодно, но просидеть зиму. Жизнь с каждым часом становится сложнее и классовая борьба злее и обостреннее.

Я ездил по Волге, Каспию и Кавказу. Наслушался и навиделся разного. На Волге мне один московский парень рассказывал, как рабочего с их завода, пошедшего в счет 25.000 в деревню, где-то сгребли кулаки во время работы на тракторе ночью и живого изжарили на костре. В Марксштадте недавно разгромили клуб, бывший в помещении бывшей церкви. Облили керосином на улице какого-то из местных ответственных работников и чуть не сожгли. На Кавказе восставали карачаевцы. Из Турции через границу приехал султан, осаждали четыре дня Михоян Шахтай и только прилетевшие самолеты восстановили порядок. Вспышки гражданской войны в ее открытой форме непосредственных вооруженных столкновений. И на гребне этих вспышек, на фоне уничтожения кулака как класса и его упорной защиты своего существования, арестован заговор в Москве.

Фактически арестовано два заговора, две группы работников - монархический, в котором принимали участие все наши буржуазные профессора истории, и эсеровско-меньшевистский, котором руководили Кондратьев, Чаянов, Суханов и Базаров ". Получается, от классовой точки зрения замечательная картина: полное воспроизводство идеологически того, что мы имели во второй половине 18-19 года. И там

[333] Пионтковский выражал существующую тогда официальную точку зрения на судебные политические процессы конца 1920-х — начала 1930-х годов В настоящее время установлена фальсификация и надуманность этих процессов. Все обвиняемые реабилитированы.

начались вспышки гражданской войны как реагирование раскулаченного кулака на комбедовскую политику. И там й сейчас же это отлилось идеологически в правом центре - монархистах и национальном центре эсерах и меньшевиках, кадетах. И здесь мы имеем сейчас то же самое. Удивительно быстро, в какие-нибудь полгода, произошло полное оформление и окончательная формовка всех программ и всех политических и тактических тенденций и выступлений.

Когда едешь по стране, по России, не чувствуешь там этой законченности классовой борьбы и идеологического оформления. Волга от Ярославля до Нижнего большая река. Я никогда не предполагал, что она так огромна. Здесь немного голодно, но ехать вполне прилично. На пароход грузили трактора. По дороге и на пристанях они, махая лапами, сами вылезали на берег.

В Нижнем суматоха и гул стройки. А дальше к Астрахани постепенное улучшение с продовольствием и всем. В общем, получается, что натянутые продовольственные отношения мы имеем, начиная от Самары вверх, а вниз от Самары в Саратове, Сталинграде, Астрахани мы имеем с нашей московское точки зрения, несомненно, хорошее положение. Сказывается недостаток повсюду живой рабочей силы. Безработных теперь нет в России. Сказывается известная хозяйственная натянутость. Водники недовольны, что их не приравнивают в положении к береговым рабочим и в оплате, и в снабжении, и в квартирах. Береговым рабочим в Казани не хватает питания, в Астрахани не хватает промтоваров. На пароходах повсюду торгуют водкой и очень мало ведут культурную работу.

Я ехал на «Гражданине» и мы собрали там заседание ячейки. Из слишком 50 человек команды - всего шесть партийцев - повар, буфетчик, заведующий почтовой конторой на пароходе и три матроса из машинной команды. Сначала мы

думали собраться в рубке 1-го класса, но капитан нам не разрешил, - теперь единоначалие - и мы устроили открытое собрание в маленькой каютке около 4-го класса. На собрание пришла публика из 3-4 классов, из партийцев, ехавших на верху, почти никто не пришел. Пассажиры 3 и 4-го классов остро поставили вопрос о разнице перевозки пассажиров по классам. Ехали на отдых партийцы-рабочие и горячо протестовали против того, что их везут также, как возят селедки, в невозможнейших условиях, так, как возили и до революции. Грузят людей столько, сколько влезет в помещение парохода, совершенно не считаясь с его возможностями. Говорили о системе снабжения на пароходе. Кормят всех одинаково, но десятка три пассажиров 1-го класса обслуживают два человека, а сотни людей в 3 и 4 классах - один. Ясно, что им приходится до бесконечности ждать очереди на обед. Говорили, говорили, но ни к чему не пришли. Ведь, ясно, что единственное, что можно, - это перестраивать или строить новые пароходы, а в старых мы связаны с самой структурой и архитектурой парохода. Я все-таки предложил выделить особую бригаду из матросов парохода для рассмотрения вопроса о распределении грузов и рациональном использовании площади, да единогласно постановили на ячейке возбудить вопрос о прекращении продажи водки на «Гражданине».

А когда я ехал на «Тургеневе», там на всю команду оказалось всего два партийца - один, правда, заслуженный, бывший красногвардеец, расстрелянный чехами, гигантского здоровья парень, выживший после расстрела, мертвецки пьяный. На пароходе торгуют водкой, естественно, что при таких условиях партработы и культработы на волжских пароходах нет никакой. Здесь, конечно, в первую голову виновато основное руководство волжского пароходства. Оно более всего виновато в том,

что на пароходах усиленно идет торговля водкой и нет ни радио, ни красных уголков, ни культработы, ни партработы.

В Астрахани я попал на промысла. Ну, с рыбой мы будем терпеть, конечно, перманентный кризис. Ее ловят и обрабатывают также, как обрабатывали и ловили, ну, скажем, в XVI веке, - все руками, на глазок, примитивно. Нет никаких машин, ни приспособлений и инструментов. Коптят в коптилке на простом костре и на взгляд, и на глазок определяют успех процесса наваленной рыбы. Для полного переоборудования промыслов нужны огромные капиталы. Промысла строились в течение десятилетий. Все это из дерева, очень примитивно, рассчитано на потребление огромного количества человеческого дешевого труда. И рабочие на промыслах серые, по преимуществу женщины. Партийная прослойка слаба. Познакомился я там с одним изобретателем. Он изобрел такой способ, что вместо того, чтобы воблу нанизывать на веревочку и потом коптить пучками, для копчения выгоднее нанизывают воблу каждую отдельно на крючок. Таким путем он экономил два трудных процесса и облегчал процесс копчения. Все его изобретение сводится к тому, что он изобрел длинную палку, на которую с двух сторон прибиты загнутые гвозди, всего 200 штук и на эти крючки навешивают рыбу воблу и потом руками тащат этот шест коптить, руками снимают всю рыбу. И такое изобретение уже шаг вперед. Что же представляет из себя в смысле организация труда все промысла.

В Астрахани негде ночевать. В NN нет мест, но против NN через улицу живет какая-то сердобольная старуха, которая всех, которым в NN отказывают, встречает с распростертыми объятиями и устраивает ночевать чисто и прилично. Она, как коршун, сидит на окошке и смотрит. Как только видит разочарованную фигуру, выходящую из NN, сейчас же

машет руками и встречает на крыльце. Так и я попал к ней и вполне прилично ночевал.

Ходил по промыслам и случайно наткнулся на рабочее собрание. У стены несколько, видимо, московских рабочих пытались сорганизовать собрание строителей, а тут же в доме, за углом через окошко я видел строителей калмыков-рабочих, которые сидели на корточках и играли в карты. Вот тут и организуй собрание!

Астраханский Кремль сохранился как бы при Стеньке Разине. И вообще, Астрахань полна архаизмов. Выехать из города, например, можно, только имея командировку, а простым, смертным, чтобы выехать надо положить массу труда, Ну, я кое-как втиснулся на допотопный пароход, который ходит по Каспию. Пароход, оказалось, выстроен в 1889 году, а это один из лучших каспийских пароходов.

От Астрахани до Баку больше поэтических воспоминаний, чем поэтических впечатлений от дороги. Пароход паршивенький, в каюте духота, наверху мошки, спать нельзя нигде, ни внизу, ни на палубе. Зато Баку. Я никак не могу понять, повидавши Баку, как могли бакинцы, бакинский пролетариат идти за меньшевиками и выдать «26». Это действительно исключительный город, уже, подъезжая к нему, на острове и по берегам частыми рядами торчат кверху, как иглы, вышки, дымят заводы и среди заводов и вышек в глубине залива огромный город, уходящий вверх. На холме старинная крепость, стены персидских и турецких времен и Девичья Башня, пережившая столетия, огромная и страшная стоит над заливом. В Баку интересно все — колорит Востока в узеньких улицах старого города и европейские кварталы приморской части, и промысла, промысла... . Я все-таки попал на промысла. Здесь бурят, сосут, качают нефть. Кругом стоят лужи нефти, тянутся трубы, провода, стоят станки, махают колесами

трансмиссии, чавкают, сосут, огромные буровые вышки, трубы высотой с дом. Вот, когда я походил по промыслам, я реально почувствовал, что значит производство средств производства. Ведь для того, чтобы пробуравить 500 сажень или больше и дойти до нефти, нужно огромнейшие трубы спустить в землю длиной до 500 сажень, а их нужно сделать и сколько сделать. Показывавший мне промысла инженер сказал весьма остроумно: нефть, как женщина, она начинает хотеть только тогда, когда ее растревожишь.

С промыслов я попал на нефтеперегонный завод. Замечательный завод, здесь рабочие исключительные ребята, да и завод сам перерабатывает в день сотни тысяч пудов, а всего четыре человека управляет этой махиной в дежурство. Но главное мне понравились рабочие, толковый народ, развитый, культурный. У одного я видел роман Борецкой. Он шел с дежурства, поговорили о литературе. Все собираются учиться дальше, поступать в техникумы и школы.

В зале Союза советских служащих я осмотрел выставку бакинской культуры. Азербайджанская культура очень интересна. У них есть театр, много красочного и колоритного. Курьезно, по Каспию и в Баку я ехал, а в Баку даже жил в NN две ночи с Черепниным. Это был у нас в Институте такой аспирант, ученик Бахрушина. Мы его исключили как контрреволюционера и антимарксиста. А оказывается в жизни это скромный паренек, ничего не понимающий в политике, просто вырос в такой среде антисоветской, а так парень знающий, из него бы при других условиях вышел очень хороший ученый или стихийно крепкий идеолог буржуазии. А сейчас он довольствуется официально долей издателя, а неофициально вертится вокруг Бахрушинской компании. Не знаю, сейчас, куда он девался.

Из Баку перекинулся я прямо в Абхазию. Вот уж замечательная страна, прямо Мексика. НЭП в полном разгаре. В Сочи почти ничего нельзя достать, а в Абхазии в Гаграх, Гудаутах, Сухуми персики чуть не 10 коп. кило, вина, хоть купайся. Кругом рестораны, открыты магазины и лавка, одним словом - все, что хочешь. И страна солнечная, знойная. Абхазцы, как и мексиканцы, все с оружием, признают только Абхазию и больше ничего. Сухум знаменит персиками и обезьянами. Обезьяны прославили Сухум на весь мир. Там их разводят в специальных питомниках. Таболкин рассказывал, смеясь, показывая мне питомник, что даже из Франции прислали письмо господину президенту Абхазской республики. А президент этот потом, ехидно подсмеивался Таболкин, целый вечер таскался по всем духанам Сухума, показывал письмо «его превосходительству президенту Абхазской республики».

Записано 12 сентября

Встречался по дороге и с людьми. Но люди... когда я думаю, записать о них, - записать-то, в сущности, нечего. От Сталинграда до Астрахани ехала какая-то женщина, когда-то она была красива, а теперь ей уже сильно за тридцать. Разговорились и она рассказала мне всю свою жизнь - маленькую и ничтожную. Дочь она какого-то царского чиновника. В Астрахани имела дом, перед войной вышла замуж за офицера, его убили на войне, потом вышла за другого, тот ее бросил. Она бедствовала и голодала и вышла, наконец, за третьего. Об этом третьем оно говорит с какой-то необыкновенной ненавистью и в то же время живет с ним. не бросает. Купеческая дочь и офицерская жена, она, в конце концов, сделалась маникюршей в Луганске и скрывает свою профессию, как что-то нехорошее. Познакомившись, она через полчаса побе-

жала красить губы, потом два раза переодевалась и в сумерках рассказала мне уже всю свою жизнь. Больше трех мужей у нее в жизни не было никаких серьезных впечатлений, а мужей-то, наверное, было и больше.

Другой мужчина, ехал со мной от Нижнего до Баку, молодой, года 32, здоровый, довольно красивый парень, инженер Работкин - специалист по печам, которые топят торфом. Этот молодой парень вполне советский, был в Красной Армии, был даже ранен под Ленинградом в боях с Юденичем, но в политике и общественной жизни он ни бум-бум. Он ничего не понимает в теории, мыслит самым примитивным образом и в то же самое время это крупнейший специалист, он работает и в Тепло-Техническом институте и в Госплане. По его проектам переоборудываются сейчас печи Шатурской электростанции и он ни о чем не может говорить кроме печей. О чем бы он не начинал и что бы вы не говорили, он всегда съезжает на то, как надо строить печи и какие задачи стоят сейчас перед теплотехникой. А так, в общежитии милейший парень, вежливый, одолжительный, простой и веселый, не прочь погулять и поухаживать за дамами. Живет в Москве с мамашей; жена, как он мне рассказывал, его бросила, пока он ездил в трехмесячную командировку и ставил печи по всей Черноземной области.

Потом на пароходе я познакомился с другим - лесным работником, не то лесоводом, не то таксатором с Урала, глубоко беспартийный парень. Мы ехали с ним в одной каюте, он занимался фотографией, невероятное количество жрал. Из его рассказов я понял, что он старается нажраться как можно больше того, что не попадается ему в уральских лесах — рыбы, арбузов, дынь, помидоров. Поэтому он с утра до вечера жевал, выскакивал на всех пристанях, скупал запасы и заметно потолстел к Нижнему, читал «Огонек» и «Вокруг света» и ни о какой политике не разговаривал.

Ехала на пароходе группа провинциальных ученых, естественников из Самары - профессор и две ассистентки. Профессор ходил расхристанный с мрачным видом, а в одно прекрасное утро вывесил на окне каюты сушиться свои подштанники. А ассистентки уже старушки в возрасте, одна очень не глупая, бойко разговаривала с публикой, познакомилась со мной и сейчас же сообщила мне все пакости про свою соседку по каюте, исключительной красоты женщину, и вели интересный прямо-таки разговор о геологии. Видно, что люди настроены далеко не советски, но мы все же настолько их сейчас всколыхнули, что они начинают интересоваться целым рядом теоретических проблем, а в случае чего-нибудь они бы с удовольствием провозгласили и царя Кирилла и все другое прочее.

Командир парохода недоступен и, когда разговаривает с публикой, старается избегать скользких политических тем.

В Сочи я прожил 8 дней в комнате с каким-то старичком бухгалтером. Он почитал меня за мое профессорское звание и брал шесть рублей в сутки за номер. К советской власти он относился разочарованно. Теперь, говорил он, не к чему стремиться. Ну, раньше стремился к большому жалованию, к лучшей должности, старался накопить деньжонки, а теперь ничего этого не надо, получишь все равно пенсию и социальное страхование, жить вообще нечем. Но в то же время он признавал ряд достоинств советской власти и старался не упоминать о прошлом. Кто его знает, что у него там было.

Кругом и вокруг Ривьеры полчища разряженных дам, артисток, врачей. Отдыхает полунэп. Люди полуголые, жрут, как лошади, весь день на солнце, смеются и подсматривают друг за другом. Около женского пляжа целые дни лежат толпы любителей, а женщины, как сирены, разгуливают без костюмов по берегу. До того мне надоели в Сочи голые бабы, что я не выдержал и сбежал.

В Сочи встретил Теофилию Исааковну Шеллер с мужем. Лет десять тому назад мы с Тикой были приятелями. Теперь у нее большой восьмилетний сын и слишком сорокалетний муж, инженер-строитель, она тоже инженер, строят и наживают деньги. Купили в Тифлисе дом, имеют, наверное, еще что-нибудь, клянут рабкоров и самокритику и блаженствуют при Советах.

В Сочи живет вся советская знать. На даче ВЦИКа, как в палатах: кругом жрать нечего, а у них на каждого отдельный стол. Не найдешь стакана вина. Огорожены они от всего мира забором и за забор никого не пускают и сами они никуда не ходят. Целый день все свои, все одни и те же. Зашел, играют в волейбол Доценко с Догадовым, целый день и каждый день. Должно быть это отчаянная реакция. Так надоела общественность и политика, что люди на месяц вместе скидают и штаны и все что с ними было, остаются в трусиках и превращаются в голого человека на голой земле. Мы до такого состояния по нашей малости не доходим.

В доме ЦЕКУБУ научные работники устроили вечер и целый вечер и пели, и играли, и декламировали о выпивке и вине, о любви и кипучих страстях. Страсти у них, как слизняки, и сами они в таком роде. Я хотел поехать с ними вместе на Красную поляну и пришел утром в день отъезда, а они рядились с шофером. Один какой-то почтенный шкраб заявил, что, конечно, он поедет, если шофер ручается, что машина не свалится и никакого несчастия с ними не произойдет. От одних таких речей меня стошнило, я плюнул и ушел. А вообще публика глубоко контрреволюционная и враждебная нам. И среди такого мира болтаются несколько коммунистов, не зная, зачем туда попавшие. Ухаживают за ассистентками и артистками и чувствуют себя на высоте. Скучно в Сочи до безумия.

А население стоит в очередях за хлебом, идет какая-то стройка, наверное, строят санаторию, наверное, торгуют кон-

храбандой и старательно обдирают курортников. За полтора месяца от людей самые пустые впечатления.

Записано 1 ноября 1930 года

Все склоки кончились, и я вылетел из Института истории, а вслед за ним лечу и из Москвы. Меня отправляют в Харьков. Ехать мне туда тоже хочется, как утопленнику идти на морское дно. Я не знаю языка, никогда не занимался украинской историей, никогда не бывал на Украине, и, несмотря на все это, меня тащат в Харьков. Делать мне там абсолютно нечего. От этого я предвижу тьму неприятностей. При партийной нашей линии в национальном вопросе, при усиленной украинизации и отсутствии людей на Украине я могу попасть в чрезвычайно тяжелое и трудное положение.

Придется отказаться от ряда работ, а это принимается, как саботаж. Придется тыкаться, как голому человеку к голой земле, в условиях, когда нет ни одного знакомого, ни одного близкого, ни одного понятного человека, когда не знаешь ни людей, ни их отношений, когда не понятна сама культура и чужд, и далек язык и народ. Я не вижу никакой партийной полезности в том, что я буду тратить время на Украине.

Украинизироваться я не буду, не хочу. Мне этого не нужно, переквалифицироваться в 40 лет поздно и невозможно, это была бы прежде всего деквалификация. При таких условиях ехать на Украину и посылать меня на Украину бесполезно и глупо. С таким настроением хорошей работы не наработаешь и хороших результатов не дождешься. Результат пока что один — все склоки, которые я вел и которые вели со мной, оказались мной проигранными, мои враги восторжествовали, и я пока что качусь на дно. Я не понимаю партийного смысла моей поездки в Харьков. Я протестовал по всем ин-

станциям и на всех перекрестках. Подавал заявления в ЦК, в Секретариат и Оргбюро. Пробовал добиться свидания с секретарями, но толку не добился никакого. Единственное, чего мне удалось достигнуть — это то, что на словах мне разрешили вести все те занятия и семинары, которые я вел в Москве. Семинары пока что, как всегда, у меня идут удачно. Как раз в этом году я добился, наконец, того, чего добивался несколько лет - все семинары по подготовке кадров находятся в моих руках. Я веду интереснейшую группу в ИКП, веду группы в Институте научной педагогики, самый квалифицированный семинар в Комакадемии. С точки зрения профессорского и преподавательского самолюбия я достиг того, чего желал. С такой работы идти на Украину - это все равно, что отправиться преподавать политграмоту в какую-нибудь захолустную уездную школу. Хотя на Украине сейчас и развертывают подготовку кадров, но при специфических задачах эта подготовка кадров по истории России является побочным занятием, основное - это история Украины. Политически быть на Украине - это значит быть не только вдалеке от всей политической жизни, но это значит просто не знать политической жизни, не иметь информации, превратиться по политической информации в положение захудалого уездного партработника. Уже не говоря о том, что на Украине, как во всякой провинции, будут жать и нагружать, руководить и привлекать, одним словом, обращаться, как со старой партийной клячей. И времени для научной работы не оставят. Здесь меня одолевали и заедали враги, но все же здесь мне удавалось от них так или иначе отгрызаться, апеллируя к широким массам, которые меня знали и с которыми я был связан. Сидя здесь, я мог пробиться и в журналы, и в аудитории, имеющие всесоюзное значение. А на Украине, если и напишешь в журнале, то ни-

кхо этой статьи и читать-то не будет. Личные перспективы крайне тяжелые и неприятные, завтра надо ехать.

В политике кругом творятся странные дела. Сначала мы закручивали и завинчивали, дошли почти что до военного коммунизма, с рынка сняты были все товары широкого потребления, все выдавалось только по ордерам. А получить ордер можно было только какими-то неизвестными каналами, Да и, получивши ордер, говорят, не всегда можно было с ним устроиться. Человеку, например, нужны были штаны, а ему по розыгрышу, по разверстке попадал ордер на стол или на комод. И он должен был искать несчастливца, которому вместо комода доставались, предположим, штаны, чтобы совершить обмен и, таким путем, получить нужную вещь. Получалось, что на складах лежали товары, ордера на все эти товары были розданы, а получить этих товаров никто не мог. Каналы оборота пустовали. На одном конце происходило затоваривание, на другом исчезновение денежных масс в резервуарах, куда они должны были стекаться. Деньги отслаивались в деревне, а государственные банки начинали прекращать платежи. Рос хозяйственный кризис, и росли катастрофически цены на вольном рынке. Зарплата не выдавалась. В Комакадемии, например, только сегодня заплатили за первую половину октября, а в университете еще неизвестно когда начнут платить, хотя до 5 ноября повсюду должны выплатить задержку в зарплате.

Наряду с этим развивали широкие ударнические кампании и в рабочих массах ставили задачу об увеличении колхозных и совхозных масс деревни. Все это единственно приводило к тому, что классовая борьба в наших условиях начала усложняться и усиливаться. В Архангельской губернии скопилось 40 тысяч кулаков. Для них строятся кулацкие деревни со своими сельсоветами и всем прочим, а в то же самое время все-таки не хватает рабочих рук для лесосплавов. Проблема выкачки хлеба из де-

ревни становилась все труднее, поскольку хлеба не давали не только единоличники, но проблема распределения хлеба стала и внутри совхозов и колхозов. Явления классовой борьбы усложнились, и увеличились, а соответственно этому вырастало и идеологическое оформление антисоветских выступлений.

В течение последних двух месяцев мы имеем уже полное выявление трех антисоветских контрреволюционных группировок, враждебных нам организаций. Правая группировка национально-монархическая, состоящая из группы профессоров русской истории. Все старые известные имена — Платонов, Любавский, Готье, Рождественский, Бахрушин — со всеми своими присными сидят в ГПУ за организацию монархического заговора. Эти старички готовили монархический переворот, добывали оружие, думали о свержении советской власти. У них имелась связь с Андреем Владимировичем, великим князем, и немецкими фашистами «Стальным Шлемом» и с какими-то захудалыми немецкими учеными. Больше эта группа, по-видимому, работала по шпионской работе и была использована иностранцами с этой целью.

Другая группа состояла из бывших меньшевиков и эсеров Кондратьева, Суханова, Чаянова, Базарова, Петра Маслова - российского академика и т.д. Эта группировка тоже мечтала о переходе власти в ее руки, о свержении советской власти, о восстановлении буржуазной системы отношений. Они были связаны с меньшевиками и эсерами за границей. В их рядах находилось большое количество специалистов - экономистов, заседавших в руководящих органах. Здесь даже были и беспартийные члены правительства, бывший член Наркомфина Юровский и члены ВЦИКа.

Третья группировка чисто промышленно - капиталистическая была группа проф. Рамзина, которая скоро будет судиться в Верховном Уголовном суде. Это была уже чисто реставрацион-

ная крупнобуржуазная группировка. Она была связана с Рябушинским и французами, получала из-за границы многомиллионные субсидии, готовила переворот. У них был намечен состав кабинета министров. Они были в блоке с группой Суханова и Кондратьева, согласны даже были включить в состав министерства на первое время Чаянова с тем, чтобы потом его выбросить и всецело перейти к диктатуре крупной буржуазии. Интересно и симптоматично, что обе группировки и Кондратьева и Рамзина[334] базировались на внутрипартийной оппозиции и на внутрипартийном расколе. Они особенно выделяли и опирались на правых внутри нашей партии. Правые для них были как раз той группой, через которую они надеялись придти к власти. Они поддерживали правых, информировали правых, старались соответственно обрабатывать правых цекистов, подбирая им материал. В своих показаниях они сами указывают, какую роль для них должны были сыграть правые. И в состав тех министерских кабинетов, которые были намечены этой группировкой, они в качестве передовых министров включали правых.

Неудивителен тот растущий и жесточайший отпор всем классовым врагам, который мы сейчас ведем. Партия должна дать, и дает жесточайший отпор всем отклонениям от гене-

[334] Н.Д.Кондратьев (1892-1938)-экономист, в 1920-1928 гг. директор Конъюнктурного института при Наркомфине, начальник управления экономики и планирования сельского хозяйства Наркомзема РСФСР. Репрессирован. Реабилитирован. Л.К.Рамзин (1887-1948) - теплотехник. Участник разработки плана ГОЭЛРО. В 1921-1930 гг. директор Всесоюзного технологического института. Осужден в 1930 г. Позже освобожден и реабилитирован. А.В.Чаянов (1888-1937) - экономист-аграрник. В 1918-1930 гг. — профессор Московской сельскохозяйственной академии, в 1922—1928 гг. — директор Института сельскохозяйственной экономики. Репрессирован. Реабилитирован. Пионтковский придерживался официальной пропагандистской версии обвинения против них, которая позже не подтвердилась.

ральной партийной линии 16-го съезда. И правым и левым загибщикам партия должна нанести, и наносит сокрушительный удар. Правые уже сейчас вылетают из партии. Исключен из партии знаменитый Слепков, когда-то правая рука Покровского. Покровский провозгласил Слепкова как нового гения, который должен будет возглавить русскую историческую науку. Здесь он как недурной организатор и вообще способный парень быстро сорганизовал группу. И эта кампания Бухарина и его ближайших учеников крепко держала его в руках. Слепков сам в прошлом успел побывать в кадетской партии. Его бывшая не то жена, не то невеста года два тому назад преподнесла партии в подарок письма Слепкова периода 17-го года, когда он, будучи кадетом, провозглашал смертельную борьбу социализму и большевикам. А после этого он уже успел взять в свои руки Бухарина и чуть-чуть не попал в ЦК. Во всяком случае, вязал и решал политические вопросы. Это, несомненно, неглупый от природы круглолицый черномазый парень, очень шустрый и живой. Я знал его, когда он учился в Свердловском университете, ему было тогда, наверное, года 22 или 23. Он сошелся с заведующей учебной частью Свердловки, дамой бальзаковского возраста лет под сорок. Она вывела его в люди, культивировала и знакомила. Потом он поступил в ИКП, окончил его и стал заниматься высокой политикой. Теперь его политическая звезда закатилась. Ему не то, что заниматься политикой, теперь ему вообще трудно придется.

Исключили из партии сегодня и Марецкого, другого столпа Бухарина и бывшего негласного редактора «Правды». Это тоже, несомненно, чрезвычайно умный и даровитый парень из бывших свердловцев. Парень этот с большим самообладанием и большой смекалкой и неплохой теоретической подготовкой. Оба были ближайшими учениками Бухарина и исключение их из партии знаменует, конечно, угрозу по адресу Бухарина. Бухарину гро-

зит, не говоря уже о том, что его бьют и обессиливают, исключая его вернейших учеников, уходящих из партии с криком «здравие Бухарину». И Слепков, и Марецкий исключены в последнюю минуту за то, что не хотели отречься от Бухарина и признать его правым. Тем самым, во-первых, они показали, что на разных концах России между ними все же существуют определенные связи. Тем самым, они превратили свое исключение в политический акт и, тем самым, вскрыли его политическую сущность как непосредственную угрозу партии по адресу Бухарина. Бухарину грозят тем же, что произошло со Слепковым и Марецким. Да и не над одним Бухариным нависла сейчас тяжелая рука пролетарской диктатуры: всякие попытки колебнуть партийное единство - сейчас это поддержка всем тем группировкам, которые мечтали о свержении советской власти. Сами эти группировки рассказали партии об этом. И ясно, что со всеми такими группировками должна произойти жестокая расправа.

Ну, вот и все, что я могу записать за такой большой промежуток времени, пока я не писал. Ездил я в Ленинград на днях. Город, как всегда, красив, на улицах много народа, а так интересного и социально значимого ничего нет. Поеду завтра в Харьков. Вот там-то увижу что-нибудь интересное. Будет хотя один толк от этой поездки - будет, что записать.

Записано 8 ноября 1930 г.

Побывал в Харькове и теперь опять в Москве. Харьков город, как город, — трамваи, улицы, мостовые, ничего специфического. Обычный небольшой город капиталистического типа. Видно, что строится, есть красивые дома, украинские вывески и русская речь. Говорят по-русски все, в отелях, в столовых, в лавках. Извозчики говорят с гаканьем и немного верченным русским языком. Украинизация видна только в

официальных учреждениях. Опера на украинском языке, украинская драма, на украинском языке играют «Заговор Фиеско в Генуе», приобщаясь, тем самым, сразу к мировой культуре. Внешнее впечатление от Харькова — большой благоустроенной провинции. Первый день пропал зря. В Институте марксизма и ленинизма — центре теоретической мысли Украины все слушатели оказались мобилизованными на хлебозаготовки, а аппарат где-то благодушествовал. Заведующий по телефону сказал мне, что он занят и выступает на ячейке и быть сегодня не может, а заведующего учебной частью пошел искать курьер, да так и не нашел — не то он чай пил где-то, не то жену ласкал, во всяком случае, занят был делом, от которого не мог оторваться для меня. С горя вечером пошел смотреть «Перекоп», надписи на украинском языке, а весь фильм в выполнении навеян Васнецовской живописью из Киевских соборов, такие же иконостасные фигуры, огромные и большие с стилизированным положением рук и головы и стилизированными кулацкими и рабочими лицами. В общем, мало удачный и с большой символикой фильм.

На другой день я все же застал в Институте марксизма всю власть имущую. Познакомился с Левиком. Это, по-видимому, основной стержень всего Института. Славный парень, тактичный, очень не глупый, по-видимому, хорошо понимает специфические особенности нашей работы. С ним я уговорился, что буду вести педагогическую работу, обещают достать человек 20 аспирантов. Запнулись мы с ним на вопросе об организационной работе. ***Я*** уперся и руками и ногами, стараясь отлынить от организационной работы и, тем самым, сохранить себе возможность маневрировать. Пошли с этим де-

лом к Шлихтеру[зъ]. Довольно красивый, высокий старик с животом, первый наркомпрод в момент Октября, бывший комиссар земледелия в Украинской республике, теперь, по-видимому, сановник не у дел, провинциальная звезда, говорит безапелляционно, но хватается сразу за основное звено. Когда мы с ним разговаривали, в комнату стал стучаться курьер. Шлихтер ворчливо велел открыть дверь, взять пакет и сделать выговор, чтобы не стучали в закрытую дверь, когда люди заняты. Со мной разговор был недолог. Я попробовал сначала изложить все, что я писал в ЦК, но Шлихтер сухо заявил: «Вы заявляли в Оргбюро все Ваши аргументы и партия с Вами не посчиталась, значит ясно». Тогда я сразу переменил фронт, заявив, что вопрос идет не о том, где мне жить, а о том, как использовать меня в новых условиях без неизбежного провала, который приведет к дискредитации и меня и партии. На эту удочку я его поймал, и он согласился отложить пока вопрос об организационной работе, хотя и заявил, что я им нужен как органический работник, а не как наезжий преподаватель.

Потом часов до пяти меня изводили остальные украинцы. Старательно стараясь непременно надеть мне на шею организационный хомут. Левик вызвал на помощь Рубача. Эта сволочь с места в карьер напала на меня, требуя, чтобы я немедленно переехал бы в Харьков и перенес бы всю библиотеку и навсегда поселился в Харькове на вечное жительство, под его начальство. Я заявил, что такой оргграсредовский подход считаю недопустимым. Тогда он стал доказывать, что я специалист по древней истории и потому должен здесь преподавать древнюю историю. Я сказал, что я древней истории не знаю, а если им нужен специалист по

[331] А.Г.Шлихтер (1868-1940) — партийный и государственный деятель, в декабре 1917 — феврале 1918 гг. нарком продовольствия РСФСР, в 1920-1930-х годах - на дипломатической и научной работе.

древней, то самое простое сейчас же меня отпустить в Москву, заявив, что я им не подхожу по своей квалификации. Тогда он сказал, что историей Октябрьской революции он занимается как директор Института, и что мне покушаться на место директора не зачем. Ну, мне также нужно быть директором Института в Харькове, как пятая нога собаке. Я недвусмысленно и успокоил его в этой области, В общем, разговор носил довольно резкий характер. Потом Левик вызвал меня отдельно в комнату и говорил со мной, чтобы я не обращал внимания на то, что говорил Рубач и что общение со мной здесь будет хорошее. Видно боятся, что удеру с первых дней и стараются из всех сил заарканить. Их положение я считаю тоже незавидным. Вся та квалифицированная головка у них человек 12, а хотят построить культуру республики с 30-миллионным населением. Ясно, что здесь люди нужны и ясно, что здесь можно человека заездить, загрузив его бездной мелочей. Вообще, в Харькове, если я задержусь, мне грозит голодная смерть. Больше партмаксимума я там заработать не смогу, а работу навьючат, как итальянец ни на одного осла не навьючивает.

Под конец дня было заседание программной комиссии. Заседание шло на украинском языке. Я попробовал выступить по-русски, но мне отвечали по-украински, несмотря на то, что я ни бум-бум не понимаю разговорной речи. Потом я делал доклад о своей программе, говорил по-русски, прения тоже велись на русском языке. Интересно отметить только тот факт, что двое воротил украинских сейчас же сбежали с заседания и оставили Гуревича и Волина[336]. Потом после заседа-

[336] М.С.Волин (1900-1983) - выпускник Украинского Института марксизма-ленинизма (Харьков, 1927), в 1927-1931 гг. - преподаватель Коммунистического университета им. Артема в Харькове, с 1931 г. научный сотрудник Института марксизма-ленинизма в Моск-

ния они мне сообщили, что они представляют из себя оппозицию к Рубачу и его компании. Этот факт нужно будет учесть, что сбежал Рубач и Покровский, а остались Гуревич и Волин, сбежали ярые националисты, остались два оппозиционера к ним. Значит, те не захотели присутствовать при обсуждении моей программы и вести со мной разговора. Эти же отнеслись более просто к делу и вступили в прения. Надоели мне до чрезвычайности. Я в жизни не слыхал такой чепухи, которую несли эти двое, да еще присутствующий здесь какой-то третий парнишка. Для них вся жизнь замкнулась в пределах Украины и все процессы они воспринимают только как украинские процессы. Получаются чрезвычайно яркие примеры провинциального идиотизма, хотя и в большом масштабе.

Все, что было в России, должно быть, по их мнению, и в украинской истории. И даже более того, они связывают по линии национальной разнообразные процессы, которые происходили с украинским племенем в разных территориях и в разные времена. Например, украинский феодализм они видят в истории Галицко-Волынской земли, не учитывая совершенно того, что одни процессы входили в круг Средне-Европейских процессов и были связаны с ними, другие процессы входили в круг Восточно-Европейских процессов и были связаны с ними. Здесь для них все это отрывается от своей орбиты и связывается в единый национальный момент — получается чепуха. Но люди серьезно спорят о том, что историографически нужно разобрать вопрос — были ли декабристы на Украине или нет. Я сказал, что с чепухой ко мне нечего лезть. Хочется им, чтобы были декабристы, пускай будут декабристы, вопрос не в этом. Вопрос в том, были ли общие социальные процессы, которые порождали декабри-

ве, профессор МГУ, научный сотрудник Института истории АН СССР. Автор многих историко-партийных работ.

стов. Если были, то значит и идеологические движения должны были быть соответственными. Потом приставали ко мне с вопросом о колонизации. Я сдемагогил и спросил, считают ли они, что колонизация Украины была такой же, как и колонизация Чукотского носа и можно ли ставить на одну доску украинцев и эскимосов в смысле использования их русским торговым капиталом. Это, кажется, заставило их одуматься, и они стали потом долго спорить о том, как назвать в программе «русской или великорусской историографией». Я им напомнил стихи Саши Черного о споре, о том, был ли Адам брюнет или рыжий и они тогда начали меня умолять сделать им эту уступку, уверяя, что я не знаю, какая здесь обстановка.

Действительно, я должен сказать, что я ни черта не понимаю, как могут люди тратить время на глупые мелочи. В общем, все-таки программу приняли и с основными принципами согласились. Что будет дальше с этой ордой неизвестно. Ну, вот и все украинские впечатления. Предлагали, правда, деньги, предлагали квартиру, но, видя, что я имею дело с провинциалами, от денег я решительно отказался, от квартиры, на всякий случай, тоже, чтобы не пускать на Украине корней. В общем, все это крайне неприятно. Придется опять ехать 15 ноября. Тут уже, конечно, они постараются преподнести мне какую-нибудь свинью. Вся моя тактика должна заключаться в выигрыше времени. Если мне удастся от них отбоярится до начала января, я могу считать, что год пройдет спокойно, и вся украинская эпопея ограничится лишь 4-5 поездками, а там, в сентябре видно будет, как сложатся комбинации. Ну, вот и Украина.

В общерусском масштабе, или в общероссийском, события гораздо интереснее. Вчера Ярославский в статье уже открыто поминал Сырцова и Ломинадзе. Сырцова сняли с преднаркомов. И его и Ломинадзе выведут из ЦК, а может и еще

что-нибудь сделают. В общем, действительно возмутительнейшая история. Предсовнаркома и кандидат в Политбюро с группой неизвестных мальчишек, бывшими своими сибирскими работниками, устраивают заговор, [создает] группу с целью воздействовать на Центральный комитет и с целью захвата власти. Тут не столько дико само стремление, сколько дико то, как делается верхушечный заговор, типичный дворцовый переворот. Никому неизвестные, ни партии, ни стране люди и они надеятся, что власть перейдет в их руки и вся партия будет им повиноваться. Ведь вот с какой стороны нужно расценивать это предприятие.

Что само предприятие Сырцова гнусность и Сырцов тем самым убил себя как политический деятель и работник, это его личное дело, опасен социальный смысл этого предприятия. Оно сигнализирует о настроениях правящей периферии, о настроениях правящей верхушки, если там могут образовываться замкнутые клики, которые надеятся путем заговора без масс, не имея даже за собой ни одной рабочей ячейки, захватить в свои руки власть. Это несомненнейший признак огромного процесса вырождения, которое имеется в настроениях отдельных членов правящей верхушки. Говорят, что на одном из исключительно высоких заседаний, где обсуждался этот вопрос, отмежевались от Сырцова все и все его дружно клеймили. Но заявление одного из участников, что сырцовское дело нужно рассматривать как сигнал, свидетельствующий о неблагополучии аппарата, было признано не совсем лояльной оценкой. А я думаю, что социальный смысл сырцовщины именно заключается в этом. Не важно чего хотела эта кучка, важно, как она хотела это провести. Свою речь на заседании Совнаркома, которую Сырцов превратил в политическую программу, он отпечатал в легальной типографии и

распространил как информационный материал, на который никто не обратил внимания.

Идеологически эти люди не имели за собой ни гроша, хотя правые группы представляют, несомненно, большую политическую опасность. Важен метод их действий, он сейчас политически важен. Пытаться осуществить программу путем замкнутого верхушечного переворота, заговор против партии и против рабочего класса и всей страны. Вот что опасно, поскольку надежды осуществить, таким образом, программу указывают на то, что кандидат в Политбюро считает, что власть может явиться и объектом борьбы в руках той или другой замкнутой кучки. Это социально опасно, поскольку этот подход указывает, что между партией, рабочим классом и верхушкой какой-то передаточный механизм и передаточные ремни работают недостаточно четко. Вот с этой стороны нужно воспринимать явления, нужно создавать в партии гарантию, чтобы верхушка не превратилась в заговор против партии и чтобы невероятная мощь силы ЦК не стала притягательным яблоком для двусмысленных авантюристов, каким показал себя Сырцов и его группа. А, в общем, в общем политическом итоге, выступление Сырцова удивительная мелочь. Это какое-то политическое самоубийство без всякого смысла и без всякой политической надобности, интеллигентский мелкобуржуазный авантюризм во всем и в организационном смысле, и в методах, и в идеологии. Это тесный симбиоз между крайне правыми и Ломинадзе и крайне левыми, полнейшая беспринципность, полнейшая безответственность, гнуснейшее политическое событие целого года.

За головами Сырцова и Ломинадзе полетит, конечно, и голова Бухарина. Он все еще молчит. Его группа уже развеяна по ветру. Часть вовремя отошла, часть окопалась в провинции, а часть уже вылетела из партии. А надо сказать, что Бу-

харин все же собрал вокруг себя неплохой кулак и при других условиях из этой группы наверняка бы вышла целая плеяда крупных политических работников. А сейчас из них, конечно, прямо можно сказать ничего не вышло, и воскреснуть им и Бухарину никак уже не удастся, иначе это воскресение означало бы крах всей той политики партии, которая ведется сейчас, т.е. политическую смерть всему руководству, а вместе с тем политическую смерть всему Союзу. Все оппозиционеры с неизбежностью непродажного закона превращается у нас в политических непогребенных мертвецов. Троцкий за Троцким, Зиновьев и Каменев, а за ними Бухарин, Сырцов, Ломинадзе. Из старой ленинской гвардии наверху уцелели лишь единицы. Но эти единицы оказались действительными ленинцами, поскольку их политическая линия испытана 13-тилетним существованием Союза и успешным, все развертывающимся и растущим строительством социализма.

Записано 10 ноября 1930 г.

Весь исторический фронт сейчас живет статьей Сталина, напечатанной в «Большевике»"[7]. Ее обсуждали уже по цехячейкам Института истории, обсуждали на фракции секции истории пролетариата, будут завтра обсуждать на общегородском собрании фракции историков-марксистов.

В журнале «Большевик» за 1930 г. опубликована лишь одна статья И.В.Сталина - «О правых функционерах в американской компартии» (1930. № 19/20. 31 октября. С.8). Статья И.В.Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма. Письмо в редакцию журнала «Пролетарская революция» 26 октября 1931 г., в которой критиковались А.Г.Слуцкий и Е.М.Ярославский было опубликовано в журналах «Пролетарская революция» (1931. № 6), «Большевик» (1931. № 19-20)и др.

Статья Сталина застрелила чижика в лице Слуцкого[3,8]. Это крайне бесцветный, молчаливый бывший бундовец, который в нашей партии пробыл всего не более года. В своей статье он наделал троцкистских ошибок. Этого никто не заметил, редакция с благословения Горина напечатала эту статью, а теперь все сразу заговорили о троцкистской и антипартийной вылазке Слуцкого. Слуцкий уже исключен из партии, будет, конечно, снят с работы, вообще, на время песенка его спета. Удар по Слуцкому означает, конечно, что Сталин воспринял эту статью как рядовое явление, оценив, таким образом, положение на историческом фронте крайне неблагополучным, поскольку среди историков нет достаточной партийности и бдительности, нет достаточной твердости в установках.

Наряду со Слуцким в этой статье ударили и по Емельяну Ярославскому. Это имеет еще большее значение, чем удар по Слуцкому. Емельян Ярославский, секретарь партколлегии ЦКК, блюститель нравов, один из основных литераторов партии, ведущий борьбу с троцкизмом, и его секретарь ЦК обвиняет в одном письме со Слуцким в ошибках исторического и принципиального характера. До сих пор партийных литераторов такого калибра, как Ярославский, обвиняли в уклонах, но чтобы их ЦК дергал за уши, как провинившихся школьников, - этого не было. Положение усугубляется тем, что Ярославский секретарь партколлегии ЦК и поскольку его обвиняют в ошибках принципиальных и

[jj8] А.Г.Слуцкий (1894-1979)- в 1920-х годах преподаватель Коммунистического университета им. Я.М.Свердлова, с 1930 г. заведующий кафедрой Запада Московского государственного педагогического института, член группы по изучению истории германской социал-демократии Института истории Коммунистической академии, затем научный сотрудник Института истории АН СССР. Автор работ по истории революционного движения в странах Западной Европы.

исторических установках, где ведется борьба с троцкизмом, его тем самым тоже обвиняют в том, что он не досмотрел троцкизма, и, таким образом, ясно, что авторитет Ярославского как растущего идеолога поставлен под удар.

Уже, когда письмо Сталина прорабатывали на ячейках, партаппарат сдерживал участников собраний от проработки Ярославского, а дай сигнал, они бы проработали Ярославского с еще большим удовольствием, чем проработали Слуцкого.

Из третьих рук мне рассказывали, что Сталин объяснялся с Ярославским на пленуме по поводу своей статьи, спросив, не сердится ли Ярославский за указанные ошибки. Ярославский, якобы, сказал, что за ошибки он не сердится, если они действительно есть, но, что он опасается, что теперь восторжествуют его противники и поднимут вокруг его имени свистопляску. На это Сталин сказал, что его противники Горин и Фридлянд сами с бубновым тузом на спине [потому о никаком их] торжестве не может быть и речи.

В беседе Сталин поинтересовался, кто наделал ошибок, изобразив его на мартовской конференции и в мартовские дни 1917 г. занимавшим одни позиции вместе с Каменевым. Ярославский сказал, что ту часть в четвертом томе писал Кин. Интересно, как отразится это на Кине. Потом передают, что Сталин будто бы стал жаловаться Ярославскому на трагичность своего положения. Ничего невозможно ни сказать, ни написать — все кругом сейчас же начинают: вождь сказал, вождь написал... Друг на друга, говорит, ходят, доносят. Эта жалоба Сталина на трагичность своего положения и в то же самое время любопытство о том, кто написал о его мартовских позициях, — по-моему, это замечательно интересно. Действительно, вождем быть тяжело, это стесняет и заставляет очень осторожно относиться к своим собственным выступле-

ниям, а в то же время вождь, давший нашей партии так много после Ленина, несомненно, человек.

Ярославский должен будет в следующем номере «Большевика» написать письмо, где он признается в своих ошибках. Это письмо уже согласовано со Сталиным"[4].

Да, сейчас в наших политических условиях и при том положении, которое играет фигура Сталина, и для нас и для всего мира вспоминать о его ошибках. Удар по Ярославскому для исторического фронта имеет еще и то значение, что, таким образом, на историческом фронте не создается, не укрепляется авторитетной фигуры вместо Покровского. В результате всей той борьбы, которую провел Ярославский за последние годы с группой левацко-троцкистских элементов на историческом фронте, письмом Сталина нанесен удар и по этой группе и по самому Ярославскому, а, тем самым, его авторитет не закреплен, а поставлен под определенное сомнение, тем самым, под удар поставлен и весь коллектив, который принимал участие в написании истории партии. Сталин, говорят, в разговоре поинтересовался, что это за коллектив, и посоветовал Ярославскому осторожно относиться к людям, которые вокруг него собираются, т.к. эти люди в партийном отношении все молодежь, попавшая в партию после революции, истории большевизма не знают. Между прочим, в этом коллективе нет ни одного человека, который в партии был бы меньше 12-15 лет.

[J,9] Письмо Е.М.Ярославского в редакции журналов «Большевик» и «Пролетарская революция» было написано ранее 31 октября 1931 г. Текст письма см.: *Сталин ИВ.* Историческая идеология в СССР в 1920—1950-е годы: Переписка с историками, статьи и заметки по истории, стенограммы выступлений: Сб. док. и материалов. 4.1. СПб., 2006. СЛ40-141.

Других политических событий на историческом фронте нет. В политике они, по-видимому, имеются. В Польше, например, оправдали покушавшегося на взрыв полпредства Полянского, тем самым, несомненно, предпринято определенное антисоветское выступление и демонстрация. Поляки, по-видимому, очень рассчитывают на японцев. Позавчера мне С.И. Канатчиков рассказывал, что приехавший в Москву Антонов-Овсеенко говорит, что поляки обнаглели, как пример их наглости рассказывал беседу Залесского министра иностранных дел с Антоновым-Овсеенко по вопросу о пакте о ненападении. Переговоры об этом пакте шли с Польшей и с Францией. Сейчас эти переговоры приостановились. При этом польский мининдел, якобы, сказал Овсеенко - зачем мы будем с Вами подписывать пакт о ненападении, т.к. если произойдет революция в Германии, вы все равно будете помогать немцам и никакого пакта соблюдать не будете... Тем самым, следовательно, боясь революции в Германии и ожидая в случае ее соответствующих выступлений, польская буржуазия хочет сохранить себе возможность напасть на нас в момент начала революции в Германии.

В белых газетах, сегодня полученных в Комакадемии, написан доклад Милюкова по вопросу о японской интервенции в Манчжурии. Милюков пророчествует вторую русско-японскую войну на том основании, что японская интервенция неминуемо должна привести к русско-японской войне.

Ну, вот и все политические новости, которые я узнал за последнее время.

Сегодня утром помер Вигалок, заведующий издательством ВЦСПС. Это был худощавый, щуплый мальчишка, которого я знал еще меньшевиком в 1918 году. Он сотрудничал в Казани в меньшевистской газете и писал крайне правые передовицы, был завзятым болыневикоедом. А потом вступил в

партию и занялся профессиональным движением. Парнишка был культурный и уважал науку.

Записано 25 ноября 1930 г.

Носили меня черти опять в Харьков. Ужас, какое скверное настроение. Наверное, напишу такие ругательные вещи, каких в спокойном состоянии, может быть бы, и не написал. Ну, вот Харьков, одно сознание, что я мобилизован на Украину, меня прямо огнем жжет. А по совести сказать, пока что кроме этого сознания, да того, что мои московские друзья на всех перекрестках пользуют мою харьковскую мобилизацию, — пока ничего не произошло.

В Харьков ездил я на три дня. Поеду теперь через месяц. Словом, год пройдет спокойно, и в Харьков придется съездить всего раз пять. Я и без мобилизации предлагал такие поездки, значит, с этой стороны ничего экстренного и угрожающего, ничего не нерешающего мое мещанское профессорское бытие нет. Да и сама Украина с точки зрения не жительства в ней, а странствующего туриста, вовсе не безынтересная страна, страна своеобразная, самобытная. Конечно, в ней, как и всюду теперь, строятся фабрики и заводы, тяжело дышит Донбасс, заканчивают Волховстрой - все это можно знать и из газет. А на Украине есть, даже в Харькове, который стоит на краю Украины, такие вещи в области культуры, каких у нас как будто нет. Все там как у людей, только масштаб мельче, а, в общем, московская копия в миниатюрном масштабе. И странно то, что ведь Москва работает на весь Союз, а Харьков - центр всего 30-тимиллионной республики. Но в Харькове есть все - есть театры, есть литература, есть группировки, есть музеи, есть самобытные требования. Пока я был два раза в театре да слушал склоки украинских истори-

ков. Театр — есть и опера и драма. В опере свои композиторы - украинцы, их в Москве даже и не играют.

В Москве на сцене, как обычно, великорусский Мусоргский, итальянский Пуччини. На Украине играют своих родных украинцев-киевлян, галичан. И музыка самобытная, в ней много неизвестных мотивов. Опера, которую я видел, написана киевским композитором и вся проникнута национальной романтикой. С музыкальной стороны в нее включена масса народных мотивов, старинных песен, дум. Украинцы, видимо, усиленно занимаются национальной этнографией. В оперу введено национальное содержание, такого никогда в Москве не сыщешь. Изображаются наши или украинские предки-славяне XII века, закрепощение крестьян в Галиции, вспоминают князя Данилу, короля Галицкого, татарское нашествие, даже показывают стан воеводы Чингисхана, молятся Даждьбогу, одним словом, глубок национальный колорит. Эта примитивная романтика и выпирание крестьянского уклона и крестьянского духа очень своеобразны. Она говорит о своеобразном сохранении национального. Национальное - это первобытное замкнутое крестьянское хозяйство. Поют ничего, а декорации форрегеровские. Работал Форрегер в Москве, а теперь переселился на Украину и стал украинизироваться. В декорациях, пожалуй, ничего национального нет.

В украинской драме я был один раз. Играют, нужно сказать великолепно, смотрел «Заговор Фиеско в Генуе». Пошел, ну, просто деваться некуда, думал не игра будет, а мука, что-нибудь вроде балаганной трагедии, а оказалось так играют, так великолепно ставят, что смотришь, даже плохо, вернее совсем не понимая, с захватывающим интересом. Когда-то давно, когда я был еще мальчишкой, гимназистом, я видел «Заговор Фиеско в Генуе». Нарочно бегал смотреть для доказательства преданности республиканским идеям.

И вот смотрел в Харькове «Заговор Фиеско в Генуе» на украинском языке. Гимназические впечатления смутны, еле вспоминаю. Но вообще помню что-то очень ходульное, какой-то дикий рев и завывания трагиков. А тут изумительно мягкая игра, точный законченный жест, четкость движения и ни одного ложного тона, ложного звука. Ложноклассическая трагедия сыграна так, что вы чувствуете все время напряженность, трагизм игры и совсем не чувствуете ее ходульности и ее ложности. Великолепно играют. Пожалуй, в смысле жеста «Березиль» стоит выше московских драматических театров. Ну, а в оперу нужно будет сходить еще несколько раз и тогда можно будет иметь точное мнение, что она представляет из себя. Во всяком случае, если в опере и сидят буржуазные попутчики, то «Березиль» нам гораздо ближе. Вот и все впечатления об украинской культуре.

Потом историки. Историков всего человек шесть. Но все они между собой склочничают, обличают друг друга в национализме и в великодержавности и думают, что занимаются политическим делом. Дела настоящего там нет, хотя и 30 миллионов в республике, а все же Харьков глубокая провинция. Своеобразно переплетается на Украине на историческом фронте национальный вопрос. С национальной буржуазией украинские историки не борются. Они успокоились, что ОГПУ посадило членов СВУ в концентрационный лагерь, а идеологически вовсе не думают преодолевать ни Багалея[340], ни Грушевского[341], а наоборот, им даже кажется

[340] Д.**И**.Багалей (1857—1932) - выпускник историко-филологического факультета Киевского университета (1880), академик Всеукраинской АН (1918). **В** 1918-1920, 1929-1930 гг. - руководитель историко-филологического отдела **ВУАН,** в 1930-1932 гг. - директор **НИИ** украинской культуры. Автор многих работ по истории Украины и России.

это святотатством, когда предлагают им это делать, и главный огонь они направляют на нас, москвичей и в первую голову на Покровского. Покровский, по их мнению, это основная опасность на историческом фронте, так как это вождь национал-шовинизма. Бывают, конечно, нелепости, но большей глупости трудно придумать.

Было закрытое заседание дирекции Института марксизма. Шлихтер любезно предложил вести заседание на русском языке ввиду того, что присутствует товарищ. Я, не знающий по-украински. Доклад делал Рубач и усиленно нападал на Покровского, цитируя его старую книжку, часть очерков по истории культуры. Накопилось у них там много каких-то своих личных дел и личных склок и доклад о положении на фракции украинских историков-марксистов перерастал все время в доклад о положении на историческом фронте. Что с национал-шовинизмом и великодержавностью бороться надо это, конечно, факт в особенности после XVI съезда, что мы в этом деле запоздали — это тоже факт. Но из фактов вовсе не следует, что основной огонь нужно направлять на Покровского. Я после заседания так и сказал Шлихтеру, что, во-первых, член Президиума ЦК, во-вторых, что политически вовсе нам невыгодно разбазаривать Покровского, что политически сейчас задача сводится к борьбе с Грушевским и национальной буржуазией, что это есть борьба на два фронта, а борьба только против Покровского это есть своеобразное левачество в украинских условиях. Все, как мне показалось, до смерти бо-

М.С.Грушевский (1866-1934) - выпускник историко-филологического факультета Киевского университета (1890). С 1924 г. возглавлял историко-филологический отдел АН УССР Академик АН УССР (1924), Академик АН СССР (1929). Автор многих работ по истории и литературе Украины.

ятся, что их объявят национал-шовинистами и все старательно отмежевываться от этих заявлений, все доказывают, что они-то не национал-шовинисты, а другие, несомненно, великодержавные шовинисты. Думается, что вместо доказательств и обличений нужно просто спокойно построить схему истории народов СССР и народов Украины.

Рубач надо сказать, по-видимому, задумывается и над этим. Он показывал потом проект, который он хочет внести на московское совещание. Но в этом проекте наряду со здравыми мыслями, проскальзывает и стремление противопоставить Великороссию и Украину и тенденция придать украинскому пролетариату национальную физиономию. Я думаю, что такие стремления вредны и с ними нужно бороться. На заседании я попробовал дать ему отпор и от одного из положений он быстро отказался, а другое, разозлился, и не захотел обсуждать. Видно, на Украине Рубач не привык к возражениям и чувствует себя там почти что царьком в исторической области. А, в общем, нужно сказать, что, если изучить язык, заговорить, начать изучать Украину, натурализоваться и украинизироваться, то и на Украине можно недурно работать и довольно-таки интересно жить. Но я предпочитаю Москву. С горя я стал даже же читать по-украински, купил какой-то роман Слисаренко, довольно авантюрный и живо написанный, прочитал его, но украинской культуры и литературы пока что не полюбил.

Здесь в Москве все интересней. На Украине даже нет хорошей информации по заграничной прессе, а сейчас в белой печати можно найти много интересного и главное много такого, что в нашей стране и в наших условиях о нас же самих для нас составляет тайну и что знает вся Европа и все враги Союза. Сейчас в белой печати очень мало пишут о промышленной партии. Поместили портрет Рамзина да написали передовицу, где утверждают, что мы все наврали. С опровержением высту-

пил Пуанкаре. Об этом есть уже и в нашей печати. Организовали и в Германии и во Франции целую волну протестов со стороны интеллигенции против расстрела вредителей. Белая печать живет сейчас воспоминаниями о советской России, которые там печатают перебежчики, а за последнее время убежало из разных посольств что-то очень много чиновников и советников посольств и военных атташе и экономических работников, словом сбежала целая груда. Кто стащил изрядные суммы, кто подделал векселя, кто стащил документы и вся эта шатия устремилась в «Последние новости» и там печатает свои воспоминания. Печатал свои воспоминания Беседовский. они хоть интересны, потом бездарно слюнявил Дмитриевский[342], теперь «Последние новости» развлекают Агабековым[34] . Это работник контрразведки Ближнего Востока, исключительный, по-видимому, авантюрист. Отлично знает постановку разведывательной работы в Персии, Турции, Средней Азии, Египте, Палестине, встречался и в Москве со многими воротилами ОПТУ, - и все это описывает. Воспоминания его похожи на авантюрный роман, а люди, которых он выводит, хотя и окончили бесславно, но в смысле авантюры в своей недолгой жизни были исключительными авантюристами, это какой-то потомок

[342] С.В. Дмитриевский - с 1923 г. сотрудник Наркомата иностранных дел, генеральный секретарь торгового представительства в Берлине, с 1927 г. советник советского посольства в Стокгольме, с 1930 г. - невозвращенец. Автор книг: Сталин. Берлин, 1931; Советские портреты. Берлин, 1932; и др.

[343] См.: *Агабеков Г.* Записки чекиста. Берлин, 1930; *Агабеков Г.* ЧК за работой. Берлин, 1931. См. также переиздание: *Агабеков Г.С.* Секретный террор: записки разведчика. М., 1996. Г.С.Агабеков (1895-1937) - первый крупный разведчик-чекист (был начальником восточного сектора иностранного отдела ОГПУ, резидентом ОГПУ на Ближнем Востоке), который бежал на Запад. Был убит в 1937 г. во Франции агентами НКВД.

Писсаро, Магеллана, Ермака, бесшабашный авантюрист. Стоит Блюмкина[344], бывшего левого эсера и бывшего коммуниста убийцы Мирбаха. Он странствовал как контрразведчик по Дальнему Востоку и Индии, попал в Константинополь, перешел на сторону Троцкого, использовал аппарат ОГГТУ для присылки секретных троцкистских документов из Турции в Россию и, наконец, был предан не то Радеком, не то своей женой и расстрелян за измену. Такого же, по-видимому, типа и сам Агабеков, а таких, наверное, не он один.

Мыслей у белых нет никаких. Они разлагаются и регрессируют с чрезвычайной быстротой. На русском языке меньшевики издали новую книжку Каутского «Россия в тупике»'[43]. Я бы нарочно перепечатал эту книжонку в Россию для доказательства того, каких озлобленных врагов мы имеем в лице социал-демократов и для доказательства того, какая аналогия существует между рядом положений Каутского и правым ук-

[344] Я.Г.Блюмкин (1900—1929) - левый эсер, с 1919 г. большевик. С мая 1918 г. на службе в ВЧК, участвовал в убийстве германского посла графа ЛМирбаха 6 июля 1918 г. (смертельный выстрел произвел чекист Н.А.Андреев, пришедший вместе с ним на прием к послу). В 1922 г. Блюмкин работал в секретариате Наркомвоена Л.Д.Троцкого. Позже был резидентом ОГПУ на Ближнем Востоке, Монголии и в других странах. В апреле 1929 г. встретился с Троцким в Константинополе и согласился передать несколько его писем в Москве К.Радеку, тут же сообщившему об этом председателю ОГПУ В.Р.Менжинскому. Об этом же информировала сотрудника ОПТУ Я.С.Агранова сожительница Блюмкина Е.Ю.Го^ская. Блюмкин был арестован и 3 ноября 1929 г. расстрелян.

[34] См.: *Каутский К.* Большевизм в тупике. Берлин, 1930. Работы Каутского, в том числе и «Большевизм в тупике», переизданы: *Каутский К.* Диктатура пролетариата. От демократии к государственному рабству. Большевизм в тупике. М., 2002. К.Каутский (1854-1938) - один из руководителей германской социал-демократии. Ныне точка зрения ряда российских исследователей о книге Каутского иная, нежели представленная Пионтковским.

лоном. Мощи Каутского, ему сейчас, наверное, уже под 80 лет, шипят и брюзжат. Этот ученик Маркса и Энгельса свел какие-то [положения] для ортодокса, проповедует открытую интервенцию в России, заявляя, что для социал-демократии главное только смотреть за тем, чтобы интервенция не приняла нежелательного направления. А интервенция, по его словам, необходимая вещь для уничтожения большевизма.

Большевизм же в его учении — это контрреволюция, он уничтожил демократию, он занимается феодальной эксплуатацией крестьянства. Термин, как у нашей правой оппозиции. Никакого социализма и коллективизации, по мнению Каутского, провести нельзя. И этот вышедший из ума старик хвастает, что он еще в 1899 году знал, что таких вещей делать нельзя, не видя и не понимая, что эти вещи уже сделаны и сделались. По его мнению, крах нашей страны неизбежен. Советская власть должна погибнуть и гибель ей принесет крестьянство. Крестьянство поднимет такую же пугачевщину, какую оно поднимало не раз. Задача социал-демократии смотреть, чтобы волны этой пугачевщины не разрушили бы всех островков культуры, которая имеется в этой стране. Трудно прямо решить, чего здесь больше - политического неведения и незнания советской России или неумения думать. Для Каутского вопроса о качестве и количестве совершенно не существует и все явления он воспринимает только с количественной стороны. Книжка Каутского показывает, что социал-демократия на практике, на деле является ничем иным, как частью буржуазии. Каутский, например, бросает замечательную мысль и утверждает, что после совершения ноябрьской революции в Германии и уничтожения господства Вильгельма пролетариат более не должен совершить никакой революции, потому что основная революция, которую стремился совершить пролетариат, политически совершилась и по от-

ношению к республике и к проблеме власти пролетариат занимает совершенно новое положение. Он должен стремиться на рельсах демократии и на рельсах республики без революции, врастая в капитализм, придти к социализму. Задача сводится не к борьбе с республикой, а к борьбе за республику. Это такое наглядное служение германскому фашизму, на которое не решится ни один буржуазный немец.

У нас последняя злоба дня - это капитуляция Бухарина и суд над Промышленной партией. Над Бухариным все перестарались. Бухарин написал заявление. «Правда» напечатала его без комментариев и никто не обратил внимания на то, что «Правда» не дала никаких комментариев, а все решили, что заявление недостаточно и продолжали крыть Бухарина за двурушничество и требовать его исключения из партии. Получился явный заскок. Если нужно было бы его крыгть, «Правда» дала бы к заявлению комментарии, а напечатав его без комментариев, она, тем самым, в основном считает его удовлетворительным. Этого не поняли многие районные руководители отдельных ячеек, и получилась известная дезориентация. А дело объясняется просто: на верхах шли переговоры и в день напечатания заявления Бухарина еще не знали, чем они кончатся; поэтому в редакциях заготовили статьи против Бухарина, правда, предварительно справившись в отделе печати, там, по-видимому, благословили напечатание и в некоторых местах успели трахнуть ругательные статьи, а тем временем Бухарин капитулировал, написал второе заявление (первое не было напечатано, напечатано было только второе, которое появилось в газетах). Все были ошарашены, испугавшись своего заскока и ходили весьма неуверенными.

Леваков выселяют и вычищают из партии старательнейшим образом. Часть уже выставлена из Москвы. Пока, в общем, попалось человек 10-12, но, конечно, периферия у них го-

раздо большая. Связи с группировками леваков вскрываются и дадут еще новые сюрпризы. Интересно, что пока попался Татаров. Вот судьба, во всех оппозициях человек был. Жену его уже исключили из партии, как он сам выкарабкается. Татаров мелкая сошка из историков, конечно, основную фигуру у них играл Фридлянд. Вот этого разоблачить - это действительно стоящее дело. А вообще, все вдут путем своим железным, однообразно и не скажу пустынно, но, во всяком случае, скучно.

Вчера вечером был у Канатчикова. Сидел там Раскольников и Соловьев из «Нового мира» и целый вечер рассказывал о литературе. Этим людям власть придает апломб, и решительность заменяет логическую силу аргумента. У них даже самочувствие какое-то особенное. Я, в общем, просидел целый вечер и страшно скучал. Говорили о людях, которых я знаю понаслышке, немножко сплетничали о них, говорили о книжках, о рукописях, о предполагаемых изданиях. О политике почти не говорили. Больше всего спорили о положении на литературном фронте да о нравственных качествах Авербаха[346]. Авербах действительно заставляет говорить о себе. А я помню, несколько лет тому назад это был плюгавенький мальчишка еврейского вида, который работал на какой-то секретарской работе в «Молодой гвардии». Теперь это вождь на литературном фронте, критик и публицист, вокруг которого вдет шум. Человек чрезвычайно быстро маневрирует и тесно связан с партийными верхами. Руководители Политбюро выслушивают

[346] Л.Л.Авербах (1903-1938) - литературный критик и публицист, общественный деятель. В 1922-1924 гг. - редактор журнала «Молодая гвардия», в 1926-1932 гг. - «На литературном посту», генеральный секретарь РАПП, пытавшийся превратить писательскую организацию в «ячейку ЦК при литературе». Автор книг «Культурная революция и вопросы современной литературы» (М.;Л., 1928) и др. Репрессирован. Реабилитирован.

его доклады о положении на литературном фронте и узаконят его положение. Да и сам он, по-видимому, талантливый парень, если умеет так ловко поворачиваться во всех сложных переплетах и ни разу как следует не падать. Если его и выгнали из Москвы и даже выслали, то через несколько месяцев он поднялся, вновь вырастая и усиливаясь.

В общем, ужасно недоволен, остался я вечером 24 ноября. Не люблю сидеть в дураках на глупом положении. А тут как раз получилась именно такая комбинация. Черт его знает, наша профессорская жизнь, в конце концов, ужасно глупая и скучная. Ну, что мы знаем? Книжки своего врага, его какие-нибудь мелкие ошибки, подкладывать друг дружке свинью, да знаю я новости на полусуток раньше, чем мой беспартийный брат. В общем, в жизни положение такое же созерцательное, как у всякого беспартийного профессора. Иногда я думаю, и настойчиво теперь думаю, что обманула меня наука, обманули книги, не тем надо было заниматься, совершенно не тем.

Записано 29 ноября 1930 г.

Все газеты и все политические разговоры сейчас полны процесса Промпартии. Этот процесс имеет мировое значение и мировой интерес. Недаром на него со всей Европы прискакала армия корреспондентов, и он по-своему политическому смыслу превращается в борьбу между мировой буржуазией и мировым пролетариатом, между буржуазной и социалистической системой производства. Мы выступаем от имени всего пролетариата, Промпартия — это представители, в полном смысле слова, мировой буржуазии. То, что вскрывают их показания, идет дальше самого невероятного безудержного полета политической фантазии, оно реализует с чрезвычайной резкостью, неповторяемой наглядностью наше положение и

наши тезисы. Теперь можно не только слышать и читать, что мировая буржуазия является врагом пролетариата, врагом советской страны, что она стремится к восстановлению у нас отношений собственности и к разграблению и разделу России, что она стремится к превращению России в колонию французского и английского империализма. Это можно видеть глазами, это можно прощупать, схватиться прямо физически за этот конкретный, существующий социальный факт.

То, что готовила Промпартия - это было полное уничтожение диктатуры пролетариата, вместе с тем и колоссальнейший удар по пролетарскому движению всего мира. Промпартия опиралась исключительно на французскую и английскую буржуазию и на русских эмигрантов, бывших нефтяных и льняных королей русской биржи. Пуанкаре и контрразведка Франции и Англии - вот те силы, на которые опирались и которым служили члены Промпартии. Они даже не нашли в себе силы решиться на восстановление старой буржуазной России, а фактически в своих замыслах, в своих соглашениях они распродавали Россию французам и англичанам, полякам и румынам, оставляя себе лишь жалкий обглодок буржуазной России. Они сами превращались в приказчиков французского и английского империализма, и для французского и английского империализма стремились восстановить отношения собственности в России. Тем самым, они объективно показывают теснейшую связь мировой буржуазии, интернациональный характер буржуазной системы отношения и интернациональные связи буржуазии, тем самым, они лишь резче подкрепляют интернациональную революционную сущность советской страны и пролетарского движения. Их нельзя даже назвать обломками старых поколений. Это все люди, фактически выросшие в период революции, но люди, которые в революции ничего не поняли и всеми фибрами связались с теми, кто уничтожался и

падал в процессе революции, в процессе стройки социализма. Формы борьбы, которые они ввели в оборот, еще никогда, нигде в мире не практиковались ни одним классом.

Эти формы борьбы свидетельствуют о стройности и хозяйственном единстве строящегося социализма. Только при реальности планового хозяйства и при превращении хозяйства страны в единый целый организм можно действительно бороться со строительством социализма, срывая планы, дезорганизуя плановую работу путем вредительства. Их борьба при отсутствии социальной базы превратилась в военное обслуживание готовящихся интервенционных корпусов. Они готовились разрушить тыл Красной Армии, разрушить снабжение, заморозить города, остановить дороги. Они готовы были десятки миллионов людей бросить в пекло войны, изувечить и искалечить, убить лишь для того, чтобы в обескрыленной и изрезанной России, лишенной Кавказа и Киева, загнанной в междуречье Оки и Волги, восстановлены были отношения собственности, а они получили бы сомнительное звание министров буржуазной страны. Тут трудно подобрать эпитеты для оценки их действия, и не в эпитетах дело. Дело в том, что в лице Промпартии на процессе в Колонном зале столкнулись два класса: класс побежденный, разбитый в нашей стране, обреченный во всем мире, класс буржуазии. Буржуазия дралась отчаянно и упорно и интервенция 1931 года— это была ставка на сохранение еще на десятки лет своего положения. То, что нам удалось вскрыть Промпартию, стоит выигранной целой войны.

Вскрытие Промпартии - это не только защита социалистического строительства, не только по всей вероятности частичное исправление его от вредительства, здесь мы вскрыли перед всем миром роль буржуазии. И недаром Пуанкаре выступает со статьей, а по иностранной прессе катится волна информаций, корреспонденций с опровержением,

где на разные лады трактуют показания членов Промпартии. Процесс политического мирового значения происходил в Колонном зале и не в том, конечно, его роль, что сам он своим фактом уже наносит колоссальнейший удар буржуазии, он обеспечивает советской стране ряд лет мирного строительства социализма. В этом его политический смысл. Его политический смысл в том, что он мобилизует пролетарские массы вокруг Советского Союза, что он вскрывает во всей наготе пред всем пролетариатом истинную роль и истинное значение национальной буржуазии. А так процесс идет в обычной обстановке. Залит огнями зал, сидят все время иностранные дипломаты и в зале, и в коридорах сидят корреспонденты, слышится иностранная речь. За столом суда: Вышинский, Антонов, за загородкой под стражей вредители. Они все в воротничках, бритые. Сидят, видно, люди, привыкшие работать сидя.

Я был на допросе Ларичева. Отвечает он довольно спокойно, слегка усталым голосом, иногда не без ехидства, но видно, что и он, и другие всего не говорят. По крайней мере, они очень мало называют имен, больше произнося декларативные речи об общем положении интеллигенции, настроениях и инженерства и т.п. В переднем ряду сидит Рамзин - аккуратный человек, довольно молодой, худощавый, а рядом с ним мальчишка с развинченными движениями - его секретарь, идеологическая безличность и человек, технически обслуживающий всю организацию и стоящий в курсе всех дел. По залу проходят имена крупнейших руководящих учреждений республики. Имена крупнейших специалистов, проходит вся действительность, обычно торжественно мчащаяся по улицам в автомобилях, а теперь вскрытая и оголенная в своей социальной сущности. Когда сидишь и слушаешь, или читаешь процесс Промпартии, то присутствуешь как будто в ана-

томическом театре. Сняты верхние покровы с тела, видишь истинную сущность и настоящее нутро. И здесь сдернуты с них торжественные и почетные звания и за ними виден озлобленный классовый враг, пользующийся и употребляющий колоссальнейшее доверие, которое им оказано, только на то, чтобы сгубить 140-миллионный народ, чтобы залить его кровью, чтобы разбить его будущее и вместе с тем разбить будущее всего пролетариата. Исключительный по-своему политическому значению процесс.

Записано 11 декабря 1930 г.

Дни идут чрезвычайно быстро, но как-то наполнены они мелочами и ничего от них не остается. Записывать склоки на историческом фронте нет смысла, они, наверное, никому не нужны и никому никогда не будут интересны. А склоки и борьба у нас тянуться длинной вереницей день за днем. Лекции и семинары тоже не интересны, идут они почти каждый день. Лекции идуг хорошо, семинары тоже неплохо. Да, что об этом записывать. Я иногда думаю, ну, чем я участвую в строительстве социализма? Правда, готовлю кадры и идеологически их обрабатываю, создаю людей с новой идеологией. Этим самым я, конечно, обслуживаю и диктатуру пролетариата и социализм. Ну, а как вот непосредственно, чем моя историческая работа полезна, чем она является частью строящегося социализма? Пишу я сейчас книгу по историографии, как будто интересная книга получается, большая, требует много труда, нужно ее сильно продумать. Но будет ли это частью, будет ли это камнем строящегося социализма? Я понимаю, когда инженер придумает какой-нибудь винт или машину, когда построит фабрику или дом, это останется на десятки, если не на сотню лет. Ну, а книга? Она устареет раньше, чем я сойду со сцены.

И в то же самое время она войдет в общее русло людей с новыми взглядами, новыми формами, с новым мироощущением и миропониманием. Это чрезвычайно сложное участие в строительстве социализма — писание книг.

Внутренняя жизнь своими всплесками не поднимается выше четвертого этажа Метрополя. Судили и пощадили Промпартию. Это необыкновенный случай выйти из такого процесса живым и выйти из такого процесса с надеждами не только остаться живым, но вернуться в жизнь, если не в прежнем состоянии, то, во всяком случае, близком к нему. Говорят - на заводах с большим трудом и с большим нажимом пришлось проводить резолюцию одобрения и принятия постановления ВЦИК. Массы определенно были против помилования не из-за жажды крови, а из-за меры вины. Но верхи нашей партии, очевидно, знают, что делают. Мне и сейчас непонятно совершенно, почему помиловал ЦК Промпартию?

Между верхами и низами нашей партии существует огромная пропасть. На верхах создаются люди, которые прямо-таки и не читают и не знают легальной печати, всецело занятые политическими вопросами, а на низах сидят люди, которые творят революцию, но знают о жизни только из «Правды» и «Известий». Огромное культурное неравенство, огромное бытовое неравенство, огромное неравенство внутренней духовной жизни. Верхи — это профессиональные политики, это мозг партии, это сама партия каких-нибудь тысяча-полтора людей, а остальное - это рабочий аппарат, это армия, строящая и творящая социализм. А строить социализм совсем нелегко, он укрепляется и растет в бою. Ведь здесь в Москве, сверху постороннему наблюдателю, вроде меня, видны лишь верхушки волн классовых битв. А волны эти идут и идут густой чередой, проникают

глубоко в низы. Сейчас мой приятель Милх[347] - секретарь Средне-волжского облисполкома рассказывает о настроениях разные разности. У верхушек контрреволюции есть корни в низах, в казачьих районах, среди аграрно-капиталистических группировок, среди вредителей даже попадаются коммунисты, пролезшие в партию белогвардейские бандиты. И все же идет изумительно грандиозная стройка.

Вчера у меня был товарищ из Архангельска. Он говорит — в Архангельске нет рыбы и вообще паршиво. А в то же самое время строится какой-то грандиозный Повенецкий канал, по которому можно будет ездить из Ленинграда по системе рек и каналов прямо в Архангельск на морских судах. В Самаре у Милха тоже нехватки, а ведут сейчас разведку по постройке Волгостроя и как кончат Днепрострой, начнут грандиозный Волгострой и на Волге. Необыкновенные замыслы строительства и нехватки во всем. Всплески классовых битв видны и на нашем историческом фронте и как-то должны отразиться и на всех наших склоках — классовая борьба в Союзе. Вот мы бьемся вокруг национального вопроса. Сейчас строящаяся культура все более и резче требует себе места и внимания в Союзе. Она перебарщивает и перехлестывает. Если Вотская область или Татреспублика говорит о самостоятельной культуре и перед нами сейчас стоит трудная задача, над которой мы все ломаем головы, - это построить историю народов СССР, ввести в объяснение исторических процессов национальный вопрос. Я попробовал для пере-

[347] Л.Р.Милх (1896-1937) - партийный и политический деятель, большевик с 1917 г. В 1918 г. военный комиссар Казанской губернии участник гражданской войны, с 1924-1928 гг. в аппарате ЦК ВКП(б). с 1928—1937 гг. - секретарь Ульяновского окружкома и Средневолжского крайкома ВКП(б), начальник Одесской железной дороги. Репрессирован. Реабилитирован.

стройки своего учебника вставить параграф по национальному вопросу. Оказывается, все нужно переучивать заново. Совершенно нет систематизированного материала, нет точек зрения, не установлены проблемы. Ну, что же, раз так нужно, значит нужно. Это же и есть идущая впереди жизнь.

Вот и все, что можно записать за последние дни.

Луганск — 25, 26, 27 декабря 1930 г.
Записано 5 января 1931 г.

Луганск спрятан на донецкой равнине в каком-то овраге. Наверху кругом степи. Если войти на второй или третий этаж дома наверх, то под низом в котловане Луганск - заводы, тучи дыма, а ровной снежной равнине не видно ни конца, ни края.

Старый Луганск очень удобно укрыт от ветров и от всего, кроме заводской копоти, которая как нарочно падает вниз, в котловину. Поэтому на равнине белый снег, а в Луганске на улицах какое-то месиво из грязи. Сам Луганск городишко маленький, в нем почти нет двухэтажных домов, и целые улицы идут из беленьких магазинов — типичные сакли. Только длинные трубы заводов стоят, как журавли, над ними, да несколько огромных новых домов. Действительно, пролетарии не поскупились на Луганск. Новые дома - это вузы, рабочие клубы, больницы. Это такие дома, что в любом из наших городов, в самой Москве они займут первое место. Дом Донецкого педагогического института — он весь из стекла и бетона, весь пронизан лучами солнца и света. Он такого же типа, как и институт Ленина, только не такой четырехугольной коробкой, а с выходящей полукруглой высокой башней. Аудитории - амфитеатром. А здание Луганской больницы? — Это как Московские клиники. А рабочие клубы? Говорят, по всему Донбассу теперь выстроили такие Дома культуры. Это вот и замечательно — та-

кой контраст: городишко, в котором нет двухэтажных домов и огромные многоэтажные дома для обслуживания культуры; городишко, в котором 90 тысяч жителей и в то же самое время четыре вуза и 15 техникумов. Это какие-то степные Афины. Здесь абсолютно все учатся. Четыре вуза полны рабочими и донецкими крестьянами.

В вузе я выступал с докладом. Все преподавание идет на украинском языке. Ребята даже плохо говорят по-русски и мне присылались записки, написанные по-украински. Учащиеся в вузах - все молодняк, но есть и краснознаменцы, бывшие луганские партизаны, есть рабочие шахтеры, очень хороший состав. Только видно, что работают с ним плохо. Квалифицированных сил для работы нет. Ректор педагогического института состоит слушателем заочного отделения института Красной профессуры. Это одно показывает на его уровень. Подстать ему, по-видимому, и преподаватели. После доклада со мной пошел какой-то черноватый паренек, глаза бойкие, хороший парень, мне понравился, аспирант по истмату. Что-то ничего, говорит, не могу понять, в чем состоит сущность спора между Дебориным и группой молодых. Кажется я, говорит, понял. Вы, говорит, меня поправьте — Деборина упрекают в том, что он слишком оторван от жизни и занимается формалистикой. Но ведь так понять сущность спора не нужно быть и философом. А другой — секретарь ячейки - украинец, не говорящий по-русски, с ужасом мне сообщил, что их профессор по истории Грушевский — не то племянник, не то брат украинского академика, думает о какой-то особой схеме Украины. А этот представитель украинской культуры был искренне уверен, что никакой особой схемы украинской истории не существует, и мне великорусскому шовинисту пришлось рассказы-

вать ему о том, что украинский народ имеет свою историю и что может быть и особая схема истории Украины.

В Луганских Афинах интересно не только наличие четырех вузов и 15 техникумов, интересно там то, что кроме этого имеется еще целый ряд учебных заведений, группирующихся вокруг заводов. На паровозном заводе имеется вечерний комвуз. Вокруг завода созданы особые курсы для подготовки в Харьковский институт марксизма, в ИКП, в Академию комобразования в Москву. С заводов все время выкачивают людей на учебу в технические вузы. Уже есть помощник заведующего цехом из местных рабочих.

Я был на двух цеховых собраниях ячейки, когда предлагали выделить людей на учебу. А людей не хватает. В харьковские и московские вузы еще находятся охотники, а в средние техникумы охотников нет, так как стипендия в средние техникумы приблизительно втрое меньше заводского заработка и рабочий просто не может материально бросить станок и уйти учиться, чтобы жить с семьей на 50 рублей. А зарабатывает он, по-видимому, неплохо. Во всяком случае, по внешнему виду в Луганске жить гораздо сытнее, чем в Москве. В лавках все продают, в столовках. Правда, столовку я видел одну, но там есть и мясные блюда и дичь: зайцы, утки, куры.

Завод день-деньской дымит, а внутри страшный грохот. Каждый день делают по паровозу. Завод старый, разбросанный на огромной территории, цеха огромные и, по-моему, плохо загружены. Гораздо больше можно было поместить здесь и машин, и людей. А так навален мусор, какие-то куски железа, а, в общем, довольно красиво, в особенности в темноте. Ровным пламенем сверкает раскаленный металл, потом его наливают в какие-то воронки и таскали при мне. Потом делали в одном месте гайки машиной. Наливают туда в какую-то чертовщину расплавленный красный шуршащий металл, а потом

рабочий сидит и нажимает кнопку и из машины выскакивают красные с темнотой немножко уже готовые гайки, а рядом какая-то девушка в синем с вымазанной рожей берет их щипцами и сует в воду. Должно быть, процесс труда довольно примитивен, но в то же самое время красив. Черная пасть, уходящая ввысь, вдали цеха. Мы были после работы. Какие-то черные и темные силуэты непонятных машин и на темном фоне яркий и ровный красный цвет расплавленного металла. Даже издали на него трудно смотреть, и начинает слепить глаза. А рабочие, как они работают? Должно быть, привыкли.

В паровозном цеху я выступал. В каждом цехе есть Ленинский уголок. Это столовая, там и трибуна, гут и ячейка. Холодный буфет в цехах организован очень не плохо и сравнительно дешево продают жареную рыбу, чай, еще какую-то закуску, в общем, можно прилично закусить. И тут же между столами у стены, под портретом Маркса — трибуна, с нее выступают. Я выступал в паровозном цеху. За стеной, внизу все время шел какой-то грохот и лязг. Двери все время хлопали, люди входили, кто пил чай, кто так сидел и слушал. Говорить было ужасно трудно, нужно было перекричать шум машин и я в полчаса прокричал горло. А слушатели пришли прямо от станка, освобожденная смена. Слушали с огромным напряжением и вниманием и, по-видимому, понимали. По крайней мере, присутствующий заводской актив, три заводских рабочих агитатора, судя по запискам, не только отлично понимали, но и отлично были ориентированы, знали и писали записки грамотно и дельно. Я был прямо в восторге. А потом в Луганске в добавление ко всему я выступал на собрании трех поколений, которое устроили в Луганске старые большевики. В Луганске имеется 6 рабочих с дореволюционным стажем. Они устроили общество старых большевиков, куда включили несколько де-

сятков ребят с дооктябрьским стажем. Большинство Луганской организации с 1924 года.

Старые большевики ведут между собой счеты еще, должно быть, с 1900-х годов и все живут памятью Ворошилова. Вокруг Ворошилова создается какой-то культ. На паровозном заводе есть еще старики, которые его помнят как рабочего, помнят, как оратора и агитатора 1905 г. В Истпарте, когда я спросил о материалах по истории революционного движения в Луганске, мне скромно сказали, что материалов почти нет, но, между прочим, тут же с гордостью показатели стоящий в углу сундук Ворошилова. Это его старый деревянный сундук такого типа, как прежде имели при себе, ну, плотники, приезжающие на работу в город или новобранцы в армии. Сплошь из дерева, на деревянных шипах с деревянной плоской крышкой. Замок к нему привешивается снаружи. Сундук этот был даже некрашенный. Простой серый, должно быть, он уже посерел от времени. Его, как мне сообщил заведующий Истпартом, они нашли у какой-то женщины, у которой он стоял с 1905 г. Нашли в нем и кое-какую литературу - издание «Молот», «Донецкая речь», «Знание», кипку брошюрок, которые читал Ворошилов в молодости. Шесть луганских старых большевиков. Все они были вместе с Ворошиловым в одной организации. Они периодически приезжают в Москву. Навещают Ворошилова и, по-видимому, надоедают ему своими личными дрязгами. Но связь с заводом и организацией поддерживается через них. Это и хорошо. Поддержка этой связи - это создание традиций, это реализация постоянно того, что именно с завода, от станка вышел военмор 1/6 части света.

На торжественном собрании трех поколений я выступал с докладом. Луганской организации, по-видимому, льстило, что ЦК прислало из Москвы к ним профессора, и они очень подчеркивали мое звание. Но доклад, надо сказать по совести,

я сделал неплохой, наоборот, по-моему, с подъемом. В театре говорить было не трудно. Театр радиофицирован, как радиофицирован местной станцией весь Луганск. А после доклада выступали с воспоминаниями участники 1905 года. Очень недурно говорил со знанием исторических фактов какой-то рабочий, участник знаменитого восстания в Горловке, старый уже украинец, довольно опытный массовик-оратор. Он произнес вообще интересную речь, удачно вспоминал события в Горловке и обращался к аудитории и на русском, и на украинском языке. А под конец зассорились между собой старые украинские большевики. Председатель не дал слова одному из записавшихся большевиков и тот под шелест закрывавшегося занавеса, мотая серебряной бородкой, прямо из партера ругал его, грозил кулаками и уверял, что еще в 1900-х годах председатель был меньшевик. Меня эта оценка поразила, а секретарь Луганской организации весело посмеивался и рассказал мне, что этот старик в прошлом году ездил жаловаться Ворошилову на Луганский коммунальный отдел за то, что тот ему не предоставил порядочной квартиры.

Вообще эти Луганские большевики производят интересное впечатление. Это действительно рабочие, они и сейчас стоят у станка. Я был у них в клубе. Там бывают и их жены. А это уже прямо исключительные старые бабы-работницы, теперь они луганские аристократки. У клуба великолепное помещение, большие комнаты, ковры, мягкая с золотом мебель. А эти шесть почтенных старух в валенках и кацавейках, с замотанными и завязанными в два узла платками сидели целый вечер, поджавши губы и не сказавши ни слова. Главное - это платки, завязанные в два узла. Как будто она несколько дней его не снимала. Я видел одну старуху и в клубе и на моем докладе - все в том же платке и с теми же узлами, как будто она его и на ночь не снимает. Сидит в перовом ряду мол-

чит, лицо истомленное и усталое, губы сжаты и смотрит она также на меня, как накануне смотрела на местного профессора, делавшего доклад старым большевикам по антирелигиозным вопросам. Этот местный беспартийный профессор рассказывал о том, что Иисуса Христа никогда не было, что это все придумали, что об этом все написано у Иосифа Флавия[148]. А старухи, замотанные в платки, сидели как каменные истуканы и только смотрели. Ну, какое ей дело до Иосифа Флавия. А на другой день она слушала также доклад о 1905 г. Я думаю, что когда ее муж участвовал в забастовках, она его частенько ругала и закатывала ему такие сцены, а теперь все ее прошлое, все то, что ее иссушило и измочалило, представляется ей в новом свете и вся ее жизнь становится для нее другой и конец ее жизни, ее теперешнее состояние. Тут есть, отчего сидеть целыми вечерами со сжатыми губами - разжавши губы можно сказать такое, что уж лучше не говорить.

В перерыв после доклада до концерта я разговорился в кулуарах с одним рабочим, стариком гигантского роста. Ну, и вид у него, не скажешь, что старик, прямо пожилой парень. Я ему до плеча головой не хватаю. Он мне рассказал, что 30 лет проработал на паровозном заводе и 30 лет уже сидит в Луганске. С ним была его жена, с которой он меня познакомил. Разбитная, хотя уже и постаревшая, но молодая баба. Она успела мне сообщить, что она в Луганске 26 лет, что она из российских мест, где говорят таким же языком, как и я. Муж рабочий, член местного исполкома, участник Съездов советов, герой Трудового Красного знамени, за 30 лет работы сделал ряд изобретений на заводе. Он мне поспешил сообщить тут же, что он изобрел ряд вещей для автоматического подъема станков, еще для

[348] Иосиф Флавий - древнееврейский историк. Автор книг «Иудейская война», «Иудейские древности» и др.

чего-то для меня совсем непонятного. Но сообщал это с гордостью, видно человек живет пафосом своего труда. Заговорили о заводе, он как раз работает в паровозно-сборочном цеху. 30 лет, говорит, я работаю, какие паровозы делал - ЭМС. Для него паровоз - это часть его жизни, часть силы, потому что он эту силу вложил в паровозы, в безличную машину, но машину, служащую коллективу, машину самую связанную коллективом. Этот внутренний пафос труда мне страшно понравился. Пожалел он о том, что не умеет так красиво говорить и писать, что малограмотный, а то бы, говорит, изобрел еще не то. Но я его утешил, что у каждого свое. У него станок, а у меня станок - язык. Завидовать тут не приходится.

А вообще Луганск простой и славный городишко. Только еще очень много нужно работать для того, чтобы этот 90-тысячный город, в котором половина населения работает на заводах и все население фактически учится, училось бы у хороших учителей, квалифицированных и училось бы как следует, имея и достаточно книг, и достаточно времени, и достаточное количество подходящего для учения помещения и многое другое в достаточном количестве. Но когда проходишь по заводу и поговоришь вот с этими людьми, которые 30 лет безвыездно прожили и просидели в Луганске и проработали на его заводах, а теперь стали изобретателями и строителями социализма, то ясно, что и 30 лет, проведенные в Луганске, не могут уничтожить у рабочих того, что ему дает 30 лет работы на заводе, что превращает его в коллективного строителя и в Героя труда. Я не жалею, что съездил в Луганск.

Записано 12 января 1931 г.

Да, пошел 1931 г., третий год пятилетки. Газеты трубят о наших успехах. Действительно, мы строим и строим неплохо. Сейчас можно сказать, что вся Европа работает на нас - строит нам машины и жрет наши продукты. И хотя у нас нет икры и сливочного масла, зато из икры вырастает Днепрострой, автомобильные заводы и домны. Эрде[34] недавно ездил в Кузнецкстрой - тоже с 1905 г., как я в Луганск. Рассказывает чудеса. Целая армия рабочих в сибирской глуши и тайге вырубила площадку и в сибирские морозы в тепляках строит заводы. Жилищ не хватает, живут на койках, в землянках, женщин нет, все обалдели и все же строят и строят. Небольшое ядро коммунистов тащит за собой всю рабочую массу пришлых и сибирских крестьян, землекопов, монтеров, бетонщиков. Текучесть рабочей силы большая, но, несмотря на это, Кузбасс встает на ноги. Заканчивают домну, электростанция будет больше Волховстроя. Строят вагонный завод, и так повсюду. Дает, правда, знать себя сейчас вредительство, вернее его результаты - расхлябанность. Пока успели вскрыть вредителей— они успели вагонный парк согнать с юга на север. В Донбассе не хватает вагонов для вывоза топлива, а из-за падения дисциплины пала продукция. А все же растет, а все же социализм строится на глазах. А изменения нашей страны властно диктуют и изменения в идеологии. Сейчас в Комакадемии происходит съезд работников совправа и соваппарата. На нем полный идеологический разнобой. Все идеологи оскандалились. Моего брата как буржуазного профессора прорабатывали еще до съезда. К съезду выпустили против него

[34] См.: *Эрде Д.И.* 9 Термидора в исторической литературе. М.;Л. 1931; и др.

громовые статьи. А на самом съезде все прежние руководители и вожди принуждены были признать кучу ошибок в своих работах. И съезд, имеющий колоссальное политическое значение, сейчас идет через пень-колоду. Практики с мест выступают и прямо-таки издеваются над московскими теоретиками. Практики негодуют, что им придется теоретически переучиваться вновь, раз все теоретические постулаты, из которых они исходили, признаны неверными и подлежащими уничтожению. Они упрекают московских теоретиков в отрыве от практической работы, а московские теоретики рычат друг на друга, уличают друг друга во всевозможных ошибках и извращениях марксизма. Завтра, говорят, на съезде выступит вечером Каганович. Посмотрим, что он скажет. Я бы при таком разнобое считал политически неправильным его выступление. Не нужно брать на себя решение тех вопросов, относительно которых нет еще договоренности и ясности.

У историков, как всегда, склочка. Пытаемся проработать Горина и уже пошли, конечно, проклинать друг друга, обвиняя друг друга в меньшевизме, троцкизме и всяких тому подобных извращениях ленинизма. Я делал позавчера вечером доклад о буржуазной историографии начала XX века. Доклад прошел неплохо, а особенно заключительное слово, где я очень ловко наклал моим оппонентам. А, в общем, стараться то было не из чего, народу было всего человек 30. По преимуществу аспиранты. Враги мои пока торжествуют и спекулируют на том, что я в Харькове. А в Харьков я поеду не раньше февраля, да и всего-то до весны осталось съездить в Харьков раза четыре.

Международный пролетариат побузил было в Руре. Но этот плацдарм такой, из которого не развернешь революции. И, несмотря на упорство и ожесточение, рурская забастовка не дает отклика в Европе. Капиталистический мир

пока держится и черт его знает, что он еще выкинет до своего уничтожения. Лишь бы только он не выступил до конца пятилетки. Еще 2-3 года и мы построим такой социализм, который не только не разобьется, но который и уничтожит весь капитализм во всем мире.

Вчера вечером заглянул ко мне Карпов'[50], и мы с ним перебрали весь совнарком. За этот год фактически сменился весь состав совнаркома и почти все составы всех коллегий наркоматов. А, в конце концов, сняли и Рыкова. Я правильно сделал, что сейчас же после 16-го съезда купил портрет Рыкова. Теперь найди-ка его с надписью «предсовнаркома». А у меня на коллекцию подобраны такие портреты - есть Рыков, есть Троцкий в красноармейском шлеме с надписью «вождь Красной Армии». Ни за какие деньги теперь не найдешь такого портрета. Есть первый состав политбюро. Предсовнаркомом назначен Молотов. Про него уже пустили ряд злющих анекдотов. Молотов немного заикается. Остряки говорят, что он по наследству от своего предшественника перенял заикание. Рыков тоже ведь заикался. Дальше уверяют, что Молотов заикается на двух словах «пятилетка» и «вперед». Довольно злые анекдоты.

В общем, понятная судьба. Когда-то, по крайней мере, года 22 тому назад Молотов был реалистом Казанского реального училища, а я учился в гимназии. У нас существовал общий нелегальный кружок. Собственно кружок был у реалистов. А я, да еще один Князев входили в него от нашей гимназии. Помню одно собрание на Рыбнорядской улице, в доме Алфимова, в его квартире. Собралась целая куча реалистов и нас двое гимназистов. Читали доклады. Все назывались для конспирации отдельными прозвищами. Читал, насколько,

[50] Видимо, имеется в виду Н.И.Карпов, автор книги «Аграрная политика Столыпина» (Л., 1925).

помню, доклад Молотов, который назвался «У», о 8-мичасовом рабочем дне, а ему оппонировал Аросев «2». Спор шел о том, будет ли уменьшаться рабочий день после введения 8-мичасового или нет. Потом помню, кто-то собирал на социал-демократическую партию большевиков, выдавали какие-то квитанции, потом обсуждался вопрос об объединении с другими кружками. Кроме кружка реалистов был еще кружок гимназистов в первой гимназии, с которым я был связан. Туда входил, между прочим, Майоров[зм], лидер левых эсеров и вечный тюремный сиделец в нашу революцию. Он сидел, уже кажется, лет 10 с перерывами в тюрьмах. Был кружок гимназисток. Реалисты определенно расширяли свои связи и готовились связаться с этими кружками, с которыми у нас уже были связи. Потом кружок реалистов провалился — Молотов и Аросев пошли в ссылку, потом из ссылки дернули в Италию, попали потом на воспитание к Ленину и вот теперь Молотов предсовнаркома, а Аросев наш посол в Праге.

Странна судьба человеческая.

И.А.Майоров (1890-1941) - выпускник 1-й Казанской гимназии, студент медицинского, а затем юридического факультетов Казанского университета, с 1906 г. член партии социалистов-революционеров, позже стал членом ЦК партии левых эсеров, членом ВЦИК, сотрудничал после октября 1917 г. с большевиками. После июля 1918 г. был против большевистских властей, прежде всего против аграрной политики. Не раз арестовывался и ссылался. В 1937 г. арестован и осужден на 25 лет тюремного заключения. Содержался в Орловском централе. Расстрелян 11 сентября 1941 г.

Записано 7марта 1931 г.

Сегодня кончился меньшевистский процесс[352]. Меньшевики докатились до конца. Можно сказать, что после процесса нет больше в России меньшевиков как рабочей партии. От борьбы за демократию и оппозицию к прямой поддержке интервенции, к прямой поддержке тех, кто стремился реставрировать систему капиталистических отношений в России. Меньшевизм изжил себя сам. Левое интернациональное крыло меньшевиков, более или менее связанное с рабочим классом, уже в годы гражданской войны перешло в нашу партию. **В** то же самое время правые активисты участвовали во всех контрреволюционных правительствах, поддерживая войну против диктатуры пролетариата и в Самаре, и в Сибири, и на Севере, и на Кавказе. Теперь эти бывшие активисты организовались опять и уже докатились до самостоятельной борьбы на два фронта с большевиками и с буржуазией за чистоту демократических одежд и превратились в прямых пособников и слуг буржуазии, не только объективно стали обслуживать буржуазию, но и субъективно вполне сознательно вступать в соглашение с буржуазией, защищать ее интересы.

Весь политический смыл процесса, разыгравшегося в Колонном зале, именно сейчас и заключается в том, чтобы вскрыть не только истинную роль русских меньшевиков, но, тем самым, вскрыть и лицо П Интернационала. То, что Каутский в своих работах высказывает как теоретические постулаты, то П Интер-

°2 См.: Меньшевистский процесс 1931 года: Сб. док.: В 2-х книгах. М., 1999. Это был судебный процесс над несуществующей партией. Практически партия меньшевиков прекратила свое существование в советской России к 1925 г. История меньшевизма и процесса 1931 г., данная Пионгковским, отражает официальную точку зрения той поры и не соответствует современным исследованиям на эту тему.

национал и русские меньшевики превратили в практическую деятельность. II Интернационал давал средства русским меньшевикам, давал средства на организацию вредительства в России, давал возможность создавать материальную базу для борьбы с диктатурой пролетариата. То, что русские меньшевики находились в связи с Промпартией, от которой они тоже брали средства и деньги, указывает на то, что II Интернационал в своих тайниках поддерживает диктатуру буржуазии. Процесс превращается, тем самым, в процесс II Интернационала против господствующих социал-демократических партий Европы. Он, тем самым, дает возможность нам не только у себя готовиться к грядущей интервенции и нападению на советскую республику, но и подготовлять социалистические партии Запада, подготовлять пролетариат Запада к тому, что в момент интервенции его вожди окажутся в стане тех, кто идет вместе с буржуазией против диктатуры пролетариата. Политический смысл процесса в том, чтобы расшатать влияние международной социал-демократии и вырвать массы из-под ее влияния.

Я был один раз на процессе. Все, как обычно. Залит огнями зал, микрофоны, фонографы, судьи, стенографистки. Одно только впечатление - слишком большой срепетированности процесс. При мне допрашивали Рамзина. Его провели через весь зал. Это было сделано вполне правильно. Туча корреспондентов, заполнявшая ряды, несколько минут стреляла на него аппаратами, сидя друг на друге. А Рамзин в белом воротничке, в пиджаке, застегнутом на все пуговицы, стоял у микрофона и, не дожидаясь вопросов прокурора, обстоятельно и подробно, как заранее приготовленную лекцию, излагал в течение, по крайней мере, часа свои показания. Говорил он действительно потрясающие вещи. Вскрыл всю подноготную меньшевиков, Суханова, Громана. Подсудимые тоже вскрывали все свои дела, обличая дружно самих себя и друг друга, и весь П Интерна-

ционал. Узел сплелся вокруг приезда в Россию Абрамовича. Старый бундовец и старый меньшевик, крайне правое крыло меньшевизма, в течение десятилетий - идеолог, активист, Абрамович утверждает теперь за границей, что в России он не был и не приезжал, что сидящие на скамье подсудимых не представляют из себя русского бюро ЦК, что существующее русское бюро ЦК на суде отсутствует.

Если это правда, тут возможны два варианта или русское бюро ЦК, отсутствующие на суде, все же присутствует в помещении ГПУ, но не дает никаких показаний. Агент ЦК Броунштейн[353], который больше всех бы мог рассказать об их деятельности, и об оппозиции II Интернационала, и связях меньшевиков со II Интернационалом, и об источниках денежных средств, и о тактике — одним словом, обо всем, что вскрыло бы и взорвало бы II Интернационал, второй год сидит и второй год молчит, не говорит ни слова. Молчат и другие. И или возможна другая версия - меньшевистское бюро ЦК на свободе — тогда или оно настолько ослабло и настолько безголово, что не понимает смысла происходящих событий, или оно должно чем-нибудь, какой-нибудь листовкой, изданной хотя бы в пяти экземплярах, заявить о своем существовании, о своей наличности и, тем самым, политически взорвать весь процесс. До сих пор этого, по-видимому, не произошло и, следовательно, эта версия отпадает. А тогда остается в силе

[353] Р.А.Абрамович (Рейн. 1880-1963) — член Бунда, затем меньшевик, с 1920 г. в эмиграции. Абрамович не приезжал в СССР в 1928 г. и не встречался ни с кем из обвиняемых. Он подал в суд на две немецкие газеты, писавшие об этом и выиграл иск против них, доказав, что в это время находился в Брюсселе. М.А.Броунштейн (1886-?) - меньшевик с 1903 г., в 1922 г. выслан за границу. В 1929 г. нелегально, с паспортом на имя Я.Н.Левина, прибыл в СССР. 14 июня 1929 г. арестован и в октябре осужден на 5 лет лишения свободы. Вскоре срок заключения увеличили до 10 лет, затем сослан в Восточную Сибирь. Реабилитирован.

то положение, что российское меньшевистское бюро сидит на скамье подсудимых во главе с Громаном[354]. Среди русских рабочих меньшевиков, конечно, нет. Но среди советских служащих, в самом широком смысле этого слова, среди мелкой интеллигенции, непосредственно, служащих аппарата, школьных работников и т.п. меньшевики могли бы иметь несомненные кадры. Этим, конечно, и объясняется, то, что когда весь этот контрреволюционный сброд был уверен, что весной 1930 или 1931 г. мы будем иметь интервенцию, крах советской страны, они спешили так или иначе идеологически и политически оформиться. И беспартийный Суханов вступил в меньшевистскую партию - это было стремление у этого типа обеспечить себе после краха Советской России политическое положение и возможность политически действовать при новом строе, в новых условиях.

Вместе с меньшевиками трагически окончил и Рязанов. О его судьбе ходят разные слухи. На процессе же из показаний видно, что Рубин[355] дал ему спрятать чрезвычайной важности политические документы, документы, которые с полнейшей ясностью и наглядностью вскрывают позиции II Интернационала в вопросах интервенции и отношение к контрреволюционной буржуазии. Судя по показаниям Рубина, старик не знал, что он прячет, но все-таки спрятал и предупредил Рубина об

[354] В.Г.Громан (1874-1940)-в 1903-1921 гг. меньшевик. Накануне ареста 13 июля 1930 г. член президиума Госплана СССР, член коллегии ЦСУ СССР. 9 марта 1931 г. осужден на 10 лет лишения свободы. Умер в Суздальском ИТЛ 11 марта 1940 г. Реабилитирован в 1991 г.

[355] И.И.Рубин (1886-1937)-в 1904-1923 гг. меньшевик. В 1926-1930 гг. - зав. кабинетом политэкономии Института К.Маркса и Ф.Энгельса. 9 марта 1931 г. осужден к 5 годам лишения свободы, 23 ноября 1937 г. расстрелян. Реабилитирован в 1991 г. Позже выяснилось, что никаких меньшевистских документов Рубин не хранил и директору Института Рязанову не передавал.

аресте. Он уже исключен из партии, исключен из академиков и ходят слухи, что скоро отправится в Иркутск, назначенный ему в качестве места его пребывания. Исключительно нелепый конец политической деятельности этого человека.

Ну, что еще записать. Где-то там, за стенами «Метрополя», внизу идут лесозаготовки, коллективизация, стройка. Все идет, по-видимому, с большой натугой и с большим напряжением. До меня как-то это не доходит или доходит в изуродованном виде. Я вижу, как мы стараемся выкачивать средства из рук населения, где ударяем налогами, ударяем рублем, то спекулируем товарами, то продаем по повышенной цене шоколад и тому подобную дрянь. Надо поездить по заводам и фабрикам, войти в самую гущу, посмотреть, что делается там. На заводах, по-видимому, происходят интереснейшие процессы. Недавно я достал коллекцию книжек, штук шесть маленьких брошюр, написанных рабочими авторами. Это прямо писатели от станка. Трое из них: Салов, Тарасевич, Саенко - рабочие завода АМО. Другие, кто на «Серпе и молоте», кто на Путиловском. Очень просто они описывают повседневную жизнь своего завода - ударные бригады, организацию производства, борьбу вокруг размеров выработки, размеров зарплаты. Это интересно с целого ряда точек. Во-первых, эти рассказы интересны как показатели того, как живет сейчас завод. Это своего рода воспоминания современников о современном состоянии и современных настроениях и чаяниях российского пролетариат. Во-вторых, это интересно тем, что они написаны самими рабочими, значит, они показывают на то, что представляет из себя теперешний рабочий, каков его культурный уровень и политический уровень.

Это интересно тем, что эти брошюрки показывают, как из рабочего класса, непосредственно от станка вырастает новый культурный слой, вырастает рабочий писатель. Серия этих ма-

леньких, не всегда искусно написанных брошюрок имеет большой политический интерес и большой политический показатель. За этими брошюрками стоит армия рабкоров и все это говорит о том, как заводы центральных промышленных районов и политический центр превращался и превращается в культурный центр и центр политической жизни пролетариата.

Записано 31 марта 1931 г.

Ужасно устал. Так устал, что как будто нет сил и голову поднять. Надо в течение года брать отпуск. А то работаешь, целый год, как вол, как лошадь, как напряженный мул, устаешь и, в конце концов, превращаешься и впадаешь в неврастению. Вот и я - ужасно устал. Каждый почти день сейчас семинары, и так это мне все надоело - книги, книги, все одно и тоже и никаких действий. Острова все переворочены. Вообще, все идет тихо и мирно. В этом году, наверное, войны не будет, хотя на границах и неспокойно. Поляки чего-то перебрасывают войска, готовясь к какой-то авантюре против Германии. Французы тоже против нас. Открыли массу заговоров, просудили, приговорили, а все равно классовая борьба, если не обезглавлена, то не задавлена. И хотя Молотов в речи на съезде Советов и говорил, что фундамент социализма мы уже построили, но мне кажется, что до полного социализма все-таки еще далеко. Слишком уж наш быт консервативен, мало в нем социалистического. Ну, что внесено в быт нового. Вместо попов на похоронах играет военный оркестр, вместо свадьбы в церкви ходят в ЗАГС, вместо абортов - презервативы. Ну и все. Живут по-прежнему. Накопленный предыдущим поколением капитал - дома, постройки, города - давит своей тяжестью, держит в объятиях буржуазного индивидуалистического хозяйства.

Неравенство - есть аристократы-члены правительства и старые большевики, есть партийная гвардия, а потом вообще идут различные элиты. Нас переселяют из «Метрополя». Для получения квартиры тоже нужен стаж, даже для размеров площади он помогает. Ужасно противно. Такие грандиозные взлеты, а тут такая ерунда. В Харькове на улицах масса нищих. Поют какие-то думки, стихи, черт их разберет, что играют на гармошках. Словом, самый, что ни на есть режим. По-французски, я, кажется, стал говорить, как сапожник. Не для будущего поколения - французского-то языка я совсем-то и не знал, но произносил гораздо лучше.

Вот в области подготовки культурных кадров мы страшно отстаем от пятилетки. В общем, при повышении общего экономического уровня страны и при увеличении хозяйственных благ в руках государства и в стране мы, несомненно, страшно широко поднимаем культуру, в культуру затянуты огромные необъятные массы. И если эти массы сейчас проходят предварительные ступени обучения, то года через три они стукнутся в высшую школу. Сеть наших вузов их не удовлетворит и не удовлетворит их, конечно, сеть наших преподавателей. Преподавателя нет. В вузах его не хватает, и подготовить невозможно. Мы готовим единицы, когда нужны тысячи. Да и как готовим. Учатся они неплохо, но как только они выучатся, мы начинаем друг друга прорабатывать с необыкновеннейшим остервенением. По всему вижу, что у меня сегодня настроение упадочное. Ну, что там дома и квартиры. Города можно срыть, вместо них выстроить другие, новые. Нужно уничтожить эти дурацкие переулки — Мертвые и Девяткины, скопать разные там дома на курьих ножках и вместо Москвы феодальной построить Москву социалистическую.

Над этим сидят и думают уже. Черт возьми, обидно одно. Ведь Москву социалистическую построить можно лет через 10

из какого-нибудь необыкновенного кирпича, легкого, непроницаемого, социалистического, а меня через 10 лет в крематории сожгут самым не социалистическим образом. Ужаснейшее свинство. Я иногда думаю, что вот я в семинарах своих вижу, работаю со своими аспирантами и студентами, может быть, таким путем я все лет на 15-20 продлю свое существование. Ну, я умру, а все-таки останутся ребята, которые у меня учились, все-таки припомнят, скажут, был такой историк.

Черт, с сыном у меня ни черта не вышло. Умудрился исключить сам себя из вуза. Так парень ничего, но в голове такая каша и буржуазия, и социализм в голове у него сварили такой необыкновенный суп, что никто не разберется. Ну, парнишка, сам себя подвел под удар. Во-первых, не хочет заниматься, во-вторых, не хочет вести общественной работы, в-третьих, в голове девчонки, в 19 лет землю роет при виде каждой юбки. Теперь отправляется на завод на производство на год. Ну, посмотрим, какой он будет рабочий. В общем, если считать, что дети — это обеспечение бессмертия, мне мой сын его не обеспечил. Заводить другого. Я вот, теперь думаю, что, пожалуй, другого стоит завести. Во-первых, ясно, что если сейчас заводить, то через 10 лет у нас такой социализм будет, что это будет совершенно новое человечество, уже его так обработают, что он будет совершенно социалистическим человеком.

Шутка ли, начнет человек соображать и понимать окружающее к концу, по крайней мере, третьей пятилетки, даже если считать наши пятилетки по четыре года, и то через 10 лет. Ясно, что через 10 лет, если не будет войны, страну узнать нельзя будет. Будет полный социализм. Весь вопрос заключается, может ли существовать советская страна рядом с капиталистическим миром 10 лет и может ли советская страна разбить, если понадобится, капиталистический мир в ближайшие 10 лет. Ясно, что капитализм к войне готовится, ясно, что война

нависла над нами не как предприятие отдаленного будущего, а как событие завтрашнего дня. Если нельзя сказать, что войны не будет весной 1931 г., то никак нельзя поручиться, что весной 1932 г. ее не будет или она не будет осенью 1931 г. Это прямо, как по писанию - се жених грядет в полунощи. Европа к войне с нами готовится, хотя очень легко может разодраться между собой. Вопрос заключается в теоретической проблеме, насколько продолжительно возможно существование параллельно социалистического и капиталистического мира. Насколько возможно такое существование, при котором отношения между социализмом и капитализмом напоминают отношения между испанскими мореплавателями и островами Таити. Предположим, идет некая меновая торговля. Товары обмениваются, а социальная сущность производителя ничем не затрагивается. Такой комбинации в наш век быть не может и ясно, что остатки капитализма в нашей стране все свои чаяния и надежды возлагают на капиталистический мир всего мира.

Вопрос заключается не только в надеждах, вопрос заключается в организации. Сейчас капиталистический мир переживает процесс распада и процесс организации в то же время. Противоречия в нем настолько сильны, что он сейчас пытается разрешить их организационно, пытается размежеваться в этих процессах. Сейчас, например, устроили аграрную конференцию, и обсуждается вопрос о хлебных ценах в Риме. На этой конференции выносились предложения о внесении лимитов и ограничении засевов и сбор хлеба. Это примитивный капиталистический способ разрешить проблему с точки зрения капиталиста, обеспечив капиталисту определенную норму прибыли. Капиталистический мир делит между собой предпринимательскую прибыль на конференции. Но ведь эта дележка происходит без производителя. Значит, если она сглаживает противоречия между капиталистами и производителями, она их обост-

ряет и их затрудняет. Облегчает капиталистам борьбу, но облегчает борьбу и рабочим. Поэтому ясно, что вырастающее социалистическое хозяйство с неисчерпаемыми хозяйственными ресурсами уже сейчас является для капиталистического мира прежде всего конкурентом, с которым капиталистический мир не может сговориться, конкурентом, имеющим больше сил и возможностей для лавирования.

Отсюда существование капиталистического и социалистического мира в известных пределах только допускает хозяйственную конкуренцию на капиталистическом рынке между капиталистическим и социалистическим производством. Мирное продолжительное существование при успехах социализма означает все больше и больше растущую хозяйственную мощь социалистического мира и означает или уничтожение путем конкуренции на рынке капиталиста и превращение, таким образом, экономически всей Европы в подчиненном состоянии Советскому Союзу, т.е. может напомнить ту систему отношений, которая создается в Союзе между социализированной промышленностью и диктатурой пролетариата, с одной стороны, и мелкобуржуазным морем крестьянства, системой, существующей в расцвете НЭПа, когда социалистические фабрики через торговлю повели за собой мелкобуржуазное крестьянство, вытесняя на рынке кулака, уничтожая путем конкуренции хозяйственного нэпмана. Но ведь эта стадия соотношений вызвала со стороны уничтожаемого кулака и нэпмана классовую борьбу и попытки организационным стремлением взорвать Союз. Такая же система в международных отношениях, уже дающая себя знать, должна будет вызвать попытку вооруженной рукой избавиться от конкурента и, следовательно, мы должны будем иметь нападение на Союз республик и раскол, и гражданскую войну внутри европейского общества. Организа-

цию буржуазных элементов и против Союза, и организацию эксплуатируемых за Союз и борьбу Союза.

Другая возможность - это экономическое изгнание Союза с западноевропейских рынков и капиталистических рынков, использование внутренних ресурсов Союза для построения своими силами социализма и укрепление, и развертывание своей собственной сырьевой и технической базы социализма — это означает экономически техническую блокаду Союза. Но эта возможность фактически невозможна, потому что экономически техническая блокада Союза при возможностях все же роста Союза и непрекращающейся классовой борьбы внутри капиталистических стран будет приводить к классовому прорыву блокады. Вопрос стоит в мировом масштабе «кто-кого», «или-или». В отношении российского в общесоюзном масштабе вопроса «кто-кого» можно считать сейчас решенным - «Мы». Буржуазия давно уничтожена, кулак почти уничтожен, социалистическая промышленность является технической базой создания социалистического хозяйства в деревне. Деревня охвачена коллективными формами хозяйства, ее тянут в коллективизацию и экономически и давлением государственного аппарата. И то и другое переплетается. Например, мы создаем тракторные станции - это и экономическое преодоление мелкого крестьянского хозяйства, и это - политическое воздействие путем принудительным на крестьянское хозяйство. Так как соотношение орудий производства в руках диктатуры пролетариата при лишении крестьянства орудий производства вынуждает его переходить к коллективным формам хозяйства, так как коллективно оно может использовать находящиеся в руках всего государства орудия производства. «Кто-кого» внутри нашей страны — вопрос решен и все больше и больше нависает вопрос в международном масштабе «кто-кого». Он всегда существовал, но сейчас он существует в

новой фазе. Он требует ответа, становится в зависимости от того ответа, когда придется отвечать на вопрос: «кто-кого», стоит и содержание ответа. Чем дальше отдаляется ответ, тем вернее он будет «Мы». Но ведь это все делают и все происходит в практической жизни. Кто-то строит заводы, кто-то в энтузиазме ударных бригад дерется, как в окопах, за каждый пуд угля, за каждую новую кирку и лопату.

Коллективное творчество рабочих миллионов нашей страны создает шаг за шагом, минуту за минутой фундамент социализма. Каждый индивидуальный взмах, оставаясь индивидуальным, превращается в то же время в часть коллектива. Коллектив немыслим без индивидуальных выступлений, как индивидуальные выступления мыслимы только в коллективе. Ударные бригады на фабриках или в науке немыслимы без коллектива, без массы, которые направляются и которые направляют к определенной цели. И это направление, и выполнение этой цели немыслимо без индивидуальных усилий и индивидуальных взмахов ударных бригад. Ну, будет. Я, кажется, начал размышлять об индивидуальном и коллективном. Ведь то, что я пишу, это вовсе не записки Поприщина, не какие-нибудь размышления у парадного подъезда, — это записки коммуниста и революционера. Я кричу в будущее. Я пишу для того, чтобы люди социалистического общества, чтобы тогда, когда не будет этих уродливых кривулек, вместо улиц, когда не нужно будет думать об ордере на калоши, когда все будут заниматься наукой и все будут заниматься на фабрике, когда фабричное производство, сохранившее свой коллективный характер, потеряет свое свойство высасывать из человека соки, когда труд станет радостной функцией бунтующей плоти, чтобы тогда они прочитали мои записки и подумали о том, как мы строили социализм. Я то ведь тоже строитель.

Сейчас год, как я вожусь над книгой по историографии. Написал четыре главы, страниц 200, одну главу уже напечатали, три других хочу окончательно отделать к апрелю и сдать в печать. Две главы безобидные - одна о буржуазной историографии начала XX века, другая - об историографии Октябрьской революции, а третья вышла специальная об историографии 1905 г. - изругал всех, кого знаю. Говорят, что славы она мне не прибавит, а врагов - в большом количестве. Ну, что сделаешь, нужно подходить к этому не с точки зрения количества врагов, а с точки зрения политического смысла. Нужно ли обругать всех кого я в ней обругал, нужно ли изобразить сейчас положение в изучении 1905 г. как, в сущности, говоря, безнадежное положение или наоборот. В литературе сейчас чего-то нет новых идей и книжек. Сегодня окончил читать одну все же любопытную книжонку Штрауха[356]. Этот несчастный слон написал книжку о роли торгового капитала в Московском государстве. Так выходит довольно стройно, все делал, все создавал торговый капитал, торговый капитал Демиург Истории, а, по-моему, это не так. Вот нужно попробовать прорваться через этот фронт, черт его знает только «кто-кого» проработал - я Штрауха или Штраух меня. А другие и книг не пишут. Только издаются документы. Интересные документы издает и Археографическая комиссия, действительно там они дают новое. Археографическая комиссия, пожалуй, Томсинскому создаст славу. А ведь вся роль его и заключается в том, что он посадил беспартийного спеца на нужную работу. Но ведь эти темы каждый бы из нас мог дать, каждый знает, что именно этим надо заниматься.

В Голландии какой-то тип, редактор газеты, Хейс фамилия ему, задумал написать историю Октябрьской революции и

[356] См.: *Штраух А.Н.* Стрелецкий бунт 1682 г. М., 1928; и др.

советского строительства за 10 лет. А мы отсюда ему посылаем список литературы. Увидим, что он напишет. Чтобы ни написал, одно доказывает, что повсюду интересуются Советским Союзом и историей нашей революции и нашей страны. Надо уже и мне в научной работе сделать шаг дальше и от изучения 1917 г. и гражданской войны, которых я так и не доведу до конца, приступить к изучению истории строительства социализма. Это замечательная тема. В семинаре с аспирантами Института научной педагогики я уже так и уговорился, что на будущий год мы поставим семинар по истории строительства социализма в нашей стране. Попробуем, начнем разбирать, это ничего, что по сырью идти придется. Тут и сырье-то в значительной части сведено. А интересно то, что можно давать уже целую схему истории колхозного строительства, историю совхозов, истории социалистического строительства в целом, истории классовой борьбы в эпоху строительства социализма и геройских подвигов мобилизованных 25-тысячников и тысячников и т.п. Совершенно новые темы, которые ни один еще историк не пытался разбирать. А ведь политическая задача истории и заключается в том, чтобы помочь строительству социализма, принять участие в этом строительстве, в борьбе за строительство социализма на всех фронтах. А как это можно сделать. Для этого мало знать разиновщину, для этого нужно теперь разработать историю строительства социализма и историю борьбы за социализм.

Записано 22 апреля 1931 г.

Не писал сам уже не помню когда. Успел слетать в Харьков. Просидел там дней 10, теперь опять здесь. О чем писать? В Москве ходил по театрам, видел «Строитель Сольнес». Играют замечательно, но Ибсен умер и никакой игрой его не

воскресить. Только для того, чтобы посмотреть, как умер этот идеолог мелкой буржуазии, стоит сходить на «Строитель Сольнес». Идеология умирающего класса сейчас на сцене кажется какой-то ненужной, раритетом. Она претендует на живую жизнь, на реальность и она в то же самое время мертва. Политически спектакль ненужный и вредный по своей идеологии. Социально для нас, в наших условиях он мертв. Идти смотреть сейчас «Строитель Сольнес» — это смотреть сейчас на то, как умирает во всем мире вся мелкая буржуазия и умирают все ее идеологи - Стринберг, Ибсен, Кнут Гамсун.

Даже смешно и дико сейчас, как вспомнишь, что лет 15-16 тому назад читал и увлекался и Ибсеном, и Кнут Гамсуном, что в 1907-08 г., когда я был гимназистом 7-8 класса, у нас считалось признаком высшей интеллигенции ходить в театр на Ибсена. Я и сам помню, читал доклад о докторе Штокмане. Все, конечно, тогда разговаривали о Норе. А сейчас все это смешно, все наши женщины Норы. Наша проблема, так как она стояла для Ибсена о женском равноправии, уничтожена, разбита вдребезги. Но если эта проблема разрешена в положительном смысле, то другая, составная часть - мелкобуржуазный индивидуализм - даже не разрешена, а просто выброшена, они и не нужны, другая идет жизнь, другой класс, другие требования. Этот театр Корша — какой-то обломок старых поколений, островок прошлого, все более сокращающийся. Такой же ненужный спектакль и «Нашествие Наполеона» во II МХАТе. Тоже чудная игра, даже попытки создать пародию на современность — и полнейшая ненужность, спектакль ни к чему, никакого смысла, вернее в результате просто бессмыслица. Тоже театр застыл на перепутье, и при всех силах и талантах, какими он обладает, он не шагает вместе с нами в то, что мы выстроим на фундаменте социализма, он не шагнет в будущее.

На Украине театр драматический - «Березиль». Гід этот раз я видел в нем «Гайдамаков». Исключительное надо сказать безобразие. Инсценировали «Гайдамаков» Шевченко. Но, когда их читаешь в тексте Шевченко, это понятно, что со страниц Шевченко кричит восстающая крепостная Украина и вся Россия. Для Шевченко крепостная Украина, эксплуатация, облеклась в форму национальной эксплуатации и в националистику. В «Думах» прошлого он искал утешение своему тяжелому настоящему. Крепостной, потом ссыльный солдат, он на всю жизнь сохранил в неприкосновенности то, чем жила крепостная украинская деревня. Крепостническая эксплуатация и растущая эксплуатация капиталистическая представлялась ей чем-то в форме национального гнета. И Шевченко в своих стихах с необыкновенной ненавистью вспоминает о помещиках, о барах. Он поэтически благословляет весь мир на уничтожение носителей крепостничества и, естественно, отдает он большую дань национализму. Для Шевченко все это понятно. Для него это даже все необыкновенно ценно. *

Уже в 40-80-х годах крепостная деревня действительно стала бурлить. До нас дошло большое количество так называемых народных песен российской деревни с ярым протестом против крепостной неволи и крепостной эксплуатации, но не дошли имена этих авторов, а для украинской народной поэзии мы знаем и автора - это был Шевченко, бунтарь и протестант, представитель растущей революционной идеологии революционного крестьянства. Но, когда в XX веке почти что к 15-летию Октябрьской революции на сцене инсценируют «Гайдамаков» и начинают при этом показывать не только разгул польских конфедераторов, не только страдания украинских крестьян, но и выводить антисемитские оценки в роде того, как еврей вместо денег выдает полякам казацкую дочку, но такая постановка на сцене сейчас не свидетельствует ни о

политической бдительности руководства «Березиля», ни о чистоте его постановки вопроса о национальной культуре, никак не о свободе от антисемизма этих артистических представителей украинской культуры. Сама постановка «Гайдамаков» ужасно примитивна. Она пересыпана простой декларацией от лица бедной Украины, олицетворенной в образе простой украинской девицы. К спектаклю придали нечто вроде конферансье, который описывает и объясняет идущие сцены. Плохой в художественном отношении спектакль, не отделан и не выдержан, неверен политически и идеологически, спектакль с налетом антисемизма.

Из других художественных впечатлений за это время у меня две выставки в Москве. Одна, просто подделывающегося под наши требования Юона[357], исключительно сильного по краскам художника, мастера палитры. Он изумительно передает освещение, свет, таящий снег. Но для того, чтобы лучше подделаться под советскую власть, он рисует бои Красной Армии. Причем, в них его интересует не только тематика, сколько опять-таки проблема освещения, а, тем самым, пропадает социальный смысл картин. Приобретая своими картинами политическую благонадежность, он не приобретает себе имя, художественной славы. Другая выставка - откровенно контрреволюционная выставка «Промпартии» в искусстве. Эта выставка «13» во главе с Бурлюком, белогвардейским эмигрантом, бывшим вождем российского футуризма. Он из Америки прислал четыре выставленных на выставке зарисовки пером. Выставка «13» интересна тем, что «13», несомненно, люди не без таланта, они знают искусство, знают краски, умеют их передавать, но они политически все «13» глубоко враждебны и чужды современности. Нель-

К.Ф.Юон (1875-1958) - живописец, театральный художник, народный художник СССР (1950).

зя сказать, чтобы на их полотнах не пробивалась современность, она там есть, но в каком виде. Толпа - это бесконечные контуры голов и кепок, над ними такие же бесконечные красные флаги, бессмысленное, бесцельное движение. Художники ударяются в примитивизм, подражают детскому рисунку или дают какую-то странную реалистику, например, изображение общей бани, где валяются в разных позах какой-то десяток голых фигур, в которых нет ничего индивидуального и ничего, пожалуй, человеческого, кроме одной черной точки на общем всем месте. Такое же изображение купальщиц в купальных костюмах с просвечивающей чернотой. Отсутствие индивидуального в изображении, переход к изображению одной идеи в ее чистом виде это уход от действительности при сохранении реалистических форм, игра на красках при отрицании содержания картины, подчеркивание многоликости и безликости толпы, ее слепота и бесцельность. Это чисто контрреволюционное выступление группы художников, это - «Промпартия» в искусстве. Ну, вот и все кажется из художественных выступлений.

На Украине пришлось приступить к организации украинского Института истории. Первые же впечатления необыкновенные. На первом заседании спор возник о том, будут ли на Украине готовить специалистов по истории России и Украины. Я доказывал, что нужно готовить и по истории России, относясь к истории России так, как они относятся к истории Франции. Украинцы вообще хотели выкинуть историю России из всяких изучений. Потом спор перешел на вопрос о количестве необходимых специалистов по той и другой отрасли. Ясно, что на Украине нужно готовить единицы, но, сколько и как выделить эти единицы. Я сказал украинцам: вы ведете семинары с теми же людьми, с кем и я, за кем пойдут люди, пусть там и специализируются, кажется, простая вещь. Но это вызвало необыкновенный дикий взрыв. Люди сейчас

же стали орать дикими голосами, обвиняя меня, во-первых, в великодержавном шовинизме, во-вторых, в том, что я силой великорусской культуры хочу задавить молодую Украину, в искажении партийной линии и еще каких-то смертных грехах. Я заявил, что если я великодержавник, что им нужно сейчас же вынести об этом соответствующую резолюцию и отправить меня в Москву. На счет русской культуры я сказал, что я себя считаю таким же русским, каким и украинцем.

Оказалось, что это по их толкованию и есть великодержавничество, я уже сослался на то, что я собственно нерусский и что у меня мать еврейка, так что я такая же великодержавная культура, как и украинцы. Зашедший на шум заместитель Шлихтера - Левик всецело поддержал меня, обвинив как раз украинцев за их выступления в великодержавности. А на другой день меня поддержал Шлихтер - само политбюро Украины, заявив, что я занимаю вполне правильную политическую линию, а такие выступления украинских товарищей есть несомненнейшие отрыжки украинского национал-шовинизма. Конечно, это очень хорошо и приятно, что Шлихтер как член политбюро Украины разделяет мои взгляды на вещи, но легче от этого не становится, поскольку эти оценки с карпенками показывают на то, какие существуют настроения среди украинской интеллигенции, как националистически она настроена и какую придется вести борьбу на Украине для того, чтобы провести в жизнь самые простые, почти что примитивные постановки о том, что украинцы должны знать и русскую и украинскую историю, что главный политический враг сейчас на Украине не Россия, а Польша, что все разговоры о том, что Украина представляла из себя экономически самодовлеющее целое в XX веке, это есть разговоры, которые льют воду на мельницу украинских национал-шовинистов и украинской буржуазии, что задача сейчас в области истории заключается в изучении колонизаторской роли Польши.

Некоторые честные украинцы готовы прямо заявить, что Польша никогда колонизацией не занималась ни в XVI, ни в XVII веках, а Россия всегда. А, если они и готовы признать, что Польша была колонизатором Украины, то и то это они допускают до польских разделов, а после польских разделов Польша сошла на нет, и колонизатором была Россия. В моем семинаре один парень заявил, что колонизаторская роль России по отношению к Украине проявляется в том, что на Украине, например, не было текстильной промышленности, а в России была. Ясно, что российский капитал это делал для того, чтобы колонизировать Украину, договорился даже до того, что заявил, что колонизационную роль России он видит даже в том, что хлопок из Америки для текстильной промышленности везли через Украину, через Одессу. Я спросил, ну, а если пассажиры до революции ехали через Украину по железным дорогам - этот момент тоже является колонизацией. Я думаю, что этот национализм резче проявляется в области литературы, искусства и истории. Здесь на Украине все борются, с одной стороны, бессознательно, конечно, те группы украинцев, по существу, или мелкобуржуазная интеллигенция или крестьянство, которое пошло с ними, но которые сохранили свое украинское специфическое лицо и, с другой стороны, те группы украинского населения, которые всецело русифицировались.

Вот эта сложность Украины, то, что Ленин называл по отношению к Украине, что она колония особого рода, что в ней колониальные моменты и момент превращения колонии в метрополию чрезвычайно спутаны и сложны, что их нельзя отделять друг от друга, они приводят к чрезвычайно сложному положению на Украине и к образованию борьбы внутри литературного и исторических фронтов на Украине. Исторический фронт на Украине, это какие-то 6-8 мальчишек, из которых часть вообще желторотые, часть уже начинает

оперяться, и когда они хлопают крыльями, то полумается исключительный национал-шовинизм. И в научном отношении тем не на кого опереться и в то же самое время стоят задачи. Из этой рассыпанной массы, рассеянной и ограниченной и в количественном, и в качественном отношении, нужно создать нечто целое, а создать там нужно. Пожалуй. Можно создать там, но цели там гораздо больше и сложнее, хотя и менее широки по своему охвату, чем наши российские цели. Но при всех этих перспективах я должен сказать, что я был чрезвычайно счастлив, когда я, наконец, все же сел в мягкий вагон и из Харькова отправился в Москву. В Москве и шире проблемы и больше, и сложнее, и важнее, во всяком случае, бесконечно интереснее.

Записано 2 мая 1931 г.

За последнее время, за год приблизительно по идеологическому фронту катится волна проработок. Она идет как по линии проработок беспартийных, так и по линии проработки внутри партии - партийцев. Причем, это волна проработок касается большей частью тех беспартийных, которые в течение 10 лет, по крайней мере, считались вполне лояльными и преданными, чуть ли не марксистами. За проработкой Переверзева^ в литературе тоже пошла война переработок, в особенности в этом году проработан целый ряд мелких профессоров, как в Москве, так и в провинции. Особенно это интересно в провинции, поскольку это отливается в целую волну, охватившую все концы нашей страны. В Казани, например, этой весной, проработан Фирсов, да еще как проработан. Це-

В.Ф.Переверзев (1882-1968) - литературовед. За попытки анализировать литературные произведения социологическими методами в конце 1920-х - начале 1930-х годов был подвергнут критике.

лый ряд фельетонов посвятили ему в местной прессе, а всего год назад в той же Казани его провозгласили заслуженным деятелем науки и специальная студенческая депутация просила его не покидать вузов и продолжать преподавание. В Москве проработан на днях в доску Красновский, его сняли с преподавания, раскопали, что он в 1908 г. окончил духовную семинарию и писал в «Епархиальных Ведомостях» статьи. Обвинили в том, что существует тесная связь между тем, что он говорит сейчас, и тем, что он писал в 1908 г., в мракобесии и поповщине. А ведь в течение 10 лет его все же принимали, не только в вузах, но и комвузах. Проработали в этом году окончательно и моего брата. Считался человек основателем марксистской школы в уголовном праве, а теперь проработан, снят из вузов как преподаватель неоменьшевизма.

Эта волна проработок, коснувшаяся идеологов, которые в течение 10 лет считались или близкими или совсем марксистами, чрезвычайно социально знаменательна. Она говорит о том, что в стране произошли классовые сдвиги и что старые идеологические установки, бывшие 10 лет тому назад приемлемыми, сейчас становятся тормозом строительству социализма и иногда и прямо враждебным ему. Это говорит, следовательно, о том, что по пути успехов строительства социализма, по пути уничтожения отношений собственности произошла еще большая дифференциация между пролетариатом и мелкобуржуазными попутчиками, что мелкобуржуазные попутчики в момент развернутого социалистического строительства и в момент последнего сопротивления собственников качнулись в лагерь собственников, а отсюда и их проработка. Они вернее остались на тех позициях, на каких были, а пролетариат ушел вперед, потому что занял новые позиции. Потому что пролетариат ставит вопрос уже не только о дик-

татуре, о власти, но он уже ставит вопрос об окончании перестройки всей производственной общественной системы.

И с этой точки зрения еще более важна и более знаменательна проработка, которая происходит внутри партии, идущая тоже целыми волнами. Они идут и по Москве и по провинции. К ним нужно присматриваться еще более внимательно. В Казани стали прорабатывать Корбута за прикрывательство, за его книгу по истории Казанского университета. За эту книгу он получил премию. В прошлом году чествовали его на юбилее Казанского университета. О ней был ряд хвалебных отзывов, ну, и я дал не очень хвалебный, а сейчас ее начинают прорабатывать как оппортунистическое произведение. Прорабатывают на Украине Рубача, бывшего лидера украинских историков. В Москве шла горячая схватка среди западников. Идет борьба среди русских историков, прорабатывают, обличая в троцкизме и меньшевизме и механизме Горина, и даже кое-где эти волны начинают захватывать и меня. Казанское общество «Историков-марксистов», которое я же основал, в своей общей резолюции о положении на историческом фронте упоминает меня как игнорирующего национальные вопросы. Недавно в студенческой газете 1-го МГУ какой-то студентик прохватил меня за доклад, где я, по его мнению, спутал отношения меньшевиков и большевиков к Советам.

Как не случайны и не верны эти выступления, но ко всем ним нужно относиться чрезвычайно внимательно, потому что это свидетельствует о том, что поднимается какая-то волна и мы в своих установках начинаем от нее отставать. Конечно, в моей книге по истории России XIX-XX века, в особенности в первом издании, о национальном вопросе ничего не сказано, да и надо честно сказать, что тогда, когда я ее писал лет 5 тому назад, я себе и не мыслил ничего о национальных проблемах и тогда культурное строительство национальных республик бы-

ло еще настолько слабо, самая классовая дифференциация страны была в таком состоянии, что национальный вопрос как будто бы и не выпирал. А сейчас ясно, что национальный вопрос и строительство национальной культуры, являющиеся для нас одним из орудий борьбы в мировом масштабе за существование диктатуры пролетариата, все резче и резче встает перед нами. И историки должны это учесть. Я уже это сейчас знаю, что должны, но ведь книга, которую я писал 5 лет тому назад, этого не отразила. Поэтому, когда их начнут подхлестывать, ударят меня моим вчерашним днем, от которого я и сам сейчас отказываюсь. Значит, нужно идеологу не только идти в ногу, а идеолог должен был заранее это предвидеть. Если бы стоять на правильных и выдержанных позициях, можно было бы заранее включить национальный вопрос, не дожидаясь того, когда все поймут необходимость его включения.

Эти проработки коммунистов, проработки внутри партии - они говорят о том, что те, кого прорабатывают, они както не поспевают идти в ногу с растущим и развертывающимся социализмом, не поспевают за требованиями и стремлениями пролетариата, не умеют вовремя предугадывать их, а, тем самым, следовательно, задерживаются на позициях враждебных пролетариату классов. Обо мне пока этого еще никто открыто не сказал, но для того, чтобы со мной такой вещи не случилось, мне самому нужно глядеть в оба на свои писания и стараться быть настолько на высоте современного момента, нужно уметь поставить такие проблемы, которые должны встать в будущем, которые толкают и приближают будущее. Сейчас необходимо, конечно, в области конкретной истории перейти к истории строительства социализма. Необходимо написать, подготовить книгу под названием истории строительства социализма в нашей стране. Эту книгу нужно написать, ну, к 38-му году, концу второй пятилетки. Это будет необыкновенная книга. Историче-

ское дело вообще дело трудное. Вот Эрде выпустил под моей редакцией какую-то книжку о Феврале. Кто-то там уже нашел какие-то уклоны, готовятся прорабатывать и его и меня. Головы не хватит на все проработки.

Ясно сейчас уже, что в этом году войны не будет, наоборот, можно сказать, что международное положение наше чрезвычайно твердо и складывается в нашу пользу. Мы заключили два торговых договора с Германией и Италией, воспользовавшись разногласиями и взаимной враждой капиталистов. Германия, ориентируясь на нас, охраняет себя против Польши и поддерживает нас. Италия борется с Францией и Англией и живет нашей нефтью и нашим сырьем. Не только разногласия капиталистов идут нам на пользу, но и рост революционной ситуации в Европе нас укрепляет и поддерживает. В Испании происходит сейчас революция. Ясно, конечно, что она будет разбита, но уже то, что 22 миллиона испанцев встряхнулись и начали революцию - это уже имеет огромное значение. Пусть революция будет разбита, но разбить революцию не значить ее уничтожить. Наоборот, разбитая испанская революция лишь приведет к тому, что большие массы втянуться в революцию, что она пойдет вширь и вглубь и сумеет снова восстать с еще большими силами. Главное то, что теперь средняя Европа взята в тиски. Стратегически достаточно советской власти появиться на Эльбе или Рейне, чтобы Испания стала советской. А это означает взятие в тиски Франции и Англии, это означает революцию в Чехословакии и Австрии, это означает растущую мировую революцию. Вот в этом ценность испанской революции.

До революции в Испании ситуация в Европе была иная. Европа, казалось, имела обеспеченный тыл против диктатуры пролетариата. На аванпостах стояли Польша и Румыния, а за ними шла цепь буржуазных государств Германия, Франция,

Венгрия, Италия, а теперь оказывается, что все эти буржуазные государства носят внутри себя силы, готовые их разорвать, а на противоположном европейском конце в Испании эти силы уже прорвались. Они разрывают капиталистическую оболочку. Ясно, что теперь положение коренным образом изменяется. Капиталистический мир не имеет тыла, он взят революцией в клещи и, если ему удастся, а ему, наверное, удастся раздавить испанскую революцию, то это не будет даже означать, что он раздвигает клещи. Вопрос лишь заключается в том, как, каким образом, какими темпами пойдет сближение, замыкание клещей. Ясно, что без войны это замыкание не пройдет, ясно, что это замыкание должно произойти в ближайшие пять лет, ясно, что в ближайшие пять лет окончание социалистического строительства в нашей стране совпадет с началом мировой революции и началом строительства социализма во всем мире. Наш опыт в этом деле - достояние и капитал всей Европы, на почве которого она сумеет быстрее и лучше строить социализм у себя и уничтожить своих капиталистов.

Записано 4 июля 1931 г.

Я сейчас не припомню, когда последний раз я писал. По всей вероятности уже не писал несколько месяцев. По совести сказать, писать не о чем. Такое однообразие жизни, такое однообразие людей и впечатлений, что создается у самого себя ощущение, что все, что мог написать, я уже написал, исписался. Нет ни одного нового человека, ни одного нового факта. Все одно и тоже или семинары и лекции, или историки — московские и украинские, одни и те же люди с застоявшимися отношениями и застарелыми, как неизлечимый ревматизм, склоками, с мелкими стремлениями и с ограниченными перспективами. Борьба десятков историков происходит

в каком-то замкнутом сосуде, едим друг друга, топим, а выскочить из ограниченных рамок некуда. Мы как будто извечно принуждены купаться в одном и том же, принуждены к одним и тем же комбинациям и столкновениям...

За это время я успел несколько раз побывать на Украине. Посидел в Москве, походил в театры и там и здесь. Видел знаменитый для Украины киевский театр Франко, который ничего не стоит по сравнению со Вторым Художественным. Видел кадры и там и там. Во Втором МХАТе действительно ставят вещи — у Франко жалкие клубные агитки. Видел всех украинских историков, выступал на конференции, итак мне все это надоело, такое однообразие, такая безумная скука, что жизнь становится прямо-таки противной донельзя, не выскочить. Застрелиться хоть что ли, и не застрелишься, не потому что это скучно стреляться, а силы не хватит. Ведь на это тоже нужно силу - силу отчаяния, силу безнадежности, вообще какой-нибудь стимул. А человек - ему всегда жить хочется, отрежут ноги, он ездит на колесиках. Говорят, вот застрелился Ташкаров[159] Почему застрелился - неизвестно. Мальчишка был способный. Написал как-то лет пять тому назад, а может быть и больше, вместе с Эльвовым неудачную книжку с троцкистскими ошибками. За книжку их проработали - его и Эльвова. Быть может, с тех пор на каждом повороте этого несчастного Ташкарова прорабатывали. Черт его знает, удивительные странности. Социализм строим, улицы мостим, а вот построить жизнь таким образом, чтобы не только массы, но и отдельные индивидуумы нашли себе место на работе, как-то не выходит. Или, может быть, не выходит это для нас, потом-

[159] П.М.Ташкаров (1902-1931) — научный сотрудник Института Ленина, специалист по истории ВКП(б), руководитель кафедры ленинизма Института повышения квалификации педагогов. Закончил жизнь самоубийством.

ков старых поколений, буржуазных индивидуалистов. А на рабочих волной льют ордена Ленина, а ты, как не работай, все равно тебя проработают.

Упадочное у меня настроение. Никак не могу приспособиться. Работать я могу как лошадь, сидеть над книгами упорнее, чем курица на яйцах, и даже высиживаю, а вот, как выйду из комнаты, не умею приспособиться к отношениям людей, не могу. То начну за правду бороться, то кричать зря, не хватает выдержки, не хватает нервов, не хватает сдержки, нет умения учесть аудиторию, учесть окружающую массу. Нас ведь историков немного и между нами идет такая борьба, на каждом шагу топим друг друга, обнимаемся в прихожей и наговариваем друг на друга, когда входим в приемную. Атмосфера - дышать нечем. Я считаю, что исторический фронт особенный фронт, затхлость на нем особенная, конденсированная, углубленная. Поддерживает Стецкий определенную группу и как ему не доказывают, что эта группа жулики, идеологически невыдержанные, ничтожество, - он все равно держится за нее, ее поддерживает, на нее ставит ставку, а это приводит к тому, что группа распоясывается, делает, что хочет и атмосфера удушья усиливается.

Сижу я сейчас над своей книгой и так устал, что сил нет, а главное и книги мне надоели. Они как какие-то неудачники, вот печатались, выходили, а все-таки в них чего-то нет. Работал, убил на них уйму времени, а все-таки не хватает чего-то. Может быть, мне самому не хватает систематического теоретического образования, может быть, голова слаба, новую-то ведь уже теперь не приделаешь, но надо бы, надо переключиться на другую работу. Боязно и трудно. Трудно в 40 лет начать сначала. Боязно. По совести скажу, просто страшно, прямо живот страшно, по-обывательски. Сейчас я независим от своей работы, хотя она меня и мучает, но все

же она мне дает возможность независимо существовать. **А** займусь я другой работой, ну, перейду в Наркомат, торговать овечьей шерстью и женским волосом, или в другой какой - портить и строить. Мало того, что дело ерундовое, на мелочах погибнешь, я уже не думаю, что я не справлюсь, какое тут нужно знание, чтобы горшки обжигать, - и все наши ответственные работники никогда не учились ни экономике, ни сельскому хозяйству, ни технике, а выучились и свободно переходят из металлургического треста в свиноводческий, из свиноводческого в Наркомпрос.

Для того чтобы командовать, большого умения не надо. Да ведь все дело в том, что одному дадут командовать, на этом он и живет. За командование дадут тебе паек и машину. А вот, если тебе не дадут командовать, а посадят работать, ну, что ты наработаешь, если ты свинину от конины не отличишь. Вот этого-то я и опасаюсь. Командовать дело плевое. Работать — вот надо знать, что работаешь. Как бухгалтер не сможет преподавать историю, так и я запутаюсь в бухгалтерии. Ну, вот и получается - прикован, как к тачке, к историческим книжкам. А книжки не вытанцовываются, — значит и вся жизнь не вытанцовывается. Ужасно тяжело и скучно. А, если не вытанцовываются книжки, ведь не получается ничего и в общественной жизни. Как пройти в общественность, как я могу включиться в социализм, в стройку. Только через свое производство, только включая свое производство в стройку. А если оно выходит неладно, если я мастер дел плохой или даже вообще не мастер, значит и в стройке общей я тоже как следует принять участие не могу, значит и тут не так выходит дело. Но тогда, что делать. Заняться личной жизнью, купить дачу. Развести парники, племенных кур, жену, двое ребят, родят их моментально, ну, а дальше что. Тоже ведь почти, что пушкинская жизнь — «где деревенский сторож лет сорок с ключницей бра-

нился, в окно смотрел и мух давил»... Нет, уж лучше пусть меня давят, чем достукаться до такого мирного приюта. А ведь есть же где-то настоящая жизнь, и люди есть настоящие, и живут они по-особенному, по-настоящему, смеются, делают дело, радуются, радуются оттого, что делают. И дело их это не просто переливание из пустого в порожнее сделал, чтобы съесть и съел, чтобы сделать, - дело, которое оставляет результаты. Строят новое, не кирпичи, а задание социализма. Наверное, все по-другому и личная жизнь другая.

Записано 2 ноября 1931 г.

Нынешним летом в санатории я жил целый месяц в комнате с финном Лундтом. Это политэмигрант, работник Коминтерна, финской секции. Он уже проработал пять лет в финляндском подполье, был красноармейцем во время гражданской войны в Финляндии, бежал в прошлом году к нам из Финляндии через карельскую границу. Он мне рассказывал о своем побеге, ему пришлось отбиваться от финской охранки, которая ловила его с собаками, и он спасся только тем, что просидел целые сутки в воде в болоте, высунув только голову. В воде собаки не могли его учуять и, таким образом, облава прошла мимо, а он получил ревматизм, от которого и лечился вместе со мной в Мацесте. Это молодой здоровый парень, круглолицый блондин, еле-еле говорящий по-русски, он на весь свет смотрит каким-то удивительным взглядом, исключительный энтузиаст. Советская Россия производит на него колоссальное потрясающее впечатление. Он всем здесь интересуется, его цель изучить во чтобы то ни стало русский язык так, чтобы писать и говорить по-русски. Он мне говорил, что для теоретической работы партии необходимо, чтобы в финской партии были люди, которые свободно владели бы

русским языком. Только свободное владение русским языком даст ему возможность стоять на уровне теоретической постановки современного марксизма, теоретических мыслей марксизма. Нигде в Европе не имеется такого колоссального научного штаба, какой имеется в России, и нигде, кроме как в нашей стране, эти марксистские мысли, мысли революционного марксизма не достигли высокого теоретического уровня. Лундг старается говорить по-русски.

Недавно, позавчера он был у меня. Он только что вернулся из экскурсии по заводам Черноземной области, где он более 50 раз выступал на митингах с речами на русском языке, приветствуя пролетариат России от имени финских товарищей. Он увлечен русской литературой и русским искусством. Он мне говорил, что литературы с таким богатым содержанием, как наша, сейчас нет нигде. Искусство буржуазной Европы, искусство фашистского мира умирает, а наше искусство, искусство страны диктатуры пролетариата растет и развивается. Лундта интересуют только политические проблемы и люди, думающие и говорящие только о политике. Обывателей, людей, не понимающих политики, не умеющих ставить политических проблем, он просто игнорирует, он с ними не разговаривает. В санатории он, как иностранец, имел потрясающий успех у женщин. Но достаточно было этим женщинам поговорить с ним пять минут, чтобы Лундт решительно и категорически прекращал всякие их поползновения - женщины не умели говорить о политике, были необщественницы.

А для Лундта в жизни все, во-первых, — политика, а, во-вторых, - коммунистическое движение Финляндии. О чем бы он ни говорил, вокруг каких бы вопросов он не беседовал, он, непременно возвращался к основным своим вопросам о том, как сейчас в Финляндии, что делается в Финляндии, как борется финский пролетариат и финская компартия. Он только и

думает, только и мыслит о революционной борьбе, о борьбе в Финляндии. Он мне рассказывал исключительные вещи о том, в каких условиях приходится нашей партии вести нелегальную работу в Финляндии. Малюсенькая страна, в ней всего каких-нибудь 300 тысяч пролетариата. У власти там фашисты, фашисты господствуют среди железнодорожных рабочих, фашисты господствуют в водном транспорте. В таких условиях вести политическую партийную работу в Финляндии до ужаса трудно. Лундт сам, например, когда вел нелегальную работу, месяц не выходил из комнаты. И все финские товарищи, судя по облику Лундта, - это боевики-романтики.

В санатории Лундт не расставался с кинжалом и револьвером вовсе не потому, что ему кто-нибудь угрожал, а потому, что в его быту кинжал и револьвер такие же необходимые вещи, как, например, калоши или рубашка. Из револьвера он стреляет без промаха, может бросать кинжал. А в быту на работе в Финляндии кинжал и револьвер не раз спасали ему жизнь и он сам мне рассказывал, как один из его приятелей выстрелами из револьвера проложил себе дорогу к окну и бежал во время обыска. Да и сам Лундт тоже возлагал большие надежды на револьвер. Любовь к оружию накладывает романтическую печать на его фигуру. В Финляндии приходится не только коммунистам бояться преследований охранки, но финские фашисты сумели развить провокацию даже внутри финской компартии. Недавно еще заведующий орготделом ЦК финской партии оказался провокатором, который выдал охранке огромное количество активных товарищей Финляндии. Такая обстановка выковывает особый тип людей, а Лундт в такой обстановке прожил пять лет. Он вынес на своих плечах гражданскую войну, видел, как белогвардейцы расстреливали финских граждан, жил в концентрационных лагерях. Он мне рассказывал, как он ловил лягушек и маленьких рыб и жарил их, чтобы не умереть с голоду.

Все это вместе конденсирует его настроение, поэтому он и живет все время только интересами Финляндии. Он написал сейчас на финском языке брошюрку о подготовке в Финляндии войны против СССР. Эта паршивенькая Финляндия, в которой в армии имеется не более 40 тыс. солдат, усиленно готовится к войне против Советского Союза. Все пограничные железные дороги Финляндии сейчас перешли на широкую колею и на тяжелые рельсы, готовясь, таким образом, к переброскам по линии границы тяжелой дальнобойной артиллерии. Финляндия связана со всеми контрреволюционными организациями Европы. Это плацдарм для всяких контрразведок, и поэтому работа в Финляндии крайне опасна. Лундт смеялся мне как-то, что он кандидат в центральную Гельсингфорскую тюрьму. Работник на нелегальном положении там чудом продержался год, а обычно, проработавши полгода, он должен или бежать или попадает в тюрьму. Лундт тоже должен был ехать туда и одно время перед концом нашего санаторного отпуска он загрустил, а потом стал усиленно жариться на солнце. Он весь изжарился, стал как шоколадный негр. ***Я*** ему как-то говорил, что много жариться на солнце вредно. А он доказывал, что ему нужно иметь запас солнца во всем теле, так как неизвестно, что с ним может случиться. Сейчас его послали учиться. Он с энтузиазмом учит русский язык и повышает свой теоретический уровень. Все, что он делает, у него проникнуто одной идеей - подготовиться как можно лучше к борьбе за интересы коммунизма в Финляндии. Вся его жизнь благодаря этому принимает особое наполнение и особую целеустремленность. У него ни минуты не пропадает даром. Все, что он здесь узнает, усваивает, все, что он видит - заводы, фабрики, новые книги, новые люди — все это для него багаж, который расширяет и повышает его как политического работника, все это оттачивание и увеличение оружия борьбы против

фашизма и белогвардейцев. Он отлично разбирается в широких вопросах мировой политики. Мы с ним, например, много толковали о японской интервенции, которую и он и я одинаково рассматривали как звенья широкой цепи подготовки интервенции против Советского Союза.

Японская интервенция в Манчжурии - это не только удовлетворение растущих сегодняшних нужд японского империализма, это подготовка и удар в близком будущем против китайской революции и в более отдаленном будущем против нашей страны. Это звенья одной цепи. Польша, Румыния, Финляндия с ее железными дорогами, Япония с ее интервенцией, консерваторы у власти в Англии - все это звенья одной цепи - фашизации Европы и Азии, вооружение фашистского мира к борьбе с диктатурой пролетариата, к нападению на нашу страну. Лундт отлично понимает это, как отлично понимает он и проблемы власти, развивающиеся на наших глазах в мировом масштабе в две политические системы - диктатуру буржуазии - фашизм и диктатуру пролетариата нашей страны. С точки изучения нашей эпохи и советской страны Лундт рассматривает все окружающее. Он снимал виды в Сочи, он ездил в Гагры для того, чтобы видеть и эту часть Союза, и он приходит ко мне, чтобы поболтать о книгах, посмотреть картинки и рассказать мне, что пишут в финских газетах, где идет свистопляска и открытая пропаганда войны и интервенции.

В нашей стране, среди наших коммунистов я давно уже не встречал таких интереснейших людей, как Лундт, такой внешней спокойной ясности и такого энтузиазма. У него так много человеческого - загрустил, когда кончался отпуск, что придется ехать на нелегальную работу, и в то же время сознание, необходимость и желание выполнить эту необходимость, как можно лучше. Огромный энтузиазм,

исключительная преданность и исключительное желание действительно построить во всем мире советскую социалистическую систему. В то же время у этого человека колоссальнейшая непосредственность. В прошлом он был, по-видимому, забубённая головушка, рабочий-кожевеник. На руке у него, например, татуировка - голая женщина во всех подробностях. Он сам мне смеялся как-то, указывая на эти бывшие следы своего хулиганства. Иногда он может рассказать какую-нибудь необыкновенную вещь и уморить всех с хохота. Например, нам в санатории он всем рекомендовал один рецепт от всех венерических заболеваний в качестве предохранительного средства, уверяя, что это чрезвычайно нужный рецепт и трудно его в Советской России достать. И когда мы отказывались от него, в качестве важности этого рецепта, он нам заявил, что всей финской делегации на конгрессе Коминтерна был выдан не только рецепт, но и это лекарство, а то на прошлом конгрессе половина делегации захворала венерическими болезнями. Ну, что с ним поделаешь, а говорит об этом серьезно. Изумительно занятный парень.

Записано 12 ноября 1931 г.

Вчерашний день весь прошел под знаком статьи Сталина в «Большевике». Утром было совещание у Ярославского, был Минц, Кин, Рубинштейн[360], Ярославский и я. Обсуждался во-

[360] Н.Л.Рубинштейн (1902-1952) - выпускник Института красной профессуры (1928), один из авторов многотомной «Истории ВКП(б)» под редакцией Ярославского. В 1929-1940 гг. сотрудник ИМЭЛ, участник Великой Отечественной войны, с 1946 г. профессор Академии общественных наук и Высшей партийной школы при ЦК

прос о проработке IV тома Истории партии, о тех добавлениях, которые нужно сделать. Установили срок кончить все добавления к 15 января и сдать работу в печать. Потом обсуждался вопрос о тех ошибках, которые указал Сталин, и об ответе Ярославского. Ярославский рассказал, что с ним об этом беседовал и Каганович, и Сталин. Оба они указали ему, что им всем хорошо известно отношение Ярославского к партии и его личное отношение к Сталину, и все удивлялись, как он мог допустить такие ошибки и указание о том, что Сталин в марте месяце занимал позиции, аналогичные с Каменевым.

Между прочим, из неизданных материалов мартовской конференции известно, что Сталин действительно занимал ошибочные позиции, да и сам он об этом пишет. Ярославский рассказывал, что он признал эти свои ошибки и назвал автором статьи Кина. После этого он показал уже набранное письмо в редакцию «Большевика», в котором Ярославский признается в своих ошибках. Письмо это, как он рассказывал, он согласовал со Сталиным, предварительно ему показав. Потом Ярославский рассказал, что Кин написал проект письма Сталину и отдал этот проект для согласования секретарю ячейки. Письмо это доказывало, что те же самые ошибки, что наделал Кин, сделал и сам Ярославский. Что Кин совершеннейший балда - это ясно, он, по-видимому, хотел как-нибудь выкрутиться из этой истории и вместо того, чтобы обратиться к коллективу, с которым он сотрудничал, с просьбой засвидетельствовать его политическое алиби, обратиться с этим к Ярославскому, - он написал письмо, которое, конечно, не пошлет, в котором стал доказывать, что не только он, но и Ярославский наделал таких же ошибок. Кин пы-

ВКП(б). Автор работ по истории Учредительного собрания, большевизма и внешней политике СССР.

тался, таким образом, прощупать, не удастся ли в Ленинском институте найти группу, на которую он сможет опереться, и, раздувши ошибки Ярославского, опрокинуть последнего.

Ярославский с большим неудовольствием изложил содержание этого письма и подробно остановился на тех ошибках, которые Кин ему приписал. При этом он сам вынул из шкафа и раздал всем нам в руки свою книжку, на которую ссылался Кин, просил всех читать соответствующие страницы и доказывал, что на этих страницах, тех выступлений, которые допустил Кин, совершенно не имеется. После этого все присутствующие по очереди высказывались по этому вопросу. Интересно, что во время всей нашей беседы имя Троцкого упоминалось, по крайней мере, через десять слов. Этот враг все время присутствовал в комнате и борьба с троцкизмом координировала целый ряд наших выступлений. Особенно много упоминали, и я в том числе, «Историю Февральской революции» Троцкого.

Ярославский сейчас пишет для испанцев брошюрку «О троцкизме за работой». По поводу выступления Кина выступали Рубинштейн и Минц, которые доказывали, что нечего Кину употреблять Ярославского в виде соломы, чтобы самому было легче падать, что коллективность работы не снимает индивидуальной ответственности. Я выступил самым последним и сказал, что нужно сохранить коллективность работы, сочетав ее с индивидуальной ответственностью, отметил и то тем фактом, что Ярославский пишет письмо в редакцию «Большевика», он признает свои ошибки, но это не исключает и не смягчает ошибок Кина, что попытки Кина укрыться за текстом брошюры Ярославского — чистое крючкотворство, и что, наконец, ошибка со стороны Кина дать текст письма секретарю ячейки, так как это была не просто консультация, а определенная политическая попытка выступить определенным образом. Наконец, я указал, что

Кину остается возможность реабилитироваться от своих ошибок, поскольку он остается автором и участником коллектива. Ярославский в процессе разговора выступал несколько раз и доказывал Кину, что ему, Ярославскому, нечего прикрываться Кином и что между его заявлением и позициями Кина имеется несомненная разница. Упоминали и нашего милого друга Эльвова, которого тоже обвиняли в том, что он подсунул ошибки.

Потом обсуждался вопрос о III томе «Истории партии» под редакцией Ярославского и статье Покровского. В III томе «Истории партии» указано, что у Покровского имеются ошибки троцкистского порядка. На это больной старик прислал из Крыма объемистую статью в 20 страниц, в которой требует выдать анонимного автора, издевается над обезличкой, которая существует в описании истории, и очень слабо полемизирует по существу. Статью, как всегда, Татаров долго прятал, потом прислал ее Ярославскому в день его отъезда (Ярославский вчера уехал на 1 Vz месяца). Тут же по телефону секретарь Ярославского, Лихачев, позвонил Татарову и выяснилось, что статья уже послана в набор и была она в редакции уже несколько дней до этого. Кин тоже, как оказалось из перекрестных вопросов, знал о существовании этой статьи несколько дней.

Фигура Кина, таким образом, ясна - это лазутчик Татарова, который привязан цепью своих ошибок к тому, чтобы участвовать в IV томе. Ярославский написал письмо в редакцию «Историка-марксиста» с требованием представить ему возможность ответа. Между прочим, он сказал: «Покровский очень болен, сейчас его должны привести оперировать опять в Москву». Вчера Ярославский послал за ним особый вагон, «не лучше ли, - говорит он, - стерпеть это выступление и не обижать старика». Но мы все дружно посоветовали ответить, считая, что ответить можно очень легко. Интересно мне знать, лицемерил ли тут Ярославский, перекладывая ответст-

венность на нас, или на самом деле он искренно готов стерпеть, чтобы не расстраивать умирающего старика?

После этого я поставил Ярославскому вопрос о гражданской войне, указывая на то, что вокруг этого вопроса не поднято достаточно общественного внимания. Он сказал, что готовится сделать доклад о партии в подполье и предложил мне тоже выступить с каким-нибудь докладом. Я обещался выступить с докладом по историографии Октября. С собой Ярославский везет кучу книг, в том числе, Сталина об оппозиции и Троцкого «Февральскую революцию».

Потом я ушел вместе с Кином. Минц с компанией остался у Ярославского. Минц все время сейчас крутит ковы против меня. Если я в этом не обманываюсь, то здесь он, повидимому, действует так же, как и с Эльвовым, стараясь отстранить от Ярославского всякого, в ком он видит соперника. Но я то ведь не стараюсь особенно быть около Ярославского. Но этой гнусной морде Минцу все же придется намять бока, тем более, что ведет он себя крайне нахально. Оказалось, что до вечера он с Рубинштейном и компанией успел столковаться о президиуме вчерашнего заседания, а меня ни о чем не предупредили, правда, кто-то разнюхал об его затеи и их провалили. Я несколько раз предлагал ему идти столковаться о выступлении, но он тоже отмалчивался. Сейчас вступить мне в драку с Минцем неудобно, но ясно, конечно, что очередную драку мне придется вести, это будет драка с Минцем. Главное, что он вокруг себя подбирает кулак личных друзей. Выписал из Нижнего Генкину, жену Рубинштейна, из Иванова-Вознесенска вытянул самого Рубинштейна и устроил его заместителем Ярославского в Институте Ленина. Вокруг них вертится еще несколько человек. Таким образом, небольшая группа имеется, правда, эта группа не имеет никаких корней в Институте истории, но все же в их руках Историко-

партийный институт и курсы марксизма. С принципиальной дракой против меня они не выступят, с Минцем пока отношения натянутые, не в области принципиальных вопросов, а в области пока мне известных личных настроений.

Вчера в шесть часов вечера у меня было заседание редакции «Истории пролетариата», были Панкратова, я и Невский. Обсуждали вопрос о превращении «Истории пролетариата» в двухмесячный журнал и об изменении в связи с этим его физиономии и заглавия. Предложили оставить «Пролетариат СССР», относительно физиономии мы столковались, считая, что журнал должен быть, главным образом, историческим, основной акцент должен быть на истории.

Потом в полвосьмого началось заседание фракции общества «Историков-марксистов». Огромная зала Комакадемии была битком набита. Откуда столько набралось историков. Вид большого дня. Кроме историков было много сочувствующих, были правовики, был даже Тер-Оганесов, астроном. С часовым докладом выступал Кнорин[361]. Он дал очень интересную и широкую политическую трактовку статьи Сталина. Он указал, что сейчас вопрос о большевизме, истории большевизма является мировым вопросом, что сейчас вопрос о трактовке большевизма, его роли на международной арене — является основным стержнем истории и не только Третьего, но и Второго Интернационала. Он поставил и на примере показал, что ошибки в перерастании в процессе революции 1905 г. связываются с ошибочными трактовками процесса перерастания в китайской

[361] В.Г.Кнорин (Тишлер. 1890-1938) - в 1924-1925 гт. помощник Сталина и зав. информотделом ЦК, с 1932 г. директор историко-партийного ИКП, с 1935 г. зам. зав. отделом партийной пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). Автор работ по истории большевизма. 22 июня 1938 г. расстрелян. Реабилитирован в 1955 г. Автор работ по истории большевизма.

революции сейчас, и в испанской революции. Это была чрезвычайно интересная речь. После него что-то жалко мяукала Лурье[362], окончательно провалившаяся перед тысячной аудиторией, и начали выступать другие ораторы.

Я тоже записался на 14 ноября и буду говорить, надо только как следует подготовиться. В такой аудитории, где дискуссионные вопросы будут подняты на большую теоретическую высоту, выступить с простой руганью по адресу президиума Общества - это, значит, ронять себя, нельзя также замыкаться в вопросах одной истории народов СССР, это, значит, снизить теоретический уровень. Тем более чем где бы то ни было, чувствуешь узость своего образования и свое положение, с вершины которого не можешь широко охватить ряд проблем и вопросов. Имя Ярославского часто носилось над залом, как наделавшего ошибки, но нужно отметить, Кнорин не конденсировал внимания аудитории на ошибках Ярославского, в то же время, как проработанные уже как оппортунисты Лукин и компания пытаются свести счеты с Ярославским и акцентировать огонь на нем.

С большой речью выступил Радек. Вот исключительная фигура. С акцентом, но свободно, он произнес по-русски исключительную речь, в которой он доказывал, во-первых, что в Коминтерн пришли наряду с большевиками и ряд левых социал-демократических течений, не бывших никогда большевиками, которые перерабатываются здесь. А потом он доказывал, что эти левые, несмотря на свою левизну, все же колоссально уступают большевикам и Ленину. И здесь Радек припомнил свои троцкистские ошибки и еще раз от них отказался. Подробно он остановился на Розе Люксембург и Либкнехте, как

[362] **См.:** *Лурье Х.Г.* **Между первым и вторым Интернационалами. М.,** 1928; **Энгельс и основание II Интернационала. М., 1935; и др.**

представителях крайне левых, рассказал, как Роза Люксембург не понимала ни колониальных революций в 1905 г., ни процесса перерастания. Как она не понимала необходимости организационной проблемы и считала восстание стихийным делом, как отрицательно относилась она в 1905 г. к идее организации вооруженного восстания и [отношении] Розы Люксембург к революции 1918 г., рассказал, как Эберт стучал кулаком на него и Тальгеймера и угрожал, что он вскроет хирургическим путем в партии этот нарыв, который собой представляли спартаковцы. А когда, рассказывает Радек, мы от Эберта помчались к Розе Люксембург и рассказали ей об этом, - она ответила, что это все призраки и мало ли что говорится в партийной дискуссии, т.е. не понимала необходимости четкой размежевки и немедленного разрыва с оппортунистами.

Рассказал Радек и о своей беседе с Лениным по поводу разногласий в Германской коммунистической партии, разногласии большинства ЦК германской компартии с президиумом Коминтерна по вопросу о германской революции. Он рассказал здесь, как, будучи представителем ВКП в Коминтерне, он получил мандат и от ЦК германской компартии и что ему по этому поводу сказал Ленин, рекомендовавши ему разрешить противоречия своего двойного представительства у себя в груди. Имея в кармане от германской компартии и будучи представителем русской, Радек, тем самым, имел возможность вступить в оппозицию к русской компартии и противиться ее решениям.

Записано 3 февраля 1932 г.

Идет партийная конференция[363]. На ней выступают все наркомы и хозяйственные вожди с отчетами о достигнутых успехах на местах, о технических завоеваниях и вновь открытых заводах и фабриках. Чисто эмпирические перечисления и ни одной теоретической установки. Выступал Бухарин с попыткой теоретизировать, но все его построения в стиле экономии переходного времени. И хотя он каялся за все свои былые правооппортунистические ошибки, но методологически он, по-видимому, остался на тех же самых рельсах, не перестроился и не переучился. Конференция вообще нужна для широких масс партии, для всех принятых после 1924 г., для Европы, для читателей, а сама по себе она значения не имеет. Политическое значение имеют Пленумы ЦК, на которых решаются основные политические проблемы. Пленумы эти не печатаются, о них бывают только коротенькие информации. Пленумы ЦК и ЦКК - это собрания правящих партий, это основное ядро, пополняющееся путем самопополнения, а все остальное - это второстепенные слои, окружающие, работающие и завоевывающие пути к социализму.

Несомненно, что успехи грандиозны. Но как-то непонятно сразу, почему в момент толкования о грандиозных условиях, в те дни, когда на конференции Микоян[364] и Любимов перечисляли достижения, наша промышленность все цены повысила на 25%. Говорят, что до сих пор государство продавало все товары широкого потребления ниже себе-

[563] XVII конференция ВКП(б) состоялась в Москве 30 января - 4 февраля 1932 г. Конференция утвердила «Директивы к составлению второго пятилетнего плана народного хозяйства СССР (1933-1937 гг.)».

[364] А.И. Микоян (1895-1978) - политический деятель. В 1926—1946 гг. нарком внешней и внутренней торговли, член ЦК ВКП(б).

стоимости, да и для интенсивного строительства легкой промышленности нужны новые хозяйственные ресурсы. Вот нажали на спички и хлеб.

Провозгласили, что к концу второй пятилетки, в течение ближайших шести лет, будут уничтожены классы, и облик человека духовно переменится. А сейчас в нашей стране кипит отчаянная классовая борьба: колхозники не дают хлеба. Это есть попытка среднего крестьянства бороться за капиталистические пути развития. Это есть не противоречия, не неувязки социалистического общества, а настоящая классовая борьба между социализмом и капитализмом.

На идеологическом фронте идет отчаянная проработка. И все — Эльвов, Минц и я — все вдруг стали рупорами враждебных классов. Каким образом, мы всегда стоявшие на генеральной линии, правда, в прошлом Минц когда-то был правым, а Эльвов троцкистом, но я то никогда ни в каких оппозициях не был, а вообще все мы самым искренним образом преданы партии, - и вдруг мы оказались троцкистскими контрабандистами, фальсификаторами истории партии и большевизма, одним словом, врагами рабочего класса. Нас прорабатывают из номера в номер в «Большевике», дали несколько статей в «Правду». Наконец, два дня подряд все мои книжки, статьи, заметки, библиографии прорабатывали в ИКП, нашли тьму ошибок, превратили всю мою десятилетнюю деятельность в одну чернильную кляксу и доказали как дважды два, что я правый оппортунист с меньшевистско-троцкистскими загибами. А на Украине дня три тому назад 29 января меня тоже проработали вдрызг. Доказали, что я националист типа Шульгина, антисемит и еще что-то дикое и нелепое.

Провозгласили меня социал-фашистом, поддерживающим законченную меныневистско-троцкистскую схему. До выступления Кагановича на Оргбюро и до речи Сталина 5 января на

Политбюро эта проработка письма Сталина на практике сводилась к тому, что десятки преподавателей из вузов были сняты и исключены из партии, людей за какие-то ошибочки, сделанные пять лет тому назад, выбрасывали, выгоняли, доводили, чуть ли не до самоубийства и умопомешательства. Сам Ярославский был доведен до такого состояния, что производил впечатление человека, получившего огромную психическую травму, почти что помешанного. В самом деле, нелепо и дико человека, проведшего основную борьбу с Троцким, вдруг провозгласили перед всей партией самого троцкистским контрабандистом. Когда я был у него, он сидел в пустой комнате в кабинете ЦКК, подперши голову рукой, и с диким видом смотрел в окно. Более всего меня поразило то, что он не сумел подвести теоретическую базу под всю происходившую проработку и все это объяснял лишь тем, что Сталин недоволен тем, что в четырехтомнике не отведено ему основной роли, личными мотивами, а не принципиальными. Когда на самом деле, конечно, во всех этих проработках и выступлениях есть глубоко принципиальная сторона, заключающаяся в том, что основное руководство партии шагнуло вперед, а часть идеологических унтер-офицеров из профессорского состава провинциальных вузов отстала, не разобралась, осталась на старых идеологических позициях, где в одну кучу смешался и троцкизм, и меньшевизм и вообще всяческие эклектики и другие части, которые бьют главным образом в четырехтомнике. Несомненно, имеется какой-то свой собственный идеологический облик, отстающий или отличающийся от той идеологической позиции, которую защищает и развертывает Сталин. После выступления Сталина 5 января на Политбюро решили не исключать из партии за идеологические ошибки, но, попрежнему, бороться с ними с непримиримой силой. Эта непримиримость сказывается в том, что вытаскивают резолю-

ции, написанные пять лет тому назад, и пришивают их ц теперешнему. Так в отношении к Шляпникову меня, например, пропечатали в 24-й книжке «Большевика», хотя я никогда не разделял позиций Шляпникова, а тут и меня пришивают.

Троцкий, по все вероятности, сейчас пляшет и танцует. Он никогда не мог предполагать, что у него в России могло быть такое огромное количество сторонников и что его идеологическое влияние было настолько сильно. Надо будет сходить почитать белые газеты. Кабинет сейчас в Академии закрыт, но после Съезда в него будут пускать, читать газеты будет можно.

Внешнее положение тоже сейчас крайне неопределенное: мы заключили по западной границе почти со всеми договора о ненападении. А на восточной границе, на Дальнем Востоке творится что-то неладное, даже если судить по нашим газетным сведениям. Японцы захватили всю Манчжурию и теперь упорно лезут на Шанхай и Нанкин, т.е. захватывают Китай. Японию поддерживает Франция и Англия. Захват японцами Манчжурии и Харбина означает не только потерю для нас Восточно-Китайской дороги, но и означает, что стратегически над Приморьем и Амуром нависла угроза интервенции и что можно ожидать, что белогвардейские отряды появляются в Забайкалье и на выходах к Иркутску. Газеты указывают, что попытки организовать белогвардейскую армию имеются. В Харбин вызывают Гайду[365] - главнокомандующего чешскими армиями в Сибири в момент гражданской войны. А это означает, что ищут генерала, знакомого с местной обстановкой, для органи-

[365] Р.Гайда (1892-1948) - офицер австрийской армии, один из руководителей Чехословацкого корпуса. В 1919 г. был командующим Сибирской армией Колчака, генерал-лейтенант. Уехал в Чехословакию с легионерами корпуса в 1920 г. Арестован в Праге в 1945 г. Умер в заключении.

зации интервенционного выступления. Если непосредственно война нам сейчас и не угрожает, то во что бы то ни стало на Дальнем Востоке она над нами нависла. Может быть, мы ее оттянем, но выступлений и нападений белогвардейских отрядов нам не оттянуть. Они появятся нынешним летом.

Японцы стремятся, по-видимому, в Манчжурии и в Китае создать Великую Японию. На интервенцию Приамурья они едва ли пойдут, но создать до Забайкалья русское буржуазное государство японцы, конечно, не прочь, как не прочь от этого и поддерживающие японцев французы. Уже тем, что японцы появляются в Манчжурии, капиталистический мир берт нас в клеши. А если им удастся создать в Забайкалье, Приморье и Приамурье буржуазное русское государство, они сделают еще шаг к борьбе против советской системы, создадут плацдарм для освобождения от большевиков, усилят белогвардейское движение. Эта угроза вполне реальна и весь вопрос сейчас заключается, кто кого перегонит. Успеем ли мы в ближайшие 2-3-5 лет подвести и усилить промышленную базу под диктатуру пролетариата, довести производство чугуна с 5 до 45 млн пудов, организовать в Сибири промышленные центры, которые смогут с оружием в руках отстоять диктатуру пролетариата, или капиталистический мир успеет броситься на нас и, может быть, найти в той схватке свою могилу. А, может быть, протянет еще десяток лет свое существование. Положение становится все более и более тревожным, а может быть, это мне только так кажется. Читая одну только «Правду», трудно разбираться в мировой политике. Ну, а если по «Правде» она кажется такой натянутой, не значит ли это, что на самом деле она еще более серьезна. Оккупировать Дальний Восток японцы не могут, как не могут они ограничиться в захвате Манчжурии лишь военной оккупацией. Им нужно вести сильную колонизацию Манчжурии, а для этого нужно несколько лет, не меньше 3-5 лет, пока создадутся твердые кадры колонизаторов. Нападение японцев на Шан-

хай и Нанкин усиливает советский Китай, поскольку оно показывает всему Китаю контрреволюционную сущность нанкинского и шанхайского правительства.

А усиление советского Китая сейчас, превращение его в национально-освободительное социалистическое движение — это означает грандиозную партизанскую войну, это означает, что Япония должна будет завязнуть в Китае и сможет только выбраться, оттуда перестав быть Японией и уступив свое место в Китае советскому Китаю. Это усиление нас и ослабляет Японию. В то же самое время попытки японцев уничтожить Нанкин и оккупировать Китай вызывают сопротивление со стороны Америки, уже двинувшей грандиозный флот к берегам Японии и Китая. Опять-таки приближение момента столкновения японского и американского империализма усиливает нас, усиливает позиции советского Китая и ослабляет самих империалистов. Очень сложные комбинации и надо сказать очень интенсивные, в особенности для тех, кто будет наблюдать за ними издали. На фоне таких грандиозных событий - усиление империалистических противоречий, рост социальных революций в колониях, рост социализма в нашей стране и рост классовых противоречий в ней - наша проработка как рупоров враждебных классов является лишь громоотводом. Если враждебные классы в нашей стране и создают свою идеологию, то я не являюсь ее носителем. Но в то же время не подлежит сомнению, что в такой момент противопоставление хотя бы в мелочах внутри партии генеральной линии - оно волей - неволей превращает человека в притяжение враждебных партии элементов.

Когда меня в Харькове прорабатывали, мне сочувствовали главным образом беспартийные, т.е. люди, стоящие вполне на советской платформе и не помышляющие ни о каких контрреволюциях, но в то же время они являются рупором

враждебных классов и их сочувствие мне как прорабатываемому есть сочувствие страдающему от генеральной линии. Принимать такое сочувствие, значит превращаться в рупор объективно враждебных классов. Чем скорее отойдешь от проработки, тем скорее субъективно избавишь себя от положения рупора враждебных классов и тем скорее лишишь враждебные классы всяких намеков, всякой возможности разговаривать о том, что есть такие коммунисты, вокруг которых они могут группироваться. Вся чертовщина проработки сейчас и вся тяжесть нашего положения именно в том и заключается, что если я или Минц, или Эльвов и не наделали таких политических ошибок, которые являются идеологией враждебных нам классов, то то положение, в которое поставила нас партия сейчас, превращает нас в представителей враждебных нам классов, ставит нас в фокусе классовой борьбы и нам нужно как можно скорее и радикальнее из этого выйти.

С этой точки зрения нужно рассматривать и те покаянные письма, которые пишут в редакции, которые написал Баевский, написал Минц и которое по всей вероятности придется писать и мне, как мне этого не хочется. Субъективно писание таких писем это означает не только признание действительных ошибок, но и признание мнимых ошибок, оно крайне неприятно. А объективно оно сразу разрешает проблему борьбы в том отношении, что оно снимает вопрос о том, что есть коммунисты, которые являются рупором враждебных классов, ведущих не такую линию, какую ведет центральный орган партии, что они, тем самым, сразу обезглавливают враждебные классы, не дают им возможность организовываться. А в процессе этого обезглавливания они могут физически умертвить и случайно попавших в фокус идеологии. Рассказывают, например, что когда Вакс написал на себя чуть ли не 18 ошибок и подал это заявление в РКК, ему ска-

зали - заявление, конечно, вполне удовлетворительное. Вы все ошибки вскрыли до конца, но Bf[1] сами видите можно ли держать такого человека в партии и благополучно исключили его. Правда, потом в МКК его восстановили. Но, если для партии он оказал пользу, то сам себя он, конечно, раздавил...

При такой проработке ужасно -ТРУДНО вести преподавательскую работу. На каждом шагу ловят. У меня сначала было такое чувство, что, когда * открывал рот, из него так и сыпались уклоны, я терял уверенность, а потеря уверенности — это потеря тона в преподавании. Потеряв тон, я уже не преподаватель. Сидеть на кафедре и бояться аудитории, лучше в нее не входить. Аудитория, наоборот, потеряла тон в том смысле, что она потерялі[1] Доверие в мои авторитет, и она начинает меня ловить и искать во мне уклоны. Положение дикое и крайне нелепой Хотя ей сейчас и дан приказ не исключать из партии, а лишь беспощадным образом разоблачать ошибки. Но, если из номера в номер будут поминать наши фамилии, если из номера в номер нас будут разоблачать как контрабандистов f*0 всей республике, то здесь количество перейдет в качество и это разоблачение приведет к уничтожению. Надо как-™ приостановить поток разоблачений. Письмо в редакции' может помочь в том смысле выведения себя из боя, Т.е. в смысле физического сохранения, но не в смысле прекращения разоблачений.

Говорят, что я поседел за этот месяц. ^ерт его шает, очень трудно, пробывши 13 лет в парГ™, согласится с тем, что ты все 13 лет был в партии лишь рупором враждебных классов. Согласиться с такой формулировкой ~ это все равно, что признать себя закоренелым вредителем, социал-фашистом и контрреволюционером.

Нет, с этим я никогда не соглашусь.

Записано 6 февраля 1932 г.

Конференцій кончилась Самое интересное на конференции - это, ^есОМНеННОj рєчь Молотова о перспективах второй пятилегк г QНа имеет агитационно-декларативный характер, но ее IН ічение огромно. Она должна произвести колоссальное впеч ітление на пролетариат Запада. Там люди задыхаются о1 с}работицы, перед ними стоит угроза новой империалист I4e tR0g бойни, а мы ставим в ближайшие годы, в ближайшие - леTi те вполне реальные сроки, - уничтожить классы, И0 5Ь1СИТЬ в два-три раза благосостояние населения начать изм

пил, *пачаї* 'ІНЯТЬ Саму ЧЕЛОВЕЧЕСКуЮ Природу В СМЫСЛе уничтожения ИГ>)ТИВОПОЛОЖНОСТИ между физическим и умственным труд ом з торрандиознейшие задачи, это постановки, которые дадут в)ЗМОЖНость не теоретизировать о социализме, а уже прошупат^ £rQ руКами Каждый может надеяться, продержавшись на вете дет^ увидеть воочию социализм в 1/6 части CReTa. Ко, ^ „

г юссальнеишие возможности и колоссальнейшие задачи. < речь Болотова для пролетариата Запада стоит тысячи аі итсциОННЬ1Х брошюрок и выступлений. Она дает ему ориетітациі^ указывает^ куда и зачем нужно идти, чего нужно добивать^ и как добиваться

Не менее в^

лико значение этой речи и для нас и для нашей страны. К ыссоь1ye прохивоpечия у нас ужасающие. Мы сейчас бьемся в тиска; эд^ уничтожили уже буржуазию, нэпмана, почти уничтожу кудак^ те мы выкачали буржуазные капиталонакопления

u и перекачивали их в основную промышленность, преврати, в основной капитал тяжелой социалистической промышленное^ jenepb перед нами стоит задача довести до конца уже на ia Qe стрOИтельство за счет собственных ресурсов. Мы начали стрс,

т тгь социализм за счет основных накоплении населения, повыш

ія акциз на 2 копенки на спички, мы, тем самым,

облагаем каждого потребителя взносом в основной капитал легкой и тяжелой индустрии. Это увеличивает тяжести и в то же самое время это приближает социалистическое общество. Когда-то Ленин говорил, что мы притащили социализм в повседневную жизнь, что он для нас уже не икона, а теперь мы можем сказать, что социализм для нас реальность, что он уже воплощается в жизнь. Раньше Ленин ставил вопрос о том, что социализм - это учет и контроль, потом Ленин дал формулу, что социализм это диктатура пролетариата плюс электрофикация. Теперь наше понятие о социализме сделало еще шаг вперед.

Социализм - это организация производства, это производство средств производства, производство продуктов широкого потребления, это все то, что уничтожает господство человека над человеком и усиливает господство человеческого коллектива над машинами, над средствами и орудиями производства, над природой. Сознательная организация природы, сознательная организация жизни, сознательное и планомерное руководство этой жизнью - вот к чему сводится социализм, а отсюда, естественно, что мы можем говорить о том, что социализм уже существует, хотя и получается кажущееся противоречие: благосостояние повысилось, но экономическое неравенство сохранилось. Имеется социализм в смысле уничтожения частного господства над средствами и орудиями производства и уничтожение эксплуатации человека человеком и в то же самое время имеется масса пережитков прошлого и в бытовых и в общественных отношениях. Идет отчаянная классовая борьба и государство, отмирая, все более и более усиливается и в то же самое время на фоне всех этих противоречий все яснее становится это недалекое будущее, конец второй пятилетки, когда будут уничтожены окончательно классы, когда будут совершенно уничтожены, уже уничтоженные в значительной степени противоположности

хозяйственных отношений между городом и деревней, когда мы приступим к уничтожению противоположности между физическим и умственным трудом, и когда, наконец, социализм организует так жизнь, что если и не будет полного равенства, то, во всяком случае, не будет тех социальных слоев, которые страдают от экономического неравенства.

Речь Молотова замечательна тем, что она, исходя из основных директив партии о возможности построения социализма в одной стране, развертывает конкретно ближайшие перспективы этого строительства. Она реально ставит задачу продумать вопрос о полном уничтожении классов, она реально ставит вопрос о перестройке не только человеческих производственных взаимоотношений, но и человеческой психики. В этой речи есть один интересный элемент, на который в прениях обратили недостаточное внимание или вернее, который в процессе обсуждения на конференции не старались обосновать, но который нужно обосновать соответствующим образом, — это вопрос о судьбе государства.

Казалось бы, что если социализм в течение ближайших пяти лет успешно вырастет, встанет на ноги экономически и хозяйственно, то и государство в бесклассовом обществе должно перейти в свою противоположность и отмереть, а между тем во всех речах на конференции старательно подчеркивали и отмечали, что, если мы и создадим, несомненно, к концу второй пятилетки совершенно бесклассовое общество, то государство, наоборот, не отомрет, а усилится и что именно для успеха создания бесклассового общества необходимо укрепление диктатуры пролетариата, ставили вопрос даже дальше, что диктатура пролетариата должна сохраниться и в создавшемся бесклассовом обществе, что она необходима для доведения этого общества до развернутого коммунизма. Это теоретически интересные и очень важные моменты. Ведь мы строим социализм в ус-

ловиях капиталистического окружения и вполне допустимо теоретически, что в ближайшие пять лет мы можем построить в хозяйственном и социальном отношении социалистическую систему в нашей стране, т.е. уничтожить классы, уничтожить все те хозяйственные отношения, которые порождают классы, не только закрыть источники порождения классов, но их уничтожить, вырвать. Мы можем построить социализм в производственном отношении, и в то же самое время вполне возможно, что капиталистический мир в ближайшие пять лет сохранится целиком или в отдельных своих частях, в лучшем случае он будет переживать процесс грандиознейшего кризиса в виде социалистических революций или империалистических войн. И вот это неизбежное существование в ближайшие годы капиталистического мира является определенным лимитом в смысле построения социализма в нашей стране.

Успехи нашего строительства могут быть более интенсивны и быстры, чем разложение и крах капиталистического мира и тогда две противоположные системы встанут во всей своей наготе и существование этих двух противоположных систем, существование капиталистического мира будет тормозить переход от социалистического общества к коммунистическому. Оно явится определенным лимитом успеха построения социализма в нашей стране. Мы сможем экономически построить социализм, сможем уничтожить классы, сможем поднять благосостояние трудящихся масс в несколько раз, но мы не сможем уничтожить диктатуру пролетариата, не сможем уничтожить партию как авангарда трудящихся, а, наоборот, должны будем усилить роль партии как авангарда и роль советской власти как диктатуры пролетариата.

Противопоставление двух миров требует сохранения и партии, и диктатуры пролетариата как силы, могущей руководить и защищать социализм от оставшегося капиталисти-

ского мира, как силы, которая не только построила социализм в нашей стране, но которая может показать, как нужно построить социализм в других странах, которая сможет в нужный момент поддержать рабочий класс других стран в борьбе за диктатуру пролетариата и за социализм.

Отсюда совершенно новым светом окрашиваются все те же международные отношения, которые должны будут происходить в ближайшие пять лет. Сейчас каждая революция в любой стране неминуемо превращается в советскую революцию, в диктатуру пролетариата, в социалистическую революцию. Она неминуемо включается в советскую систему во всем мире, даже, если она организационно и не связана с нашей страной. Попытки империалистического мира вооруженной рукой разрешить свои собственные противоречия все более и более становятся попытками избежать таких путей социалистической революции, т.е. они, тем самым, приближают социалистическую революцию, поскольку они вскрывают стремление капиталистического мира и его безнадежность вырваться из хозяйственных и классовых противоречий своими собственными капиталистическими мерами. Отсюда, естественно, что для нашей страны, для диктатуры пролетариата все более и более важным становится вопрос не только обеспечить себе мирное строительство, избежать войны, но и удержаться как можно дольше, потому что каждый месяц нашего существования облегчает мировую социалистическую революцию, облегчает строительство социализма во всем мире. И этот момент, несомненно, сказался и на характере прошедшей конференции. На ней совершенно не стояло военных вопросов, военные на ней даже не выступали. Конференция всецело была посвящена вопросам строительства социализма, хозяйственным вопросам, вопросам об увеличении количества битой птицы через два года, которое выбросит рынок Чер-

ноземной области, вопросам об увеличении производства калош, вопросам об увеличении производства хлеба, о постройке консервных заводов, о постройке заводов для производства машин и т.д. и т.п. - и на фоне этого речь Молотова о перспективах второй пятилетки. Это конференция строителей социализма, поэтому она деловая, сухая, здесь на конференции показали и русскому и мировому пролетариату, как строится социализм, каковы его успехи и что будет с советской страной в ближайшие пять лет. В этом гвоздь и значение конференции. И каковы бы не были капиталистические противоречия - ближайшие пять мирных лет — это постройка над фундаментом основных контуров здания, это превращение этих контуров в жилое помещение. Социализм войдет в быт, станет полной реальностью.

Эти задачи должны отразиться на всем идеологическом фронте. Мы должны сейчас передумать целый ряд вопросов, передумать их по-новому и по-новому их построить. И в области нашей истории 17-я партконференция тоже должна найти отклик. Еще резче и более необходимым становится для историков заняться вопросами истории строительства социализма в нашей стране, еще более и резче становится необходимым для всего мирового пролетариата дать ответ в исторических работах на вопрос о том, как мы пришли к диктатуре пролетариата, почему наша диктатура пролетариата является лишь первым звеном в мировой цепи диктатуры пролетариата, почему эта мировая диктатура пролетариата неизбежна, как она подходит и как она завоевывает свое существование, как после свержения власти буржуазии нужно строить социализм, как строили в России, и что из русского опыта может использовать мировой пролетариат для себя. Нужно исторически показать, как в соответствующей обстановке борьбы за диктатуру пролетариата и социализм действовали социал-демократы и

троцкисты, в чем заключалась их контрреволюционная роль, почему превратились они сейчас в авангард международной буржуазии, чем тормозят они для мирового пролетариата путь приближения социализма, в чем будут они мешать мировому пролетариату строить социализм в тот момент, когда он возьмется за это дело вплотную. Новая серия исторических проблем и вопросов. Нужно передвинуть хронологически нашу историческую тематику и нужно изменить ее социально-политическое содержание. Нам нужно дать ответ на задачи, поставленные 17-й партконференцией.

Записано 4 мая 1932 г.

Не пишется... Очень много работы, очень устал и вдрызг проработали. В ИКГI фактически я остался один, а сейчас все стремятся выгнать 100% и я каждый день веду семинары, то в ИКП. то в 1-м МГУ. Должен все еще ездить в Харьков и страшно устаю. И жизнь моя идет тяжелая... неповоротливая и неприглядная. А кругом в мире как будто совершается много нового и на нашем историческом фронте тоже.

У нас, у историков, основная новость - наконец умер Покровский. Хоронили торжественно, гроб несло все Политбюро. На похоронах присутствовало все правительство, а к Кремлевской стене даже Сталин помогал поднести урну. Одним словом, партия и рабочий класс отдали Покровскому огромные почести. Правда, на Красной площади народу было маловато, толпа заполнила только середину площади, да ведь и то сказать, какой площади. Были, главным образом, вузовцы, икаписты, наркомпросовцы, учителя, знакомые, просто поклонники. С Покровским отошли в прошлое интереснейшие страницы из истории русской интеллигенции. Выходец из московской буржуазии, интеллигент до мозга костей, вое-

питанник Виноградова"" и Ключевского, Покровский уже в зрелом возрасте во время революции 1905 года пришел в нашу партию. Те, кто знали его раньше, никогда не предполагали, что Покровский будет большевиком. Одно время он был освобожден и занимал позиции правее Струве, а потом сразу скакнул к большевикам.

Как большевик из профессорской среды Покровский принес в партию две вещи: неуклонное презрение и ненависть к профессуре, великолепное знание этой научной среды, отсутствие всякого фетишизма перед ней и прекрасное знание науки. Он прошел у Виноградова хорошую школу. То, что он пришел к пролетариату из интеллигенции, сказалось на всей его жизни. Это был мелкобуржуазный революционер, но революционер настоящий. Как мелкий буржуй он больше всего ненавидел мелкую буржуазию и буржуазию и стоял всегда налево. Ему не хватало рабочей выдержки и постепенности. Историк у него портил политика, а политик портил историка и фактически он умер, не бывши ни историком, ни политиком, хотя и внес в историческую науку очень много и, несомненно, является историографической фигурой. Это был человек с большими способностями, остроумный и парадоксальный. В личной жизни, я знал его уже после революции, начиная с 1920 г., это был самодур и рабовладелец. Он не уважал людей и страшно ценил то политическое положение, которое имел. За него он держался зубами, в кровь грызся за увеличение и укрепление своего положения. Зам. наркома, одобренный и поддержанный на этом посту Лениным, он зубами держался за Наркомпрос и

[360] П.Г.Виноградов (1854—1925) — выпускник историко-филологического факультета Московского университета (1875), академик РАН (1914). С 1889 г. - профессор Московского университета. Автор многих работ по средневековой истории Англии и Италии.

только в годы смертельной болезни, когда он фактически уже вышел из строя, он получил звание члена Президиума ЦКК, лишь для того, чтобы своим умирающим авторитетом удержать и опрокинуть авторитет Ярославского.

В политике он не имел своей линии. Очень долго до революции он держался около Троцкого и троцкистской группы и только после революции, после Октября, приехав в Россию, стал под знаменем большевиков и не в пример другим выходцам из интеллигенции, как Богданов и Рязанов, он с Октября не изменил генеральной линии партии и после недолгих колебаний к левакам (левым коммунистам) в 1918 году он все остальные 15 лет стоял на генеральной линии партии. Вообще он чрезвычайно быстро поворачивался.

Лично, как человек я не думаю, чтобы он в ком-нибудь оставил хорошие воспоминания. По крайней мере, у меня, знавшего его более 12 лет, ни одной хорошей черты о нем, как о человеке не сохранилось. Я как-то недавно спросил Тер-Аганесова - остались ли у него хорошие воспоминания о Покровском как о человеке — и тот тоже сказал, что нет. Покровский любил таскать каштаны из огня чужими руками. Он не прочь был свалить неудачу своего предприятия на ближайших помощников, чтобы самому выкрутиться. Но при всем этом у него было все же много такого, что заставляет вспомнить о нем, как о верном бойце рабочего класса. У него было прекрасное политическое чутье. По одному отрывку исторической книги он определял политическую физиономию противника, определял его политические стремления и тенденции. Он был непримирим к врагам рабочего класса. Буржуазию он буквально готов был загрызть зубами. Его смерть в исторических рядах произвела большое опустошение и на место его полезли эпигоны, безличности из его ближайших сотрудников. При таком сатрапе, как Покровский, ближайшими сотрудни-

ками могли быть только молчаливые исполнители, верно воспринимавшие все то, что им говорилось. И вот на сцену выплыл Адоратский, ставший академиком, дурак из дураков. Об этом человеке все абсолютно, кто с ним встречался хотя полчаса, утверждают, что такого экземпляра с таким замедленным мышлением они видят впервые.

Такой же балда и другой академик - Савельев, с той только разницей, что Савельев действительно партиец, при всей своей глупости, при всем своем тяжелодумье, голова у него как мельничные жернова, - он все же умеет ставить вопросы политически, политически мыслить. При том он действительно связан с партией последние 20 лет. На его деньги издавалось «Просвещение», он входил в редакцию «Правды» в 1912 году, он присутствовал при всех знаменательных событиях последних 15 лет, а это даже из дурака сделает умника. И хотя он умнее не стал, что лишний раз подчеркивает, что он исключительный дурак, все же на политической работе он держится. У него какое-то болезненное отношение к ученым. По-видимому, когда-то в молодости он думал заняться наукой, но из этого ничего не вышло, и вот сейчас он мнит себя ученым, хотя каждый комвузовец сейчас теоретически сильнее его. Он сделал несколько неудачных хрестоматий, написал несколько неудачных статей, был редактором «Известий» и «Правды», был директором Института Ленина и кончил сейчас членом Всесоюзной Академии и за*мпредом Коммунистической академии. Я его знаю с 1920 года и с 1920 года он делает мне всякие пакости, где только он может меня уесть, он сейчас же бросается на меня с видом остервенелой собаки и старается вырвать из меня клок шерсти.

А вообще все это мелкие дела. Покровский помер, решили поставить ему памятник на Крымской площади, а о нем сейчас уже позабывают, а через полгода совсем забудут

и на будущий год, если будет время, вдрызг проработают, фактически все его основные положения об историческом процессе России сейчас нами отвергаются, и, если мы сейчас исходим из Покровского, то мы ни в коем случае в исторической схеме и в объяснениях исторических вопросов не повторяем объяснений Покровского.

Страна наша живет сейчас особенной жизнью, какой даже трудно сказать и понять. Она вся напружилась, диалектические противоречия обостряются до невероятных пределов. Промышленность растет, закончили Волховстрой и Магнитогорск, Кузнецк, построены огромные гигантские заводы, - значит, социализм идет вперед и в то же самое время страшные затруднения с продовольствием. Подняли на ноги деревню. Процесс коллективизации в деревне взбудоражил ее сверху донизу, она вся пришла в движение, колхозники толпами хлынули в город. Новая промышленность втянула в себя сотни тысяч новых рабочих - вчерашних единоличников, позавчерашних кулаков, неудачных колхозников. Вузы переполнены крестьянской и рабочей молодежью. Мы раздвинули просвещение вширь, и мы не можем сейчас поднять его вглубь. Культуры явно не хватает. А на этом фоне «рафинирование» издания Академии вроде порнографии средневековья и приключенческих романов Дефо. Все это попытки уйти от действительности, уйти от жизни, забыться в легком прошлом, уйти от социальных и классовых бурь, не видеть их ни в настоящем, ни в прошлом, чисто контрреволюционное явление. И книги эти читаются, главным образом, партактивом.

В науках и идеологиях после года проработок — почти могильная тишина. Никто не пишет, только заключают иногда договора. А удалые мальчики и девочки, оказавшиеся стойкими бойцами в момент проработок, поднявшись наверх, оказываются беспомощными в научном отношении ребятами,

о которых даже руководители ортодоксальных проработок принуждены сказать, что по своей подготовке они стоят гораздо ниже, тех, кого прорабатывали.

Тень войны, тень интервенции нависла над Союзом. Японцы плотно увязли в Шанхае и прихапнувши Манчжурию, нависли над Дальним Востоком. Жизненным центром страны они не угрожают, но политически они могут ослабить положение Союза, и поэтому мы не можем пойти ни на какие уступки на Дальнем Востоке. Уступки там - это ослабление позиций на польском и румынском фронтах. Технически мы сейчас сильнее Японии, как технически мы также сильнее Польши и Румынии. Военной силой они нас не опрокинут. Они могут сорвать пятилетку, испортить социалистическое строительство, но поколебать положение Союза не могут.

Сейчас чествуем в Москве турок. Это большая победа нашей дипломатии и большая победа ленинизма. Вообще разрешение нами национальной проблемы показывает, что освободиться от колониальной эксплуатации угнетенные нации могут, только вступив в борьбу с империалистическим миром, вступив в эту борьбу под руководством пролетариата. Национально освобожденная Турция, удержавшись в национально-буржуазных рамках, одинока среди капиталистического мира, и стремления ее националистов к полному национальному освобождению неминуемо толкнет ее в оппозицию и борьбу со всем империалистическим миром, а это толкнет ее на союз с диктатурой пролетариата, с нашей страной. Вот уже несколько лет турки оказываются нашими вернейшими союзниками. Политически сейчас это означает закрытие Дарданелл для флотов интервентов, это означает фактическое превращение Черного моря во внутреннее море, а это до минимума сводит угрозу Румынии и до минимума сводит военное значение Румынии. Союз с Турцией обеспечива-

ет морской разгром Румынии в кратчайший срок. В тот момент, когда империалистический мир готовится к новым войнам, приезд турок в Москву подчеркивает укрепление русско-турецкого союза, подчеркивает, что национально-освободительное движение неминуемо и везде будет антиимпериалистическим движением, подчеркивает, что противоречия империализма готовы взорваться и империалистический мир встретит не только противников в лице диктатуры пролетариата, но и всех колониальных народов. И турки отлично это понимают, судя по их речам. Они общаются с нашей общественностью, с литераторами, артистами, профессорами, они отлично знают Россию, владеют русским языком и для них наш союз — это гарантия их самостоятельного существования и опора в борьбе с попытками французов и англичан, снова превратить Турцию в колонию, а этот союз указывает на то, что в борьбе с империалистическим миром мы в будущих войнах будем не одиноки.

А война, по-видимому, надвигается. Достаточно просмотреть газеты, заграничную прессу, особенно буржуазную, там со всех страниц идет проповедь крестового похода против Советской России. Взбудоражились и российские белогвардейцы, эти кондотьеры XX века. Они снова барабанят о великой и неделимой и готовы вцепиться нам в горло лишь бы оплатить за 15 лет своего бренного существования. В этом году все же, по-видимому, войны не будет, возможно, что и в следующем году удастся ее избежать, но вообще война не снята, наоборот, война приблизилась...

Записано 13 июня 1932 г.

Не пишется... Размеренная жизнь приобретает какую-то необыкновенную устойчивость. Каждый день полон и о каж-

дом дне сказать нечего... Собственно неверно, рассказать бы о каждом дне можно было много, но этот рассказ едва ли кому-нибудь интересен. Семинары, семинары, заседания, начал только в последнее время после всех проработок писать и заниматься. Сначала вообще пропало настроение, потом решил, было, переквалифицироваться на театр, стал ходить по театрам, как и в прошлые годы. В театре и сейчас, как и раньше, отражаются все противоречия нашей действительности. Есть два революционных театра, а остальные все попутчики, идущие за революцией с опозданием на 15 лет. Это колоссальное опоздание особенно сказывается на постановке Гамлета в Вахтанговском театре. Из Гамлета они сделали нечто свое, представили Гамлета в стиле Цезаря Борджия. Дядя убил папашу, Гамлет устраивает заговор против дяди, в центре стоит борьба, вернее интрига, и заговор, яблоком раздора которой является престол. Театр искренне полагает, что этой постановкой Гамлета он сделал целую революцию. В фойе театра устроили выставку о постановках Гамлета в английских и русских старых буржуазных театрах.

В Комакадемии недели две тому назад был даже диспут о постановке Гамлета у Вахтангова, где представитель театра, выступая, заявил, что театр сделал шаг вперед по пути революции, изобразивши Гамлета как активного заговорщика и борца за престол. Представитель театра, я не помню как его фамилия, протестовал против названия театра попутническим и заявил, что театр всецело стоит на советской платформе. Он указал, что даже сам Фрунзе похвалил постановку «Турандот» и театр с этой вещью сделал гастроли по всему фронту. И в результате этого вахтанговец сказал одно занятное политическое место — он признал, что в постановке есть ошибки, однако, никто не сомневается в их пролетарской сущности, почему же ошибки в постановке Гамлета заставляют со-

мневаться в сущности театра и превращать его в попутчика. К стыду нашему надо сказать, что на эту речь не нашлось никого, кто бы выступил с ответом.

Ведь это же было, по существу, открытое требование буржуазной демократии в рамках советской реальности. Сами вахтанговцы видят ценность, таким образом, в постановке Гамлета в том, что они превращают его в борца за власть. Но, поскольку эта борьба за власть изображена как придворная интрига с убийством, заговором и восстанием, изображена в стиле рассказов Боккачио или Мазучио, тем самым, эта постановка Гамлета, если и делает шаг вперед по сравнению с дореволюционными постановками феодально-дворянских или буржуазных театров, то сама-то она, по существу, является типично буржуазно-демократической трактовкой вещи и говорит не о том, о чем нужно говорить: кому интересно сейчас срывать маски с королей и принцев, монархистов в зале Вахтанговского театра, как и во всей нашей стране, теперь нет и, выступая против монархии, вахтанговцы, может быть, делают революционный шаг в смысле революционности трактовки Гамлета, но не делают никакого революционного шага в смысле наших требований к театру.

Наоборот, превращая всю историю принца Датского в придворный заговор, они, тем самым, снимают проблему классовой борьбы, снимают проблему политики. Своей постановкой они уводят зрителя от классовой борьбы настоящего в фантастический мир рыцарей, суеверных солдат, находящих принца, разделяющим время между чтением Горацио и сочинением придворных заговоров, — и, тем самым, делают не революционное, а, по существу, контрреволюционное дело. Если Вахтанговский театр в ряде постановок, вроде «На крови», «Разлом», ставил проблему перехода к революции мелкобуржуазной спецовской буржуазии, то в постановке Гамле-

та в своей трактовке он вскрыл свое понимание этой революции. Для него все вопросы заключаются не в социалистической революции, а в буржуазно-демократической. Тем самым, ставя в конце 15 года Октябрьской революции Гамлета «реалистически», театр не делает шага по пути революции, а в минуту ожесточенной борьбы снимает проблему классовой борьбы, т.е. уходит от революции.

Вообще театральный мир в высшей степени странен. Позавчера мне пришлось прочитать одну рукопись. Приближается 100-летний юбилей Александринки. Ленсовет отпустил на него большие деньги. Готовится издать большой сборник статей и иллюстраций. Он уже набран этот сборник, и я прочитал одну статью, характеризующую театр в период 60-80-х годов. Написал книгу Марков. Этот щупленький черненький человек, сейчас заведующий каким-то литературным отделом Художественного театра, кончивший 1-й МГУ, специалист, историк театра, преподает где-то театроведение на Литфаке или что-то в этом духе. Он был у меня. Статья его, это что-то чрезвычайно своеобразное. Он пытается говорить о классах, безнадежно путает историческую обстановку, собственно ничего не знает по истории и всю свою задачу сводит к тому, что пытается свести театральную форму к классовой базе. Таким образом, для него оперетта - это театр, торжествующей буржуазии, водевиль - это феодальный театр и т.п. Он ничего не понял и боюсь, что так и не понял, уйдя от меня, хотя я ему и толковал, что-то, что Александринка ставила в 60-х годах морализующие проблемы пола и семьи, она, тем самым, снимала проблему классовой борьбы, тем самым, политически утверждала существующую систему и превращала социальные противоречия и социальные бедствия в личные несчастия и неосторожность. Он не понял этого и, наверное, напутает, что наряду

с этим театр выступал и с развернутой политической программой, ставя исторические пьесы.

В статье перечислены исторические пьесы, которые ставились в 60-х годах, но анализа этих пьес не сделано. Я указал ему, что здесь можно найти очень много для выяснения политической жизни театра и его политических стремлений. Он никак не мог обосновать и показать, как происходит процесс превращения театров из дворянского в буржуазный, как совершается этот переход. По его трактовке получилось, что дворянство буржуазируется, когда на самом деле в истории такого процесса не было. Я беседовал с ним часа два. Так он, по-видимому, имеет очень много личных наблюдений, эти впечатления современности он пытается перенести на театр прошлого. Он определяет, например, влияние зрителя на игру актера в момент самой игры и само восприятие зрительного зала. Он, несомненно, по-видимому, знает историю театра. По крайне мере, он меня прямо засыпал перечислением репертуара и Московского Малого театра, и Корша, и МХАТ, начиная с 90-х годов, но марксист он липовый, конечно. Правда, он говорит, что он хочет быть марксистом и скромно меня спрашивал, не очень ли безграмотна его статья, но, по-видимому, марксизмом он пока занимается не очень, в пределах учебника, во всяком случае, из марксистской литературы знаком хорошо только с Фриче, о котором твердо знает, что его теперь прорабатывают. О Плеханове он мне сам сказал, что он ничего о Плеханове не понял.

Интересно, каковы другие наши историки театра и идеологические руководители театрального движения?

Но театр не моя специальность, просто после проработки стал заниматься театром для отдохновения, чтобы отдышаться вроде санатория. Думал, да и сейчас еще не бросил мысль, написать книгу о театре. Мне хочется написать книгу о по-

становках МГСПС. Это настоящий революционный наш театр. Страшно интересно и трудно связать всю сумму театральных постановок сейчас со строительством социализма в нашей стране и классовой борьбой.

Борьба классов приняла еще более сложные формы. Вот сейчас заканчивается полоса сева. Можно трактовать самый процесс сева как классовую борьбу. Мы стремимся поднять сев, увеличить площади, лучше засеять, перейти к машинному севу и т.п. За нами идет основная масса колхозников, а единоличники в процессе сева отставали и почти прекращали сеять. Есть эти действия единоличников классовая борьба? Конечно, есть. И сама борьба за успешность сева превращается, тем самым, в процесс классовой борьбы и в борьбу за успех строительства социализма.

Я недавно делал доклад на партячейке о новых мероприятиях партии и правительства по советской торговле. Я считаю, что принципиально нового в этих мероприятиях сравнительно с тем, что было провозглашено в воззвании Центрального Комитета в марте 1930 г., что было завоевано в 1918/1929 гг., ничего нет, что здесь развертывание той же самой линии. И на данном этапе для нас вопрос не стоит об отступлении, а вопрос стоит о том, что мы имеем чрезвычайно молодые колхозы, большинство колхозов насчитывает стаж не более двух лет, с одной стороны, с другой стороны, на данном этапе мы имеем увеличение продукции легкой индустрии, мы имеем в своем распоряжении большую массу товаров, которую мы можем бросить в деревню. Тем самым, следовательно, перед нами стоит задача, с одной стороны, увеличить благосостояние пролетариата и широких масс крестьянства, с другой стороны, помочь этому колхозному крестьянству и идущим за ним единоличникам изжить свои собственнические настроения и иллюзии. Колхозник фигура диа-

лектически противоречивая. Он уже не мелкий собственник, поскольку основное производство в сельском хозяйстве переносится в колхоз, и он еще мелкий собственник и мелкий товарный производитель, поскольку наряду с этим он сохраняет свой дом и мелкий скот и огород. Колхозник выбрасывает на рынок и продукты своего единоличного хозяйства, и продукты колхозного производства.

Тем самым, перед диктатурой пролетариата стоит грандиознейшая задача искусным лавированием товарных фондов увеличить и усилить колхозный сектор в крестьянском хозяйстве и в то же самое время улучшить экономическое благосостояние всего крестьянства. Отсюда и родится советская торговля. Сейчас мы уже засеяли больше, чем в прошлом году, и имеем по республике недосев процентов 20 в сравнении с планом. Этот недосев падает, главным образом, на Украину и Урал. Урожаи, как видно уже по всем показателям, будут более чем приличные. Поэтому мы можем не сомневаться в том. что экономически к осени наше положение улучшиться. Я думаю, что и во внешней политике сейчас, если наше положение и не улучшилось, то война отдалилась. Не улучшилось оно потому, что мы имеем сейчас несомненнейшее наступление буржуазии и фашизма во всех европейских странах и везде фактически к власти приходит диктатура фашизма. Это на днях должно случиться в Германии, Гитлер, наверное, придет к власти, а это влечет за собой попытки загнать партию в подполье, это повлечет ослабление коммунистической партии и усиление накопления сил революционной борьбы. Наличность у власти буржуазии затрудняет наше положение. С этой стороны я и говорю о том, что оно не улучшилось, но в то же самое время диктатура фашизма как национал-буржуазная диктатура в разных странах не может разрешить противоречий между капиталистическим миром. Поэтому она не может приблизить момент нападения

на нас, она задерживает его, хотя и затрудняет ход революции. Это наглядно видно на примере Японии, где фактически іс власти пришли почти уже фашисты и где в то же самое время проблема войны с нами отдалилась, хотя и не снята.

Но это все разговоры об общих политических постановках, о том, что видишь из окна, а жизнь непосредственно — это ведь аудитория, семинары. Теперь вот ввели экзамены в ИКП. Все наши икаписты ходят в нервном ажиотаже. Я сейчас только пришел с заседания Бюро ячейки, где обсуждался вопрос о том, как нужно по-товарищески провести экзамен. И ребята, каждый из которых преподает в вузах и председательствует на кафедрах, серьезно спрашивали, будут ли вызывать их к столу, вместе или поодиночке, как будут спрашивать, что могут сделать с тем, кто провалится на экзамене, или лучшее совсем не явиться.

Поскольку мы имеем продление передышки в смысле отдаления войны и успешного строительства социализма в смысле увеличения товарных масс и завершения в основных чертах программы строительства тяжелой индустрии, ясно, конечно, что перед нами стоит задача подъема качества и на идеологическом фронте. Экзамены - это одна из попыток подъема идеологического качества. Только трудно будет их провести. Фактически мне на этих днях числа 20-23 придется проэкзаменовать более 40 красных профессоров. Я и так устал, а тут меня и совсем в гроб вгонят.

Начал опять обрабатывать корректуру своего Курса и пробую дописать историографию Октября. Думаю, что до конца июля удастся проредактировать всю сумму изданий исторической комиссии. У меня еще осталось для редакции штуки три. Удастся переработать и доработать историографию Октября и даже протащить Курс. Это будет неплохо. Значит, понемногу оправился от ударов, хотя фактически еще не все удары уже па-

ли. Скоро выйдет «Историк-марксист» и статья против меня там. А там, кто знает, что день грядущий нам готовит.

Записано 13 сентября 1932 г.

Встречи

Проскучал в Кисловодске. О нем даже писать не хочется. Целый месяц ходил в кино каждый вечер, устраивал свидании с девчонками среднего возраста. В общем, ужасно скучно. Одно забавно - люди, с которыми жил, это люди героической биографии, жизнь каждого эпопея. Со мной за столом целый месяц сидел член коллегии Наркомзема Пермский. Мы разговорились, он оказался любителем истории и литературы, запоем читал Мазучио, собирает все издания Академии, увлекается Петром. Его биография исключительно интересна. До революции и до войны еще он решил обойти всю землю пешком и познакомиться с тем, как люди живут. Пешком продрал через Сибирь, прокармливаясь по дороге работой. Потом попал в общину каких-то сектантов, вроде молокан, и жил в ней, отрицая войну и правительство. Во время войны его как взрослого парня взяли в армию. Как сектант он отказался служить и был сначала братом милосердия. Потом на войне он претерпел крутое обращение и вступил в армию добровольцем, получил все четыре Георгия. В 1917 г. вступил в нашу партию, кончил курсы марксизма, теперь член коллегии Наркомзема. Он мне говорит, что с 1929 г. все пошло книзу в Советской России, не верит, что у нас улучшилось положение рабочего класса и уменьшилась смертность.

Другой тип - сейчас в Комакадемии в Институте советского строительства служит научным сотрудником. В прошлом был секретарем группы «Вперед» — товарищ Трайнин. Он рассказывал мне много интересного. Был он эмигрантом, превра-

тился за границей в совершенного бродягу и более года бродяжничал по Италии и Швейцарии. Вместе с ним бродяжил какой-то поляк. Они занимались тем, что воровали у придорожных крестьян кур, фрукты и таким образом жили. Поляк этот, говорил Трайнин, так исхитрился, что умел подманивать любую курицу и хватать ее так, что она даже не пищала. В Швейцарии Трайнин был арестован за бродяжничество и как бродяга подлежал выдаче России. Чтобы избежать выдачи, он дал по морде тюремному смотрителю, его предали в Швейцарии суду и посадили на несколько месяцев. В дело вмешались местные профсоюзы, и он выпутался из этой истории.

В группе «Вперед» он был техническим секретарем. Это один из ближайших друзей Луначарского. Он мне рассказывал, что Покровский, был закадычным другом Алексинского[367], и что Алексинский-то и ввел Покровского в группу «Вперед». В группе Покровский расскандалился на личной почве с Богдановым из-за руководства группой и вышел из нее. Трайнин был впередовец до самой революции 1917 г. В 1917 г. он вступил в нашу партию. В 1918 г. он был в Самаре членом Самарского Комитета, был арестован чехами и сидел в тюрьме. В тюрьме он предложил резолюцию большевикам, которая была принята сидевшими в тюрьме, резолюция о том, что революция погибла и пропала, и что нужно заключить соглашение с меньшевиками и эсерами. С такой резолюцией он хотел обратиться к рабочим. Эта резолюция из тюрьмы попала в самарскую меньшевистскую прессу как мнение большевиков. Трайнина по-

[367] Г.А.Алексинский (1879-1967) - политический деятель, до революции был активным членом группы «Вперед», созданной Богдановым в 1909 г. Одно время в состав группы входили А.В.Луначарский, М.Н.Лядов, М.Н.Покровский и др. С 1920 г. в эмиграции.

еле этого (он уверяет, что не в связи с этой резолюцией) из тюрьмы выпустили по ходатайству члена Учредительного Собрания Климушкина[368]. Он перешел в подполье. А потом бежал. Такие похождения не очень много способствовали его политической карьере. Потом он долго работал в Совкино, был директором одной из фабрик. Сейчас не у дел, пишет мемуары в беллетристической форме, знает хорошо языки, пишет книги, веселый парень, исключительный бабник, мы с ним много гуляли по Кисловодску.

Самыми замечательными людьми из встреченных мной за это время я считаю двух — дальневосточного партизана Шевченко и бывшего матроса «Авроры», теперь заместителя начальника морских сил Республики - Куркова[369].

С Шевченко я встретился, когда ехал из Кисловодска обратно. При входе в купе на меня накинулся какой-то полупьяный краснознаменец, который предложил мне выпить и закусить. В разговоре с ним оказалось, что это дальневосточный партизан. Мы с ним разговорились, он сейчас же стал называть меня по имени, а в компании с еще каким-то третьим пройдохой мы выпили, вернее они выпивали, а я немножко помогал (выпил один стаканчик) Шато-Икема. Шевченко произвел на меня неизгладимое впечатление. Это исключительно живописная и колоритная фигура. Пока мы ехали, он рассказал мне свою биографию, рассказал про Дальний Восток. Он по проис-

[368] П.Д.Климушкин (1887-?)-эсер с 1905 г. В июне 1918 г. вошел в Самарский Комитет членов Учредительного собрания (Комуч), управляющий ведомством внутренних дел Комуча. С 1920 г. в эмиграции.

[369] П.И.Курков (1889-1938) - большевик с 1917 г. В октябре 1917 г. участвовал в проводке крейсера «Аврора» к Николаевскому мосту. В 1920 г. окончил курсы политкомиссаров при Морской академии, позже член Реввоенсовета республики и начальник политотдела Балтийского флота, затем на руководящих должностях в Военно-морском флоте. Репрессирован. Реабилитирован.

хождению уссурийский казак, сын переселенца казака с Кубани. Уже в 1912 году он был эсером и участвовал в каком-то восстании. В империалистическую войну он все время был в армии в разведке. Лично знал и видел знаменитых белогвардейских дальневосточных атаманов Семенова и Калмыкова[170], о которых он крайне невысоко мнения. ***Я*** его спросил, что Калмыков был действительно зверем. Вообще, говорит, как всякая белая сволочь и все. В революции 1917 г. он был членом корпусного комитета третьего конного корпуса, который под началом Крымова вел по приказу Корнилова[171] наступление на Петроград, участвовал в аресте Крымова. Он рассказывал, что, когда они шли на Петроград, они ничего не знали и, если бы их, таким образом, дотащили до Петрограда, они были бы слепым орудием в руках генералитета. Крымов был арестован своим собственным ординарцем. О Крымове Шевченко отзывается хорошо. Это, говорит, был здоровеннейший дядя и очень хороший кавалерийский генерал.

Потом Шевченко участвовал вместе с частями третьего корпуса в Октябрьской революции. А потом, навербовав из казаков отряд Красной гвардии, он двинулся на Дальний Восток. Предварительно он побывал как представитель уссурий-

J 0 И.М.Калмыков - в 1918 г. атаман Уссурийского казачьего войска. В 1919 г. генерал-майор. В 1920 г. убит в Китае. Г.И.Семенов (1890-1946) - с декабря 1918 г. командир Восточно-сибирской армии Колчака, с декабря 1919 г. главнокомандующий всеми вооруженными силами Дальнего Востока. С 1921 г. в эмиграции в Китае. Арестован в 1945 г. Расстрелян 20 августа 1946 г.

3,1 Л.Г.Корнилов (1870—1918) - генерал от инфантерии, Верховный главнокомандующий российской армией до августа 1917 г., в 1918 г. возглавил Добровольческую армию. Убит в 1918 г. под Екатеринодаром. А.М.Крымов (1871-1917) - генерал-лейтенант, командир 3-го конного корпуса. После неудачной попытки захватить Петроград в августе 1917 г. застрелился.

ских казачьих войск на съезде Союза казачьих войск на Дону в Новочеркасске, видел Каледина, знал Дутова[372]. С отрядом, который, он навербовал, он двинулся на Дальний Восток, принимал участие во взятии власти в Омске и Иркутске. Из этого отряда казаков создалось потом ядро партизанского дальневосточного движения. В живых теперь осталось, как рассказывал Шевченко, не более 30 человек, а было их, когда шли на Дальний Восток, тысячи полторы.

Но интереснее всего, как тип, это сам Шевченко. Он с трудом выражает свои мысли по-русски. По-видимому, человек он отчаянной смелости, типичный крестьянский партизан. Дисциплине он поддается с трудом и с еще большим трудом он поддается культуре. Поэтому и сейчас он малограмотен, хотя и учится в сельскохозяйственной Академии, но как мне сам жаловался, под хмельком, учиться ему страшно тяжело и жить ему плохо и, если бы ему не помогали бывшие партизаны, он, наверное, бы умер с голоду и потерялся в большом городе. Из Кисловодска он умудрился вывезти с собой мешок белой муки и два больших ящика яблок, которые вез в вагоне. Дал ему все это задаром какой-то заведующий совхозом под Кисловодском, его бывший партизан. Войны он не любит и о своих партизанах вспоминает далеко нелестно. Великая, говорит, была шпана, того и гляди получишь пулю от своего же партизана. Когда, говорит он, напали на Шкотово, то пошло в бой около 300 человек, в бою же участвовало не более 40, остальные раз-

[372] А.М.Каледин (1861-1918) - с июня 1917 г. Донской атаман. Возглавлял сопротивление советской власти на Дону. 28 января 1918 г. застрелился в Новочеркасске. А.И.Дутов (1879-1921) — войсковой атаман Оренбургского казачьего войска (1917 г.), командовал крупными войсковыми соединениями в армии Колчака. В 1920 г. отступил в Китай. Умер 25 января 1921 г. в Суйдине при попытке похищения его чекистами.

оежались после двух пушечных выстрелов. Но японцы тоже испугались партизан и тоже разбежались. Убивали, говорит он мне, тоже много зря. Выводят в деревню человека и говорят, что он белый, ну, где тут разбираться - расстреляешь, а потом оказывается, что они из-за топора поссорились.

Сейчас все землячество занято собиранием материалов о гражданской войне. Такие же воспоминания дал и Шевченко. Только ему плохо удается литература и потому участники дальневосточной борьбы начинают забирать себе лавры Шевченко, а он, не владея пером, не может отстоять того, что им совершено и описать всего этого. Он горько мне жаловался, что ему приходилось спорить с Илюковым, что эти города брал он, а не Илюков, да как он уверял меня и не так все было. Теперь уверяют все партия, партия, а как рассказывал мне Шевченко, когда он начал свое движение Постышев[373] отказался принимать участие в движении до тех пор, пока у Шевченко не будет хорошего отряда и хорошего снабжения. С Постышевым у него вообще произошла забавная сценка. Он явился в ЦК к Постышеву и потребовал, чтобы тот его принял. Секретарь заявил, что сейчас Постышев занят и просил рассказать, в чем дело ему. Тогда Шевченко заявил, что он тоже занят, плюнул и ушел. У него есть жена, на которой он женился в 20-м году, и двое ребят. Жена учится на рабфаке, а он старается окончить Академию и быть руководителем строительства колхозов. Этот тип имеет героическую биографию, но все события его героической жизни так измотали его, что он хочет, по-видимому, тихой семейной пристани, любит жену и девочек и не хочет больше никакой героики и никакой

[373] П.П.Постышев (1887-1939)-большевик с 1904 г. В 1918г. на подпольной работе на Дальнем Востоке, участвовал в создании партизанских отрядов. Позже на партийной работе, в 1930—1933 гг. секретарь ЦК- Репрессирован. Реабилитирован в 1956 г.

войны. А жизнь его - это целый исторический роман. Такие типы встречаются только один раз. Мне очень хочется зайти еще раз к нему и посмотреть, как он живет, и поговорить с ним о борьбе партизан на Дальнем Востоке.

Другой - социально такой же, но более культурный, более хитрый и выдержанный - это бывший унтер-офицер машинной команды крейсер «Аврора», матрос с 1912 г., потом унтер-офицер машинной команды «Авроры», с 1917 г. большевик, участник всех крупнейших событий 1917 г., был передан военному суду за демонстрацию 3-5 июля, активный участник Октября, а теперь заместитель начальника морских сил Республики матрос Курков - фигура, которая тоже встречается только один раз в истории. Теперь он, конечно, подучился, окончил курсы марксизма, умеет молчать, умеет сказать и пишет свои воспоминания. Пишет плохо, я читал их. У него каждое слово история, а он не умеет этого рассказать и описать. Он написал 20 страниц, когда можно написать 200, он говорит одно слово, там, где нужно писать целую главу. Этот тип чрезвычайно интересен. Я обещался помочь ему писать его мемуары и думаю еще с ним встретиться.

Записано 24 октября 1932 г.

Два дня тому назад мне исполнился 41 год. Пятый десяток вступает в свои права и уже седистые волосы начинают пробиваться на моей голове. Я уже теперь не кудрявый мальчик и волосы мои не вьются. Можно уже подводить итоги - основные десятилетия жизни пройдены. Еще лет девять, а там отстукает полстолетия, можно будет сказать, что жизнь прожита. И сейчас она видна, как с горы, с перевала на эту и на другую сторону.

Все ждалось, вот дойдешь до вершины, что-нибудь получится особенное. Дошел до вершины лет, виден сорокалетний путь позади и не видно тех же сорока лет впереди, хотя видно ясно, что случится в ближайшем будущем. ***Я*** помню, как, когда я был мальчиком, все говорили, что из Сережи выйдет что-нибудь особенное и Сережа сам привык ждать, что вот-вот выйдет особенное. А пока ждал особенное - шло настоящее, жил настоящим, пренебрегая им, как проходящим, и ждал особенного как настоящего и вечного. Особенного не случилось, а проходящее случайное оказалось настоящим, и это настоящее, может быть, и особенное, но самое обычное. Жизнь, как жизнь. Рос в мелкобуржуазной семье, социальное неравенство постигали не как систему эксплуатации, а как систему неравенства. Революцию ждали. Прежде всего как равенство, как уничтожение барьеров, как раскрытие путей для индивидуальных талантов. К революции подходили, как мелкобуржуазные бунтари, и как бунтари бунтовали. Читали стихи возвышенные и бегали за собственными горничными. Потом готовились к общественной деятельности и борьбе между классами, сочувствуя одним и ненавидя яркой ненавистью других, тем, кому сочувствовали, те социально не выражали, а тех, кого ненавидели - с теми были связаны культурой. Потом прокатилась волна революций.

Два класса воплотились в нас и вот докатился до пятого десятка. Одинаково могу читать Блока, а теперь начинаю изучать наизусть поэтов РАППа ЛАПа[374]. Люблю стихи с их звучностью. Но ведь любовь к стиху сейчас в эпоху гулкой стройки и колоссальных изменений жизни не есть ли это сублимация от жизни. Думал открыть острова и материками во-

[374] РАПП - российская ассоциация пролетарских писателей, массовая литературная организация (1925—1932 гг.), стремящаяся к административному руководству всеми литературными процессами.

рочать, а всего добился комнаты в 34 кв. метра, груды книг и старого, какого-то захудалого вузика. Так профессор. Из жизни ничего не получилось. А, может быть, это - вот то, что получилось, и есть настоящее. Надо честно читать лекции, готовиться к ним, заслушивать доклады, редактировать. Все это можно делать, но мертвый хватает живого и на моем идеологическом фронте в области истории, с которой я вожусь 20 лет, меня дико, адски проработали. Может быть, сейчас я выдвигаю проработку, как оправдание своей лености. Я мало работаю, а больше размениваюсь. ***Я*** в день хватаюсь за пять работ, поэтому и двигаюсь по пяти дорогам, но двигаюсь карликовыми шажками. Это не дает результатов и, в конце концов, получается у профессора после 20 лет работы три тощих брошюрки по 100 страниц. Меня адски проработали. Все мои книги изруганы и заплеваны. Меня даже теперь не печатают. Это вовсе не оправдание для лени. На самом деле за полтора года, все, что я не напишу, регулярно возвращается обратно. И, что самое скверное и самое страшное - то, что в проработанных книжках и в тех рукописях, что возвращают обратно, всегда находят троцкизм. Я был верен генеральной линии, как верен солдат своему знамени, но почему же из меня на мои страницы проскакивает троцкизм, не как цельная концепция, а как мелкобуржуазные взгляды и настроения - мертвый хватает живого. Вырваться от своего собственного состояния оказывается невозможно.

Иногда меня обуревают адские мысли и мне кажется, что вся моя жизнь была сплошной ошибкой. Нужно было плыть совсем не сюда, не надо было заниматься историей, не надо заниматься наукой, не надо было брать как неоспоримое наследство интеллектуальную работу в обязанности идеологии. Но куда бы мог вырваться мальчишка, выросший в атмосфере гуманитарных наук? Само ремесло профессора

не для моей головы и характера. Ведь не могу же я объяснить свои неудачи ничем иным. Кроме субъективной непригодности, другие объяснения от социального могут повести только к еще большему краху. Они могут привести к тому, к чему привело развитие индустриализма и бунтов мелкой буржуазии. Другие мои сверстники по научной работе - или уничтожены физическим крахом после проработки, вроде Деборина или Фридлянда, или подняли знамя мелкобуржуазного восстания и превратились в диких контрреволюционеров. более злобных и более опасных и консервативных, чем сам Павел Николаевич[373].

Недавно, каких-нибудь десять дней тому назад, был опубликован список исключенных из партии за заговор. Они хотели уничтожить всю коллективизацию деревни, вернуться снова к капитализму, произвести насильственный переворот в ЦК и устранить самого Сталина. А в этой авантюре принимали участие коммунисты. Целая группа людей, которая в последнее десятилетие занимала позиции на идеологическом фронте, выступала с работами и книгами, читала лекции в вузах, занимала партийные должности[17 ft].

[373] Имеется в виду П.Н.Милюков (1859-1943) - историк, лидер кадетов, во Временном правительстве первого состава занимал пост министра иностранных дел. Выпускник историко-филологического факультета Московского университета (1882). После октября 1917 г. участник антибольшевистского движения. С 1919 г. в эмиграции, редактор парижской газеты «Последние новости». Автор многих работ по истории российских революций, развития русской культуры.

[3 o] Видимо, имеется в виду дело М.Н.Рютина (1890—1937) - политического деятеля, большевика с 1914 г. С марта 1924 г. заведующий агитационно-пропагандистским отделом Московского комитета партии, в 1927-1930 гг. - кандидат в члены ЦК ВКП(б), в 1929-1930 гг. заместитель ответственного редактора газеты «Красная звезда». В 1932 г. работал экономистом в «Союзсельхозэлекгро». В 1932 г. подготовил проекты программных документов «Сталин и кризис пролетарской

Записано 9 марта 1933 г.

В нашей жизни сейчас есть ряд интереснейших фактов. Во-первых, построение социализма в сельском хозяйстве - как будто это далеко от истории, но на самом деле, оказывается, от истории до МТС меньше, чем от истории до всякой другой дисциплины.

Сейчас по всей республике проводится мобилизация в политотделы МТС. Нужно создать такой аппарат, который превратил бы сельское хозяйство в действительно последовательно социалистическое. Для этого МТС превращают в основные базы индустриального воздействия на деревню, а для этого вокруг МТС, через МТС организуют и партийно-политическую работу. В сущности, вся работа МТС превращается в партийно-политическую работу. Для руководства этой работой выделяют особых людей. По всей республике мобилизовано сейчас 15.000 человек для работы в качестве начальников политотделов и их заместителей. Аппарат политотделов будет состоять из четырех человек - начальника, заместителя и двух помощников. И вот для того, чтобы подобрать головку МТС, из Москвы снимают людей с самой ответственной работы, подбирают людей, которые действительно или имели в прошлом опыт массовой политической работы или способны к ней.

Из Института ИКП взято огромное количество, даже из наших историков из 200 чел. — уже человек 40 отправлено.

диктатуры» и обращение «Ко всем членам ВКП(б)» от имени «Союза марксистов-ленинцев». Документы «Союза» возлагали ответственность за тяжелое положение страны на Сталина, который характеризовался как «великий агент, провокатор, разрушитель партии» и «могильщик революции в России». В сентябре 1932 г. был арестован, расстрелян в январе 1937 г. Реабилитирован в декабре 1988 г.

Отправили действительно самых лучших, крепких, хороших партийцев-рабочих. У меня взят весь семинар. Люди Г *Уг* месяца пробыли сейчас в научной командировке, собрали материал, привезли исключительной ценности документы, которых до сих пор никто не трогал и не поднимал. И вместо того, чтобы писать и заканчивать начатую работу, — они должны превратиться в агрономов, аграрников, политработников. Их рассылают по всем концам нашей страны. Они поедут под Никольско-Уссурийск, в какие-то корейские совхозы, другие в Хакасию, к границам Винницкой области, в Баталпашинск. Едут не на день или два, а на два-три года минимум. Поедут уже сложившиеся люди, в среднем им приближается к половине четвертого десятка, т.е. люди, которые с перерывом в три года, с трудом, если и хватит у них сил, смогут вернуться к научной работе. Эта мобилизация наносит сильнейший удар прежде всего нашему идеологическому фронту. Воспроизводство новых научных сил на несколько лет почти замедляется, если не совсем прекращается. То, что осталось у меня в семинаре, для научной исследовательской работы не годится: это или истеричные женщины, или бездарь.

Мобилизованные внешне держат себя отлично. Но каждый из них понимает, что эта мобилизация означает для него необходимость распрощаться с той дорогой, на которую он уже вступил после упорной борьбы. Это, несомненно, огромный героизм, так круто и так бесповоротно повернуть свою жизнь. Огромный героизм со стороны партии, которая может выбросить 15.000 человек, повернуть их на новую дорогу и на новую работу. Ясно, что часть из них осядет, а большая часть приспособится. Работа трудная, сложная, в ней масса мелочей и масса нового, неизвестного, но физически она все же не опасна. И, если люди сумеют правильно политически повести себя, сумеют проявить достаточно энергии и инициативы, - они суме-

ют и двинуть вперед социализм в нашей стране и во всем мире. Они составят в будущем основные кадры партии, поднявшие на своих плечах и своих руках стены нового общества.

Но сейчас, отвлекаясь от дальнейших перспектив, все же такой крутой поворот для них тяжел, и если внешне они и сдерживаются, то многим все же грустно. У меня есть один - Баранов, мордвин, он был солдатом, работал на строительстве Амурской дороги и только после революции он стал грамотным, стал учиться, написал ряд популярных книг для своей мордвы, а теперь его отправляют в совхоз. Этому человеку нужно было иметь колоссальную силу воли, чтобы пробить себе дорогу до Института красной профессуры и идти там нога в ногу с более молодыми и гораздо лучше подготовленными. Теперь он едет в совхоз и уже разговаривает о тракторе, о сельском хозяйстве, которое он хорошо знает, так как сам вырос в деревне. Но ведь ясно, что через три года вновь вернуться к научной работе, начать готовиться к научной карьере — он не сможет, он физически не сможет этого сделать, если даже у него и хватит силы воли опять вернуться к этой работе. А он ничего, посмеивается, хотя и говорит мне, что не все, кто делает радостное лицо, на самом деле рады. Нужно, говорит, слушать не отношение мужей к этой мобилизации, а отношение их жен... Другие грустят: семья большая и жалко тащить маленьких детей в далекую деревенскую глушь. У третьего на этой мобилизации создается семейный разрыв - жена, женщина-врач, не едет в деревню, где по ее специальности ей нечего делать. И все же люди едут и едут с уверенностью, что так нужно, с желанием делать там, как можно больше и как можно лучше. Один писал работу о Брестском мире, а сейчас его отправляют в область немцев Поволжья начальником МТС. Справлюсь ли, говорит, с таким быстрым переключением от истории внешней политики до МТС области немцев Поволжья?

Несомненно, об этих людях в будущем будут цисать В романах и интересно показывать их такими, какими они есть - самые простые, не дураки выпить, не жалеющие о том, что приходится бросать научную работу, и смело едущие в далекий Уссурийский край или деревни ЦЧО для строительства социализма.

Другое крупное событие — это целый ряд заговоров, в связи с ними арестов внутри нашей партии. Тут есть и аресты шпионов, причем шпионов, которые занимали посты на правительственной лестнице. Тут есть и аресты целых правых организаций. Классовая борьба, идущая вокруг нашей страны и внутри нашей страны, с необыкновенной силой отражается на внутренних настроениях и колебаниях целых слоев нашей партии. Монополия на власть, не политическое руководство и политические мысли приводят к тому, что скрещивается обычно на фронте внешней партийной борьбы между партиями — оно теперь выявляется внутри нашей партии, в борьбе отдельных слоев. Эта борьба поднимается на кульминационных моментах. Сейчас вырываются с корнем все звенья правых организаций и троцкизма.

У нас в Институте арестован Астров[1]" - этот знаменитый птенец бухаринской школы. Сын станового пристава Смоленской губернии, он вместе со своей бухаринской плеядой одно время заполнял советскую печать, потом был выброшен в провинцию, потом вернулся в Москву в Институт истории. Здесь в течение года молчал, как убитый, умудряясь не выступать ни по политическим, ни по научным вопросам, и оказался органи-

[31]' **В**.Астров — представитель школы Бухарина. Был репрессирован, вернулся в Москву в 1950-е годы, стал автором исторических романов: Круча. М., 1969; Огни впереди. М., 1967. В 1924 -1928 **гг.** Астров и Слепков руководили журналом «Большевик», затем работали в «Правде». См. также: *Астров В., Слепков А.* Социал-демократия и революция. М.; JL, 1928.

затором правой группы Слепкова и Рютина. Конференция правых была у него на квартире. При первых арестах его не поймали. Но через полгода товарищи стали разоблачать себя и рассказали о роли Астрова. Арестованы и другие. Все они ставили перед собой задачу добиться перегруппировки Политбюро, отказ от коллективизации, возвращение к первым дням НЭПа и, как одно из средств, — совершение террористического акта против генсека. Эта программа - ясно программа реставрационной буржуазии и эту программу разделял не один десяток членов партии. У них была своя конференция, были свои организации в Москве. И эта группа связана со старейшими вождями Центрального Комитета - Бухариным и Рыковым.

Наряду с этим авангардом «Последних новостей» в партии открыли шпионские и вредительские группы, во главе которых тоже стояли коммунисты, члены Правительства. Один из руководителей Наркомзема Конар в партии был не один год, занимал ответственнейшие посты и в то же самое время оказался польским шпионом. Шпионаж, должен сказать, буржуазия умеет ставить образцово. Рассказывают не то анекдот, не то правду, что у самого генерального секретаря Коминтерна Коларова в один прекрасный день скрылась жена, с которой он уже жил лет десять. А оказалось, что жена то эта была контрразведчицей и попросту экстренно эвакуировалась за границу.

Замечательнейшим политическим событием был колхозный съезд. Я очень жалею, что не попал на него. Вообще я теперь опустился. Моя ли вина или вина других каких обстоятельств, но факт остается фактом. А, между тем, этот съезд имеет огромнейшее политическое значение. Его интересно противопоставить крестьянскому съезду 1917 г. Теперь крестьянства нет, вместо крестьян есть колхозники, есть рабочие машинотракторных станций, есть совершенно новый социальный тип. И вот этих людей, ведущих деревню, превращающих ее в

новую, и собрали на съезде. Я видел только, как по Тверской шли довольно большие колонны депутатов. Все они, по-видимому, жили в общежитии и Москвы не знали и вот со съезда их вели колоннами. Впереди шел знаменосец с буквами «ЦЧО», а за ним шла группа в простых пальто, в азямах, тети какие-то курносые с замотанными в платки головами - одним словом, типичные деревенские лица, по большой части молодежь, но кое-где мелькали старики, шли коллективизированные колхозные деревни. Жалко, что я не попал на этот съезд.

Несколько последних месяцев работал в ГУСе в исторической секции. Руководит нами замнаркомроса тов. Келлерог. Это довольно молодой шустрый парень, который набрал лекций во всех вузах и в то же время умудрялся целый день торчать в Наркомпросе. У него хорошее партийное чутье, он не плохой массовик, отлично чувствует, о чем идет речь, к чему клонится вопрос, быстро находит выход из положения. Сейчас его снимают и отправляют в Харьков культпропом.

В ГУСе собирались в исторической секции частью обломки старых поколений, частью несколько коммунистов. Попала туда уже и молодежь, ученые новых формаций. Там встречал я Бронштейна, кончившего у нас РАНИОН, Мишулина, а наряду с ним ряд стариков, остатков далекого прошлого - Сыроечковского, например, принимавшего участие во всех московских предприятиях еще в Вольном Экономическом Обществе и в редакции «Голоса минувшего» и умудрившегося долезть до советской власти; еще более древнего Васютинского - тоже прошедшего все этапы, какие прошла русская интеллигенция на своем пути.

Я не знаю, к какому поколению себя мне причислить - хронологически к людям среднего возраста. Таких как я там

был Удальцов' [8]. Создавалась как будто обстановка для работы. Но теперь все приостановится с мобилизацией руководителя секции. Наработали пока что мало, сочинили несколько программ. Были, правда, грандиозные перспективы. Собрались весной созвать конференцию учителей. Собирались... мало ли, что собирались... А теперь, пожалуй, Келлерог, уехав в Харьков, размахнется и потребует опять к осени, чтобы я туда ездил, если не совсем переехал ввиду нового курса украинской культуры.

Неприятного у меня сейчас достаточно. Самая большая неприятность от самой жизни, от ее обывательского характера, оттого, что прошли года, как вода, проскользнувшая между пальцев. А в результате проработок я очутился, как рыба, выброшенная на мель. Превратиться в сухопутное животное не могу, а в воду тоже уже не пускают.

Лекционная работа в этом году у меня идет хорошо, но, правда, я к лекциям все же готовлюсь. Вообще педагогика не плохо, даже вообще можно сказать, что мое положение в педагогической области твердо. Но оно без перспектив, политически оно ничего не дает. Я, как старый генерал, начинаю собирать коллекцию, собираю иллюстративные книги, выходящие в республике, накупил их уже целый шкаф. Это, правда, лучше, чем собирать марки или перья, но все же такое кол-

[378] А.В.Мишулин (1901-1948) - историк античности, в 1929 г. аспирант РАНИОН, с 1934 г. профессор МГУ, зав. сектором древней истории АН СССР (1938), ректор Академии общественных наук (1946-1948); В.Е.Сыроечковский (1880-1942) - выпускник историко-филологического факультета МГУ (1905), сотрудник журнала «Голос минувшего» (1915), в 1920-1930-е годы на преподавательской и научной работе в Москве; А.Д.Удальцов (1883-1958) - выпускник историко-филологического факультета Московского университета (1913), в 1925—1935 гг. - сотрудник РАНИОН и Коммунистической академии, в 1946-1950 гг. - зав. кафедрой АОН при ЦК ВКП(б).

лекционерство — это от недостаточного участия в общественной жизни и политической работы.

Неприятность — собственно не неприятность, а так мелкая путаница. Пришивают мне сейчас совершенно мне не нужное дело. Лет девять тому назад или восемь минимум, дал я Женькиному мужу (сестры моей) рекомендацию или заверил ему автобиографию. Теперь раскопали, что этот парень в санитарную часть белой армии поступил добровольцем - и вот пришивают мне на хвост, что будто бы я укрывал белогвардейца-добровольца. О том, что он поступил в белую армию добровольно, избегая мобилизации, а не по мобилизации, я не знал. Вообще парень из типа чудаков Художественного театра. Всяким газетным сообщениям верит на слово, работает как вол. Проработал 9 лет на одном месте и ни одного плохого замечания не имел. И, вместе с тем, и вместо того, чтобы дать работать человеку, его сняли, как скрывшего свое прошлое.

Закулисная сторона здесь в том, что ему предложили работать сексотом. Он отказался, тогда ОПТУ его сняло с работы. Он ходил, жаловался к Ярославскому, писал письмо Сталину, подавал заявление в ОГПУ. Ему все сочувствовали, дело разобрали, заявили, что никто против него ничего не имеет, а с работы все же сняли, как скрывшего свое происхождение. Само по себе это дело очень интересное. Конечно, каждый советский гражданин, если он только действительно советский, в обстановке нашей классовой борьбы должен помогать и защищать советскую власть, а, тем самым, и должен помигать ОГПУ. С другой стороны, имеет ли право гражданин сам выбирать себе области работы или его могут на любую работу мобилизовать, помимо его желания? В общем, конечно, если бы было, кому за этого парня заступиться, — дело было бы ликвидировано в одну минуту. Но так как заступиться то некому, — то дело тянется и не только тянется, но и путается. И вот

его раздувают, пришивают на хвост мне, якобы я укрывал белогвардейца. МГСПС написал в МК. МК в РК, РК сообщил в ячейку ИКП, меня же вызвали и допрашивали в ячейке, дело будет стоять на Бюро. И скучно и грустно - вот пробыв 14 лет в партии и никогда не быв в оппозиции, а, наоборот, всегда защищая генеральную линию, - получить выговор за сокрытие классового врага... Действительно...

Записано 22 июля 1933 г.

На днях был в Кашире, а вчера приехал из Наро-Фоминска. И тут, и там делал доклады по истории аграрной программы нашей партии.

Кашира — это детище революции. Здесь уже после революции построена крупнейшая в Союзе электрическая станция, построен замечательный рабочий городок с огромными каменными корпусами, отдельными квартирами и комнатами для рабочих. Огромные в два света залы фабрики, фабрика-кухня, отдельные каменные дома, в которых помещаются кино и клуб, физкультурный зал, библиотеки, кружки. Библиотекой пользуется несколько тысяч человек — постоянный круг читателей. Молодежь читает главным образом беллетристику. При библиотеке специальный читальный зал. Имеется театр, оборудованный вращающейся сценой, кино, в фойе лозунги и плакаты. Все это ново, довольно чисто, крепко и хорошо сделано.

Точно также такое же каменное здание с двумя аудиториями, одна из которых на 1 ½ тысячи человек с физкультурной залой и комнатами для кружков и партийного комитета, где на столах лежат все газеты, — имеется и в Наро-Фоминске. И в Наро-Фоминске, в этом старом текстильном районе, стоят огромные 4-х и 5-тиэтажные каменные корпуса — квартиры рабочих. А кругом зелень, липовые аллеи. И только в старом На-

ро-Фоминске остались отдельные домики — дачи рабочей буржуазии. Огромные дома из красного кирпича. Все это новб.

В Кашире прекрасно питаются, хорошо кормят рабочих. На докладе присутствовало человек 100, но к концу доклада публика подобралась. Часов в 11, после моего доклада выступал клоун и должен был показывать дрессированных медведей. Доклад слушали хорошо, никто не уходил и с напряженным вниманием. Публика, главным образом молодежь и актив Каширской организации, инженеры, монтеры и партийные функционеры. Вопросы задавали иногда с пошибом на теоретичность, а иногда вопросы свидетельствовали о том, что у вопрошавшего не все четко и не все твердо в смысле партийной линии. Один, например, так и заявил, что на ликвидацию кулака пошли только потому, что эту мысль выдвинул Троцкий. Троцкистские настроеньица, по-видимому, есть в каширской организации. Хотя в большинстве своем это здоровая большевистская организация. В Кашире она организована потому, что в самом городе уже ничего не осталось - одни железнодорожники, да и то узел небольшой. Великолепная природа. Кругом Каширские электростанции, серебриста гладь Оки. За Окой луга, леса, все это залито солнцем, воздухом. Московского шума совсем не слышно, непривычная для уха тишина и только тяжело дышит электростанция...

В Наро-Фоминске на собрании было еще меньше - всего человек 30. Это был цвет местного актива, представители райсовета, заведующий ФЗУ, штатный пропагандист, были и рабочие-партийцы с производства. Здесь я попал с докладом в неудачные дни, - фабрика на месяц была в отпуску и только сегодня текстили в первый раз встали на работу. В районе идет чистка, сенокос. Рабочие разбрелись кто куда. Молодежь, конечно, под вечер стремится больше под липы Парка культуры и отдыха, чем на

доклад. В Наро-Фоминске также имеется Парк культуры и отдыха, где есть буфет, читальня, открытая сцена, кино.

Эти города новое творчество диктатуры пролетариата. Народ кругом хорошо одет, много молодежи. В Наро-Фоминске, правда, на улице и валялись двое пьяных, но валялись они в той части города, которая осталась еще по своему быту в рамках дореволюционных. А как перейдешь через мост и подходишь к фабричным корпусам рабочих жилищ, кругом уже все новое, масса детей, чисто одетая публика, новые дома, ворота завода облеплены лозунгами, изречениями и плакатами. Они представляют собой какую-то торжественную арену. За решеткой вокруг фабрики видны толпы рабочих. Очень много времени тратится на поездки в эти районы. Да и тратится то это время напрасно. Пять часов езды туда и обратно ничего не дают. Едут масса окрестных колхозников и колхозниц, везут из Москвы хлеб — в Москву везли молоко, цветы, а из Москвы везут огромные мешки с хлебом. Ни хлеба, ни сахара на местах не дают - рабочих снабжают, а семьи нет, потому в семьях у рабочих и у нерабочих элементов большая нехватка во всех продуктах. Разговоры в дороге самые обывательские, кто за чем ездил, чем торговал, как искали в Москве хлеб и сахар, что купили. Дорога ничего интересного не дает. МК проводит эти доклады, таким образом, почти каждую декаду. Доклад посещают из 600 чел. организации человек 100-150, т.е. не менее 1/10 приходят поучиться и послушать докладчика. Но слушают без записи, без проработки, едва ли от такой беседы много остается.

Много времени в эти полгода съел у меня Наркомпрос. Я сочинил все программы по русской истории, принятые сейчас Наркомпросом, провел учебник по русской истории, вы-

ступал несколько раз на комиссии Бубнова"[9] в коллегии Наркомпроса. Странное впечатление производит работа руководящих органов Наркомпроса. Они принуждены доверяться тому, что им докладывают прорабатывающие вопрос комиссии. Проводил программу учебника, решала Коллегия и Бубнов. У меня впечатление, что из членов Коллегии никто не читал этой рукописи, не читал и сам Бубнов, который обязан был утверждать стабильный учебник. Утверждают, исходя из доверия к докладчику, оценивая подобранный докладчиком и его оппонентами материал. Еще более странное впечатление произвело на меня утверждение программы. В Коллегии, видимо, кое-кто из членов читал программу, были замечания у Кржижановско-[180] го , выступал Колотилов, остальные выжидательно молчали, очень много говорил сам Бубнов. Он тоже пробежал программу, не прочитавши ее как следует. Обсуждение замечаний на Коллегии носило странный характер придирок к той или другой формулировке, к случайным выражениям, к датам. Также проходило утверждение окончательно этой программы и в комиссии у Бубнова. Пришлось ходить два раза. Один раз комиссия не состоялась только потому, что не понравилось название истории, как идеологии, а другой раз Бубнов моментально утвердил программу, спросив, читали ли мы ее внимательно. Что меня странно поразило в работе Бубнова - это его дикий визг, орет на своих секретарей, прямо невероятно. Правда, и секретари делают глупости, например, один заявил, что мате-

[379] А.С.Бубнов (1883-1938) - с 1924 г. член ЦК, в 1924-1929 гг. начальник политуправления Красной Армии, с 1929 г. нарком просвещения РСФСР. Арестован в 1937 г. Расстрелян 1 августа 1938 г. Реабилитирован в 1956 г.

[380] Г.М.Кржижановский (1872-1959) - член ЦК РКП(б) - ВКП(б) в 1924-1935 гг., в 1929-1939 гг. вице-президент АН СССР, в 1932-1936 гг. - председатель Комитета по высшему техническому образованию при ЦИК СССР и заместитель наркома просвещения РСФСР.

риал по программе он оставил дома, а Бубнов тут же развернул на столе папку и показал, что как он оставил этот материал 10 дней тому назад, так он и лежит, следовательно, секретари, по его мнению, ничего не делают и не просматривают материала после того, как он его прорабатывает, а по этому поводу страшный крик. Другой раз кричал на секретаря за отсутствие стенографистки. Покричать любит. И в то же время, говорят, что в Наркомпросе он сидит целыми днями. Но, по-видимому, ему трудновато в Наркомпросе. Тут нужно не просто быть партийцем, а иметь и широкое теоретическое образование, а такого-то теоретического образования у Бубнова и не хватает.

В эти полгода я пробовал опять выйти на литературную работу. Нужно сказать, ужасно это трудно. У нас получилась монополия на издания за двумя издательствами для истории, за двумя женщинами, заведующими историческими отделами этих издательств и проникнуть в печать становится почти невозможно. Например, дали клич из ЦК издавать монографии и на этом основании издательства не хотят издавать документы. Я ходил по коридорам 4-го этажа, разговаривал с ребятами, окончившими историко-партийный Институт и поэтому ставшими историками. Они заведуют историческими журналами, заведуют издательскими отделами Культпропа, но технически совершенно не знают, что такое значит издавать документы и не придают этому особого значения. Предлагаю я им издать материал о Кронштадте, а они спрашивают, что это такое будет, хрестоматия или исследовательская работа, не понимают, что это издание тома документов. Так и не удалось устроить уже готовые к печати документы, и приходится их держать до лучших времен.

С литературой тоже — написал статью. Началась драка. А основные мысли этой статьи сейчас уже напечатаны Томсинским в издании Академии наук. Значит, то, что я высказывал

первый, эти мысли уже сорваны и их не удалось протащить в печать только потому, что кругом сидят безграмотные, боятся и не верят.

Идет чистка, осенью будут чистить и ИКП. Кажется, уже третий раз мне приходится рассказывать свою автобиографию, говоря высоким стилем, прошлое и настоящее, историю свою собственную от детских лет и до сегодняшнего дня.

Делал доклад в ячейке ИКП о чистке, указывая на ее огромное значение с точки зрения привлечения к строительству социализма непосредственно всех трудящихся масс, с точки зрения освещения этого строительства перед массами, с точки зрения показа массам, как партия на практике строит социализм и руководит классовыми боями. Пока что читаю статьи о чистке. Правда, в газетах о ней пишут немного. Пишут спокойно, почти не делая информаций о ходе чистки внутри отдельных ячеек. Страшно жалею, что пропустил чистку Томского в ячейке Соцэгиза. Это само по себе исключительное явление - один из старейших членов партии, многолетний член ЦК. фактически в течение десятка лет руководитель профдвижения, проходил чистку, интересна сама биография, интересна сама личность, и я оказался ужасной шляпой, что не пошел на эту чистку. Нужно будет не пропустить чистку других, поскольку, если была чистка Томского, то, наверное, должна быть чистка Бухарина и Рыкова. Эти чистки интереснейшие события, которые следует описать и записать.

Судя по газетам, чистка идет довольно сурово, по крайней мере, 3 партийные организации в процессе чистки терпят те или другие изменения в виде исключения из партии, в виде ли переводов в кандидаты и в сочувствующие. Наверное, кроме этой 1/3 еще немалый процент, получивший по чистке разнообразные взыскания.

Учебный год в вузах закончился, закончился как всегда благополучно и хорошо. В вузах дело идет отлично. В ИКП оно шло бы отлично, если бы те группы, с которыми я занимался в целом, остались. Но все они теперь начальники политотделов МТС, рассеянные по всей стране. Один недавно приезжал и выступал с докладом о своей работе в донецких степях. Интересная работа. Она захватила большое организационное дело, непосредственная классовая борьба со всеми теми элементами и в тех формах, о которых нам приходится читать только в художественной литературе, но, конечно, в таких условиях ему не до учения. Эта мобилизация сильно сократила воспроизводство научных кадров и надолго превратила в отдельных монополистов те небольшие группы, которые остались сейчас на научном фронте.

Много времени в эти полгода отняло у меня кино. Связался я, по существу, с глупейшей работой — это редактирование диапозитивной серии по истории гражданской войны. Я думаю, что дальше первого тома я уже не пойду. Смысла нет — отнимает работа очень много времени, а эффект, фактически, очень небольшой. Забавны только люди, которые собраны вокруг этого. Это по преимуществу потерпевшие жизненное кораблекрушение, неудачные артисты, люди без определенных занятий, дикие халтурщики, занимающиеся погоней за рублем, они всегда прилично одеты, умеют себя держать тактично и ловко, но до ужаса беспринципны, торгуют и покупают все, что угодно. Среди них попадаются бывшие офицеры, командиры каких-то белых частей, бывшие спекулянты, просто забитые люди, типичные биржевые зайцы, которые за неимением валютного рынка занимаются тем, что снабжают неповоротливую советскую культуру аппаратными фабрикантами в виде диапозитивов. Неудачные художники, одним словом, самоуважающая себя российская интеллигенция.

Недавно читач несколько лекций на курсах ОГПУ. В этом почетном учреждении имеются собственные школы, но в" этих школах командному составу преподают наряду с разнообразными военными и политическими приемами и историю. Я прочитал 8 лекций преподавателям этих школ, специалистам-историкам, неплохие ребята и хорошо подкованы. Все они уже в прошлом кончили комвуз, ведут по несколько лет преподавание, имеют фактический багаж и начитаны в области общеобразовательной партийной литературы. Меня поразила не столько сама аудитория, сколько сравнительное богатство обстановки. Если сравнивать эти аудитории с тем, что мы имеем в ИКП, то в ИКП мы нищие сравнительно с тем, как обставлена эта школа по переподготовке преподавательского персонала в ОГПУ. Помещалась она в Покровских казармах, бывшем пристанище царской пехоты. Теперь все переоборудовано: полы покрыты линолеумом, широкие коридоры, необыкновенная чистота. Комнаты, в которых раньше помещались целые роты, теперь превращены в просторные, светлые аудитории, повсюду мебель отделана под карельскую березу, масса книг, много света, огромные лекционные залы с электрическим освещением в матовых лампах. Огромные комнаты для буфета, специальная комната тихая и удобная с мягкой мебелью для преподавателей. Замечательная дисциплина. При входе аудитория встает, во время лекции не разговаривают, не опаздывают и не уходят, после лекций задают вопросы, свидетельствующие о хорошей продуманности и о хорошей подготовке. Забавное учреждение - у него есть все: и прекрасные аудитории, и прекрасно подобранный в них людской состав, отлично приспособленный и вооруженный для политической борьбы.

Сейчас в Москве открыты 4 выставки, посвященные 15-летию Октября и Красной Армии. Я видел пока три из них. Самая замечательная - это выставка Красной Армии.

Она производит неизгладимое впечатление, ее мало посмотреть один раз. На этой вставке дана интереснейшая скульптура, монументы героической борьбы нашей партии и пролетариата. Здесь есть ряд замечательных исторических картин об основных событиях истории - Поезд Ленина, Второй Съезд Советов изображены широкой кистью талантливых художников. Замечательно, не помню, кто нарисовал, целая галерея типов партизан. Исключительно исполнены портреты безыменных героев со всех концов нашей страны. Они дают целую вереницу законченных суровых типов, хранящих в своих чертах суровость и непримиримость классовой борьбы. На выставке столько картин, что устаешь их смотреть, и если первые картины воспринимаешь с неослабленным вниманием, то потом уже начинаешь уставать от этой бесчисленной вереницы монументов, красных героев, боев, лиц кровавых атак, страданий героев и поверженных в прах друзей. Но все же выставка Красной Армии представляет собой несомненное историческое событие не только в области искусства, нашей страны, но и в области культурной работы. Она показывает единство и плановость этой культурной работы, она показывает, что в стране диктатуры пролетариата в руках партии пролетариата само искусство превращается в одно из могучих орудий, с помощью которого класс мобилизует свои силы на борьбу с врагом.

23 марта 1934 г.

20 марта неожиданно утром от имени наркома просвещения Бубнова меня вызвали на заседание Политбюро. Сказали, что вызывают 12 человек, не указавши кого. Сказали адрес - Кремль, Троицкие ворота. В 2 часа пришел к Троицким воротам, но в Бюро пропусков оказалось, что ничего об

этом не знают, да и пропусков в здание Совнаркома из Троицких ворот не дают, а дают их у Никольских ворот. Прождал минут 10, подъехал Вихрев, подошел еще кто-то, опять пошли требовать пропуска. Выяснили точно, что получить пропуска можно только у Никольских ворот. Добрались до Никольских ворот, народу прибавилось. Когда подошли к окну выдачи пропусков, при нас по телефону стали диктовать списки с указанием 12 человек. Наконец, выдали пропуска.

На заседание Политбюро попали - я, Ванаг, Козлов, Вихрев — четыре коммуниста, остальные беспартийные - Васютинский, Гуковский, Трахтенберг, Ефимов, автор учебника для средней школы, Фохт и еще человек неизвестной мне фамилии. Таким образом, набралось 10 человек, должны были быть еще Лукин и Панкратова но их налицо не оказалось.

В здании бывших судебных установлений прошли по длинному коридору и долго ждали в одной из комнат перед входом в зал заседаний Политбюро. Здесь в этой комнате ждали ряд товарищей в форме с орденами «Красного знамени», ряд товарищей в штатском, мелькали известные по газетам фамилии - Фигатнер[382], Осьмов. Тут же в комнате поме-

[381] М.А.Гуковский (1898-1971) - историк итальянского Возрождения, профессор Ленинградского университета; О.В.Трахтенберг (1889-1959) - историк средневековой философии эпохи Возрождения, в 1920-1930-х годах преподаватель московских вузов; А.В.Ефимов (1896-1971) - в 1920-е годы сотрудник РАНИОН, специалист по новой истории России и Запада, США; А.М.Панкратова (1897—1957) — выпускница Института красной профессуры, с 1929 г. руководитель секции по истории пролетариата СССР в Институте истории Коммунистической академии.

[382] Ю.П.Фигатнер (1889-1937) - в 1929-1930 гг. один из руководителей чистки работников госаппарата, организаторов «академического дела». В то время он был членом ВЦИК и коллегии Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции.

щался столик с двумя представителями ГПУ и телефон непосредственно из зала заседаний. Потом из этой комнаты нас позвали в другую, которая находилась прямо за входом в комнату заседаний Политбюро. Здесь за столом сидели две канцеляристки, тоже стоял караул и у длинной стены были расположены 5 или 6 телефонных будок. Проходили из зала заседаний к телефону Андреев в форме железнодорожного ведомства, Криницкий просто в форменной одежде, выходил в штатском Яковлев, через комнату проходили члены партийного и советского контроля.

Наконец, нас вызвали. Мы вошло в зал заседаний гуськом. Это большая комната, светлая, устланная коврами, шагов не слышно. Посредине комнаты идет стол, а перпендикулярно к нему расположены три длинных стола, за которыми по бокам сидят присутствующие. Всего комнате было человек 100. Председательствовал Молотов, доклад об учебниках делал Бубнов. Сталин сидел за перпендикулярным столом в середине, визави к нему сидел Ворошилов, а сзади Сталина Каганович. Около Кагановича вертелся Рабичев[,хз], по-видимому, указывал ему, кто вошел в комнату и сообщал краткие биографические данные о нас. Сталин все время вставал, курил трубку и прохаживался между столами, подавая то и дело реплики на доклад Бубнова. Бубнов сделал отвратительнейший доклад. Стиснутый временем, он весь центр своего доклада сосредоточил на учебнике Никольского[384]. В конце концов,

[383] Н.Н.Рабичев (Зайденшнер. 1898-1938) - сотрудник аппарата ЦК, в 1932-1934 гг. зам. зав. отдела культуры и пропаганды ЦК, с 1934 г. зав. Партиздатом. В 1937 г. первый зам. председателя Всесоюзного комитета по делам искусств. Закончил самоубийством.

[384] Н.М.Никольский (1877—1959) - востоковед, историк религии, академик АН БССР (1931), в 1920-1953 гг. — профессор Белорусского

Сталин прервал его и спросил, поддерживает ли он свое предложение, которое было на руках у членов Политбюро в письменном виде. Бубнов сказал - поддерживаю, и что оно исходит из того, что говорил Сталин на прошлых заседаниях.

На помощь Бубнову выступила Крупская и стала доказывать, что к концу второй пятилетки у нас исчезнет разница между физическим и умственным трудом. Пока говорили Бубнов и Крупская в комнате стоял шум, присутствующие разговаривали между собой, обменивались впечатлениями и глядели на нас, как на выставку, приведенных из зоологического сада зверей.

После Крупской сейчас же взял слово Сталин. Как только начал говорить Сталин, сидевшие на конце зала встали и подошли ближе, таким образом, вокруг Сталина образовался полукруг, сидели только ближайшие за столом, остальные стояли полукругом и с напряженным вниманием слушали. На лицах было глубочайшее внимание и полное благоговение. Сталин говорил очень тихо. В руках он держал все учебники для средней школы, говорил с небольшим акцентом, ударяя рукой по учебнику, заявил: «учебники эти никуда не годятся»... Что говорит, это такое «эпоха феодализма», «эпоха промышленного капитализма», «эпоха формаций» - все эпохи и нет фактов, нет событий, нет людей, нет конкретных сведений, ни имен, ни названий, ни самого содержания. Это никуда не годится. То, что учебники никуда не годятся, Сталин повторил несколько раз. Нам, сказал Сталин, нужны другие учебники, с фактами и событиями и именами. История должна быть историей. Нужны учебники Древнего мира, средних веков, нового времени, история СССР, история колониальных и угнетенных

университета в Минске, в 1937-1953 гг. - директор института истО' рии АН БССР. Один из авторов учебника по истории Древнего мира.

народов. Бубнов сказал: может быть, не СССР, а история народов России. Сталин говорит - нет, история СССР, русский народ в прошлом собирал другие народы, к такому же собирательству он приступил и сейчас. Дальше, между прочим, он сказал, что схема Покровского не марксистская схема и вся беда пошла от времен влияния Покровского. Переведите, говорит, учебники с французского или немецкого языков, переделайте их соответственно нашим требованиям, возьмите учебник Виппера[385]. У Милюкова больше фактов, чем у вас. Переведите на русский язык учебники Древнего мира Вебера или Шлоссера. Дадим для этого бумагу.

Между прочим, полемизируя с Крупской, Сталин высказал интересную мысль, что в течение второй пятилетки не исчезнет разница между физическим и умственным трудом. Мы, говорит, страна нищая, малокультурная, нам нужно воспроизводить квалифицированную рабочую силу, а это есть производство противоположности между физическим и умственным трудом. Только когда мы создадим достаточное потребное нам количество рабочей силы, тем самым, будет уничтожена и противоположность между физическим и умственным трудом. Потом он сказал, у меня есть парень 10 лет, он пришел ко мне недавно и говорит, что он проработал Маркса, что за безобразие делается в школе. Раньше мы к Марксу с благоговением приступали, а теперь 10-летний мальчик уже проработал Маркса. После этого Сталин перешел к критике самого расположения школы по годам. Нужно, говорит он, ввести не года, а классы. Дальше он потребовал установить строгую разницу между высшей, средней и низшей школой, так как в ближайшие годы сохраняться люди, которые не

[385] Р.Ю.Виппер (1859-1954)- историк, академик АН СССР (1943), профессор МГУ (1897-1922, 1941-1950), Латвийского университета в Риге (1924-1941).

пройдут всего цикла школ. По вопросу об учебниках он отверг все предложения Бубнова, даже не рассматривал. Относительно бригад он заявил, что бригад не нужно, т.к. у нас мало культурных людей и мало сил. Параллельных книг не нужно, параллельные книги могут быть в высшей школе, а в средней и начальной должна быть одна. Сталину подавал реплики председательствующий Молотов, остальные все только с интересом слушали и одобрительно кивали головой.

Сталин предложил восстановить в университете исторический факультет. После этого Молотов предложил высказаться товарищам историкам. Первым выступил беспартийный Васютинский. Его седая борода произвела впечатление на присутствующих. Интересная деталь - когда мы вошли и встали около стены, Стецкий, сидевший близко к нам в крайнем ряду, встал и предложил свое место Васютинскому - политический жест - беспартийного пригласили на заседание Политбюро и беспартийного любезно встретили. После Васютинского выступала бывшая с нами жительница Фохт, которая что-то пролепетала о том, что не нужно забывать учителей, и, наконец, Ванаг. После этого мы ушли с заседания Политбюро. Вихрев оставался еще, так как после нас обсуждали учебники по географии. Он мне рассказывал, что при обсуждении Сталин совершенно вышел из себя и сказал Бубнову - нам театральных наркомов не нужно, ты занимаешься театром и не занимаешься тем, чем ты должен заниматься...

Впечатление от положения Бубнова на Политбюро получается крайне печальное. Такого рыкающего грома, с которым он обращается в Наркомпросе к присутствующим, нет, а в то же самое время человек не может поставить ни одного положения на высокий теоретический и политический базис. Получается какая-то мокрая курица, которая очень жалко возражает тов. Сталину, причем и

возражать-то председательствующий Молотов не дает, так как он быстро голосует и проводит решения. Смысл события, конечно, огромен. То, что беспартийных пригласили на политбюро, то, что беспартийным дали высказаться - это определенное политическое выступление, имеющее крупное общественное значение. И на этом фоне совершенно неожиданно вырастает как политическая фигура Васютинский, человек абсолютно не имеющий ни научного значения, ни имени, никогда не игравший политической роли, старый популяризатор и старый учитель из Общества распространения технических знаний, на этом фоне вырастает фигура Гуковского, пройдохи из пройдох, чуть ли не брата какого-то бывшего Крымского министра эпохи Врангеля, халтурщика и жулика, каких мало.

22 марта нас опять вызвали к Бубнову. После получения бани в Политбюро Бубнов, по-видимому, решил заняться учебниками и переложить свои неудачи на наши головы. На этом собрании присутствовало человек 10, был Бубнов, Эпштейн и Алексинский. Бубнов то орал, то говорил мирно, требуя добиться ответа на то, что можно ли делить историю на древнюю, среднюю и новую и вообще, как разрешить проблему периодизации, выступать пришлось всем. Причем во время выступления Токина, который в прошлом где-то защищал учебники по древней истории, а теперь доказывал, что они никуда не годятся, Бубнов стал орать, что вы за люди, кому из вас верить, в прошлом году вы говорили одно, теперь говорите другое, кому из вас верить. Этот крик о том, что кому должно верить у наркома звучал прямо трагически. Человек действительно берет на веру, так как сам не имеет достаточных знаний. Политически трагична, конечно, фигура выступавшего, который в прошлом году заклинал одни вопросы, теперь, повернувшись на 90% проповедует другое.

Кто будет писать учебники, должна решить комиссия из Бубнова, Стецкого и Жданова. Все эти решения чисто случайны, так как все эти разговоры об учебниках в Наркомпросе и в ЦК показывают - руководящие органы наших кадров не знают, они не представляют себе, что стоит тот или другой товарищ в смысле науки, какой у него багаж знаний, на чем эти знания проверяются, - они видят лишь случайных людей, которые, так или иначе, поднимаются до стен Наркомпроса. И недаром Бубнов на последнем заседании нам закричал, что теперь он заставил составить себе список всех историков от 20 лет до самых старших для того, чтобы из них выбрать то, что ему нужно. Между прочим, на заседании у Бубнова выступал крайне нахально Фридлянд, который старался доказать, что все присутствующие историки чистейшая шпана и что только он один, Фридлянд, знает то, что нужно и давно уже это предуказывал. В общем, получаются невероятнейшие качели, развивающие огромный ажиотаж и нездоровую атмосферу, показывающую, что нарком не может справиться с той задачей, которая перед ним стоит, а товарищи историки не столько интересуются тем, чтобы действительно по партийному выполнить стоящие задачи, сколько стремятся прежде всего захватить дело в свои руки, объявить его собственной монополией и на этом постричь купоны.

Учебников, по-видимому, будет два по русской истории - один для семилетки и один для десятилетки. Эти два учебника должны быть написаны двумя лицами. Возможно, что прежде бригады сольют в одно единое целое, но весьма вероятно, что просто все участники прежних бригад будут разжалованы, учебник достанется тем, чьи фамилии более примелькались в глазах решающих вопросы о том, кто должен писать учебники. При таких условиях, ясно, что писате-

лями будут недостаточно компетентные в тех вопросах, которые они будут освещать. Вслед за поручением должна идти мобилизация белых рабов в виде ли предложения тоже примкнуть к делу или просто в порядке мобилизации подготовки материала для вновь испеченных лидеров...

Во всяком случае, на этих качелях я, по-видимому, высоко не взлечу, так как кроме решения руководящих органов еще имеется чрезвычайно сложно переплетающаяся историческая общественность, в которой каждый человек представляет собой свою фракцию и свои стремления. В такой ожесточенной и перекрещивающейся борьбе очень трудно удержаться, гораздо труднее, чем написать учебник, связанный с вопросом обо всей системе исторического образования. Характер учебника средней школы не будет определять сумму университетского преподавания, а наоборот, нужно ставить вопрос, таким образом, чтобы университетский курс, его размах, характер определили и характер школьного учебника.

Аббривиатуры и сокращения

Агитпром, Агитпроп	Отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)
АКВ	Академия коммунистического воспитания им. Н.К. Крупской
АМО	1-й Московский автомобильный завод
АХХР	Ассоциация художников революционной России
ВАРНИТСО	Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству в СССР
ВКП(б)	Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВОКС	Всесоюзное общество культурных связей с заграницей
ВРК	военно-революционный комитет
ВСНХ	Всесоюзный Совет народного хозяйства
ВЦИК	Всесоюзный Центральный исполнительный комитет
ВЦСПС	Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов
ГОЭЛРО	Государственный план электрофикации России
ГПУ	Государственное политическое управление
ГУС	Главный Ученый Совет Народного комиссариата просвещения
ИКП	Институт красной профессуры
ИМЭЛ	Институт Маркса-Энгельса—Ленина
ИТЛ	Исправительно-трудовой лагерь
Комуч	Комитет членов Учредительного собрания

ЛАП	Латвийская ассоциация пролетарских писателей
МГК	Московский городской комитет ВКП(б)
МГСПС	Театр Московского городского Совета профсоюзов
МИФЛИ	Московский институт истории, философии и литературы им. Н.Г. Чернышевского
МОИДР	Московское общество истории и древностей российских
МТС	машино-тракторные станции
Наркомвнешторг	Народный комиссариат внешней торговли
Наркомпрод	Народный комиссариат продовольствия
НКВД	Народный комиссариат внутренних дел
Наркомпрос	Народный комиссариат просвещения
Наркомфин	Народный комиссариат финансов
НЭП	новая экономическая политика
ОЛРС	Общество любителей российской словесности
ОХР	Объединение художников-реалистов
Рабпрос	Профсоюз работников просвещения
РАНИОН	Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РАПП	Российская ассоциация пролетарских поэтов
РВС	Революционный военный совет
РОВС	Русский общевоинский союз. Создан генералом П.Н. Врангелем в 1924 г. из чинов белых армий за рубежом
РОСТА	Российское телеграфное агентство
РСДРП	Российская социал-демократическая рабочая партия

СВУ	Университет им. Я.М. Свердлова
сексот	секретный сотрудник
СНК	Совет Народных Комиссаров
ТАСС	Телеграфное агентство Советского Союза
уком	уездный комитет
ФЗУ	фабрично-заводское училище
ЦЕКУБУ	Центральная комиссия по улучшению быта ученых при СНК СССР
ЦК	Центральная Комитет ВКП(б)
ЦКК	Центральная контрольная комиссия
ЦСУ	Центральное статистическое управление
цчо	Центральная черноземная область
шкраб	школьный работник

СОДЕРЖАНИЕ